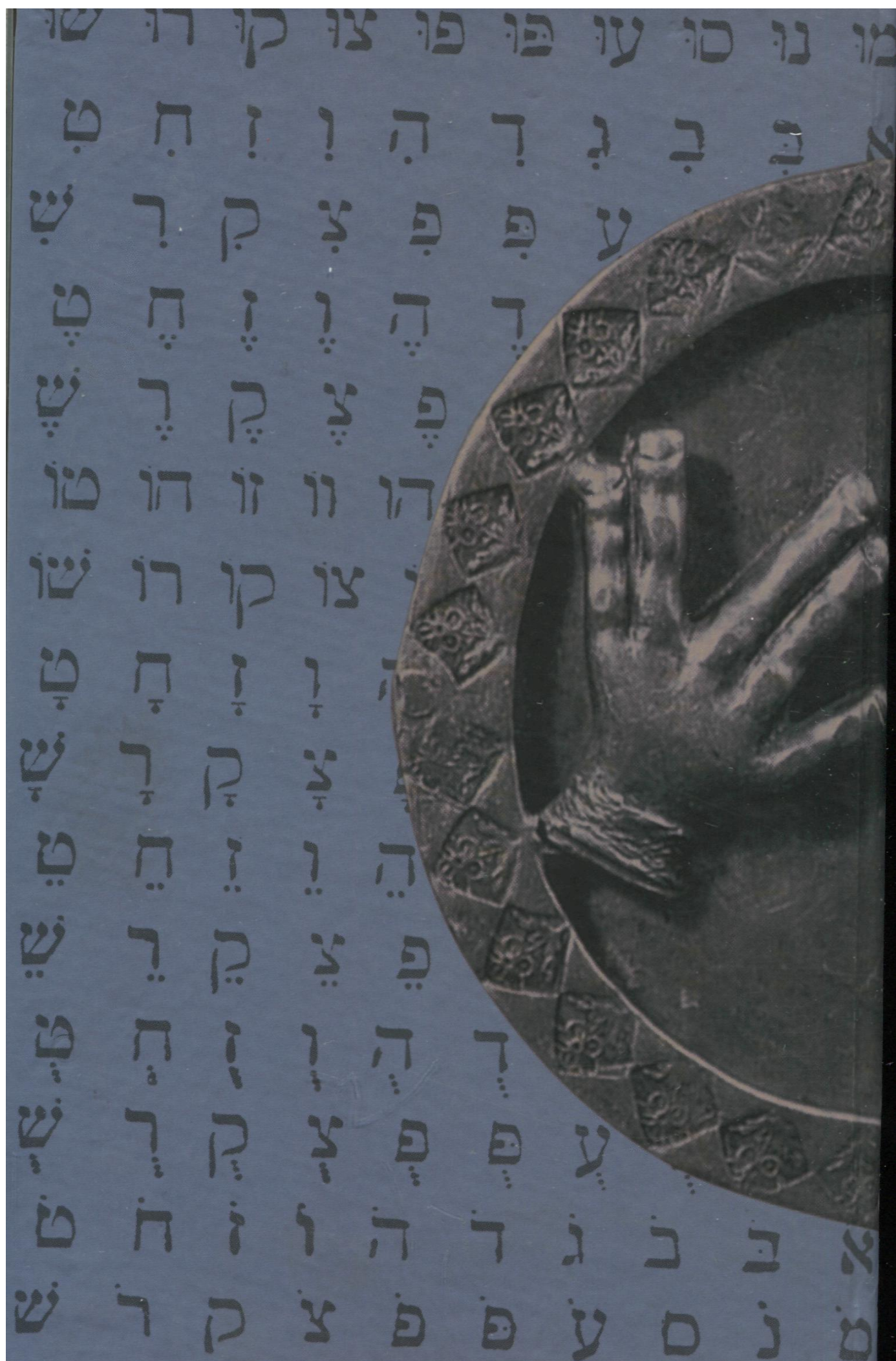

The background of the book cover is a dark blue-grey color. On the left side, there is a large, circular, textured object that resembles a stone tablet or a large coin, with intricate carvings or engravings. In the bottom right corner, there is a detailed line drawing in a dark blue-grey tone, depicting a group of people in historical or biblical attire. One person in the foreground is carrying a large bundle on their back, and others are visible behind them, some appearing to be in a journey or a conflict. The overall style is that of a historical or religious study.

Александр
Тюменев

ЕВРЕИ

в древности
и в Средние
века

А. И. Тюменев

ЕВРЕИ

*в древности
и в Средние века*

КРАФТ+
Москва
2003

ББК 63.3, 66.1

Т 98

Печатается по изданию:

А. Тюменев. Евреи в древности и в Средние века. Пб., 1922.

Т 98 Тюменев А.И.

Евреи в древности и в Средние века. – М: Издательство «Крафт+», 2003. – 400 с.

ISBN 5-93675-058-8

В книгу вошли очерки по истории евреев в древности и средневековье, в которых кроме общеисторической канвы исследуются условия жизни, занятия евреев, прослеживаются пути становления еврейского народа как горожанина и раскрывается его характер.

ISBN 5-93675-055-8

ББК 63.3, 66.1

9 785936 750557

© Издательство «Крафт+», 2003

Предисловие

Настоящие очерки должны были войти в предполагавшуюся к изданию серию монографий разных авторов по истории евреев в отдельных странах. Издание серии не состоялось, и очерки выходят теперь отдельной книгой. Первый очерк «Основные моменты...» должен был служить общим введением ко всей серии, очерк «Евреи в средние века», разделенный в настоящем издании на два очерка — «Евреи в римскую эпоху» и «Евреи в средние века», — таким же введением к истории евреев в новых европейских странах и государствах. В виду однородного характера содержания обоих очерков и непосредственного соприкосновения их хронологических границ (первый очерк оканчивается, второй же начинается эллинистической эпохой) автор счел возможным соединить их вместе под общим, стоящим в заголовке книги, названием. Третий очерк «Иудея и Эллада в их взаимных отношениях» выясняет причины перелома, наступившего в отношениях евреев к внешнему миру с началом эллинистической эпохи и резко разграничивающего собою время жизни евреев на родине и в диаспоре. Вот почему, несмотря на его более специальный характер, автор счел нелишним присоединить и этот очерк к двум другим в качестве связующего звена между ними.

Апрель 1920 года

I

Основные моменты истории экономического и общественного развития израильского народа в доэллинистическую эпоху

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Переходный период от скотоводческого хозяйства к земледелию (время судей). Господство земледельческой культуры в эпоху царств

Крепкая привязанность к скотоводству и пастушеской жизни, очевидно, есть наследие от этого начального периода жизни народа. Язык Ветхого Завета богат выражениями и образами, которые свой корень имеют в жизни пастухов и номадов.

Р. Буль

Переселение израильского народа через Иордан и занятие им лежащей к западу от последнего и известной в древности под названием Ханаана плодородной местности относится обыкновенно ко второй половине тринадцатого столетия до нашей эры (1250–1200 гг.). Однако было бы глубоким заблуждением представлять себе это переселение в виде единовременного акта завоевания. Как и переселение всякого иного народа, сопровождающееся постепенным оседанием его в данной местности, как переселение, например, арийцев в Индию или утверждение германцев в пределах Римской империи, требует для своего завершения периода времени, охватывающего часто не одно столетие, точно так же и занятие области Ханаана израильским народом должно представлять себе совершавшимся относительно медленно и постепенно и притом не только путем непосредственного насильственного завоевания. Переселению в Ханаан предшествовал продолжительный период кочевой пастушеской жизни на левом восточном берегу Иордана¹, причем переправа на правый берег этой реки первоначально совершалась лишь отдельными группами и затем уже только частью под влиянием растущей земельной тесноты, частью под давлением со стороны новых толп кочевников — целыми племенами и более значительными массами — коленами, как называет их историческое повествование. Еще около 1400 года, времени так называемой тэлль-амарнской переписки, т.е., по крайней мере, за полтора столетия до начала массового передвижения в область Ханаана израильских племен-колен, мы встречаем отдельные группы евреев, появляющихся здесь под именем хабири в качестве наемников на службе у мелких сирийских князьков Палестины, постоянно враждовавших и ведущих почти непрерывные вой-

---

¹ Stade. Geschichte des Volkes Israel. Band I. S. 133–134.

ны между собой². Равным образом и после начавшегося движения израильтян более значительными племенами и группами, борьба их с туземным населением за обладание западным берегом Иордана³, равно как и более мирный процесс постепенного расселения их между туземцами и смешения с этими последними отняли еще немало времени, прежде чем израильским коленам, переправившимся на правый берег Иордана, удалось окончательно утвердиться и прочно осесть в завоеванной стране⁴.

Еще долгое время спустя после того, как утвердившиеся в области западного берега Иордана колена Израиля окончательно перешли к оседлости и мирному земледельческому образу жизни, колена, оставшиеся на правом берегу Иордана, соответственно характеру местности, продолжали вести по-прежнему пастушеский кочевой образ жизни. Однако и в жизни переселившихся на западный берег Иордана израильских племен воспоминания пастушеского периода их истории изгладились далеко не сразу, причем отдельные пережитки сохранились от этого периода вплоть до позднейшего времени. Следы кочевого пастушеского быта остались при этом не только в языке позднейших ветхозаветных литературных произведений, не только в часто встречающихся в них литературных образах и оборотах, не только в тех или иных отдельных народных обычаях⁵, но и в общественном устройстве и прежде всего в сохранившемся делении Израиля на колена и племена и в той роли, какую до последнего времени самостоятельного исторического существования израильского и иудейского царств удержали за собою старейшины этих колен⁶.

---

² См.: И. Соловейчик. Палестина в XV веке до нашей эры при свете новейших открытий. — Журнал Министерства Народного Просвещения. 1896, март; ср.: *Benzinger. Geschichte Israels bis auf die griechische Zeit. Leipzig, 1914. S. 9–10.*

³ *Stade* (s. 135 f) отрицает не только единовременность факта завоевания, но и единство личности вождя, считая Иисуса Навина мифической собирательной личностью, ср.: *Wellhausen. Israelitische und Jüdische Geschichte* (5 Auflage). Berlin, 1904. S. 36–47, который не идет, впрочем, так далеко в отрицании традиции, как *Stade*.

⁴ *Wellhausen. S. 47–52.*

⁵ *Булъ. Социальные отношения израильтян* (нем. изд. 1899). Пер. Глаголева. СПб., 1912. С. 7–10; *Stade. Band. I. S. 363–364* и специальное исследование *Budde: Das nomadische Ideal im Alten Testament. — Preussische Jahrbücher. Band LXXXV, 1896.*

⁶ Относительно племенного быта израильтян в кочевой период их истории см.: *Wellhausen. S. 21 f.*

Вся эпоха, охватывающая собою время окончательного утверждения израильтян в области Ханаана до воцарения Саула и Давида, т.е. приблизительно до 1000 года, представляет собою определенную картину племенного быта⁷. Сами «судьи» по своему значению и по той роли, какую они играли в это время в жизни израильских племен, — это прежде всего именно «племенные вожди», местные князья — предводители колен, которые собирают воинство колена и выступают во главе его против врагов⁸. Хотя древние тотемные божества — покровители отдельных племен — к этому времени уже окончательно исчезли, уступив свое место Ягве, по-видимому, еще в предшествовавшую эпоху⁹, однако воспоминания о них удержались в именах отдельных племен¹⁰, причем религиозные верования израильтян в это время отличались вообще еще первобытной простотой и примитивностью¹¹. Характер национального божества Ягве и в эпоху судей, по сравнению с предшествовавшим коче-

---

⁷ Сохранению разъединенности израильского народа на отдельные племена способствовал отчасти и гористый характер местности, разделявший их и препятствовавший установлению тесных связей между коленами и слиянию их в единое политическое целое. Ср.: *Benzinger*. Hebräische Archäologie, 1900. Относительно роли старейшин см.: *Leesemann*. Die Aeltesten im Alten Testament, 1895.

⁸ *Kittel*. Geschichte des Volkes Israel. Band II (1909). Русский перевод в издании «Мир»: История Еврейского народа. Т. I (1914).

⁹ *Wellhausen*. Israelitische und Jüdische Geschichte (5 Auflage). S. 109. *Schneider* (Die Entwicklung der Jahvereligion und der Mosessagen in Israel und Juda) относит время вытеснения культа старых племенных богов культом Ягве даже к еще более позднему периоду, именно к царской эпохе.

¹⁰ *Stade*. Band I. S. 407 f.; ср.: *Wellhausen*. S. 123, 108, Anm.

¹¹ Ср. *Darmstätter*. Les prophètes d'Israel. 1895. P. 17–19: «Древняя эпоха нашей исторической жизни — это эпоха “терафим”, которых набожно увозит с собою Рахиль из дома отца... это эпоха, когда отдельные колена, одержимые завосвательным пылом, вступают в борьбу, стремясь овладеть влиятельными идолами. В эту эпоху ангелы прогуливаются по городам и деревням, Ягве обедает с Авраамом запросто, как Юпитер, сошедший к Филемону... В эту эпоху, как во времена Гомера, еще нет границы между двумя мирами, и род элогимов (богов) сочтается с дочерьми человеческими. Это время поклонения изображениям и бессознательной веры. Книга Судей дает нам удивительную по своей простоте картину этого периода анархии, как религиозной, так и политической, когда не было установленной власти ни на земле, ни на небе, когда не было общепризнанных правил ни для внешней, ни для внутренней жизни человека.

вым периодом, изменился мало: он все еще оставался тем же жестоким и мстительным богом войны по преимуществу, который предводил израильтянами во время их странствования в пустыне, так как и сам израильский народ после своего перехода через Иордан, когда ему приходилось вести почти непрерывную войну, с одной стороны, с туземными племенами и иноподцами за места поселения, с другой – с наседавшими со всех сторон кочевниками, всецело сохранил воинственные нравы и характер, унаследованный от предшествовавшей эпохи. На собрании в Массифе, в котором приняли участие все колена израильского народа, за исключением вениаминова, все «собрание народа божьего», сошлось «четыреста тысяч пеших, обнажающих меч»¹², т.е., по-видимому, все взрослое население мужского пола. Социальное равенство, каким отличается обычно быт кочевников-номадов, в значительной мере сохранилось еще и в эпоху судей: для каждого мужественного человека было возможно путем воинских подвигов приобрести себе положение вождя¹³.

Установление царской власти, по крайней мере, при первых царях, Сауле и Давиде, внесло с собою еще относительно мало изменений в общественные отношения. Царская власть, как известно, обязанная своим возникновением прежде всего трудным военным обстоятельствам, соответственно и должна была отличаться военным характером по преимуществу. С другой стороны, и в области социальных отношений не произошло сразу никакой заметной перемены. Во время Саула, по крайней мере, «царь был, главным образом, только освободителем народа в пору бедствий, между тем в частной жизни он стоял немного выше, чем обыкновенный состоятельный израильтянин»¹⁴. Только при Давиде образуется впервые царский двор, и только при Соломоне царская власть достигает своего полного развития и приобретает тот деспотический характер, какой обычно отличает ее на Востоке.

Развитие сильной земельной аристократии и установление, с одной стороны, феодальных, с другой – крепостнических отношений принадлежит уже, в сущности, следующей эпохе, эпохе раздельного существования двух царств. Однако и в эту последнюю эпоху древнее племенное устройство и деление израильского народа на колена продолжало еще играть замет-

---

¹² Книга Судей, 20, 2.

¹³ Буль. С. 12.

¹⁴ Буль. С. 12, след.

ную роль в общественно-политической жизни страны, хотя и утратило свое прежнее исключительное значение и в значительной мере ослаблено было новым административным делением страны, основанным не на племенном, а на чисто территориальном начале¹⁵.

Таким образом, если переправа израильтян на правый западный берег Иордана и занятие ими расположенной на этом берегу плодородной местности и повлекли за собою переход их к земледельческому и оседлому образу жизни, то факт сохранения в условиях жизни израильского народа до самого конца эпохи судей целого ряда черт номадного кочевого быта показывает, что этот переход, равно как и сопровождавший его процесс перестройки общественно-политических отношений, совершался лишь с крайней медленностью и постепенностью. Окончательно исключительное преобладание земледелия в экономической жизни страны устанавливается, по-видимому, лишь к началу периода. Соответственные перемены происходят к этому времени и в области религии: культ Ягве частью превращается из культа национального божества, бога войны по преимуществу, в культ божества земного плодородия и покровителя земледелия, частью же вытесняется культом местных богов плодородия, местных ваалов. Изменение религиозного культа, впрочем, относится уже, в сущности, не ко времени первых царей, а к следующей эпохе раздельного существования царств израильского и иудейского¹⁶. Наконец, что касается перемен в области общественных отношений, то являющийся неизбежным последствием перехода к земледельческому хозяйству процесс зарождения крупного землевладения и закабаления масс в жизни обоих царств относится к еще более поздней эпохе, именно, ко времени пророков, к восьмому и седьмому столетиям (подробнее этого процесса мы коснемся ниже в связи с общей характеристикой экономического состояния страны в пророческую эпоху).

Если время, предшествовавшее переселению израильских племен через Иордан, может быть охарактеризовано прежде

---

¹⁵ См.: *Stade*. S. 395 f.; *Булль*. С. 30 и след.: «Разделение это израильтяне вынесли из пастушеской жизни и не оставляли его никогда впоследствии». Свод данных относительно участия племенных старейшин и политической жизни страны см. у *Kummel* (рус. изд. «Мир». С. 3 и след.), также *Leesemann*. *Die Aeltesten im Alten Testament*.

¹⁶ *Wellhausen*. S. 108–109; *Benzinger*. S. 83–89.

всего как время пастушеской помадной жизни, если так называемая эпоха судей представляет собою переходную эпоху в экономической жизни страны, то в период царств израильский народ предстает перед нами уже по преимуществу в качестве народа-земледельца. Общее впечатление, производимое внешним видом страны, свидетельствовало о том значении, какое успело приобрести земледельческое хозяйство в жизни израильского народа: повсюду по склонам гор тянутся засеянные поля и рядом с ними посевы чечевицы и льна. Каждое населенное местечко окружено поясом зеленеющих и цветущих, благодаря заботливому уходу, плодовых садов, оливковых, фиговых и гранатовых рощ и виноградников. В местах, где более обширные долины или возвышенное заиорданское плоскогорье представляют большие удобства для пастьбы рогатого скота, или же где характер местности, из гористой превращающейся в степную, делает возможным овцеводное хозяйство, картина пасущихся стад свидетельствовала о сохранившейся еще склопности народа к его первоначальному роду занятий и призванию. Города, в том числе и более значительные, хотя и украшенные общественными и государственными постройками, мало отличаются еще по своему характеру и общему виду от сельских местечек; так же, как и в этих последних, главное ядро их населения составляют прежде всего земельные собственники¹⁷.

Земледелие составляет не только основу существования, но и как бы обязанность населения страны. Оно «учреждено от высшего»¹⁸ и потому является единственно достойным избранного народа божия занятием. К людям, занимающимся торговлей или ремесленной промышленностью, напротив, относятся с презрением. Права гражданства обуславливаются прежде всего земельной собственностью¹⁹.

Благосостояние народа в годы благополучия рисуется прежде всего в виде картины мирной идиллической сельской жизни. Одинаково как в царствование Соломона, так и в правление первых Маккавеев, т.е. в последние столетия самостоятельной политической жизни израильского народа, в эпоху, непосредственно предшествовавшую окончательному подчинению его Риму, жизнь подавляющего большинства населения остается

---

¹⁷ P. Kleinert. Die Propheten Israels in socialer Beziehung. Leipzig, 1905. S. 2.

¹⁸ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова 1; 15.

¹⁹ Буль. С. 36 и след.

той же жизнью мирных земледельцев, пользующихся трудами рук своих. «И жили Иуда и Израиль, — читаем мы в третьей книге Царств о времени Соломона, — спокойно каждый под виноградником своим и под смоковницей своей, от Дана до Вирсавии во все дни Соломона»²⁰. В правление Симона Маккавея картина мирного существования иудейского народа представляется еще более яркой и определенной и выступает перед нами в виде настоящей сельской идиллии: «Иудеи спокойно возделывали землю свою, и земля давала произведения свои, и деревья в полях — плод свой... Он (Симон Маккавей) восстановил мир в стране, и радовался Израиль великою радостью. И сидел каждый под виноградом своим и под смоковницей своею, и никто не страшил их»²¹.

Величайшей и притом наиболее обычной и частой угрозой в отношении народа израильского в устах пророков является угроза бездождем и другими бедствиями, могущими постигнуть хозяйство земледельца²². И, напротив, обещания грядущего благополучия сводятся исключительно к случаям обещания благословенного дождя, исключительного плодородия почвы и обилия плодов земных²³.

Преобладающее значение земледелия в жизни народа отразилось и на общественных условиях, отличавшихся прежде всего

---

²⁰ 3 Царств 4, 25; ср. Михей 4, 4, у которого сидение под виноградником и смоковницей точно так же изображается как идеал частной жизни.

²¹ I Маккавеев 14, 8–12. И во Второзаконии, составление которого относится к концу седьмого столетия, т.е. приходится приблизительно на середину периода времени, протекшего со времени Соломона до первых Маккавеев, земля ханаанская изображается прежде всего как земледельческая страна, а жизнь поселившихся в ней израильтян чертами жизни земледельческого народа: 8, 7–10; 11, 10–17; 44, 23; 26, 10 и след.; ср. также: 28, 4–5, 12; 30, 33.

²² Михей 4, 6–9; 5, 15–17; Осия 2, 9. 12. 22; 8, 7; Исаия 7, 22–25; Иеремия 4, 12; 14, 1 и след.; Иезекииль 4, 16–17; Аггей 1, 10 и след.; 2, 17 и след.; Иоиль 1, 9–12; 17–18. Интересно сопоставить с этими угрозами народу израильскому различными чисто земледельческими бедствиями угрозы тех же пророков в отношении первенствующего торгового города Востока Тира, звучащими совершенно иначе: ему они угрожают полным разорением и уничтожением его богатств и вынужденным бегством в Тартесс (Исаия 23, 6), падением торгового могущества (Исаия 27, 34, 36; Захария 9, 3–4).

²³ Михей 4, 4; Исаия 30, 23–24; 62, 8–9; Захария 3, 10; 8, 11–12; 9, 17; Иоиль 2, 23–26.

чертами, свойственными земледельческому быту. В основе общественной организации вплоть до позднейшего времени лежит семья, именно, патриархальная земледельческая семья с безусловной и непререкаемою властью отца в доме²⁴, властью, простирающеюся до права продажи детей в рабство. Всякое неповиновение родителям и неуважение в отношении их влечет за собою наказание смертной казнью²⁵. До позднего времени сохранился, по-видимому, и культ предков или, по крайней мере, его следы²⁶. Еще во времена Давида существовал обычай родовых жертвоприношений²⁷. Вступление в брак во все времена одинаково рассматривалось прежде всего как обязанность в отношении предков; отсутствие детей и вымирание семьи — как величайшее несчастье и наказание божие. Следы древнего семейного быта мы, наконец, находим как в условиях распоряжения землей²⁸, так и в сохранившихся пережитках такого древнего института, как обычай родовой мести²⁹.

Наконец, мы уже говорили о перемене, происшедшей и в области религии, перемене, заключающейся прежде всего в превращении Ягве из бога войны в божество земного плодородия, причем, поскольку он не отступает перед местными чисто земледельческими божествами Ханаана — ваалами, он сам усваивает свойственные этим последним характерные черты, а также и места почитания³⁰. Как и праздники ханаанского населения, празднества израильского народа в продолжение всей эпохи

---

²⁴ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова 3, 12 и след.; 4, 17, 34; 10, 24, 34; 21 и след. *Stade. Band I. S. 377–395*; *Булль. С. 23–30*; *Фентон. Древнейшая жизнь евреев* (пер. с англ.). М., 1884. С. 20 и след.

²⁵ Второзаконие 21, 18–21; ср. Исход 21, 15, 17.

²⁶ *Wellhausen. S. 105–108*; *Stade. Band I. S. 393*.

²⁷ 1 Царств 20, 6; сравните также факт тесной привязанности к отцовской земле, где находились семейные границы, которые являлись, следовательно, местом вечного упокоения предков (2 Царств 19, 38; 3 Царств 21, 3).

²⁸ Прежде всего здесь следует отметить право исключительного выкупа родной земли, затем шла обязательная женитьба на вдове, оставшейся бездетной после первого брака, ближайшего родственника умершего для продолжения рода, причем родовая земля переходит по наследству к первенцу, родившемуся от этого брака (Второзаконие 25, 5–6; ср. Руфь 4, 5.10), преимущественным правом на наследство вообще пользовался первородный сын (Второзаконие 21, 16–17; ср. *Фентон*, главы 4 и 5).

²⁹ Второзаконие 19, 12.

³⁰ *Benzinger. S. 85–88*.

царств сохраняют чисто земледельческий характер и связаны с важнейшими событиями в жизни земледельца³¹.

На протяжении всего периода исторического существования израильского народа, со времени первых царей и кончая временем падения иудейского царства, земледельческое хозяйство являлось, таким образом, как видим из всего вышеизложенного, наиболее распространенным, если не исключительным, типом частного хозяйства. Но всякое земледельческое хозяйство, поскольку оно не успело еще подвергнуться извне разлагающему действию денежно-хозяйственных отношений, имеет, как уже сказано, склонность замыкаться в себе, представляя картину типичного самодовлеющего натурального хозяйства. И действительно, обращаясь к данным, касающимся условий жизни каждой отдельной израильской семьи, мы встречаем именно такую картину замкнутости и обособленности. Мы уже видели, что идеал частной жизни составляло прежде всего существование трудом рук своих и мирное наслаждение жизнью под сенью собственных виноградников и смоковниц. Поскольку в Ветхом Завете сохранились отдельные черты частного быта, они рисуют нам этот быт прежде всего именно в виде натурального замкнутого хозяйства. «Женщины прядут и ткут, мелют муку и пекут хлеб. Мужчины умеют выделывать кожи животных закаляемых, что особенно было важно для изготовления мехов, рубить дерево и давать ему грубую отделку, строить простой дом и т.д. Только немногие ремесла требовали особых приборов и большого навыка, так что совершались специальными ремесленниками. Таково ремесло горшечни-

---

³¹ «Временем созревания хлебов в Палестине является начало весны, временем жатвы — конец ее; наконец, осенью производится сбор виноградов и окончательная уборка смолоченного хлеба. К этим моментам и приурочиваются три важнейшие праздника израильтян, причем, в связи с обоснованием праздников приношением первинок, сроки их определяются лишь приблизительно скорее временем года, чем определенным днем месяца. Пасха празднуется весною, когда пивы колосятся, точнее, когда серп появляется в ячменном поле, пятидесятница бывает на семь недель позже, когда вместе с жатвой пшеницы кончается снятие хлебов с полей; куши — когда кончаются молотьба и уборка». — *Велльгаузен*. Введение в историю Израиля. Пер. Никольского. СПб., 1909. С. 79; см. также *Wellhausen*. *Israelitische und Jüdische Geschichte*. S. 108. Ср.: *Benzinger*. S. 88–89; *Дубнов*. *Всеобщая история евреев*. Т. I (изд. 2-е). СПб., 1910. С. 122; *Никольский*. *Древний Израиль*. М., 1911. С. 126–128.

ка. В высшей степени вероятно, что сначала ремеслами занимались не-израильтяне, особенно хапанеяне»³². Этой картине домашней жизни, обрисованной на основании отдельных черт, почерпнутых из различных мест Ветхого Завета, вполне отвечает образ идеальной хозяйки дома, каким он выступает перед нами в одном из позднейших памятников ветхозаветной литературы, в так называемых «Притчах Соломоновых». Хозяйка дома не только руководит хозяйством и ведет его, но и сама непосредственно принимает ближайшее личное участие в заготовлении всего необходимого. «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка. Она воздаст ему добром, а не злом во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен и с охотою работает руками своими. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Задумает она о поле и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник. Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено. Длань свою она открывает бедному и руку свою подает нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды. Она делает себе ковры: виссон и пурпур – одежда ее. Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли. Она делает покрывала и продает, и поясы доставляет купцам финикийским. Крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она на будущее. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети и ублажают ее – муж и хвалит ее»³³. Если в приведенном отрывке и говорится, между прочим, о продаже частных домашних изделий финикийским купцам, то здесь, очевидно, идет речь лишь о продаже излишков домашнего хозяйства, несколько не изменяющего, благодаря этому, как видно из всего остального контекста, своего характера, остающегося по преимуществу натуральным и удовлетворяющего собственными средствами всем необходимым потребностям. Не лишним будет при этом отметить, что в дан-

---

³² Буль. С. 57; ср. Исход 14, 5; Судей 16, 13; I Царств 2, 19; 8, 13; Иеремия 25, 10; Исаия 47, 2

³³ Притчи Соломоновы 31, 10–28.

ном случае имеется в виду хозяйство не рядового крестьянина-бедняка, но человека состоятельного и принадлежащего к высшим общественным кругам, сидящего у городских ворот со старейшинами земли.

Земледелие в эпоху царств получило, таким образом, преобладающее и даже, в сущности, почти исключительное значение в экономической жизни страны и в продолжение всего времени самостоятельного существования еврейского народа составляло основу как народного благосостояния вообще, так равным образом и каждой индивидуальной семьи в частности. В это время, однако, много признаков свидетельствовало об его относительно еще очень недавнем распространении. Скотоводство все еще играет очень заметную роль в преобладающем числе частных хозяйств; как в частной, так и в общественной жизни сохраняется ряд пережитков, уцелевших от номадной кочевой эпохи; даже в позднейших законодательных памятниках, как во Второзаконии, встречаются еще, как мы видели, следы таких архаических учреждений, как институт родовой мести или родовой собственности на землю. Предания о странствованиях в пустыне, равно как и предания о первых патриархах, ведущих чисто пастушескую жизнь, еще свежи в памяти народа.

Наконец, о том, что земледелие получило преобладающее значение окончательно только в описываемую эпоху или, в крайнем случае, в эпоху, непосредственно ей предшествовавшую, свидетельствует далеко еще не завершившийся к этому времени процесс перестройки общественных отношений, заключающийся в росте крупного землевладения и в развитии имущественного и социального неравенства и имевший конечным своим последствием закабаление и закрепощение народных масс. Еще в период судей и даже во время первых царей в известной мере соблюдалась равноправность всех членов племени и народа между собою. Самые острые моменты процесса развития социального неравенства приходятся на восьмой век, т.е. как раз наиболее цветущую пору так называемой эпохи царств. Ввиду того, однако, что нередко процесс зарождения земельной аристократии рассматривается как процесс роста частных богатств вообще и, как таковой, связывается с имевшим будто бы место в эту же эпоху расцветом внешней и внутренней торговли, нам придется рассматривать его также не здесь, но в связи с условиями торгового развития страны и с имеющимися данными относительно ее участия в международном торговом общении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Условия торгового развития. Вопрос о торговых сношениях в царствование Соломона

Мы не населяем страны прибрежной и не питаем склонности ни к торговле, ни к вызываемому ею общению с другими народами. Наши города отстоят далеко от моря, и так как мы наделены хорошей землей, то ее возделываем.

Иосиф Флавий

Развитие внешних торговых сношений народа может совершаться двумя путями: либо опираясь на собственную промышленность, что предполагает относительно высокую ступень экономического развития, либо на основе торгового посредничества между соседними народами в случае благоприятствующего этому географического положения страны. Ни в том, ни в другом отношении израильский народ не находился в благоприятных условиях. Исключительное преобладающее значение земледелия и натурально-хозяйственных отношений в экономической жизни страны при одновременно слабом развитии собственной ремесленной промышленности исключало для израильского народа возможность первого пути. С другой стороны, и географические условия местности точно так же осуждали его на экономическую замкнутость и обособленность. Хотя и указывают обычно, как на благоприятное условие для развития торговли израильского народа, на положение Палестины между двумя крупнейшими культурными государствами древнего Востока, Египтом и областью Месопотамии, а также в ближайшем соседстве ее с богатой различными естественными произведениями Аравией, следовательно, на важнейших путях международной торговли того времени¹, однако, как бы ни оценивать значение этих торговых путей, во всяком случае, именно местность, занятая евреями к западу от Иордана, равно как и вся та территория, на которую распространялась власть их царей даже в пору наибольшего ее распространения, находилась вне этих путей и вне сферы их влияния.

Главным узлом сухопутных торговых путей к югу от Палестины являлся город Села, позднейшая Петра (в 70 км от Мерт-

---

¹ *Каутский*. Античный мир, иудейство и христианство. Пер. Н. Рязанова. СПб., 1909. С. 178 и след.

вого моря). Сюда привозились прежде всего продукты из счастливой Аравии, так же как из Эфиопии и прилегающих к этой последней местностей. Другой караванный путь доставлял в Петру продукты и изделия из Вавилонии и Индии, следуя от Герры на берегу Персидского залива через Аравию. Сверх этих двух путей, из Петры же торговые пути расходились еще в трех направлениях: одна дорога вела к Египту с ответвлением к Гереопольскому и Эланскому заливам Красного моря, вторая — в Газу с очень важным продолжением на север, наконец, третья — по восточным берегам Мертвого моря и Иордана².

Таким же важнейшим узловым пунктом на севере, как Петра-Села на юге, являлся город Дамаск. Здесь сходились торговые пути, ведущие с юга и с запада: с юга — путь восточно-иорданский, с запада — упомянутый уже путь из Газы и путь из другого значительного приморского города Акко, после своего соединения проходившие по долине Изрееля и пересекавшие Иордан к югу от Геннисаретского озера. Отсюда же из Дамаска начиналась и главная торговая дорога по направлению к Евфрату и к области Месопотамии³.

Сухопутные торговые пути, соединявшие важнейшие узловые торговые пункты к югу и северу от Палестины, Петру и Дамаск, проходили частью восточнее, частью западнее долины Иордана и прилегающей к ней занятой евреями местности, пересекая Иордан лишь вблизи северной границы израильского царства. Оба царства, и южное иудейское еще в большей степени, нежели северное, находились, таким образом, совершенно вне сферы влияния проходивших через Палестину и Ханаан торговых путей⁴. Вот почему, хотя ханаанская торговля была развита еще задолго до первого появления здесь евреев, еще в эпоху так называемой тэлль-амарнской переписки и даже ранее⁵, однако все выгоды этой торговли оставались совершенно недоступными для местности, расположенной то течению Иор-

---

² *Herzfeld*. Die Handelsgeschichte der Juden des Alterthums. Braunschweig, 1879. S. 22.

³ *Herzfeld*. S. 22–23; ср. также статью G.A.S. (Smth'a). Trade and Commerce. — *Encyclopedia Biblica*. Ed. II, ed. by Cheyne and Black. Vol. IV. P. 5163–5166.

⁴ *Булъ*. С. 7; ср. *Lehman-Haupt*. Israel. Seine Entwicklung in Rahmen der Weltgeschichte. 1911.

⁵ *Булъ*. С. 60; *Meyer*. Geschichte des alten Aegyptens. 1887. S. 200–210; *Jeremius*. Das Alte Testament im Lichte der alten Orients. 1906. S. 300. Насколько обогащались благодаря посреднической тор-

дана, в особенности к западу от этой реки, и Иерусалим, например, еще и в начале царской эпохи не имел никакого торгового значения и не являлся исходным пунктом сколько-нибудь значительных торговых путей⁶.

То обстоятельство, что важнейшие торговые пути не проходили непосредственно через территорию иудейского и израильского царств, как можно было бы ожидать, судя по расположению ее на прямом пути из Египта и Аравии на север, но миновали местности, заселенные израильским народом, обходя их с восточной или западной стороны, не являлось в свою очередь случайностью, но обуславливалось самым рельефом местности. Вся местность к западу от Иордана представляла вообще крайние неудобства для передвижения, благодаря чему затруднялось даже внутреннее сообщение между отдельными частями страны. Самое главное препятствие для развития здесь торговых сношений заключалось «в существенно гористой природе страны, затруднявшей сношения, так как выючные животные часто должны взбираться и спускаться по опасной горной тропе»⁷. Этих-то трудностей пути и удавалось избегать, следуя либо вдоль береговой полосы, либо вдоль возвышенной равнины на восток от Иордана.

Еще большее значение для развития внешней торговли, нежели прохождение сухопутных торговых путей через страну, имело бы обладание морским побережьем, но и этой выгодой израильский народ не мог воспользоваться для развития своих торговых сношений, так как береговая полоса, по крайней мере, во всех тех местах, где она представляла хотя малейшие благоприятные для развития торговли условия, находилась во владении финикиян и филистимлян. Область Израиля ограничивалась расположенной восточнее гористой местностью. Ни

говле племена номадов, торговавших в пустыне вдоль указанных торговых путей, показывает пример медианитян, у которых «золото было в таком изобильном количестве, что они делали из него украшения не только для себя самих, но и для своих верблюдов» (*Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. 1817. Band I. S. 84*). Интересно отметить в данном примере факт непроизводительного употребления золота кочевниками, факт, свидетельствующий о том, что они являлись не более, как случайными торговыми посредниками.

⁶ *Herzfeld. Die Handelsgeschichte der Juden. S. 23; также Speck. Handelsgeschichte des Alterthums. Band I. Leipzig, 1900. S. 572.*

⁷ *Буль. С. 6.*

одно из племен не достигало морского побережья, за исключением колена Ашера; по всей вероятности, саркастическое замечание песни о Деборе (Книга Судей 5, 17) относительно принадлежащих этому колену гаваней вызвано именно неудобством этих гаваней и негостеприимным характером побережья, вдоль которого были расположены эти города. Во всяком случае, факт тот, что на протяжении почти всей исторической жизни израильского народа полоса иноземной территории отделяла его от моря. В свою очередь, созерцание морской пустыни с берега, обычно открытого действию ветров и совершенно лишенного удобных естественных гаваней, не могло возбуждать большого желания овладеть морской стихией. Первым приморским городом, которым овладели иудеи, была Яффа, но это случилось только в 144 году до Р.Х. Иудейская политика того времени, предшествовавшего вавилонскому плену, и даже более поздняя знает море лишь как синоним Запада и как символ высокомерного восстания против Бога (Исаия, 17, 12 и след. и псалмы) и в отношении к нему исполнена лишь одного желания, желания избежать и спастись от представляемых им опасностей (Амос, 9, 3; Иона). Слово «пристань» тождественно со словом «убежище»; вообще, в еврейском языке не существует специального обозначения для соответствующего представления о морском порте, и позднейшие иудеи должны были позаимствовать подходящее выражение из греческого языка⁸. Мореплавание оставалось, таким образом, совершенно чуждым для израильтян, и не только за все время их самостоятельного исторического существования, но одинаково и во все позднейшие времена вплоть до настоящего времени. Подтверждение этого факта для библейской эпохи мы видим как в беспомощности Соломона, пытавшегося завязать внешние морские сношения и вынужденного для сооружения кораблей и для последующего пользования ими обращаться к со-

---

⁸ G.A.S. Trade and Commerce. — Encyclopedia Byblica. Vol. IV. P. 5169; ср. Буль. С. 5–6: «Что касается благоприятного положения при море, то эта выгода уничтожалась тем, что действительно удобные гавани на этом недоступном морском побережье были в руках финикийян. Самое лучшее доказательство этого представляют усилия, которые употреблял Соломон и некоторые его преемники для приобретения портового города Елафа при Черном море, хотя этот город был отделен затруднительною и опасною дорогою по пустыне». Ср. также Benzinger. S. 75.

действию финикиян⁹, так и в полной неудаче, постигшей аналогичную попытку снарядить морскую экспедицию со стороны одного из его преемников, попытку, закончившуюся гибелью снаряженных им судов почти немедленно вслед за входом их из гавани¹⁰.

Правда, некоторые исследователи полагают, что колена Ашера и впоследствии Завулону не только владели частью морского побережья и в том числе удобною морскою гаванью Акко¹¹, но и сами принимали непосредственное участие в мореплавании и морской торговле¹², однако, как можно думать, все это предположение основано на простом недоразумении. На самом деле, не только факт участия в морском деле указанных племен ровно ничем не подтверждается, но и самый факт обладания морским побережьем, и тем более крупным приморским городом Аккой, фактически, как мы имеем все основания полагать, все время находившимся в руках финикиян, по отношению к колену Завулону является, по-видимому, таким же фиктивным и в лучшем случае номинальным, как и обладание морским побережьем, приписываемое другим коленам израилевым и доставшееся им будто бы при распределении уделов Иисусом Навином¹³. Относительно фиктивности обладания морским побережьем, и в частности Аккой, со стороны колен Завулону и Ашера мы имеем и прямое указание в книге Судей¹⁴: «И Завулону не изгнал жителей Китрона и жителей Наглола, и

---

⁹ 3 Царств 9, 26–27; 2 Паралипоменон 8, 17–18.

¹⁰ 3 Царств 22, 49 и след.; 2 Паралипоменон 20, 35–37.

¹¹ На основании книги Судей 5, 17: «Асир сидит на берегу моря и у пристаней своих живет спокойно». Ср. Бытие 49, 13, 20; Второзаконие 33, 18 и след.

¹² Herzfeld. S. 125; ср. Stade. Band I. S. 171; Guthe, статья *Schiffahrt*'а в Herzog Hauck. Real Encyclopedie für protestantische Theologie und Kirche. Band XVII. Leipzig, 1906. S. 571. В доказательство предполагаемого участия колена завулонова в морской торговле обычно ссылаются на следующее место из Второзакония (33, 18): «Вселись, Завулону, в путих своих и Иссахар в шатрах своих».

¹³ Книга Иисуса Навина 1, 5.10.47; 16.6; 17.9; 18.14; 19, 11.28–29.46. Относительно фиктивности всех перечисленных владений Израиля ср.: Иисус Навин 16, 10; Судей 1, 27 и след. Между прочим, колену Иудину в этом распределении приписывалось обладание имевшими не меньшее значение, нежели Акко, приморскими городами филистимлян Азотом и Газой (15, 47), а колену Дана – Ионнией – Яффой.

¹⁴ 1, 30–31.

жили хананеи среди них и платили им дань. И Асир не изгнал жителей Акко, которые платили ему дань, и жителей Дора, и жителей Сидона и Ахлава, Ахзива, Хелвы, Афека и Рехова». Из этого любопытного места мы видим, что притязания израильтян простирались не только на Акко, но даже и на Сидон, жители которого точно так же, как и жители Акко, были пощажены мнимыми победителями и великодушно оставлены на своих местах¹⁵. Притязание на что-либо далеко еще не означает факта действительного обладания. Еще менее доказательна ссылка на Второзаконие, приводимая в подтверждение участия колена иссахарова в морской торговле («веселися, Завулон, в путях своих и Иссахар в шатрах своих»), так как в цитированном месте говорится о путях вообще, под которыми одинаково и даже с большим правом можно предполагать сухопутные караванные пути, так как именно вдоль границы области Завулона проходила знаменитая долина Изрееля, ставшая одним из важнейших путей от финикийского побережья к Дамаску. В действительности, по-видимому, не только морское побережье, но и долина Изрееля не находилась в фактическом обладании израильтян, но признавала лишь их номинальное господство¹⁶.

Ни сухопутные, ни морские пути, таким образом, никогда не находились в обладании израильского народа, и это обстоятельство точно так же, как и гористый рельеф местности и преобладание земледельческой культуры в жизни страны, осуждало ее на экономическую замкнутость и обособленность и на

---

¹⁵ Ср. Ренан. История израильского народа. Пер. Е. Смирнова. Т. I. С. 164–165, который совершенно резонно замечает по этому поводу: «Завулон и Нефтали владели территорией, названной впоследствии “областью язычников” Галилеей. Но в действительности их владение было лишь совместным обитанием страны с ранее здесь утвердившимися расами... Еще менее реальна была власть Азера над страной, где он поселился. Финикияне всегда оставались истинными хозяевами морского побережья и только лишь терпели азеритов». Ср. этнографическую карту распределения израильских колен, приложение к книге *Stade*'a. S. 304–305.

¹⁶ Книга Судей 1, 27. Особенно странным и совершенно недоказанным представляется широкое распространительное значение, придаваемое *Herzfeld*'ом характеристике иудейской торговли с финикийскими городами, какую мы находим у Иезекииля (27, 17), и отнесение ее одинаково и к эпохе судей, когда далеко еще не завершился процесс перехода израильтян от кочевого образа жизни к оседлости и не было закончено еще и самое завоевание занятой ими впоследствии области.

почти полное отсутствие каких-либо связей и отношений с внешним миром.

Расцвет израильской торговли обычно связывают с именем Соломона, которому приписывают необыкновенную политическую прозорливость и заботы как об общем экономическом подъеме страны, так и о развитии ее внешней торговли в частности. Однако и в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с таким же недоразумением или, во всяком случае, с крайним преувеличением, как и в только что разобранном вопросе относительно участия колен Завулона и Ашера в морском деле и морской торговле. Соломон далеко не был тем мудрым правителем, каким его изображает еврейская историческая традиция и некоторые современные исследователи. Напротив, даже на основании еврейских исторических книг, подвергшихся, как известно, позднейшей переработке в духе иерусалимской теократии¹⁷, и потому имевших специальною целью возвеличение его как строителя иерусалимского храма, его образ встает перед нами прежде всего с чертами типичного восточного деспота, причем в частности его экономическая политика отличалась хищническим характером и, в конце концов, не столько должна была способствовать подъему экономического благосостояния страны и ее внешней торговли, сколько привести к совершенно обратным результатам, именно, к полному истощению всех ее ресурсов. Цель всех его мероприятий составляла, во всяком случае, не забота о благосостоянии государства, но прежде всего укрепление своей власти вне и внутри государства и удовлетворение собственных прихотей. Его страстью, — говорит Велльгаузен, — были постройки, показная роскошь и женщины (черты характера, типичные для самого обычного восточного деспота), и для удовлетворения этих страстей все средства были хороши¹⁸. Так, прежде всего, сношения его с тирским царем Хирамом, которые обычно принято изображать как правильные торговые сношения, вовсе не были таковыми и имели исключительной своей целью получение необходимых строительных материалов, причем, судя по приводящейся в книге Царств¹⁹ переписке между ними, преимущества в этих отношениях были далеко не на стороне Соломона. Извещая Хирама о своих

---

¹⁷ Велльгаузен. Введение в историю Израиля. Пер. Никольского. С. 157.

¹⁸ Wellhausen. Israelitische und Jüdische Geschichte (5 Auflage). S. 70.

¹⁹ Гл. 5 и след.

намерениях соорудить храм Ягве, Соломон обращается к нему с просьбой нарубить для этой постройки ливанских кедров: «И я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь, ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить деревья так, как сидоняне»²⁰. Хирам исполнил просьбу Соломона, но в свою очередь требовал от него в виде платы «доставлять хлеб для дома моего»²¹. «И давал Хирам Соломону дерева кедровые и дерева кипарисовые, вполне по его желанию. А Соломон давал Хираму двадцать тысяч кóров (кор – древнееврейская мера сыпучих тел и жидкостей. – *Прим. ред.*) пшеницы для продовольствия дома его и двадцать кóров оливкового выбитого масла. Столько давал Соломон Хираму каждый год»²².

Видеть в приведенной переписке что-либо большее, нежели обычную по своему стилю и содержанию для того времени переписку между двумя правителями, переписку, все содержание которой по большей части сводилось к взаимным просьбам о присылке тех или иных изделий и продуктов или об оказании известных услуг²³, и тем более толковать ее как установление постоянных и правильных торговых сношений можно лишь при известной доле предвзятости и только разве с большой натяжкой. Цель данной переписки составляет, в сущности, даже не столько обмен продуктами, сколько просьба об оказании услуги. Не имея в собственном распоряжении достаточно опытных дровосеков, которые смогли бы нарубить для него ливанские кедры, Соломон видит себя вынужденным обратиться за получением таковых к Хираму и оплачивает труд хирамовых работников, что в данном случае представляет особый интерес, не денежной платой, не золотом или серебром, но – вследствие бедности драгоценными металлами своей исключительно земледельческой страны – натурой. Так представлено дело в книге Царств; в параллельной редакции Паралипоменон²⁴ все дело представлено в несколько ином виде. Здесь говорится даже не об оплате труда рабочих Хирама, занятых рубкой ливанских кедров, но просто о посылке продовольствия на их содержание.

---

²⁰ 3 Царств 5, 6.

²¹ 5, 9.

²² 5, 10–11.

²³ См. в особенности тель-амарнскую переписку, изданную Winkler'ом в Keilinschriftliche Bibliothek и переизданную затем Knudtson'ом в Vorderasiatische Bibliothek.

²⁴ 2 Паралипоменон 2, 8–10, 15–16.

Здесь уже, как видим, не содержится решительно никакого, хотя бы самого отдаленного намека на какую-либо торговлю или торговые сношения между Соломоном и Хирамом.

Далее, очевидно, в силу прежде всего той же причины неимения в распоряжении Соломона достаточного числа собственных опытных рабочих мы встречаем занятыми при постройке иерусалимского храма плотников и каменотесов, также присланных Хирамом²⁵. Равным образом и внутренняя отделка, и украшение храма не обошлись без услуг со стороны того же Хирама. «Итак, пришли мне человека, — обращается Соломон с новой просьбой к Хираму, — умеющего делать изделия из золота, и из серебра, и из меди, и из железа, и из пряжи пурпурового, багряного и яхонтового цвета и знающего вырезать разную работу»²⁶.

Наконец, к Хираму же, несмотря на все свое прославленное, будто бы сказочное богатство, Соломон вынужден обращаться и за золотом для внутренней и внешней отделки своих построек, довольствуясь при этом получением от него относительно скромного количества золота весом в 120 талантов и уступая за это ему в свою очередь во владение двадцать пограничных городов и местечек²⁷.

Итак, замыслив в широких размерах строительную программу, Соломон при выполнении ее находился в полной зависимости от тирского царя Хирама, превосходившего его и своим богатством, и необходимыми мастерами. От Хирама Соломон получал и строительные материалы, и опытных рабочих, и ремесленников, и, наконец, золото, в свою очередь расплачиваясь с ним за это исключительно натурой или же уступкой части территории. Все это не говорит ни в пользу мнимых прославленных богатств Соломона, ни в пользу высокого экономического развития и экономического процветания страны в его время.

Ту же цель, то есть прежде всего получение необходимых материалов для своих построек, преследовал, по-видимому, Соломон и предпринимая свою столь прославленную экспедицию в Офир. Исходным пунктом плавания при этом являлась гавань Элаф, расположенная на берегу Черного (Красного. — *Прим. ред.*) моря и временно находившаяся в царствование

---

²⁵ 3 Царств 5, 18.

²⁶ 2 Паралипоменон 2, 7, также 11 и след.; ср. 3 Царств 7, 13 и след.

²⁷ 3 Царств 9, 11–14. Города, уступленные Соломоном Хираму, очевидно, отличались своей бедностью, так как вызвали неудовольствие со стороны последнего.

Соломона во владении израильского народа. Здесь, по распоряжению Соломона, построен и спущен был на воду корабль, очевидно, опять-таки при посредстве опытных финикийских кораблестроителей²⁸. «И послал Хирам, – говорится далее, – на корабле своих подданных корабельщиков с подданными Соломона; и отправились они в Офир и взяли оттуда 420 талантов золота и привезли царю Соломону»²⁹. По-видимому, ту же поездку в Офир имеет в виду и сообщение о плавании фарсисского корабля Соломона (фарсисского – большого морского), и, во всяком случае, не совместную поездку Соломонова корабля с кораблем Хирама в Тартесс, как совершенно произвольно, исходя из буквального толкования выражения «фарсисский корабль», понимает это место Guthe³⁰. Хирам, таким образом, и строит, и снаряжает корабль для Соломона, и снабжает, наконец, его опытным в морском деле экипажем. Роль Соломона во всем этом предприятии была исключительно пассивная и ограничивалась, по-видимому, только выражением инициативы³¹. Экспедиция и снаряжена и выполнена была, в сущности, финикийцами. Что Хирам в свою очередь потребовал от Соломона

---

²⁸ В 3 книге Царств (9, 26) прямо об этом не говорится; но во 2-й книге Паралипоменон (8, 19) сообщается: «Прислал царь Хирам через слуг своих корабль и рабочих, знающих море», – а так как прислать корабль сухим путем Хирам, само собой разумеется, не мог, то, очевидно, данное место можно понимать только в том смысле, что Хирам прислал материал и рабочих для сооружения корабля.

²⁹ 3 Царств 10, 11–12. Мы не касаемся здесь спорного вопроса о местоположении Офира, расположенного, очевидно, в южной Аравии, так как этот вопрос для нашей цели не представляет существенного значения.

³⁰ 3 Царств 9, 27–28; ср. 2 Паралипоменон 8, 18; 9, 10. В книге Царств идет речь об одном корабле, в Паралипоменон – о кораблях. Первая редакция как более ранняя и к тому же более правдоподобная заслуживает предпочтения. Ср. *Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. Band I. S. 346*. Интересно, что даже *Herzfeld*, вообще, как мы видим, склонный переоценивать значение царствования Соломона в деле развития еврейской торговли, затрудняется определить, что именно мог предложить Соломон в обмен на полученные им из Офира продукты (*Handelsgeschichte der Juden. S. 33–34*). *Ренан* предполагает, что золото и другие необходимые продукты приобретались просто силой и что в данном случае дело шло о простом пиратском набеge, но не о торговом предприятии. – История израильского народа. Пер. Смирнова. Т. II. С. 71.

³¹ *Schiffahrt. Herzog-Hauck. S. 572.*

за все эти услуги, оказанные ему при снаряжении экспедиции в Офир, неизвестно. Очень вероятно, что он ограничился на этот раз представлявшейся ему возможностью воспользоваться гаванью на Черном море, находившейся в царствование Соломона, как уже сказано, временно во владении израильтян. Возможность эта в его глазах должна была иметь тем более ценности и значения, что иначе доступ к Черному морю, а вместе с тем и к богатым различными туземными естественными произведениями и продуктами берегам Аравии и восточной Африки, для финикиян того времени оставался закрытым³².

Подобно тому, как с царем Тира Хирамом, Соломон поддерживал постоянные сношения и с Египтом. Целью этих сношений являлось прежде всего приобретение нужных ему для военных целей коней и колесниц. «Коней же царю Соломону приводили, – повествует книга Царств, – из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги, колесница из Египта получаемая и доставляемая была за шестьсот сиклей серебра, а конь за сто пятьдесят. Таким же образом они руками своими доставляли все это царям хеттейским и царям арамейским...»³³. В приведенном сообщении точно так же, как и в сообщении о сношениях Соломона с Хирамом, обычно видят доказательство развитой во время Соломона внешней торговли³⁴. Однако и в данном случае в действительности дело, по-видимому, обстояло значительно проще. «Царские купцы» были не столько купцами в собственном смысле слова, сколько простыми агентами, отправлявшимися от имени царя со специальной целью закупки коней и колесниц, причем в свою очередь целью этих закупок было прежде всего усиление военного могущества страны. «И набрал Соломон, – сообщается несколько выше, – колесниц и всадников; у него было тысяча чотыреста колесниц и двенадцать тысяч всадников; и разместил он их по колесничным городам и при царе в Иерусалиме. И господствовал он над всеми морями до земли филистимской и до пределов Египта»³⁵. И в своих сношениях с Египтом Соломон руководился, таким образом, по-видимому, не торговыми, но совершенно иными целями и намерениями. Что же касается

---

³² См. *Herzfeld*. *Handelsgeschichte der Juden*. S. 28–29; *G.A.S. Trade and commerce*. – *Encyclopedia Biblica*. Vol. IV. P. 5172.

³³ 3 Царств 10, 28–29; 2 Паралипоменон 1, 16–17.

³⁴ Например, *Herzfeld*. S. 35.

³⁵ 3 Царств 10, 26; 2 Паралипоменон 1, 14.

поставки коней и колесниц другим соседним царькам, то и в этом факте мы вряд ли имеем основание видеть что-либо более, нежели простой, обычный в то время на Востоке взаимный обмен услугами между царями.

Сношениями с Хирамом, снаряженной с помощью финикийской экспедицией в Офир и, наконец, закупками коней и колесниц в Египте, в сущности, и исчерпываются все известные нам важнейшие факты внешних сношений Соломона. Но все эти факты, как видим, далеки от того, чтобы свидетельствовать о каком-либо особом подъеме торговли в царствование Соломона или хотя бы о специальных заботах и мерах, предпринимавшихся им в этом направлении, в целях содействия торговому развитию страны. В своих отношениях к соседним государям Соломон руководился прежде всего личными, частью государственными, но отнюдь не какими-либо иными интересами и соображениями, причем при выполнении большей части задуманных им предприятий действовал не самостоятельно, но вынужден был в самых широких размерах пользоваться, как свидетельствуют о том даже предубежденные в его пользу ветхозаветные исторические книги, услугами тирского царя Хирама, без содействия которого оказывался совершенно беспомощным.

Наш вывод о незначительности собственно торговых сношений в царствование Соломона вполне подтверждается и встречающимися в ветхозаветной литературе позднейшими представлениями о нем. Так, хотя, согласно этим позднейшим представлениям, богатства Соломона и рисуются обычно в крайне преувеличенных, почти сказочных размерах, тем не менее в числе средств накопления этих богатств, обстоятельно перечисляемых в принадлежащей якобы ему книге Екклесиаст, торговля и торговая прибыль совершенно не упоминаются³⁶, напротив, в качестве главного источника его богатств указаны сборы «серебра и золота и драгоценностей с царей и областей»³⁷.

Вообще следует заметить, что ко всем рассказам о сказочных богатствах Соломона мы должны относиться с полной осторожностью. При оценке всех таких сообщений приходится прежде всего иметь в виду, что все известия, касающиеся Соломона, дошли до нас в позднейшей переработке, имевшей своей преимущественной целью возможно возвысить его значение в качестве строителя иерусалимского храма и в то же время как

---

³⁶ Екклесиаст 2, 4 и след.

³⁷ Там же 2, 8.

последнего царя единого Израиля, по смерти которого, при его ближайшем преемнике, единое до того царство распалось, вместе с чем началось время разделения и упадка. Вот почему все сохранившиеся известия относительно царствования Соломона и изображают нам его прежде всего в виде сильнейшего, мудрейшего и богатейшего царя своего времени³⁸. В действительности же столь прославленные богатства Соломона были много скромнее, по сравнению с тем, как рисуются они в ветхозаветных исторических книгах, о чем свидетельствуют отдельные факты и сообщения, случайно сохранные теми же книгами. Так, за относительно скромным количеством золота в 120 талантов Соломон принужден был, как мы видели, обращаться к Хираму. За все услуги, оказываемые ему этим последним, он, со своей стороны, имел возможность расплачиваться только либо натурой, либо территориальными уступками, либо, наконец, оказанием взаимной услуги, вроде допущения финикийских кораблей в принадлежащую ему на Черном море гавань Элаф. Средства для обширной строительной деятельности, прославившей Соломона и послужившей одним из непосредственных толчков для возникновения позднейших легенд об его богатствах, дала ему, по-видимому, прежде всего организованная и снаряженная для него Хирамом экспедиция в Офир, откуда было привезено 420 талантов золота³⁹, затем продажа части территории тому же Хираму и, наконец, усиленные поборы с населения непосредственно ему подчиненных областей, так же как и дань, уплачиваемая подвластными и находившимися в вассальной зависимости от него царями⁴⁰.

Если бы рассказы о богатствах Соломона не были крайне преувеличены и если бы он действительно имел в своем распоряжении все те материальные средства, обладание которыми ему приписывается, если бы, наконец, на самом деле серебро сделалось в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, как повествует о том книга Царств⁴¹, то такое скопление денежных средств в стране должно было бы несомненно повлечь за собою самый заметный переворот в условиях экономической жизни и экономического развития израильского

---

³⁸ См. Велльгаузен. Введение в историю Израиля. С. 157; ср. Stade. Band I. S. 304; Meyer. Geschichte des Alterthums. Band I. S. 371.

³⁹ 3 Царств 9, 28; 2-я книга Паралипоменон (8, 18) говорит о привозе из Офира 450 талантов золота.

⁴⁰ 3 Царств 10, 14–15; 2 Паралипоменон 9, 13–14.

⁴¹ 3 Царств 10, 27.

народа, переворот, одним из первых последствий которого явилось бы широкое распространение денежного хозяйства и денежно-хозяйственных отношений. А между тем, мы этого совершенно не видим. Не только частное хозяйство в царствование Соломона, как и до него, сохранило черты исключительно натурального хозяйства, но, оставляя в стороне внешнюю показную сторону его царствования, и государственное хозяйство в сущности продолжало оставаться при нем частным хозяйством царя и было организовано самым примитивным и соответствовавшим преобладанию в экономической жизни страны земледелия и натурально-хозяйственных условий образом.

Сведения относительно организации государственного хозяйства и системы управления в царствование Соломона находим в главе четвертой третьей книги Царств, главе, сохранившей наиболее интересные и в то же время наименее пострадавшие от позднейших переделок документальные данные относительно времени Соломона. «И было у Соломона, — читаем мы здесь, — двенадцать приставников над всем Израилем, и они доставляли продовольствие царю и дому его; каждый должен был доставлять продовольствие на один месяц в году... Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать кóров муки пшеничной и шестьдесят кóров прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей и серн, и сайгаков, и откормленных птиц... И было у Соломона сорок тысяч стойл для коней колесничных и двенадцать тысяч для конницы. И те приставники доставляли царю Соломону все принадлежащее к столу царя, каждый в свой месяц, и не было недостатка ни в чем. И ячмень и солому для коней и мулов доставляли каждый в свою очередь на место, где находился царь»⁴². Вся страна, таким образом, разделена была на двенадцать отдельных округов, во главе которых поставлены были особые наместники. Главной задачей этих последних являлись не столько заботы об управлении вверенными им частями государства, сколько прежде всего продовольствие и содержание царского двора.

В полном соответствии с таким частно-хозяйственным принципом в организации местного управления, и в центральном управлении точно так же в числе главных должностных лиц, рядом с главным начальником военных сил государства, мы

---

⁴² 3 Царств 4, 7, 22–23, 26–28; ср. Jos. Flavius. Antiquit VII, 2–4.

встречаем начальника над домом царским и начальника над податями⁴³, должности, посящие частно-хозяйственный характер по преимуществу, как показывает и самое их официальное название.

Повсюду в наместничествах были устроены «города для запасов»⁴⁴, то есть, очевидно, для склада и хранения собранных с населения и с царских имений продуктов. Все эти черты характеризуют хозяйство Соломона, как приближающееся к чистонатуральному облику. И этот факт определеннее всего говорит как против значительного развития при нем торговли, так и против приписываемого ему обладания сказочными богатствами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Развитие крупного землевладения и закабаление масс

Горе вам, прибавляющие дом к дому,
присоединяющие поле к полю, так что
другим не остается места, как будто вы
одни поселены на земле.

Исаия

Блестящее по внешности царствование Соломона не только не привело, как можно было бы ожидать на основании обычных о нем представлений, к общему экономическому благосостоянию и, в частности, к торговому расцвету и подъему, но имело, напротив, совершенно обратные последствия. Его хищническая, если можно так выразиться, и разорительная для населения экономическая политика далеко не соответствовала действительным экономическим ресурсам бедной страны. В стране только что совершился и частью еще не закончился, как

---

⁴³ 3 Царств 4, 1–6.

⁴⁴ 3 Царств 9, 19; 2 Паралипоменон 8, 4–6. *Herzfeld* даже в этих складочных местах продуктов, служивших для царского продовольствия, умудрился увидеть не более, не менее, как торговые склады, и признать в образовании их особую заботливость Соломона о нуждах торговли (*Handelsgeschichte der Juden des Aiterthums*. S. 28). Между тем, согласно всему вышеизложенному, скорее можно было бы сказать, напротив, не *nur Bazare*, а *nur nicht Bazare*. Точно такие же «города для запасов» мы встречаем впоследствии и в самой Иудее (2 Паралипоменон 17, 12).

показано нами в первой главе, переход от скотоводческого хозяйства к земледельческой культуре. Вся экономическая жизнь была построена исключительно на основах натурально-хозяйственного строя, и при таких условиях необычайно высокие требования, предъявлявшиеся со стороны власти в царствование Соломона к населению и находившиеся в полном несоответствии со скромными средствами, какими располагала в то время страна, должны были привести в конце концов к политическому кризису.

Кризис этот, действительно, и наступил непосредственно после смерти Соломона при его ближайшем преемнике, но первые симптомы его обнаружались с полной определенностью еще в конце царствования самого Соломона, протекшем посреди повсеместных волнений и общего брожения в стране. Последствия кризиса: потеря всех внешних приобретений, в том числе и Элафа, единственной морской гавани, которою израильтяне располагали при Соломоне и потеря которой должна была быть поэтому наиболее чувствительна, и затем распадение и самого царства Давида и Соломона на северное — израильское и южное — иудейское.

Насильственно прерванное разорительной политикой Соломона экономическое развитие страны вернулось в прежнее русло и продолжалось прежним темпом. Процесс вытеснения скотоводческого хозяйства земледелием, начавшийся еще со времени поселения израильтян в области Хаанаана к западу от Иордана и не завершившийся еще вполне и ко времени первых царей, теперь, наконец, закончился. Хотя следы кочевого пастушеского быта и не исчезли окончательно и в течение долгого времени продолжали еще сохраняться в жизни страны¹, однако, время преемников Соломона и отдельного существования царств, как уже показано было выше, являлось прежде всего временем окончательного торжества земледелия и преобладания его в экономической жизни страны, с одной сторо-

---

¹ Что, по крайней мере, отдельные израильские племена и колена, даже из поселившихся на западном берегу Иордана и Мертвого моря, и в значительно позднейшую эпоху, именно еще в царствование Езекии, занимались по преимуществу скотоводством и далеко не оставили вполне прежних кочевых привычек, об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что еще во время правления этого царя колесо Симеона предпринимало специальные походы с целью приобретения пастбищ для своего скота и занятия новых мест поселения (1 Паралипоменон 4, 38–43).

ны², и соответственной перестройки всех общественных отношений, с другой.

Жалобы первых пророков на притеснения бедняков сильными людьми и на растущее вместе с этим имущественное неравенство, равно как и непрерывная и настойчивая, но далеко не всегда успешная борьба их с распространением языческих, другими словами, земледельческих культов туземных ханаанских богов-ваалов представляют собою не что иное, как именно прежде всего отражение этого процесса утверждения в стране земледельческой культуры и соответствующих изменений в общественном устройстве. Разложение социального равенства, характеризующего примитивные условия жизни, и рост имущественного неравенства, сопровождавшийся закабалением массы земледельческого населения, должны рассматриваться не столько в связи с развитием торговли и денежно-хозяйственных отношений, как нередко полагают, сколько именно прежде всего в связи с фактом зарождения крупного землевладения и феодализации всех общественных и государственных отношений, с которыми оба указанные процесса в свою очередь совпадают и оказываются почти тождественными.

Следы первобытного равенства, свойственного племенному быту, сохраняли еще свою силу в конце эпохи судей и во время первого царя Саула; сам Саул, принадлежавший к одному из виднейших аристократических родов, даже после своего избрания продолжает вести жизнь скромного земледельца, и, например, послы, извещавшие его о нашествии аммонитян, застают его возвращающимся с поля, «позади волов своих»³. Впоследствии он жил, по-видимому, главным образом, доходами со своего небольшого поместья, «доставлявшего ему хлеб для пропитания»⁴. Условия жизни отличались еще своей простотой, и жилища и обстановка домов знати мало чем

---

² Ср. Jos. Flavius. Antiquit 8, 2, 3, который относит время окончательного утверждения земледелия среди израильского народа к царствованию Соломона и его преемников и видит в переходе к земледельческим занятиям прежде всего залог и причину дальнейшего прогресса: «Удивительно, — говорит он, — как поднялся тогда в своем расцвете весь еврейский народ и особенно колесо иудово, после того как они обратились к обработке земли и вообще к сельскому хозяйству». (Перевод Генкеля и Израэльсона. М., 1900. Т. I.)

³ 1 Царств 11, 5.

⁴ 2 Царств 9, 10.

выделялись из среды жилищ остальной менее состоятельной части населения⁵.

Но если еще в начале царской эпохи, в царствование Саула и отчасти Давида, следы первобытного общественного равенства не исчезли окончательно, если вместе с этим и в образе жизни в это время наблюдалась еще первобытная простота⁶, то, с другой стороны, уже при первых царях встречаются и первые симптомы начинающегося разложения этих древних отношений. Из общей народной массы начинают выделяться и играть все более заметную роль в общественно-политической жизни главы родов – «старейшины», то есть, другими словами, представители племенной и родовой аристократии⁷. Они, эти старейшины, «составляют собрания во всех важных случаях, предводительствуют народом на войне, являются его судьями» и т.д.⁸

Родовой же аристократии, по-видимому, принадлежала исключительная роль при избрании новых царей Саула⁹ и Давида¹⁰. Именно переход на сторону Давида родовой аристократии решил в его пользу соперничество, возникшее между ним и Изаббаалом по смерти Саула¹¹. Наконец, и Давид незадолго до своей смерти, назначая своим преемником Соломона, точно так же счел необходимым прежде всего спросить согласия на это у собрания представителей аристократических родов¹².

Аристократическое тщеславие и гордость своим происхождением, выражающаяся прежде всего в пристрастии к составлению генеалогических таблиц и являющаяся одним из пока-

---

⁵ Ср. *Stade*. Band I. S. 374 f.

⁶ Ср. *Булъ*. С. 13.

⁷ Ср. *Булъ*. С. 32: «упоминаемые в Ветхом Завете “старейшины” или “вельможи” суть главы и представители знатных родов, вроде шейхов арабов».

⁸ *Булъ*, там же. Ср.: Исход 18, 25–26; Второзаконие 1, 15 и след.; Судей 11, 5–8 и др. См. также родословную князей племен, помещенную в начальных девяти главах 1-й книги Паралипоменон. *Leesemann*. *Die Aeltesten im Alten Testament*.

⁹ 1 Царств 8, 4–5: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: вот ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов».

¹⁰ 2 Царств 5, 3: «И пришли все старейшины Израиля к царю в Хеврон, и заключил с ними царь Давид завет в Хевроне перед Господом, и помазали Давида в цари над всем Израилем».

¹¹ 1 Паралипоменон 12, 1 и след.; 13, 1.

¹² 1 Паралипоменон 28, 1–5; 29, 22.

зателей растущего значения аристократии, точно также восходит, по-видимому, к этому времени¹³ и находится в непосредственной связи с той ролью, какую начали играть старейшины аристократических родов уже при Сауле и Давиде.

Рядом с родовой и племенной аристократией, происхождение и значение которой восходят еще к предшествовавшей эпохе, в царскую эпоху начинает усиливаться влияние и значение аристократии собственно придворной, в значительной мере, впрочем, тождественной с родовой аристократией и составляющей в сущности лишь часть ее. Царская власть, говорит Буль, «долго не имела столь большого влияния, как можно было ожидать. Царь довольствовался собиранием податей и правом объявления войны, оставляя старое аристократическое устройство неприкосновенным. Разделение на округа с особыми начальниками при Соломоне... не отмечало новой степени социальной организации. Естественно, царские чиновники принадлежали к главам родов, но они составляли лишь небольшую часть их, а прочие сохраняли свое влиятельное положение в силу древнего порядка»¹⁴.

Но если родовая и придворная аристократия и по самому своему происхождению были родственны между собой, то с течением времени та и другая окончательно сливаются в единую феодальную аристократию, образуя ядро землевладельческой знати, играющей такую видную и выдающуюся роль как в экономической, так и общественно-политической жизни времени царств и пророков. Зародыши феодальных отношений, выражающиеся, с одной стороны, в существовании уже в то время земельных пожалований и, с другой, в иерархическом порядке вассальной зависимости, мы встречаем еще в царствование Соломона и даже Давида¹⁵. Уже при первых царях земле-

---

¹³ См., в особенности, первые девять глав, также главы 23 и 24 1-й книги Паралипоменон; Jos. Flavius. Antiquit. С. 8. Ср.: Bloch. Die Quellen des Flavius Josephus in seiner Archäologie. Leipzig, 1879. S. 147 f.; Zipfer. Des Flavius Josephus Werk über das hohe Alter des Jüdischen Volkes. S. 32 f.

¹⁴ Буль. С. 33.

¹⁵ 1 Царств 8, 14 и след.; 2 Царств 23, 8 и след. Ср. Паралипоменон II, 10 и след.; 1 Царств 4, 10 и след. и др. Относительно позднейшей эпохи ср. 4 Царств 25, 23 и след.; Иезекииль 46, 16–17; также Jos. Flavius. Antiquit 8, 2, 3. Сила аристократии уже со времени первых царей опиралась прежде всего на землю и земельные пожалования, см.: 1 Царств 2, 5–6; 2 Царств 9, 9; 14, 30; ср. 3 Царств 4, 10, где о наместниках царя Соломона говорится, что земля не была вверена их управлению, но принадлежала им.

владельцы-аристократы, образующие феодальную знать, составляют могущественный совет при царе, созываемый во всех важнейших случаях, без согласия которого не принимается ни одно имеющее сколько-нибудь крупное общественное значение решение¹⁶. Интересные указания относительно состава этого совета, указания, подтверждающие только что отмеченный нами факт слияния родовой и придворной аристократии, находим в первой книге Паралипоменон. «И собрал Давид, — читаем мы здесь, — в Иерусалим всех вождей и тысяченачальников, и стопачальников, и заведовавших всем имением и стадами царя и сыновей его с евнухами, военачальников и всех храбрых мужей»¹⁷. Состав съезда, хотя и достаточно пестрый, все же однороден в том отношении, что вмещает в себя исключительно аристократические и правящие элементы и в этом отношении, в общем, близко напоминает состав феодальных съездов в средние века.

В позднейшее время значение феодальной знати естественно возросло еще более. В писаниях пророков «царь и князья его» обычно упоминаются рядом друг с другом¹⁸. В случаях расхождения мнений и столкновения между царем и аристократией царь нередко оказывается совершенно бессильным провести свое решение помимо воли и согласия аристократических фамилий, находясь, таким образом, в зависимости от социальной знати¹⁹. Знать же направляет, в сущности, и всю внешнюю политику обоих царств; борьба партий ассирийской и египетской в израильском царстве и позднее вавилонской и египетской в царстве иудейском сводилась, в сущности, в конце концов не к чему иному, как к борьбе соперничавших между собой за власть и влияние аристократических родов²⁰. Представители наиболее могущественных аристократических фа-

---

¹⁶ 1 Царств 8, 1 и след.; 20, 7–8; 21, 8 и др.

¹⁷ 1 Паралипоменон 28, 1.

¹⁸ См., напр., Исаия 32, 1; Иеремия 17, 25; 24, 8; 26, 10 и 21; 34, 10 и 19; 36, 12; Плач Иеремии 2, 2; Иезекииль 19, 1; Варух 1, 3–4; 2, 1. Относительно значения аристократии в позднейшую эпоху царств ср. также специальный экскурс в книге: *Graetz. Geschichte der Juden. Band II. Leipzig, 1875. Note 4 (s. 444–447).*

¹⁹ Иеремия 38, 4–5; 25–26.

²⁰ Буль. С. 31. Аналогичную картину борьбы партий мы наблюдаем и в Вавилоне, где враждовавшие между собой партии точно так же имели своих приверженцев преимущественно в различных выдающихся городских родах. См.: *Peiser in Mitteilungen der vorderasiatischen Gesellschaft. Band II. S. 153 f.*

милый легко возводят и низводят в это время царей по своему усмотрению и в большинстве случаев являются как инициаторами, так и главными исполнителями столь частых, особенно в северном царстве, дворцовых переворотов²¹.

Эпоха раздельного существования израильского и иудейского царств является, таким образом, в жизни израильского народа прежде всего временем парождения и исключительного господства феодальной аристократии. Значение и могущество аристократии растет при этом не только по отношению к выше ее стоящей царской власти, но одинаково и в отношении низших слоев населения, в отношении земледельческой массы. Рост имущественного неравенства и закабаления крестьянства, на что встречаются постоянные жалобы в писаниях пророков, и представляют, по-видимому, собою прежде всего именно обратную сторону того же самого только что охарактеризованного нами процесса парождения и развития могущественной землевладельческой аристократии.

Общинные порядки землевладения, установившиеся, по-видимому, с утверждением и распространением земледельческого хозяйства и земледельческой культуры в стране²², не могли при таких условиях в течение долгого времени просуществовать в неприкосновенном виде и должны были отступить перед развитием частной собственности на землю и прежде всего, именно, перед ростом крупной земельной собственности. С течением времени земли отдельных общинников все в большей и большей степени подвергаются насильственным захватам со стороны отдельных наиболее могущественных и сильных представителей нарождающейся землевладельческой аристократии, причем в большинстве случаев эти последние не ограничиваются захватом земельных участков, принадлежащих крестьянам-общинникам, но стремятся сверх того к экономическому закабалению и закрепощению и самой личности земледельца.

Наиболее обычным и распространенным средством к приобретению земельного надела и земельной собственности и к закабалению и самой личности земледельца являлась ссуда, причем неисправный должник в случае несостоятельности (а это, конечно, при бедности массы крестьянства было обычным явлением) обращался в рабство, земельный же участок, если у

---

²¹ 4 Царств 10, 1 и след.; ср. *Фентон*. Древнейшая жизнь евреев. С. 22 и след.

²² Ср. *Буль*. С. 44 и след.

него имелся таковой, точно так же в уплату за долги поступал в собственность заимодавца. Ссужались при этом в большинстве случаев не столько денежные средства, сколько земля, годная к обработке, мертвый и живой инвентарь, зерно для посева и пр.²³ В результате в короткое время почти вся масса неимущего и малоимущего земледельческого населения оказалась в полной и безусловной экономической зависимости от сильного землевладельческого класса. Последний сделался, таким образом, всецело господствующим как в области общественно-политических, так и экономических отношений.

Именно этот процесс, процесс роста крупного землевладения за счет мелкого и одновременного закабаления и закрепощения массы земледельческого населения, и имеют прежде всего в виду пророки этого времени в своих писаниях, и связывать столь часто встречающиеся у них жалобы и сетования по поводу задолженности бедного люда и растущего зависимого положения его с развитием торговли и с обусловливаемым будто бы ею ростом денежного богатства в стране, во всяком случае, было бы крайним преувеличением. Мы слышим от пророков не о насилиях со стороны денежных капиталистов или собственно ростовщиков (ни о тех, ни о других мы вообще почти не встречаем упоминаний в это время), но о насильственных поступках и притеснениях прежде всего со стороны представителей знати и сильных мира сего и о несправедливых действиях и приговорах судей, в большинстве случаев по своему социальному положению принадлежащих к составу тех же аристократических кругов²⁴. Не столько на денежные взыскания и на взимание высоких ростовщических процентов с одолженных денежных капиталов жалуются защитники притесняемых бедняков, сколько прежде всего и главным образом на земельные захваты со стороны сильных людей и на обмеривание и обвешивание ими бедняков при продаже или, что по-видимому должно было чаще случаться, при имущественной недостаточности покупателей, ссуде им в долг хлеба. И нам кажется, что именно в этом смысле, а не в смысле какого-либо особенно широкого развития торговли, следует понимать относительно

---

²³ См. ниже.

²⁴ Амос 2, 8; 3, 9; 4, 11; 5, 10; 6, 1; 8, 4; Осия 7, 5; Михей 3, 1–3; 9–11; 7, 3; Исаия 1, 23; 3, 1, 2–15; 5, 22; 10, 1–2; 22, 15 и след.; 30, 2 и след. Иеремия 34, 10–11; Варух 2, 1; Софония 3, 3; ср. книгу Притчей Соломоновых 19, 6; 22, 22; Книгу премудростей Иисуса, сына Сирахова 13, 12 и след.

часто встречающиеся в писаниях пророков этого времени указания на неправильность и злоупотребления в применении мер и весов²⁵, ибо, очевидно, не за интересы же финикийских торговцев вступаются в данном случае пророки²⁶.

Это прежде всего всемогущие представители землевладельческой аристократии, стремясь расширить и увеличить свои земельные владения, «передвигают межи дальние, установленные отцами»²⁷, «прибавляют дом к дому, поле к полю, так что другим не остается места, будто они одни поселены на земле»²⁸, «попирают бедного и берут от него подарки хлебом»²⁹, «едят лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища»³⁰, «обирают человека и его дом, мужа и наследие его»³¹, намеренно удерживают у себя хлеб, выжидая удобного момента, чтобы открыть житницы тогда, когда можно будет, уменьшив меру, поднять цену на хлеб и продавать его, обманывая притом бедняков неверными весами, чтобы таким образом «покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высевок от хлеба продавать», очевидно, прежде всего тем же неимущим беднякам, ибо люди состоятельные не стали бы, конечно, покупать высевок³².

Не денежные капиталисты, а именно князья и аристократы закабалили за долги и обращали в рабство своих соотечественников³³. Что в сообщениях о насилиях над неимущими должниками имеются прежде всего в виду не люди, обладающие крупными денежными средствами, но именно наиболее сильные и могущественные представители землевладельческого класса, можно заключать не только из отдельных косвенных намеков и указаний, встречающихся у пророков, но и непосредственно на основании типичной картины закрепощения неимущих бедняков-земледельцев путем сдачи им земельных

---

²⁵ Амос 8, 5; Михей 6, 11; Иезекииль 45, 10–12; ср. Книгу Притчей Соломоновых 11, 1; 16, 11; 20, 10.

²⁶ Такой именно смысл, впрочем, определенно выступает и из самого текста пророческих обличений.

²⁷ Книга Притчей Соломоновых 22, 28; 23, 10; ср. Второзаконие 19, 14.

²⁸ Исаия 5, 8; ср. Михей 2, 2.

²⁹ Амос 5, 11.

³⁰ Амос 6, 4.

³¹ Михей 2, 2.

³² Амос 8, 5–6; ср. Книгу Притчей Соломоновых 11, 26.

³³ Иеремия 34, 8–11. Ср. Фентон. Древнейшая жизнь евреев. С. 56 и след.

участков и ссуды на хозяйственное обзаведение и последующего обращения их затем в рабство в качестве неисправных должников, картины, какую находим мы во Второзаконии: «Если будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую господь бог твой дает тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по его нужде, в чем он нуждается»³⁴. Далее идет речь о продаже и об обращении в рабство неисправного должника с тщетным, увы, пожеланием более мягкого обращения с таким задолжавшим «братом» и об освобождении неимущих должников каждый седьмой год³⁵.

Что в данном случае мы имеем дело не с засилием со стороны денежной аристократии, свидетельствует факт относительно незначительного влияния и значения, какое имело в описываемую эпоху денежное хозяйство в жизни страны. Выше приводилась уже почерпнутая нами из одного позднейшего литературного памятника картина домашнего хозяйства, руководимого добродетельной женой и идеальной хозяйкой, картина, являющаяся в сущности изображением типичного натурально-хозяйственного строя³⁶. Богатство, как свидетельствует другое аналогичное современное произведение, приобретается не путем быстрой и легкой наживы, как несомненно было бы при господстве денежно-хозяйственных отношений, но «осмотрительностью и бережливостью»³⁷.

Чрезвычайно показательным в этом отношении является и то обстоятельство, что в относящихся к этому времени книгах Ветхого Завета мы не находим никаких свидетельств не только о производстве денежных и торговых операций в сколько-нибудь значительных и широких размерах (что засвидетельствовано, например, относительно соседнего вавилонского царства), но и вообще о типичной для этих последних страсти к наживе самой по себе, равно как и к безграничному накоплению капиталов, как непосредственной цели жизни. И представления о богатстве отличаются в это время прежде всего

---

³⁴ Второзаконие 15, 7–8.

³⁵ Там же, стих 12; ср. Иеремия 34, 8–11. Позднее в послевоенную эпоху такое освобождение было сделано, как известно, обязательным, и тем не менее оно и после того все же оставалось лишь простым пожеланием и почти совершенно не применялось на практике.

³⁶ Книга Притчей Соломоновых 31, 10 и след.

³⁷ Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 11, 16.

еще чертами, характерными скорее для эпохи господства натурально-хозяйственных, чем денежных отношений. Богатство, в том числе и денежное богатство, поскольку об этом последнем может вообще идти речь, не является, судя как по общему впечатлению, оставляемому писаниями пророков, так и согласно множеству отдельных рассеянных в них непосредственных указаний, целью само по себе, но ценится преимущественно и прежде всего с точки зрения доставляемых им материальных благ, как средство удовлетворения страсти и стремления к роскошной и широкой жизни или даже просто к жизни, свободной от каких-либо лишений и недостатков. Рассматриваемое с этой точки зрения богатство является не столько результатом наживы или торговой прибыли, сколько прежде всего «даром Божиим». «И если какому человеку бог дал богатство и имущество, — читаем мы в одном поучительном ветхозаветном произведении, относящемся к этому времени, — и дал ему власть пользоваться от них, и брать свою долю, и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий»³⁸.

Равным образом и картина господствующих в стране общественных отношений, как они рисуются перед нами на основании законодательных памятников эпохи царств, представляется настолько еще в сущности примитивной, что факт широкого распространения денежно-хозяйственных отношений оказывается вряд ли совместимым с нею и возможным при таких условиях. По своему общему культурному уровню и по устанавливаемым ими юридическим нормам, равно как и по рассматриваемым в них случаям преступлений и нарушений частных интересов, как книга Союза³⁹, так одинаково даже и относящееся к позднему времени эпохи царств, ко времени, почти непосредственно предшествовавшему падению иудейского цар-

---

³⁸ Екклесиаст 5, 18; ср. также 6, 2 и, в особенности, 2, 4–9, где изображаются богатства царя Соломона. Амос 6, 4; ср. также многочисленные в пророческих книгах описываемой эпохи и цитируемые нами ниже указания на распространение роскоши и на стремление к широкому образу жизни в среде высших классов.

³⁹ Исход 20, 22–23, 33. Так называемая «книга союза» является, как известно, первым законодательным памятником израильского народа. Вопрос о времени составления ее неясен, но, во всяком случае, она относится к первой половине эпохи царств. *Gressmann* (*Die älteste Gerichtsschreibung und Prophetie Israels*) относит ее составление, по аналогии с кодексом Хаммурапи, как должностную принадлежать наиболее выдающемуся историческому лицу, даже ко времени

ства, Второзаконие⁴⁰ не стоят много выше германских «Правд» начального средневекового периода.

Таков целый ряд косвенных доказательств, какие можно привести в подтверждение нашей мысли о росте имущественного неравенства в эпоху царств не столько в результате роста и развития денежных богатств, сколько прежде всего в результате перераспределения земельной собственности и скопления земельных владений в немногих руках. Но если мы внимательнее приглядимся к свидетельствам самих пророков, равно как и к современным им литературным памятникам, относительно роста имущественного неравенства, то увидим, что и во всех этих свидетельствах указанный процесс представляется не в виде роста собственно денежного богатства, но прежде всего именно в виде расширения земельной собственности и обусловливаемого таким расширением изобилия различных продуктов и заготовок домашнего хозяйства. О таком именно характере и значении богатства в описываемое время свидетельствует равным образом и самый способ его приобретения, совершавшийся, как показано выше, не путем каких-либо денежных или торговых операций, но преимущественно и прежде всего, если не исключительно, путем притеснения и эксплуатации бедняков, путем захвата их земельных участков и использования их труда.

Время царств в экономическом отношении отнюдь не было, таким образом, временем переворота в направлении развития денежно-хозяйственных отношений, но эпохой по преимуществу роста и развития крупного землевладения и вообще перестройки всех общественно-экономических отношений соответственно тому значению, какое получало земледелие в жизни страны⁴¹.

Соломона. Нет нужды, однако, указывать на совершенную произвольность и бездоказательность мнения, подтверждаемого подобными доводами. Большинство других исследователей считает ее относящейся к значительно более позднему времени, именно ко времени царствования Ахава, Иосафата или даже Менассе.

⁴⁰ Открытие, другими словами – составление книги Второзакония, относится, как известно, к концу седьмого века.

⁴¹ Амос 2, 8; 4, 9; 5, 11; 6, 3 и след.; Осия 2, 12; Исаия 5, 8, 17; Книга Притчей Соломоновых 19, 14; Екклесиаст 2, 4–9; 6, 2. Ср. также приводившиеся выше цитаты относительно расширения землевладения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Условия развития торговли в эпоху царств

Иудея и земля израилева торговали с тобою; за товар твой платили пшеницею миннифскою, и сладостями, и медом, и деревянным маслом, и бальзамом.

Иезекииль

Итак, как показано в предшествовавшей главе, время царств было временем роста имущественного и социального неравенства и накопления богатств в частных руках, однако же не в смысле образования крупных денежных состояний и не в смысле зарождения собственно денежной аристократии, аристократии денежного мешка. Процесс накопления богатств ограничивался почти исключительно кругами землевладельческой аристократии и сводился прежде всего к расширению принадлежавшей им земельной территории, с одной стороны, к полноте жизни и к изобилию благ земных — с другой. Общего решительного переворота в самых основах экономической жизни мы, таким образом, не видим: натуральное хозяйство и натурально-хозяйственные отношения остаются по-прежнему господствующими в стране. Но все же сохранить свою прежнюю чистоту, остаться в совершенно неизменном виде эти отношения при новых условиях не могли. И вот мы видим, что, по крайней мере, прежняя простота нравов и примитивность условий жизни в это время исчезают.

Естественно, что с ростом богатств в среде землевладельческой аристократии и с возвышением ее общественного веса, ее положения и значения в жизни страны должно было параллельно расти в рядах ее представителей и стремление к показной роскоши и к широкой жизни вообще. Хотя при этом идеалом частно-хозяйственной жизни остается по-прежнему существование доходами со своих поместий и мирная жизнь сельского хозяина, жизнь под сенью собственных виноградников и смоковниц, однако, при новых условиях рамки натурального хозяйства для все более возрастающего с течением времени стремления к широкой жизни не могли не оказаться в конце концов слишком тесными. И мы, действительно, видим, что прежняя патриархальность и простота нравов, наблюдавшаяся в жизни аристократии еще во время царствования Саула и частью Давида, теперь начинает все более исчезать, уступая место внешней роскоши и показному блеску.

Как в туалете, так и среди предметов домашней утвари и обстановки с течением времени начинают все чаще и все в большем числе появляться предметы непроизводительного потребления, служащие преимущественно для удовлетворения именно этой страсти к внешней показной роскоши и в большинстве случаев привозимые из-за границы. Так, материалом для одежды, вместо прежнего холста и полотна домашнего изделия, начинают служить виссон, пурпур и различные иностранные материи¹. В особенности женщины-аристократки не довольствуются уже более прежней скромной и простой одеждой, но обвешивают себя с ног до головы множеством самых разнообразных украшений, свидетельствующих если не об их вкусе, то об их желании щегольнуть и блеснуть своим богатством². Именно эта страсть к тщеславию и к выставке своих богатств на показ и возбуждает прежде всего гнев пророка и побуждает его грозить забывшим прежнюю простоту «надменным» дочерям Сиона наказанием божьим. «За то, что, — предвещает он, — дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. В тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки и луночки, серьги и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, платки и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала»³. Само собою разумеется, что рядом с обилием украшений и употребление различных духов и благовоний было не в меньшей степени распространено среди представительниц аристократии⁴.

Аналогичная перемена, заключавшаяся прежде всего в переходе от прежней простоты и непритязательности к показной роскоши, наблюдается одинаково и в отношении внешней и внутренней отделки домов знати, так же как и во всей их домашней обстановке. В связи с этим со времени Соломона начинается время усиленной строительной деятельности. Иерусалим в короткое время застраивается домами знати. «Не только сам Соломон, но и представители знати страны, подолгу про-

---

¹ 1 Царств II, 5; 2 Царств 9, 9.

² Книга Притчей Соломоновых 31, 22; Иеремия 10, 9; Иезекииль 10, 10.

³ Исаия 3, 16–22.

⁴ Там же, стих 23; ср. Песнь песней 4, 14.

живавшие в Иерусалиме, принцы крови, высшие придворные чины и фавориты воздвигали себе роскошные дворцы из кедрового дерева... Дворцы знати строились теперь и на холме Милло, так как пределы прежнего города времени Давида представляли для них слишком мало простора. Эта городская часть, названная второю, превзошла своим блеском и богатством Сион, так что этот последний с этого времени сохранил значение лишь по воспоминаниям о Давиде и в силу того, что там находились гробницы царей, хоронившихся на его южном склоне»⁵. Подобно Иерусалиму, по всей вероятности, и другие более значительные города застраиваются в это время домами местных представителей аристократии, причем при возведении их преимущественное внимание обращалось прежде всего на богатство и роскошь внешней отделки⁶. Та же цель преследуется теперь и в отношении внутреннего убранства жилищ. В качестве предметов домашней обстановки и убранства появляются богатые постели, ложа из слоновой кости, ковры⁷. С этого же времени в качестве ценных предметов домашней утвари в богатых аристократических домах начинают все чаще встречаться и греческие или исполненные по греческим образцам вазы, доставлявшиеся в израильское и иудейское царства, как надо полагать, при посредстве финикийских торговцев⁸.

Как в самом факте распространения страсти к роскоши среди израильской и иудейской аристократии, так и во всех внешних проявлениях этой страсти в тех формах, в какие она выливалась, немалую роль, по всей вероятности, надо думать, должен был играть пример торговой аристократии богатых торговых городов соседней Финикии. Однако перенимая и усваивая себе привычки финикийских аристократов и стремясь подражать им во всем образе жизни, еврейская аристократия оказывалась в этом отношении в значительно худших условиях, нежели эти последние. В то время как финикийские города имели к своим услугам удобные морские пути сообщения, внутренние области Палестины, заселенные евреями, именно в силу своей малой

---

⁵ *Graetz. Geschichte der Juden. Erster Band. Leipzig, 1874. S. 322; ср. также Note 13.*

⁶ Иеремия 22, 14.

⁷ Амос 6, 4; Книга Притчей Соломоновых 31, 22.

⁸ *Hugues Vincent. Canaan d'après l'exploration récente. Paris, 1907. Ch. V. P. 351–360.* Вопрос о греческих вазах в древней Палестине разбирается мною в другом месте, см. «Иудея и Эллада в их взаимных отношениях».

доступности, осуждены были, как уже отмечалось нами выше, на замкнутость и изолированность в отношении внешнего мира. Море в течение всего периода самостоятельного существования обоих еврейских царств оставалось совершенно для них недоступным, так как все побережье ранее, чем израильтяне успели получить к нему доступ, уже было занято рядом крупных торговых финикийских и частью филистимских городов. Удовлетворяя своей страсти к роскоши и приобретая с этой целью иноземные заморские продукты и изделия, аристократия израильского и иудейского царств не имела, таким образом, возможности, подобно аристократии финикийской или греческой, воспользоваться всеми выгодами приморского расположения для того, чтобы приобретать нужные и желательные для нее иноземные продукты путем непосредственных пиратских набегов или же более мирным путем, путем установления правильных и постоянных торговых сношений с соседними государствами и народами. Впоследствии, когда в эпоху царствования династии Маккавеев иудеи получили наконец доступ к морю в более доступной части побережья, представители иудейской аристократии точно так же прибегли к этому простому способу приобретения богатств и необходимых предметов. Так, уже в начале римской эпохи один из последних представителей династии Маккавеев, Гиркан, обвинял перед Помпеем своего брата Аристобула в занятии морским пиратством⁹. Но в эпоху царств этот путь приобретения иноземных продуктов был совершенно закрыт для израильских и иудейских аристократов, и, нуждаясь в получении заморских изделий и естественных произведений, аристократия того времени вынуждена была обращаться к услугам торговых посредников и прежде всего к услугам все тех же финикийских торговцев¹⁰.

Так в эпоху царств, с возникновением землевладельческой аристократии, впервые создавалась почва для развития внешней торговли, и, действительно, мы наблюдаем с этого времени некоторое оживление внешних торговых сношений, достигающих более широких размеров, нежели во всю предшествовавшую эпоху. Однако, хотя теперь и устанавливаются, по-видимому, более правильные и постоянные торговые сношения с соседними странами и прежде всего с Финикией, мы никоим

---

⁹ Guthe. *Schiffahrt*. — Herzog-Hauck. Real Encyclopedie für protestantische Theologie und Kirche. Band XVII. S. 573.

¹⁰ Намек, хотя далеко неясный, на развитие внешней торговли можно видеть у Исаии 2, 7; Осии 12, 7–8; ср. Софония 1, 11.

образом не должны преувеличивать их значения. Прежде всего не следует забывать при этом, что роль обоих еврейских царств в начавшихся торговых сношениях, как не трудно видеть из всего только что изложенного, могла быть исключительно только пассивной. Не развитие торговли, как это часто думают, имело своим последствием изменение в образе жизни аристократических кругов, но, как мы видели, обратно, именно возросшая среди этих последних в связи с переменами, происшедшими в ее имущественном и общественном положении, страсть к внешней показной роскоши и к широкому образу жизни вызвала спрос на иноземные продукты, повлекший за собою в свою очередь некоторое оживление внешних торговых сношений. Но именно это обстоятельство, именно потребность в получении иноземных продуктов и изделий при отсутствии доступа к морю и при вытекавшей отсюда невозможности непосредственного их получения и ставило израильский народ в полную зависимость от соседних, далеко опередивших его в своем торговом развитии наций и с самого начала осуждало всю его внешнюю торговлю на исключительно пассивную роль.

Финикийские купцы торговали преимущественно в городах и местечках, расположенных вдоль западной границы обоих царств¹¹, проникали и в Иерусалим, где имели, по-видимому, собственный квартал¹². О том значении и роли, какую играли в развитии внешней торговли израильского народа финикийцы, свидетельствует прежде всего тот факт, что слово «хананеянин» (под которым разумелись, преимущественно, именно жители финикийских городов) в течение всего описываемого времени оставалось в еврейском языке синонимом торговца вообще¹³. Относительно других соседних народов известно, что сирийцы имели в Самарии, по крайней мере временно, свой базар¹⁴.

Что касается самих евреев, то последние вряд ли посещали с торговыми целями даже ближайшие торговые центры. Правда, в результате победы израильского царя Ахава над царем Дамаска Бенададом этот последний, согласно мирному договору, обязался предоставить в свою очередь подданным Ахава площадь в Дамаске на таких же условиях, на каких его отец

---

¹¹ При раскопках последнего времени именно в этих городах найдено наибольшее количество предметов и изделий иноземного происхождения. См. «Иудея и Эллада», глава 3.

¹² Захария 14, 21; Неемия 13, 16; ср. *Graetz*. Band I. S. 323.

¹³ Ср. Осия 12, 7.

¹⁴ 3 Царств 20, 34.

имел базар в Самарии¹⁵. Но воспользовались ли этой возможностью подданные Ахава, повела ли эта уступка со стороны Бенадада к действительному появлению израильских торговцев в Дамаске, что во всяком случае не доказано, наконец, в течение какого времени сохраняло свою силу указанное условие и долго ли могли израильтяне пользоваться предоставленной им «площадью в Дамаске», что также представляется сомнительным в виду последовавшего вскоре после этого ослабления внешнего могущества израильского царства и падения династии Омри, — на все эти вопросы мы не только не можем с уверенностью отвечать положительно, но скорее, как видим, напрашиваются отрицательные ответы.

Из других попыток завязать внешние торговые сношения и принять в них более активное и непосредственное участие нам известна только попытка возобновления сношения с Офиром, предпринятая иудейским царем Иосафатом (873–849). Этому царю удалось вновь овладеть гаванью Элафом на Черном море, потерянной, как мы видели, еще в конце царствования Соломона. Получив таким образом снова доступ к морю, Иосафат сделал попытку возобновить сношения с Офиром и построил для этого корабли. Впрочем, и на этот раз, как при Соломоне, целью экспедиции было не столько завязать правильные торговые сношения, сколько прежде всего получение золота¹⁶. На этот раз попытка снаряжения экспедиции была, по-видимому, предпринята самостоятельно, без содействия со стороны финикиян, и возможно, что прежде всего именно по этой причине исход и результаты ее получились совершенно иные, нежели при Соломоне. Очевидно, вследствие неумелости строителей, равным образом как и неопытности экипажа, корабли, построенные Иосафатом, потерпели крушение, даже не успев отплыть на сколько-нибудь значительное расстояние, разбившись в Эцион-Гавере, расположенном непосредственно вблизи Элафа, служившего местом их отправления¹⁷. Интересно, что в снаряженной иудейским царем экспедиции хотел принять участие и Охозия, царь Самарии, отправив на кораблях Иосафата

---

¹⁵ 3 Царств, 20, 34.

¹⁶ 3 Царств 22, 48: «Царь Иосафат сделал корабли на море, чтобы ходить в Офир за золотом».

¹⁷ Там же; ср. 2 Паралипоменон 20, 35–37. Само собою разумеется, в данном случае идет речь не о плавании в Тартесс, как сообщается в книге Паралипоменон, но именно о плавании в Офир, на что указывает и самое место отправления предположенной экспедиции.

и своих слуг, очевидно, прежде всего с тою же целью раздобыться золотом, однако не получил на это согласия со стороны Иосафата¹⁸. Попытка экспедиции в Офир была предпринята Иосафатом в последние годы его царствования¹⁹, а уже при его преемнике Иораме (849–842) Элаф вновь был потерян. Только спустя свыше полустолетия после этого иудейским царям опять удалось овладеть Элафом. На этот раз гавань находилась в обладании иудейского царства в течение нескольких десятилетий, но, несмотря на такой относительно продолжительный срок, мы за все это время ничего уже более не слышим о каких-либо попытках возобновить там кораблестроение. Очевидно, пример Иосафата и неудача, постигшая его, не располагали его преемников к повторению предпринятой им попытки²⁰.

И впоследствии в течение всей ветхозаветной истории, как уже мы имели случай отмечать выше, мореплавание точно так же оставалось совершенно чуждым израильскому народу. Так, в легенде о пророке Ионе, относящейся уже к после пленной эпохе, последний, намереваясь ехать морем, садится на иностранное судно, пассажирами которого являются представители самых различных национальностей, но в числе их, кроме Ионы, по-видимому, не было ни одного еврея²¹. Евреи, таким образом, не только активно не принимали участия в мореплавании, но не встречались и на иностранных судах в качестве простых пассажиров²², избегая моря и морских сообщений вообще.

Попытки со стороны отдельных израильских и иудейских царей завязать более активные внешние торговые сношения

---

¹⁸ 3 Царств 22, 49.

¹⁹ О времени предпринятой Иосафатом экспедиции мы можем заключить из того факта, что в ней пожелал принять участие израильский царь Охозия (Ахазия), царствовавший в Самарии в 854–853 годах, т.е. за четыре-пять лет до окончания царствования Иосафата.

²⁰ 2 Царств 14, 22; 16, 6; 2 Паралипоменон 26, 2; ср. Guthe у Herzog-Nauck. Band XVII. S. 572.

²¹ Книга пророка Ионы 1, 8: «тогда сказали ему: скажи, за кого постигла нас эта беда? Какое твое занятие и откуда идешь ты? Где твоя страна и из какого ты народа?»

²² Книга пророка Ионы 1, 3–5, 8. G.A.S. (Trade and Commerce. — Encyclopedia Byblica. Vol. IV. P. 5169) обращает внимание на то, что «даже в настоящее время евреи, успевшие выделиться во всех областях жизни среди тех народов, где им приходится жить, нигде не прославились в качестве адмиралов или капитанов судов и крайне редко встречаются даже среди матросов».

окончились, таким образом, ничем, и в конце концов были совершенно оставлены и не повторялись более. За все время самостоятельного существования обоих царств внешняя торговля их, хотя и получившая некоторый толчок в связи с распространением страсти к роскоши среди аристократических кругов, тем не менее оставалась исключительно пассивной и при том еще в большей степени, нежели ранее в царствование Соломона, которому все же удавалось поддерживать непосредственные отношения с главами соседних государств. Если к концу эпохи царств мы и встречаем отдельные еврейские поселения в чужеземных, по преимуществу в соседних странах и областях, прежде всего в Египте, то, во всяком случае, одно это обстоятельство далеко еще не дает нам права и основания видеть в каждом таком поселении и тем более в каждом случайном упоминании (например, в писаниях пророков) о той или иной стране доказательство развития внешней торговли и, в частности, существования постоянных торговых сношений с каждой такой страной, упоминаемой в ветхозаветных литературных памятниках, как это находим у Herzfeld'a²³. Напротив, все говорит за то, что еврейские поселения вне Палестины не были торговыми поселениями. По крайней мере, мы имеем прямые указания, что в большинстве случаев поселения эти представляли собою прежде всего колонии военных наемников, добровольно вступавших на службу иноземных государей или, что наблюдалось чаще, насильственно переведенных во время победоносных походов против одного из еврейских царств.

Как бы то ни было, но, во всяком случае, можно считать несомненным, что внешняя торговля эпохи царств отличалась прежде всего пассивным характером: ввоз и вывоз одинаково находились в руках иностранных, именно финикийских, купцов. Ввозились при этом исключительно продукты и изделия, представлявшие предметы роскоши и служившие прежде всего для удовлетворения спроса со стороны высших классов, именно: различные благовония, мирра, алоэ, нард, шафран, аир, корица, кораллы и перлы, затем предметы, служащие для украшения различных частей тела, равно как и украшавшие храмы, дворцы и богатые дома, украшения, изготовленные из золота, серебра, драгоценных камней, слоновой кости, ковры и покрывала из египетской пряжи, платья и одежда из голубого и крас-

---

²³ Herzfeld. Handelsgeschichte der Juden passim. Ср. Speck. Handelsgeschichte des Alterthums. Band I. Leipzig, 1900. S. 586–587.

ного пурпура и виссона, колесницы и лошади²⁴. Предметами вывоза служили исключительно продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности, о чем свидетельствует перечисление предметов торгового вывоза обоих еврейских царств, которое мы находим у пророка Иезекииля в его известном описании торговли города Тира. «Иуда и земля израилева торговали с тобою, — читаем мы здесь, — за товар твой платили пшеницею минифскою, и сластями, и медом, и деревянным маслом, и бальзамом»²⁵.

Подобно внешней торговле, и ремесленная промышленность, поскольку эта последняя успела развиться за время царств в среде израильского народа, точно так же обязана была своим развитием прежде всего спросу со стороны высших и более состоятельных классов. Удовлетворяя почти исключительно потребностям местной знати, она почти ничего не производила ни на вывоз, ни на широкого потребителя. О том, что ремесленная промышленность прежде всего и главным образом служила для удовлетворения растущей в среде землевладельческой аристократии страсти к роскоши и широкой жизни, свидетельствует и самый род ремесленных профессий, упоминания о которых встречаются в современных описываемой эпохе книгах Ветхого Завета. Это именно: пекари²⁶, составители благоуханных мазей²⁷, ткачи²⁸, среди которых особенно выделяются ткачи, выделяющие изящные и богатые материи²⁹, белильщики³⁰, горшечники³¹, в том числе, вероятно, изготовлявшие вазы и сосуды в подражание иностранным образцам³², кузнецы³³ и оружейники³⁴, плотники³⁵, резчики из дерева, выделявшие деревянные статуи и другие резные изделия, служив-

---

²⁴ *Speck*. Band I. S. 584.

²⁵ Иезекииль 27, 17.

²⁶ Иеремия 37, 21.

²⁷ Неемия 3, 8; Екклесиаст 10, 1; Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 38, 8; 49, 1.

²⁸ 1 Царств 17, 7.

²⁹ 1 Паралипоменон 4, 21; ср. Исход 26, 1.

³⁰ Исаия 7, 3.

³¹ Иеремия 18, 3 и след.; 19, 1. Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 38, 29.

³² *Vincent*. Сапаан. Р. 353–354.

³³ Исаия 44, 12; Иеремия 24, 1 и след.; Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 38, 28.

³⁴ 1 Царств 8, 12.

³⁵ Исаия 14, 13; 4 Царств 12, 11.

шие для украшения и внутреннего убранства домов знати³⁶, каменотесы³⁷, каменщики³⁸, штукатуры³⁹, и вообще строительные рабочие⁴⁰, ювелиры и золотых дел мастера⁴¹, резчики⁴² и, наконец, брадобреи⁴³.

Само собою разумеется, что число ремесленников, работавших для удовлетворения спроса со стороны ограниченного числа потребителей из замкнутой аристократической среды, не могло быть особенно значительным. К тому же, как мы видели, и в жизни аристократических кругов основой хозяйства по-прежнему оставался натуральный строй, и вне дома поэтому заказывались и приобретались лишь относительно немногие предметы роскоши и такие изделия, которые не могли быть изготовлены домашними средствами⁴⁴. И именно в виду этого последнего обстоятельства, в виду того, что профессии, занятые изготовлением предметов роскоши и изделий, украшавших дома знати, требовали значительного искусства и опытности, большая часть ремесленников не принадлежала к туземному населению, но состояла из натурализовавшихся в стране иностранцев, по преимуществу, все тех же хананеев⁴⁵. Особенно это следует сказать относительно требовавших особого искусства профессий золотых дел мастеров и ювелиров. Именно в этой профессии было особенно много мастеров иностранного происхождения⁴⁶. Но и в остальных ремесленных профессиях лишь относительно незначительная часть ремесленников принадлежала к туземцам — ученикам иностранных мастеров⁴⁷. В общем положение дел и состояние ремесленной промышленности вряд ли значительно изменилось со времени Соломона, ког-

---

³⁶ Иеремия 24, 1.

³⁷ 2 Царств 5, 11.

³⁸ Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 38, 27.

³⁹ Иеремия 13, 11.

⁴⁰ Псалом 117, 22; 4 Царств 12, 11.

⁴¹ Песнь песней 7, 12; 11, 11.

⁴² Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова 38, 27; Иеремия 17, 1.

⁴³ Иезекииль 5, 1.

⁴⁴ В качестве примеров наиболее обычных ремесел в «Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова» приводятся ремесла плотника, кузнеца и горшечника (38, 27–35). «Без них ни город не построишь, ни жители не селятся и не будут жить в нем» (стр. 37).

⁴⁵ Буль. С. 58.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Паралипоменон 2, 14.

да, как мы видели, большая часть работ по заготовке материала, равно как и по сооружению храма и по внутренней его отделке, производилась финикийскими рабочими и мастерами.

Ремесленная промышленность, во всяком случае, не играла заметной роли в экономической жизни страны. «Ремесла израильтян могли питать немалую часть народа, хотя они все-таки всегда имели более или менее второстепенное значение и не изменяли характера народа, как нации земледельческой. О фабриках (собственно о более крупных ремесленных мастерских, в которых работали рабы. — А.Т.), какие, например, были у вавилонян, у израильтян не может быть и речи»⁴⁸. С скромная роль, какую играла ремесленная промышленность в экономической жизни, отражалась и на общественном положении ремесленников. Положение ремесленников оказывалось далеко незавидным. Они не принимали никакого участия ни в государственной, ни даже в общественной жизни страны⁴⁹. Звание ремесленника не пользовалось ни почетом, ни уважением. Некоторые же профессии, и прежде всего ткаческая (что представляется особенно характерным, если мы сопоставим этот факт с тем почетным положением, какое занимал, например, цех ткачей в средневековых городах), открыто презирались⁵⁰.

Подводя итоги экономической жизни и развития еврейского народа за время раздельного существования израильского и иудейского царств, мы прежде всего должны констатировать, что, сохраняя в течение всего этого периода почти исключительно земледельческий характер, оба царства в то же время переживают процесс коренной ломки всех имущественных и общественных отношений, процесс, выражающийся в росте крупного землевладения и в образовании землевладельческого класса, с одной стороны, и в растущей экономической зависимости от этого вновь народившегося класса массы земледельческого населения, с другой. Следствием этого процесса явилось не только имущественное неравенство, но и накопление богатств в руках землевладельческой аристократии, богатств, которые в условиях натурального хозяйства не могли найти себе какого-

---

⁴⁸ Буль. С. 60.

⁴⁹ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Они в собрании не приглашаются, на судейском седалище не сидят и не рассуждают о судебных постановлениях, не произносят оправдания и осуждения и не занимаются притчами».

⁵⁰ Rieger. Versuch einer Technologie und Terminologie der Handwerker in der Mischna. 1894. S. 25, 39–40.

либо производительного помещения и потому расходовались в большинстве случаев непроизводительно. Этим и обуславливалось то развитие роскоши и внешней показной стороны в образе жизни аристократии, о котором шла речь выше. Повысившийся вместе и в связи с переменой жизни аристократии спрос прежде всего на иноземные продукты и изделия, равно как и близкое соседство передовой торговой нации того времени, имел в свою очередь своим последствием некоторое оживление внешних торговых сношений одинаково в обоих царствах, но в большей степени в северном израильском царстве, в области которого, как нам уже известно, проходил довольно важный торговый путь долиной Изреель, однако эти внешние торговые сношения, оставаясь со стороны еврейского народа в течение всего рассматриваемого периода исключительно пассивными, не могли поэтому повести, по крайней мере, в сколько-нибудь заметной степени к изменению общего экономического облика страны. Натуральное хозяйство как в предшествовавшую эпоху, так одинаково и в эпоху царств оставалось преимущественным, если не исключительно преобладающим типом хозяйственной организации.

Общественно-экономические условия, наблюдавшиеся в израильском и иудейском царствах, представляют известную аналогию и потому могут быть сопоставлены с положением отсталых земледельческих областей Греции в македонскую и непосредственно ей предшествовавшую эпоху. Как оба еврейские царства, так и греческие города и области, расположенные в стороне от важнейших морских торговых путей, не обладая удобными и оживленными морскими гаванями и не принимая поэтому ближайшего и непосредственного участия в морской торговле, тем не менее не могли не испытывать заметного влияния со стороны соседних с ними крупных торговых городов.

Интересно отметить при этом, что указанная аналогия распространялась не только на экономические и социальные, но одинаково и на политические условия развития обоих народов. И в Иудее во время царствования Иосии (640—608), как позднее в Спарте в эпоху Агиса и Клеомена, царская власть, все более стесняемая и ограничиваемая в своих отправлениях растущим значением и влиянием землевладельческой знати, одинаково пытается найти себе опору в страдающей от того же землевладельческого класса массе пауперизованного населения. И там и тут инициатива общественной реформы исходит поэтому не столько снизу, сколько сверху, не из среды самих трудящихся масс, но от

царской власти и близко к ней стоящих общественных кругов⁵¹; и там и тут реформа имела целью устранение задолженности масс и восстановление прежнего равенства земельных наделов⁵²; и там и тут, наконец, движение проходило под знаком национального возрождения и восстановления внешнего могущества страны⁵³. Недаром национальный и социально-этический моменты таким причудливым образом переплетаются как в проповеднической деятельности и в писаниях пророков эпохи царств, так одинаково и в попытке реформы, предпринятой под их влиянием царем Иосией и имевшей своею целью проведение

---

⁵¹ В этом отношении представляется особенно характерной политическая позиция пророка Исаии, у которого заступничество за обижаемых и притесняемых бедняков отлично уживается и совмещается с надеждой на сильную царскую власть (33, 17) и с самыми консервативными убеждениями, равно как и с отвращением к анархии, вызываемой с его точки зрения всяким непосредственным движением масс (3, 1 и след.; 9, 14–15). Ср. очерк политических воззрений Исаии: *Kleinert. Die propheten Israels in sozialer Beziehung. Leipzig, 1905. S. 50–60.*

⁵² Первоначальные земельные порядки, господствовавшие у израильтян, по всей вероятности, должны были в известной степени напоминать древние спартанские порядки. «Хотя в нашем распоряжении, — говорит, например, *W. Nowack*, — вовсе не имеется первоисточников, на основании которых можно было бы судить о первоначальном разделении между отдельными родами и семьями, но едва ли может подлежать сомнению, что в пределах каждого колена завоеванная земля была разделана по числу способных к оружию мужчин, так как в те отдаленные времена у евреев не было ни собственно жреческого, ни военного привилегированных сословий» (*Die sozialen Probleme in Israel und ihre Bedeutung für die religiöse Entwicklung des Volkes. — Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1892, № 110–111*). Цитировано по статье *Адлера* о социально-реформаторском движении в древности: «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*» (рус. перевод в издании Водовозовой, с. 43).

⁵³ Национально-политические мотивы нашли себе заметное выражение уже в проповеднической деятельности первых пророков, начиная с пророков Илии и Елисея. В их борьбе против языческих богов и в проповеди культа Ягве находил себе выражение прежде всего именно национальный протест против иноземного влияния, равно как, с другой стороны, и требование единства культа также отвечало политическим целям объединения всего Израиля вокруг царей Иерусалима. Этот национальный момент в проповеди пророков отмечался и подчеркивался всеми исследователями, касавшимися их деятельности. См., например: *Darmstätter. Les prophetes d'Israel; Giesebrecht. Die Grundzüge der israelitischen Religionsgeschichte; W. Nowack. Die*

в жизнь возведенных ими общественно-политических идеалов⁵⁴. В конечном итоге, однако, и в Иудее реформаторская деятельность царя Иосии имела также мало успеха и не привела точно так же ни к каким осязательным результатам, как и реформа Агиса и Клеомена в Спарте. И причины неудачи общественных реформ там и здесь были, в сущности, одни и те же и заключались прежде всего в отсутствии собственно городских элементов населения, с одной стороны, и в инертности и пассивности земледельческой массы, с другой.

Так же неудачно, как реформа Иосии, окончилась и повторная попытка аналогичной социальной реформы, предпринятая последним иудейским царем почти накануне падения Иерусалима⁵⁵.

Zukunftshoffnungen Israels in Assyrien. Zeit. 1902; Wilcke. Die politische Wirksamkeit der Propheten. 1913. См. также: Stade. Geschichte des Volkes Israel. Berlin, 1886. Band I. S. 550 f.; Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. Band I. S. 435 f. и др. Преобладание национально-политического мотива в проповеднической и пророческой деятельности пророков более раннего времени сменяется универсальным в писаниях позднейших пророков лишь после потери политической самостоятельности обоими царствами, когда вместе с этим погибли раз навсегда и надежды на политическое возрождение Израиля.

⁵⁴ Сведения о реформе Иосии мы почерпаем, главным образом, из четвертой книги Царств (главы 22–23), где всей реформе, в духе позднейшей переработки, придан исключительно церковный характер, и из Второзакония, имеющего в данном случае значение документального памятника. Что социально-политический момент при проведении реформы Иосии имел не меньшее значение, нежели момент религиозный, можно догадываться не только на основании прямых свидетельств о проведенных им социальных мероприятиях, например, в отношении должников, но точно так же и по аналогии с реформой, предпринятой позднее царем Седекией и отличавшейся по преимуществу социальным характером (Иеремия 34, 8–11). Кроме сочинений общего характера см. относительно реформы Иосии специальные исследования: W. Staerk. Das Deuteronomium; Steuernagel. Die Entstehung des deuteronomischen Gesetzes. 1896; Fries. Die Gesetzschrift des Königs Josia. 1903.

⁵⁵ Иеремия 34, 8–11.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вавилонский плен и начало диаспоры

И выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско — десять тысяч было переселенных, — и всех плотников и кузнецов: никого не осталось кроме бедного народа земли.

4 Царств, гл. 24

И прочий народ, остававшийся в городе, и пресметников, которые передались царю вавилонскому, и прочий простой народ выселил Навузардан, начальник телохранителей. Только несколько из бедного народа земли оставил начальник телохранителей работниками в виноградниках и землепашцами.

4 Царств, гл. 25

А все оставшиеся (в плену) во всех местах, где бы кто ни жил, пусть помогут ему жители места того серебром и золотом, и иным имуществом, и скотом, с доброхотным даянием для дома божия, что в Иерусалиме.

Первая книга Ездры

Падение политической самостоятельности и гибель обоих еврейских царств, сопровождавшаяся уводом в плен и поселением на новых местах в совершенно иных условиях большей части населения, преимущественно из среды высших и более состоятельных его элементов, коренным образом изменили условия дальнейшего существования, а вместе с тем и всего общественно-экономического развития израильского народа. Образование на северо-востоке великих завоевательных держав, ассирийской и затем вавилонской, и стремление их расширить свои владения в сторону Египта естественно должны были привести их в столкновение с обоими еврейскими царствами, лежавшими как раз на пути их завоевательных стремлений. О сколько-нибудь длительном сопротивлении, конечно, не могло быть и речи. И вот первым еще в конце восьмого века пало северное израильское царство. После трехлетней осады Самария была взята ассирийским царем Саргоном (721). «Цвет» населения с царем во главе при этом был выведен из страны, и пленники расселены в различных местностях Ассирии, преимущественно в северных областях при реке Гозан, также частью на востоке «в горо-

дах мидийских»¹. Общее число уведенных и переселенных в Ассирию израильтян составляло, согласно ассирийским сведениям, 27290 человек². Цифра, правда, сама по себе не очень значительная, но если принять во внимание, что был уведен в плен прежде всего «цвет» населения израильского царства, то есть высшие и наиболее состоятельные слои его, тогда, напротив, для нас станет очевидным, что цифра эта, превышавшая 27000 человек, должна была охватывать всю имущую часть населения страны, лишившейся вместе с этим всех своих наиболее состоятельных и деятельных элементов. На месте оставлено было, по-видимому, лишь беднейшее земледельческое население, неспособное к общественно-политической жизни и деятельности. К тому же уведенная в ассирийский плен часть населения замещена была поселенцами из различных вавилонских городов, «и они овладели Самариею и стали жить в городах ее»³. Наконец, территория бывшего израильского царства подверглась расхищению со стороны ближайших соседних народов. Северные и восточные области заняты были арамеями, заиорданские же степные местности захвачены кочевым народом аммонитян⁴. Вот почему с падением израильского царства и само население, занимавшее бывшую его территорию, в короткое время утратило чистоту своего еврейского происхождения и образовало новую смешанную национальность, известную у иудеев под презрительным названием — самарян.

Опасность, внезапно выросшая на севере для самой ассирийской державы в лице мидийского царства, приостановила дальнейшее движение ее на юг и более чем на сто лет отсрочила для Иерусалима и иудейского царства неизбежно грозившую им гибель. Однако с падением ассирийской державы и с возвышением на ее месте нововавилонского царства, это последнее в своей завоевательной политике пошло по стопам ассирийских царей. Движение на юг, таким образом, возобновилось, и жертвой его на этот раз пало и иудейское царство. Тщетно последнее искало опоры в Египте. Попытка в надежде на египетскую помощь отказать Вавилону в вассальной зависимости и в уплате дани (597 г.) дорого обошлась иудейскому

---

¹ 4 Царств 17, 6; 17, 24, 18; ср. *Wellhausen*. *Israelitische und Jüdische Geschichte*. S. 122.

² *Oppert*. *Inscriptions du palais de Khorsabad*; ср. *Schrader*. *Die Keilinschriften und das alte Testament*. 1883. S. 271–285.

³ 4 Царств 17, 24.

⁴ Ср. *Wellhausen*. S. 122–123.

царю Иехонии. Перед Иерусалимом появилось многочисленное войско вавилонян под предводительством самого царя Навуходоносора. Ожидавшаяся египетская помощь не приходила, и Иерусалим должен был сдаться на милость победителя. «И пришел Навуходоносор, царь вавилонский, к городу, когда рабы его осаждали его. И вышел Иехония, царь иудейский, к царю вавилонскому, он и мать его, и слуги и князья его, и евнухи его, и взял его царь вавилонский в восьмой год своего царствования. И вывез он оттуда все сокровище дома господня и сокровища царского дома; и изломал, как изрек Господь, все золотые сосуды, которые Соломон, царь израилев, сделал в храме господнем. И выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско — десять тысяч было персселенных, — и всех плотников и кузнецов: никого не осталось кроме бедного народа земли. И персселил он Иехонию в Вавилон, и мать царя, и жен царя, и евнухов его и сильных земли отвел на поселение из Иерусалима в Вавилон, и все войско числом семь тысяч, и художников и строителей тысячу, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь вавилонский на поселение в Вавилон»⁵.

На этот раз царство иудейское, однако, еще не было уничтожено окончательно, и тесть политической самостоятельности ему была оставлена. Царем в Иерусалиме Навуходоносор сделал дядю Иехонии Седекию⁶. Отсрочка оказалась, впрочем, непродолжительной. Спустя всего одиннадцать лет новая попытка отложиться привела к повторному и на этот раз уже к окончательному разгрому. Иерусалим был взят и подвергся полному разрушению. Стены были срыты и уничтожены до основания. Храм, построенный Соломоном, и «все дома большие», то есть очевидно вся аристократическая и наилучше обстроенная часть города — преданы огню⁷. Все золото и серебро, уцелевшее от первого разгрома, и даже изделия из меди, находившиеся в храме и, вероятно, в домах знати, взяты и увезены в Вавилон⁸. Теперь уже не только общественные верхи, но и «прочий народ, остававшийся в городе» (то есть в Иерусалиме), равно как «и весь прочий простой народ» был выселен в Вавилон. «Только несколько из бедного народа земли»⁹ оставил начальник те-

---

⁵ 4 Царств 24, 11–16; ср. Иеремия 29, 2.

⁶ 4 Царств 24, 17–18.

⁷ 4 Царств 25, 9–10; Иеремия 39, 8; 52, 13.

⁸ 4 Царств 25, 13 и след.; Иеремия 52, 17 и след.

⁹ Ср. Иеремия 39, 10: «которые ничего не имели».

лохранителей¹⁰ работниками в виноградниках и землепашцами¹¹. Если полагаться на свидетельство ассирийских данных, согласно которым во время царствования Санхериба (705–681 гг.)¹² в Иерусалиме насчитывалось 25 тысяч жителей, в остальной Иудее до 20 тысяч (последняя цифра, по всей вероятности, неполна и значительно ниже действительности), наконец, число крупных землевладельцев, по тем же данным, определялось в 15 тысяч человек, то мы должны будем признать, что, по крайней мере, эти последние в количестве до пятнадцати тысяч человек уведены были в Вавилон после первого и второго разгромов Иерусалима. Так, мы видели, что только после первого взятия Иерусалима Навуходоносором уведено было от восьми до десяти тысяч пленников¹³. По всей вероятности, общее число уведенных в плен было значительнее, нежели 15 тысяч принадлежавших к верхнему общественному слою, как можно заключить по числу переселенных из Самарии во время ассирийского нашествия¹⁴ и еще непосредственное на основании числа возвратившихся в Иудею из вавилонского плена при Кире, составлявшего свыше 40 тысяч человек¹⁵.

Вскоре после разрушения Иерусалима поставленный вавилонянами наместником Годолия был убит, вслед за чем, из божьей мести и расправы со стороны вавилонян, и значительная

---

¹⁰ Навузардан, отправленный на этот раз Навуходоносором против Иерусалима. 4 Царств 25, 8.

¹¹ 4 Царств 25, 12; Иеремия 39, 7; 40, 7; 52, 15.

¹² *Schrader*. Die Keilin-Schriften und das alte Testament. Band I.

¹³ Цифры, сообщаемые книгой Царств, несколько противоречивы: в стихе 14 главы 24-й говорится о 10 тысячах переселенных, в стихе 16-м только о восьми. Первая цифра, быть может, обнимает всю массу переселенцев, вторая же только военнослужащих («все войско») и строителей. Что касается далее цифр, сообщаемых Иеремией, согласно свидетельству которого общее число уведенных в плен за все три приема при Иехонии, Седекии и после убийства Годолии составляло всего только 4600 человек (52, 28–30), то эти цифры, по-видимому, должны быть значительно ниже действительности и, по всей вероятности, намеренно преуменьшены. Ср. *Wellhausen*. S. 145, Anmerkung, что объясняется, быть может, принадлежностью самого Иеремии к сторонникам вавилонской партии.

¹⁴ См. выше.

¹⁵ I Ездры 2, 64. При этом многие еще, как известно, предпочли остаться в Вавилоне. Предполагать увеличение числа возвратившихся по сравнению с числом первоначально поселенных путем естественного прироста мы не можем ввиду незначительности срока, прошедшего между этими двумя событиями.

часть оставленного победителями в Иудее населения поспешила добровольно удалиться и переселилась в Египет, насильственно захватив при этом, по-видимому, и вождей дружественной вавилонянам партии, в том числе пророка Иеремию¹⁶. Насколько должна была опустеть страна после этого третьего массового выселения из ее пределов жителей видно из того, что, согласно, например, свидетельству Иеремии, в Египет удался «весь остаток иудеев»¹⁷, согласно же повествованию книги Царств «весь народ от малого до большого»¹⁸. Наконец, и ожидаемое возмездие со стороны вавилонян не заставило себя ждать, и те, кто не успел спастись в Египет, были уведены в Вавилон¹⁹.

В результате такого тройного разгрома Иудея совершенно запустела и, во всяком случае, лишилась почти всего своего городского и вообще мало-мальски состоятельного и имущего населения. Мы видели, что не только «князья» и аристократия, но и «весь Иерусалим» и даже значительная часть ремесленного населения страны были уведены в плен еще Навуходоносором. При последующих разгромах точно так же, естественно, должна была пострадать прежде всего городская часть населения. На месте осталась лишь беднейшая часть земледельческого населения да, быть может, еще население наиболее захолустных и отдаленных местностей. Само собою разумеется, что экономическое развитие страны вместе с этим совершенно остановилось, и те скромные зачатки и зародыши торговой и ремесленной деятельности, какие к этому времени успели развиваться в Иудее, в короткое время должны были исчезнуть окончательно, и Иудея в большей степени, чем когда-либо ранее за все предшествовавшее время, превратилась в страну исключительно земледельческую.

Но если бедность и скромный земледельческий труд сделали уделом оставшегося на родине населения, то в совершенно ином положении оказывались те многочисленные пленники, которые были уведены с родины и расселены в различных областях вавилонского государства. Часть изгнанников была поселена в самой Месопотамии в столице или вблизи нее, часть вдоль среднего течения Евфрата, часть в области верхнего Тигра, наконец, часть в Сузиане. Изгнанники не были теперь, таким образом, размещены, как ранее после падения Самарии

---

¹⁶ 4 Царств 25, 25–26; Иеремия, главы 41–44.

¹⁷ Иеремия 43, 15.

¹⁸ 4 Царств 25, 26.

¹⁹ Иеремия 52, 30.

израильские изгнанники, по окраинам государства, а, напротив, в центральных частях вавилонского государства, и притом в крупнейших городских центрах, посреди богатого и многочисленного, занятого по преимуществу торговлей и промышленностью, населения.

Если мы примем при этом еще во внимание относительно высокий уровень экономического развития древнего Вавилона, стоявшего в этом отношении впереди всех остальных государств и стран Востока и представлявшего поэтому как бы центр торгово-промышленной жизни для всего Востока²⁰, то мы легко поймем значение той перемены в судьбе иудеев, внезапно перенесенных из отсталой земледельческой страны в крупнейшие и важнейшие торгово-промышленные центры всей Передней Азии. Но и помимо этого самые условия существования иудейских переселенцев в плену вынуждали их прежде всего обращаться именно к торгово-промышленной деятельности. Хотя отведенные в плен иудеи и не подвергались, по-видимому, на новых местах своего поселения большим стеснениям, и им предоставлена была относительно широкая свобода в выборе занятий и рода деятельности²¹, однако, в действительности такого выбора им в сущности не предоставлялось.

---

²⁰ Относительно широкого развития в Вавилоне торговых и денежных операций см.: *Kohler und Peiser. Aus dem babylonischen Rechtsleben. Band I. S. 17 f.* На русском языке наиболее обстоятельное описание торгово-промышленной жизни древнего Вавилона можно найти в книге *Никольского «Древний Вавилон» (М., 1914. С. 193 и след., 409 и след.)*.

²¹ 4 Царств 24, 27; Иеремия 52, 31 и след.; ср. 29, 4 и след.; Неемия 5, 17 и глава 11. Изгнанникам была предоставлена в плену возможность даже жить самоуправляющимися общинами, причем вскоре же в этих общинах вновь успела приобрести первенствующее значение родовая аристократия, которая почти в полном составе была переселена в Вавилон. См.: *Leesemann. Die Aeltesten im Alten Testament. 1895. S. 51 f.*; *Stade. Geschichte des Volkes Israel. Band II. S. 105*; *Ed. Meyer. Die Entstehung des Judenthums. Halle, 1896. S. 32 f.*; *Benzinger. Geschichte Israels. Leipzig, 1904. S. 121 f.*; *Benzinger. Archäologie. S. 316 f.*; *Nowack. Archäologie. Band I. S. 314 f.*; *Дубнов. Всесообщая история евреев. Т. I (издание второе). С. 211.* Относительно условий жизни переселенцев в плену вообще см. также специальные исследования: *Nikel. Die Wiederherstellung des jüdischen Gemeinwesens. Freiburg im B., 1900*; *Sellin. Studien zur Entstehungsgeschichte des jüdischen Gemeinde. Leipzig, 1901*; *Klamroth. Die jüdische Exilanten in Babylon. Leipzig, 1912.*

Прежде всего, возможность занятия земледелием и ведения земледельческого хозяйства, составлявшего, как мы знаем, преимущественное их занятие на родине, здесь, на новых местах поселения, оказывалась для них почти совершенно исключенной. При относительно незначительной и ограниченной площади годной к обработке земли, с одной стороны, и при чрезвычайно густом населении области Месопотамии, с другой, наконец, при особых совершенно непривычных для иудеев туземных способах и условиях обработки земли, построенной, как известно, на сложной системе канализации, разве лишь отдельные изгнанники в виде исключения имели возможность предаться земледельческому труду, избрав его в качестве главного рода деятельности и средства пропитания. Число таких исключений должно было оказываться тем меньшим, что переселенцы, как мы видели, в большинстве принадлежали к городской части населения и к представителям высших классов, то есть были, таким образом, прежде всего людьми, привыкшими жить доходами с земли, но не сами лично заниматься земледельческим трудом.

Но не только земледелие, а и другие роды деятельности в большинстве случаев одинаково оказывались по тем или иным причинам недоступными для изгнанников. Так, промышленная деятельность, не считая, быть может, тех относительно немногочисленных и составлявших лишь незначительное меньшинство всех переселенцев строительных мастеров и рабочих, которые специально были захвачены с собою Навуходоносором, вряд ли могла получить особенно широкое распространение среди остальной массы изгнанников. Не говоря о принадлежности большей части этих последних к высшему классу населения и, следовательно, так же непривычке их к ремесленному, как и к земледельческому труду, даже и специалисты-ремесленники, если такие были в числе изгнанников, с их примитивными приемами и способами работы в такой передовой и обладавшей для того времени относительно развитой промышленностью стране, какую представляла собою Месопотамия, не могли бы успешно конкурировать с местными ремесленниками и не нашли бы сколько-нибудь широкого сбыта среди туземных потребителей для своих изделий. Наконец, точно также и военная карьера и государственная служба, составлявшая прямое призвание значительной части изгнанников на их родине, здесь для большинства из них, по крайней мере, а вернее, что и для всех вообще, оказывались закрытыми.

Но если все другие роды занятий были недоступны или малодоступны для иудейских изгнанников в Вавилоне, зато тем более обширное поприще открывалось для них в области торговых и денежных операций, для которых условия жизни в вавилонской монархии представляли такие необычайно благоприятные условия. Перед иудеями открывалось, таким образом, повое широкое поле деятельности, хотя и необычной для них, но в то же время представлявшей наиболее легкий и доступный одинаково и для них путь к наживе и к обогащению. Если мы припомним еще при этом, что значительная часть изгнанников принадлежала к высшим и более состоятельным кругам населения, следовательно, располагала и достаточными средствами для занятия торговыми операциями, то мы без труда поймем, почему именно торговля сделалась их преимущественным занятием во время изгнания и поселения в областях вавилонского государства.

Как бы то ни было, но в конце концов значительная часть изгнанников, и прежде всего все те, которые располагали необходимыми для этого средствами, обратились именно к занятию торговлей и денежными операциями; по-видимому, они имели в этом отношении предшественников уже в лице отдельных более предприимчивых личностей из числа уведенных еще во время ассирийского пленения израильтян. Если действительно верно только предположение о еврейском происхождении руководителя известнейшего банкирского дома в Вавилоне, банка Эгиби²², открывшего свои действия еще в 685 году²³, то из этого примера можно видеть, насколько быстро и легко приспособлялись изгнанники к новым условиям жизни. Факт принадлежности виднейшего и крупнейшего банкирского дома Вавилона лицу, по-видимому, еврейского происхождения — далеко не единственный показатель нового рода деятельности, к какой обратились израильские и иудейские изгнанники на новых местах своего поселения в совершенно иных условиях по сравнению с условиями их жизни на родине. Мы имеем и помимо того целый ряд других доказательств, и прежде всего

---

²² Еврейское происхождение руководителя этой известной фирмы можно предполагать на основании сходств имени Эгиби с чисто еврейским именем Иакова. См. относительно этой фирмы: *Никольский*. Древний Вавилон. С. 421–422; также *Encyclopedia Biblica*. Vol. II. S. v.

²³ См. там же.

документальных данных, подтверждающих живое участие иудейских изгнанников в вавилонской торговле. Так, среди торговых записей шестого и пятого веков дохристианской эры, найденных во время раскопок, производившихся американской экспедицией на месте древнего Ниппура²⁴, во множестве встречаются еврейские имена.

Только широким участием в торговых и денежных операциях объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что многие иудеи за время своего пребывания в плену не только могли достигать высокой степени благосостояния, но и успевали составить себе, по-видимому, довольно солидные денежные состояния²⁵. Вот почему, когда вслед за падением вавилонского государства со стороны нового завоевателя, персидского царя Кира, последовало разрешение иудейским пленникам возвратиться на родину, разрешением этим воспользовалась лишь часть изгнанников, многие же не вернулись на свою прежнюю родину, но предпочли добровольно остаться в Месопотамии, превратившейся таким образом как бы в их вторую родину²⁶. Само собою разумеется, что это были именно те из изгнанников и их потомков, которые успели найти себе прибыльный род деятельности и хорошо устроились и прижились на новых местах. Усвоение многими из них вавилонских и впоследствии персидских имен показывает, насколько успели они освоиться с новыми условиями существования и насколько тесно связанными со своей новой родиной чувствовали они себя при этом²⁷.

Последствием пребывания в вавилонском плену явилась, по крайней мере, для той части изгнанников, которые не пожелали возвратиться на родину и предпочли остаться на чужбине, где условия существования представлялись для них и более выгодными и более привлекательными, не только перемена родины, но, что гораздо важнее и существеннее, тот крутой и резкий поворот, какой произошел при новых условиях во всем их образе жизни. Из сельских жителей, живших преимуще-

---

²⁴ Результаты раскопок в Ниппуре публикуются в выходящем с 1896 года издании «The babylonian expedition of the University of Pensylvania». Ср. также сводную работу по данным, собранным в первые годы деятельности этой экспедиции: *Peters. Nippur*. 1898 (2 тома).

²⁵ I Ездры 1, 4 и след.; Захария 6, 10 след.

²⁶ I Ездры 1, 4 и след., ср. также главу 11.

²⁷ *Benzinger*. S. 122.

ственно доходами со своих поместий и мирно «сидевших под виноградниками и смоковницами своими», они в короткое время превратились в городских жителей, по преимуществу в горожан по всему своему образу жизни и по привычкам; из земледельческого народа, каким они были до этого времени на своей прежней родине, в нацию исключительно торговую, в конце концов сделавшуюся совершенно чуждой земледелию. Иудейство «продолжает существовать в изгнании, как нация, но как нация без крестьян, как нация, состоящая исключительно из горожан... Иудейство становится теперь не только нацией горожан, но и нацией торговцев»²⁸. Начиная с этого времени все дальнейшее развитие иудейского народа продолжает идти указанным путем и в указанном направлении. Если иудеи Палестины до окончательного их рассеяния после разрушения Иерусалима римлянами продолжали еще держаться традиционного земледелия, то евреи диаспоры в самое короткое время быстро эволюционировали от сельского хозяйства и сельской жизни в сторону торговли и городской жизни. Черты исключительно торговой и городской нации, усвоенные иудеями диаспоры еще задолго до нашей эры, как известно, еврейство продолжает сохранять и до сих пор. И в настоящее время расовые особенности евреев представляют собою прежде всего «в сущности не что иное, как особенности горожан, доведенные до самой высокой степени вследствие продолжительной жизни в городах и отсутствия свежего притока из среды крестьянства»²⁹.

Городская жизнь и занятие торговлей перестали быть при таких условиях более или менее случайным обстоятельством или результатом свободного выбора в жизни отдельных представителей иудейской национальности, но с течением времени

---

²⁸ *Каутский*. Античный мир, иудейство и христианство. Перевод Рязанова. СПб, 1909. С. 213.

²⁹ *Каутский*, там же. См., кроме того, специальную его статью: «Das Judenthum» в *Neue Zeit* (Band VIII. S. 23 ff.), где эта же точка зрения развита с большою обстоятельностью. Ср., наконец, последнюю его работу по тому же вопросу: Еврейство и раса. Перевод Ю. Ларина. Издание «Книга». СПб., 1918. С. 114 и след. «Нужно просто наблюдать, — говорит он, например, в этой последней работе, — как изменяется селянин, и затем принять во внимание, что евреи — единственный народ на земле, составляющий ровно два тысячелетия чисто городское население, и тогда объяснение еврейской особенности явится само собою. Она есть особенность городов, доведенная до крайности» (с. 114).

путем своего рода естественного подбора превратились в наследственную «расовую» черту характера, свойственную всей нации вообще. Прекрасную характеристику этого процесса выработки национального характера евреев в связи прежде всего с условиями их жизни в диаспоре находим мы у Каутского, у которого мы заимствовали и только что приводившиеся выше цитаты. «Евреи своеобразием своей истории, – говорит Каутский, – были прикреплены не только к городам, но и внутри их к определенным профессиям. Они должны были жить чужими среди чужих. В старину это легче всего давалось купцу. По началу он занимался не только покупкой и продажей товаров, но и их транспортом, он должен был сам заботиться о нем и оберегать его. Торговля товарами требовала поездок и пребывания купца на чужбине; все нации с товарной торговлей поступали так и потому привыкли видеть у себя чужестранных купцов. Евреи, вынужденные покинуть родину, вступали на чужбину преимущественно в качестве купцов. И, наоборот, те евреи, духовные особенности которых наиболее подходили для торговли, скорее отваживались ехать за границу... Вне Палестины евреи в первую голову принуждены были обратиться к купеческой деятельности. Так что с ранних времен мы видим их торговым народом. Поэтому они, вероятно, сильно развили качества необходимые для купца, и это высокое развитие в течение многих поколений занятия такой деятельностью внутри одной и той же семьи должно было, наконец, создать наследуемые способности и черты»³⁰.

Говоря о процессе выработки основных черт позднейшего национального характера еврейства, черт, характеризующих собою прежде всего еврейство времени наивысшего развития диаспоры, мы забегаем, правда, несколько вперед. Однако мы считаем себя в праве коснуться вопроса о перемене в национальном характере еврейского народа, происшедшей в связи с жизнью в условиях диаспоры, в виду того, что указанный процесс берет свое начало именно в тех условиях существования на чужбине, в какие были поставлены еврейские изгнанники, поселенные в различных местностях вавилонского царства, и в виду того, что вместе с этим и начало того коренного перелома в характере еврейского народа, о котором мы только что говорили, восходит точно так же ко времени пребывания иудеев в плену вавилонском.

---

³⁰ Каутский. Еврейство и раса. С. 118–119.

В сущности, уже в вавилонских городах иудеи жили в условиях, вполне соответствовавших условиям позднейшей диаспоры, и в этом отношении можно смело утверждать, что начало еврейской диаспоре было положено именно первым массовым, пусть первоначально даже насильственным, переселением иудеев с их родины в Месопотамию. Уже здесь иудеи оказывались именно в том самом положении и в тех самых условиях, в которых Каутский видит основную причину, обусловившую главные типичные черты их последующего национального характера. Мало того, именно в Вавилоне все эти условия должны были действовать с особой силой в виду того, что иудеи оказывались здесь посреди деятельного торгового населения, пример которого должен был действовать на них особенно заразительным образом. И мы показали выше, что еще в Вавилоне многие из изгнанников не только успели в течение всего каких-нибудь нескольких десятилетий совершенно переродиться в указанном направлении, но и настолько освоиться со своим новым положением, что не пожелали возвращаться на родину, после того как получили к этому полную возможность. Очевидно, уже в то время перспектива вновь очутиться в бедной и к тому же разоренной стране, отказавшись при этом от всех тех благ и способов легкой наживы, какие представляла жизнь на чужбине, мало прельщала и соблазняла, по крайней мере, тех из них, которым удалось прочно обосноваться и устроиться на новых местах поселения.

Вавилонский плен, таким образом, не только явился первым фактом массового выселения иудеев с родины, не только послужил началом рассеяния – диаспоры, но одинаково положил начало и тому решительному перелому, той перемене в национальном характере, которая с этого времени все более начинает отличать евреев диаспоры от евреев Палестины³¹.

---

³¹ Ср. Буль: «Без сомнения, плен произвел постепенно существенное изменение в жизни и отношениях иудеев. Именно, можно с уверенностью предположить, что пребывание в стране, где процветала торговля и где торговлю часто имели даже рабы, не осталось без влияния на иудеев и что многие из них охотно избрали это занятие, после того как они насильственно были оторваны от отцовской пашни. Этим объясняется и то, что некоторые пленники, спустя короткое время, сделались настолько состоятельными, что могли посылать в Иерусалим золото и серебро» (стр. 20–21).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Иудеи диаспоры и иудеи Палестины

В том обширном возникновении греческих городов, которое продолжалось при многих поколениях и получило такие громадные размеры, каких никогда не имелось ни прежде того, ни после, иудеи принимали выдающееся участие.

Моммсен

Во время Суллы, согласно свидетельству наилучше осведомленного географа того времени, они (иудеи. — А.Т.) проникли во все города, и трудно было бы найти место на земле, где бы это племя не являлось господствующим. Но это были именно греческие области. Варварские страны никогда не наводнялись в такой степени иудеями, так как они находили там слишком мало для себя выгоды.

Ренан

Резкий контраст, резкую противоположность представляло положение иудеев, оставшихся на родине, и иудеев-изгнанников, увезенных вавилонянами с собою и расселенных в различных местностях вавилонской монархии, причем обратно тому, как можно было бы ожидать, различие в положении тех и других оказывалось в пользу изгнанников. Бедность и обезлюдение страны, только что подвергшейся страшному опустошению и разорению, почти полная небезопасность от вторжений со стороны окружавших ее кочевых народцев, исключительно земледельческий, притом самый примитивный образ жизни оставшегося на территории бывших израильского и иудейского царств населения, с одной стороны, и в то же время относительно широкая свобода в выборе занятий, предоставленная изгнанникам, и прежде всего открывавшиеся перед ними широкие возможности легко и быстро достигать благосостояния и даже составлять себе крупные состояния путем обращения к торговым и денежным операциям, с другой — такова была картина жизни иудеев на родине и в изгнании в эпоху так называемого вавилонского плена. Прогрессирующая бедность, разорение и упадок на родине в Палестине и быстрая акклиматизация на чужбине, акклиматизация, сопровождавшаяся пе-

реходом к исключительно городской жизни и к занятию прежде всего торговыми и денежными операциями и вместе с тем относительно быстрым ростом благосостояния иудеев, живших вне родины – таковы были и соответственно намечавшиеся уже в то время перспективы дальнейшего развития еврейского народа со времени потери им политической самостоятельности.

И как мы только что показали в предшествовавшей главе, именно в этого рода перспективах, открывавшихся перед еврейским народом, и следует прежде всего искать основные причины последующей диаспоры, начало которой положено было фактом массового переселения в Вавилон и которая с этого времени даже и после возвращения изгнанников на родину не приостановилась, а, напротив, продолжала развиваться все ускоряющимся темпом.

Положение дел в этом отношении и, прежде всего, отмеченное соотношение в условиях существования евреев на родине и на чужбине не изменилось сколько-нибудь заметно и в последующую персидскую эпоху, сменившую собою время пребывания иудеев в плену вавилонском. Правда, с падением вавилонской монархии, павшей от руки нового завоевателя, персидского царя Кира, со стороны последнего последовало осенью 538 года (всего около пятидесяти лет спустя после разрушения Иерусалима) разрешение иудейским изгнанникам возвратиться на их прежнюю родину; однако, как мы видели, уже в то время этим разрешением поспешила воспользоваться лишь часть изгнанников; многие и, конечно, прежде всего те из изгнанников, которым более других посчастливилось на их новой родине и которым удалось найти там какое-либо прибыльное занятие, предпочли возвращению в Палестину, в свое прежнее отечество, обеспеченное существование на чужбине в главных городских центрах бывшей вавилонской и вновь выросшей персидской монархии¹.

Возвратилось в Иудею в первые годы после разрешения 42360 человек с 7000 рабами². Возвратившихся сразу же ожидало на родине горькое разочарование. Мессианские чаяния и предвещения пророков ни в малейшей степени не оправдались³. На-

---

¹ Насколько значительно было число оставшихся, показывают относительно крупные цифры позднейших переселенцев, возвращавшихся в Палестину.

² 1 Ездры 2, 64.

³ Интересно отметить те надежды, какие связывались с возвращением потомка дома Давидова, внука царя Исхонии Зоровавеля, при-

против, все складывалось таким образом, чтобы убить среди возвратившихся всякую веру в будущее. «Вместо триумфального шествия всего народа в землю, точащую мед и молоко, в среду народов, жаждавших Израиля, как светоча истинного богопознания, жалкие караваны прибыли в одичавшую обезлюдевшую Палестину, где они застали осевшими ископных врагов – моавитян, аммонитян, идумеев и своих братьев, северных израильтян, смешавшихся с ассирийскими колонистами и, в виде так называемых самарян, осквернивших культ Иеговы языческими обрядами и служением наряду с ним другим богам... Иудеям пришлось подумать уже о простой безопасности. Наряду с этим подверглись иудеи и естественным бедствиям: неурожаи и голодовки опустошали одичавшую Палестину»...⁴ Но если такова была обстановка, ожидавшая возвращавшихся изгнанников на родине, то и в дальнейшем положение дел не изменилось к лучшему.

Не только все расчеты на ожидавшееся лучшее будущее для иудейского народа не оправдались, но даже и возвращение к той степени благосостояния и к тому уровню экономического развития, на котором стояло иудейское царство до падения своей самостоятельности, оказывалось более невозможным. Все наиболее состоятельные элементы страны, и прежде всего почти весь землевладельческий аристократический класс, как мы знаем, в первую голову были захвачены и уведены вавилонянами с собою, из них-то именно, в свою очередь, по всей вероятности, значительная часть и предпочла остаться на своих новых местах поселения. Среди оставшихся в Вавилоне была, по-видимому, и большая часть потомков родовой аристократии. По крайней мере, о них и относительно их роли в политической жизни страны, в противоположность предшествовавшей эпохе царств, мы с этого времени почти ничего не слышим и не знаем. Быть может, это обстоятельство отчасти объясняется и пре-

---

бывшего в Иерусалим в самом начале царствования Дария Гистаспа, надежды, конечно, не только не оправдавшиеся, но послужившие лишь новым поводом для разочарования. Недаром ведущийся в приподнятом тоне рассказ первой книги Ездры о возвращении и деятельности Зоровавеля внезапно обрывается, после чего повествование сразу переходит ко времени Ездры. См.: *Sellin. Scrubabel. Leipzig, 1898. Попов. Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые их годы в Палестине до прибытия Ездры. Киев, 1905.*

⁴ *Б.А. Тураев. История древнего Востока. Часть первая. Петербург, 1914. С. 268–269.*

крашением самостоятельной политической жизни Иудеи, но в значительной мере, во всяком случае, оно обуславливалось тем разгромом и почти поголовным уводом в плен, какому подверглась во время вавилонского нашествия прежде всего именно аристократия⁵. И надо думать, что именно с устранением и отсутствием царской власти, с одной стороны, и влиятельных аристократических кругов, с другой, сделался возможным и самый факт утверждения и торжества среди иудейского народа по возвращении его из вавилонского плена теократии и иерократии.

Если ранее в повествовании исторических еврейских книг о времени царств, равно как и в пророческих писаниях, относящихся к тому же времени, мы постоянно встречались с упоминанием о царе и князьях, пользовавшихся исключительным влиянием в жизни страны, то теперь всякие упоминания об этих последних почти совершенно отсутствуют, и речь, напротив, постоянно идет только о священниках и левитах. «И стали жить священники и левиты, и народ, и певцы, и привратники, и нефисеи в городах своих, и весь Израиль в городах своих»⁶, — такими словами заканчивается сообщение книги Ездры о возвращении иудеев из плена и вместе с тем начинается повествование о дальнейшей их судьбе в Палестине после возвращения.

Но устранение землевладельческого класса с общественной и политической арены имело своим последствием не только торжество теократии и священства. Не менее важны были последствия его и в области собственно экономической жизни. С устранением землевладельческой аристократии (а наиболее состоятельные элементы из ее среды, во всяком случае, не вернулись, как мы имеем все основания предполагать, из плена) и с потерей ею первенствующего положения в стране⁷ исчезал и тот слабый импульс, который ранее в эпоху царств получала торговля, так как вместе с этим сильно сокращался и имущий верхний слой населения вообще, предъявлявший ранее относительно значительный спрос на предметы непроизводительного потребления и роскоши, ввозившиеся из заграницы. Напротив, заступившее теперь на место землевладельческой аристократии в качестве правящего класса духовенство не только с сво-

---

⁵ Относительно прекращения политической роли аристократии с момента возвращения из плена ср. *Benzinger*. S. 126–128.

⁶ 1 Ездры 2, 70.

⁷ Ср. Неемия 5, 7.

ей стороны не способствовало поддержанию и развитию внешних торговых отношений, но заняло как в отношении внешней, так одинаково даже и в отношении внутренней торговли резко и определенно враждебную позицию. Не покровительство, но стеснение торговли⁸, не привлечение, но возможно полное удаление всех иностранцев из пределов страны⁹ ставило оно себе прежде всего целью и считало своей заслугой.

В результате даже те немногие зачатки и зародыши внешней торговли, которые намечались в эпоху царств и которые должны были исчезнуть в последующую эпоху вавилонского пленения, не могли уже более возродиться одинаково и в персидскую эпоху. Внешняя торговля должна была, таким образом, сильно сократиться, если только не прекратиться почти совершенно¹⁰.

Сельское хозяйство и земледельческий труд поэтому по-прежнему и при том еще в большей степени, нежели ранее, составляли главную основу существования возвратившихся на родину иудеев. Однако и земледелие одинаково находилось в упадке, и земледельческий труд не оправдывал себя более даже в той степени, как в допленную эпоху. Даже и в этом отношении возвратившихся ожидало одинаково разочарование, как и в области их мессианских чаяний. Опустошенная и запустевшая страна, почва, остававшаяся без обработки или же обрабатывавшаяся самым примитивным способом в продолжение нескольких поколений, отказывалась вознаграждать труд земледельца.

«Вы сеете много, а собираете мало, едите, но не в сытость; пьете, но не напиваетесь; одеваетесь, а не согреваетесь; зарабатывающий плату зарабатывает для пустого кошелька, — так описывает бедствия своего времени пророк Аггей, современник возвращения из плена вавилонского. — Небо заключилось и не дает вам росы, и земля не дает своих произведений. И я призвал засуху на землю, на гору, на хлеб, на виноградный сок, на елей и на все, что производит земля, и на человека, и на скот, и на всякий ручной труд»¹¹. Картина бесплодия, нарисованная Аггеем, подтверждается свидетельством и другого современного пророка Захарии: «Прежде дней тех (писано во время возвра-

---

⁸ Несмия 13, 15–20.

⁹ Захария 14, 21; Иоиль 3, 17.

¹⁰ Факт упадка внешней торговли в послепленную эпоху признает даже *Herzfeld*, склонный скорее, как мы не раз имели возможность убедиться, преувеличивать значение внешних торговых сношений израильского народа (*Handelsgeschichte der Juden des Alterthums*. S. 62).

¹¹ Аггей I, 6, 10–11.

щения из Вавилона Зоровавеля. – А.Т.), не было возмездия для человека, ни возмездия за труд животных»¹². Правда, оба пророка предвозвещают наступление лучших времен в связи с возвращением из Вавилона потомка давидова Зоровавеля (в первые годы царствования Дария Гистаспа) и с провозглашенным покаянием народа¹³, однако пророческие обещания в это время исполнялись туго, и на этот раз надежды на Зоровавеля, точно так же как раньше надежды, связывавшиеся с освобождением и возвращением из плена, совершенно не оправдались. Неурожай и голод продолжались одинаково как до, так и после прибытия Зоровавеля.

К естественным бедствиям присоединялась и постоянно грозившая опасность извне. «Ни уходящему, ни приходящему не было покоя от врага, – говорит тот же пророк Захария¹⁴, – и попускал я всякого человека враждовать против другого». Значительная часть территории бывшего иудейского царства за время пребывания изгнанников в плену захвачена была, как мы уже знаем, соседними кочевыми и полукочевыми народцами: идумеями с юга, аммонитянами с востока, с которыми туземное оставшееся на месте население успело уже отчасти слиться. Возвратившиеся изгнанники могли поэтому занять лишь небольшую часть бывшей Иудеи. Вместо границ «от Элафа до великого моря по египетскому потоку» с наделами всех двенадцати колен, как того хотел Иезекииль, они получили в удел лишь Иерусалим с его окрестностями, как это видно из перечня работ у Неемии (гл. 3)¹⁵. Положение их оказывалось, таким образом, вдвойне затруднительным. Они не только бедствовали и страдали от неурожая и голода, но, помимо того, должны были чувствовать себя совершенно изолированными и окруженными враждебно по отношению к ним настроенным окрестным населением.

«Изгнанники по возвращении, – говорит Велльгаузен, – не распространились на всю прежнюю область, занятую ранее коленом и царством Иуды. Это было бы для них равносильно самоубийству. Напротив, они должны были во что бы то ни стало тесно держаться друг друга. Они селились поэтому лишь в Иерусалиме и ближайших его окрестностях. Казалось, первым делом с их стороны должно было бы являться восста-

---

¹² Захария 8, 10.

¹³ Аггей I, 12 и след.; Захария 8, 11 и след.

¹⁴ Захария 8, 10.

¹⁵ Тураев. История древнего Востока. Ч. II. С. 268.

новление разрушенного храма, а между тем им приходилось ограничиться сооружением простого алтаря на священном месте. Все их усилия направлены были в это время исключительно на то, чтобы только как-нибудь упрочиться и удержаться в стране. Урожаи были плохи, но вместе и одновременно с этим давали себя чувствовать и все другие неудобства и затруднения, какие обычно испытывает всякое вновь возникающее поселение. Иерусалим восставал из развалин лишь крайне медленно и постепенно. Улицы оставались пустыми: на них не было видно ни стариков, ни детей. Заработков никаких не представлялось. Торговля и всякие иные сношения между жителями затруднялись небезопасностью, царившей на улицах, так что боялись выходить из дому. Со стороны персидской администрации никаких мер к улучшению не принималось. Напротив, в то же время обложение было крайне высоко и тяжелым бременем ложилось на беднейшую часть населения»¹⁶.

Так печально обстояло дело в первое время по возвращении изгнанников на родину, но и в дальнейшем положение несколько не изменилось к лучшему. Надежды и пророчества относительно возобновления милостей Ягве к своему народу, связывавшиеся с восстановлением храма в Иерусалиме¹⁷, не оправдались точно так же, как и все прежние чаяния и ожидания. И сто лет спустя после возвращения первой партии изгнанников из плена, во время прибытия в Иудею Неемии и начатой им постройки иерусалимских стен, масса земледельческого населения оказывалась в таком же бедственном, если только не в худшем положении, нежели в первые годы по возвращении¹⁸. И без того тяжелое положение масс в значительной мере ухудшилось еще вновь развившимся и быстро прогрессировавшим на почве общей бедности и недостатка имущественным неравенством.

«И сделался, — рассказывает книга Неемии, — большой ропот в народе и у жен его на братьев своих иудеев. Были и такие, которые говорили: нас, сыновей наших и дочерей наших много; и мы желали бы доставать хлеб и кормиться и жить. Были и такие, которые говорили: поля свои и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода. Были и такие, которые говорили: мы занимаем серебро на

---

¹⁶ Wellhausen. Israelitische und jüdische Geschichte. S. 165–166.

¹⁷ Аггей 2, 6 и след.; Захария 6, 12 и след.

¹⁸ Неемия 1, 3; 5, 1 и след.

подать царю под залог полей наших и виноградников наших; у нас такие же тела, какие тела у братьев наших, и сыновья наши такие же, как их сыновья; а вот мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы, и некоторые из дочерей наших уже находятся в порабощении. Нет никаких средств для выкупа в руках наших; и поля наши и виноградники наши у других»¹⁹.

Растущее разорение и обнищание масс, вынужденных закладывать свои поля и виноградники и лишавшихся вместе с этим своего последнего имущества, давало себя чувствовать тем сильнее, чем более была в это время общая бедность страны и столь частые и почти не прекращавшиеся в течение всей описываемой эпохи недороды и чем труднее оказывалось на почве общего экономического упадка найти какой-либо иной заработок, кроме земледельческого. К этому присоединялось еще бремя налогов и различных поборов в пользу персов, бремя, которое всей тяжестью ложилось прежде всего на низшие классы населения и от которого они, по крайней мере, были свободны в допленное время. Такое бедственное положение масс продолжалось, по-видимому, до самого начала эллинистической эпохи. По крайней мере, мы ничего не слышим за все время о каких-либо переменах к лучшему, да и не имеем никаких оснований предполагать такую перемену.

Итак, бедная разоренная страна, совершенно истощенная почва, хронические неурожай и недороды, бедность массы населения при одновременном сильном истощении имущего слоя населения — такую печальную картину представляла жизнь палестинских иудеев по возвращении их из плена. При подобных условиях возможность какого-либо экономического прогресса, само собою разумеется, оказывалась почти совершенно исключенной. В частности, общая бедность страны и прежде всего бедность ее денежными капиталами исключала возможность развития торговли²⁰. И мы, действительно, видели, как под влиянием сильного сокращения имущих слоев населения, заинтересованных в получении иноземных продуктов и изделий, с одной стороны, и под влиянием враждебного отношения

---

¹⁹ Неемия I, 1–5

²⁰ Золото и серебро находилось лишь в храме, во владении духовенства, где, конечно, лежало без какого-либо практического применения, и в нужных случаях собиралось почти исключительно среди иудеев диаспоры.

ко всяким, в частности, торговым сношениям с иностранцами со стороны правящего духовенства, с другой, внешняя торговля пришла в совершенный упадок и была развита несравненно слабее, нежели в допленную эпоху²¹. За весь период времени от вавилонского плена до начала эллинистической эпохи мы почти совершенно не встречаем указаний на внешние торговые сношения иудейского народа, и, что в особенности представляется характерным, даже те немногие и крайне редкие намеки и упоминания о сношениях с иностранцами связываются обычно в описываемую эпоху с какими-либо запрещениями или же с пожеланиями полного прекращения таких сношений и совершенного изгнания и удаления всех иностранцев из пределов страны²². При столь ничтожном развитии внешней торговли вообще не приходится, конечно, повторять, что поскольку внешние торговые сношения все же имели еще место в описываемую эпоху, они в еще большей степени, нежели когда-либо, должны были отличаться пассивным характером по преимуществу²³.

Но история Израиля в это время, по совершенно верному замечанию Тураева, «делалась уже не в Палестине или, по крайней мере, не в одной Палестине»²⁴. И вот, если мы от данных, характеризующих положение палестинских иудеев после их возвращения на родину, обратимся к положению иудеев, живших вне Иудеи, иудеев диаспоры, мы увидим при этом совершенно иную картину. Мы видели, что еще в эпоху вавилонского господства значительная часть иудейских изгнанников не только освоилась на новых местах своего поселения, обратившихся вместе с этим как бы в их вторую родину, но, приспособившись к новым условиям, совершенно изменила как весь образ жизни, так и самый свой характер. С падением же Вавилона и с распространением персидской власти, по выражению книги Эсфирь, «на сто двадцать семь областей от Индии до Эфиопии»²⁵ перед иудейскими изгнанниками на новом для них поприще торговой деятельности открывались несравненно более широкие возможности и перспективы. И иудеи, действи-

---

²¹ Мы уже приводили выше данную Герцфельдом характеристику внешней торговли этого периода, ср. также G.A.S. Trade and Commerce. — Encyclopedia Vyblica. Vol. IV. P. 5180.

²² Неемия 13, 15 и след.; Захария 14, 21; Иоиль 3, 17.

²³ Ср. там же.

²⁴ Тураев. История древнего Востока. Ч. II. С. 273.

²⁵ Эсфирь 8, 12.

тельно, широко распространяются в пределах персидской монархии. Мало того, одновременно растет и их влияние и значение как в экономической, так и в общественной жизни, так что, особенно в персидское время, они начинают представлять собою известную общественную силу, нередко в отдельных случаях достигая даже относительно очень высокого влиятельного положения²⁶.

Прежде всего, рядом со старыми иудейскими общинами в области Месопотамии, сохранившимися от времени вавилонского плена, теперь начинают возникать значительные поселения иудеев и в собственно персидских городах и прежде всего в столичном городе Сузах, где им в короткое время удается приобрести немалое значение и влияние. Так, именно в Сузах выдвинулся Неемия, занимавший видную должность и успевший добиться влиятельного положения даже при персидском дворе²⁷. О существовании значительного иудейского поселения в Сузах свидетельствует и повесть Эсфирь, действие которой обычно приурочивается ко времени царствования Ксеркса²⁸. Но иудейские поселения уже в то время не ограничивались одними Сузами. По свидетельству той же повести, иудеи представляли собою «народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям персидского царства»²⁹. Указ царя об истреблении иудеев послан был во все сто двадцать семь областей персидского царства³⁰, причем по случаю этого указа «во всякой области и месте, куда только доходило повеление царя и указ его, было большое сетование у иудеев»³¹. Разумеется, это преувеличение, но оно, во всяком случае, не могло бы

---

²⁶ Ср. Тураев. История древнего Востока. Ч. II. С. 272: «В плену были все условия для развития этой стороны: иудеи попали в крупнейшие торговые и промышленные центры; с этих пор они начинают особенно охотно селиться в столицах и больших городах, вблизи банков и фабрик. Оторванные от земли, вовлеченные в круговорот жизни мировых центров, они оставили следы в виде имен в различных торговых документах, добытых археологическими изысканиями; они достигли благосостояния и стали до некоторой степени силой в вавилонской и персидской монархии».

²⁷ Неемия, 1, 1.

²⁸ Эсфирь 4, 16; 9, 6.

²⁹ Там же 3, 8.

³⁰ Там же 3, 13.

³¹ Там же 4, 3; ср. 8, 17, где в аналогичных и почти тождественных выражениях сообщается о радости и ликовании среди иудеев по случаю отмены этого указа.

иметь места, если бы иудеи не были широко распространены в пределах персидской монархии. При этом в повести содержатся определенные указания относительно жизни иудеев, преимущественно, в городах³². Иудейская диаспора, начало которой положено было массовым выселением в области вавилонского царства, в персидскую эпоху получила, таким образом, дальнейшее, притом самое значительное развитие³³.

Однако иудеи в то время все еще были распространены, по-видимому, преимущественно лишь в восточных областях персидского царства, на территории бывшей нововавилонской монархии и в собственной Персии. В западной части малоазиатского полуострова они встречались еще относительно редко, на самой же крайней оконечности Малой Азии, на побережье, занятом греческими колониями, разве лишь в виде отдельных случайных исключений³⁴.

Из других областей, входивших в это время в состав персидской монархии, иудеи встречались в более значительном числе в Египте, связи с которым существовали у них еще ранее времени вавилонского плена. Первые иудейские поселения появляются в Египте еще к концу эпохи царств, около времени царствования Псаметиха I, преимущественно в виде военных гарнизонов и притом в большинстве случаев, как можно думать, точно так же не по доброй воле³⁵. Однако, более обширные и многочисленные колонии возникают в Египте, во всяком случае, лишь со времени разрушения Иерусалима и гибели

---

³² Там же 8, II; 9, 2.

³³ Относительно иудейской диаспоры в Персии, кроме указанной статьи в *Encyclopedia Biblica*, см. также *Sellin. Studien zur Entstehungs-geschichte der jüdischen Gemeinde nach dem Babylonischen Exil.* Leipzig, 1901; ср. также *Дубнов. Всеобщая история евреев* (второе издание). СПб., 1910. Т. I. С. 270–273.

³⁴ И то лишь к самому концу персидской эпохи. См. относительно этого очерк «Иудея и Эллада в их взаимных отношениях».

³⁵ Сообщение приводимого у Иосифа Флавия письма Аристия (Antiquit XII, I и след.; ср. Contra Apionem 2, 4) относительно присутствия иудеев в войсках Псаметиха относится некоторыми исследователями еще ко времени Псаметиха I. См. *Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине в V веке до Р.Х. М.*, 1915. С. 45 и 78; ср. *Тураев. История древнего Востока. Ч. II. С. 242.* Впрочем, существует и другое мнение, согласно которому в сообщении Аристия имеется в виду время Псаметиха II, например: *Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Band III (4 Auflage).* Leipzig, 1909. S. 33.

иудейского царства, заставившей, как мы уже знаем, многих иудеев искать спасения в Египте. Именно: после убийства вавилонского наместника Годолии, по свидетельству пророка Иеремии, переселился в Египет под предводительством Иоанна, сына Карей, «весь остаток иудеев»³⁶. При этом еврейские переселенцы поселились, по-видимому, не только в пограничных местностях, но распространились по всей стране, вплоть до верхнего Египта (до земли Пафрос)³⁷. Впрочем, если в Вавилоне и впоследствии в Персии иудеи обратились прежде всего и в большинстве случаев к торговой деятельности и к денежным операциям, то в Египте, представлявшем собою в то время страну с относительно мало развитой торговой и промышленной деятельностью, мы встречаем их главным образом и прежде всего в качестве военных гарнизонов, занимающих пограничные крепости³⁸, относительно жизни которых дают такое яркое представление документы, найденные на острове Элефантине и в Ассуане, двух пограничных укреплений в верхнем Египте на границе с Эфиопией³⁹.

Не только начало еврейской диаспоры, но и относительно широкое ее распространение, пока еще, впрочем, преимущественно только в восточных областях персидской монархии и в Египте, восходит, таким образом, еще к доэллинистической эпохе. Уже в то время обнаружилось с полной силой и определенностью

---

³⁶ Иеремия 43, 5–7; ср. 4 Царств 25, 26.

³⁷ Иеремия 44, 1.

³⁸ Ср. письмо Аристия, приводимое у Иосифа Флавия: *Contra Apionem* 2, 4; также *Antiquit* XII, 1 и след.

³⁹ Об интересе, возбужденном этими документами в ученом мире, свидетельствует специально касающаяся их обширная литература, возникшая в течение всего каких-нибудь нескольких лет. См.: *Sayce-Cowley. Aramaic papyri discovered at Assuan. London, 1906; Sachau. Aramäische Papyri und Ostraca aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine. Leipzig, 1911; Staerk. Alte und neue aramäische Papyri. 1912; Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине в V веке до Р.Х. М., 1915; Lods. Les découvertes d'Elephantine et l'ancien Testament. Montbéliard, 1910; Peters. Die jüdische Gemeinde von Elephantine-Syene. Freiburg im Br., 1910; Ed. Meyer. Papyrusfund von Elephantine. Leipzig, 1912; ср. Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Z.A. Jesu Christi. Band III. S. 25–33. На русском языке, кроме цитированного сочинения Волкова, см. статью Троицкого в «Христианском Чтении» (1908, № 2), также Тураев. История древнего Востока. Ч. II. С. 241–246.*

резкое различие в положении иудеев на родине и вне ее, различие отнюдь не в пользу первых. Уже в то время начала сказываться и действовать среди них притягательная сила жизни на чужбине по сравнению с печальными условиями жизни на родине. Уже в то время не только наметился, но и завершился перелом в характере иудейства вне родины. Уже начиная со времени вавилонского плена и с эпохи персидского владычества в Азии развитие еврейского народа начинает идти совершенно новыми путями, и вместе с этим история его перестает быть только историей небольшого обитавшего в Палестине земледельческого народа и превращается в историю иудейства, сыгравшего такую крупную роль в общей истории человечества.

Однако если начало иудейской диаспоры и нельзя, таким образом, связывать непосредственно с началом эллинистической эпохи, то широкие всемирные размеры она принимает, во всяком случае, именно в эту эпоху. Толчок к широкому распространению иудеев в области западного Средиземноморья и вместе с тем к рассеянию их в пределах всего известного в то время культурного мира впервые дан был завоеваниями Александра Македонского и образованием на развалинах основанной им монархии эллинистических государств, связавших Восток и Запад и установивших между ними более прочные и постоянные связи и отношения.

Если разрушение Иерусалима и сопровождавший его массовый увод иудейского населения в плен положили начало иудейской диаспоре и поселению их в области Месопотамии и в Египте, если позднее образование еще более обширной, нежели вавилонское царство, персидской монархии способствовало в значительной степени распространению их в Азии, то легко себе представить, какое обширное поле для распространения иудейской диаспоры открывалось с образованием эллинистических государств, впервые связывавших Восток с Македонией и Грецией единством и общностью культуры и способствовавших одновременно с этим необычайному оживлению международных торговых и иных связей и отношений. Наконец, расширение римского владычества на всю средиземноморскую область еще более расширило границы культурного общения между обитавшими на протяжении всей этой области народами и сделало возможным распространение иудеев вплоть до крайнего Запада.

Различие между условиями жизни на родине и условиями жизни иудеев диаспоры на чужбине, обнаружившееся, как мы видели, с полной силой еще в доэллинистическую эпоху, теперь должно было проявляться еще ярче, чем шире и чем радужнее

были перспективы и возможности, открывавшиеся с этого времени перед еврейскими переселенцами, покидавшими родину и искавшими счастья в чужих краях. Бедственное положение на родине и невозможность найти там не только какое-либо прибыльное занятие, но зачастую и просто заработок для дневного пропитания, и в то же время тот широкий простор для деятельности и для проявления частной инициативы и прежде всего легкий способ наживы и получения прибыли путем торговых и денежных операций, какой представляла собою жизнь в крупных столичных и торговых центрах того времени; нищета и полуголодное состояние, с одной стороны, и самые радужные перспективы вплоть до приобретения крупных денежных состояний, с другой, — такое сопоставление не могло не приходить в голову всем более предприимчивым и энергичным лицам из числа бедствовавших там иудеев и не могло не манить их и не соблазнять последовать за покинувшими родину и оказавшимися более счастливыми на чужбине соотечественниками.

Притягательная сила таких крупных центров, как Александрия и Антиохия, должна была сказаться тем значительнее, что расположены они были почти в непосредственном и, во всяком случае, в более близком, по сравнению с культурными центрами предшествовавшей эпохи, соседстве с Палестиной. Но, помимо этих двух крупных центров, ряд эллинистических и эллинизированных городов окружал область Иудеи со всех сторон и точно так же должен был привлекать к себе многочисленных иудейских переселенцев. И мы, действительно, встречаем еврейские колонии уже очень рано во всех этих ближайших к Палестине центрах эллинистической жизни и эллинистической культуры⁴⁰.

Ко всем соблазнам городской жизни присоединялись еще специальные льготы и привилегии, которыми эллинистические монархи стремились привлечь население во вновь основывавшиеся ими в большом числе городские центры⁴¹.

Если почва для иудейской диаспоры вообще была подготовлена еще в предшествовавшую доэллинистическую эпоху, то

---

⁴⁰ *Schürer*. Band III. S. 10–11.

⁴¹ Jos. Flavius. *Antiquit* XII, 3, 1; *Contra Apionem* II, 4. Сообщаемый Иосифом Флавием факт дарования иудеям прав и привилегий и уравнение их в этом отношении с македонянами подвергается, впрочем, сомнению *Willrich*'ом: *Juden und Griechen vor der Makkabäischen Erhebung*. Göttingen, 1895. S. 22 f.

условия для самого широкого ее распространения образовались, таким образом, только теперь, и нет ничего удивительного в том, что начиная с этого времени диаспора и повсеместное распространение иудеев пошли особенно быстрыми шагами вперед. Если ранее еврейская колонизация направлялась преимущественно в важнейшие и прежде всего в столичные центры восточных государств, то теперь, естественно, направление ее переменялось, избрав своей преимущественной целью столичные центры эллинистических государств, равно как и другие более крупные и значительные эллинистические города.

«В том обширном возникновении греческих городов, — говорит Моммсен (совр.: Моммзен. — *Прим. ред.*), — которое продолжалось при многих поколениях и получило такие громадные размеры, каких никогда не имело ни прежде того, ни после, иудеи приняли выдающееся участие»⁴². Правда, Моммсен находит при этом, что иудеи «заводили свои поселения в чужих странах не по доброй воле», однако именно в отношении эллинистической эпохи он в этом отношении далеко не прав⁴³. Если отдельные случаи насильственных переселений действительно имели место отчасти и в эллинистическую эпоху, как, например, массовое переселение в Александрию при Птолемеи I Лаге⁴⁴, то не меньшую, а по всей вероятности, и большую роль в распространении иудейской диаспоры в это время играло все же добровольное выселение их с родины, причем главным и преимущественным стимулом для этого служили прежде всего торговые выгоды, представляемые жизнью в крупных центрах эллинистической культуры⁴⁵. В том факте, как относительно быстро и легко даже насильственно переселенные иудеи приживались на новых местах поселения, точно так же надо видеть, прежде всего, действие именно этой последней причины.

В особенности привлекал иудеев уже с самого начала эллинистической эпохи Египет, с которым у них, как мы знаем, суще-

---

⁴² Моммсен. Римская история. Перевод Неведомского. Т. V. М., 1885. С. 478.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Jos. Flavius. Antiquit XII, 1, 1.

⁴⁵ Ср. Hausrath. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Band II. Heidelberg, 1872. S. 3; Renan. Histoire du peuple d'Israel. T. V. Paris, 1893. P. 226; Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Band III. S. 3.

ствовали древние связи, с которым в первую половину эллинистической эпохи они были к тому же связаны и политически и где, наконец, наличность такого крупного торгового центра, как Александрия, занявшая с этого времени первенствующее положение во всей международной торговле, обещала переселенцам особые выгоды. Иудеи такими массами селились в Александрии, что Моммсен имел основание назвать Александрию столько же греческим, сколько и иудейским городом, относя это определение еще ко времени первых Птоломеев⁴⁶.

Позже, нежели в Египте, по-видимому, только со второй половины третьего века начинается распространение иудеев в соседнем сирийском царстве и появление их в большом числе в столице этого последнего — Антиохии, после чего они проникают и на запад малоазиатского полуострова⁴⁷. Во втором веке мы застаем иудеев в более или менее значительном числе на греческих островах, частью в Греции и Македонии⁴⁸. Первые известия о появлении иудеев в Риме восходят к половине второго столетия до нашей эры⁴⁹.

Александрийская сивилла, таким образом, была права, когда уже около половины второго столетия до Р.Х. говорила об иудеях, как о народе, наполнившем собою все земли и все моря⁵⁰.

---

⁴⁶ Моммсен. Римская история. Т. 5. М., 1885. С. 478. Относительно иудейского населения Александрии см.: Еврейская энциклопедия (изд. Брокгауза и Ефрона) под словом Александрия древняя. Т. I. С. 748–762.

⁴⁷ Jos. Flavius. Antiquit XII, 3, 4; Contra Apionem II, 4; ср. Bellum Judaicum 7, 3, 3.

⁴⁸ I Маккавеев 15, 22–24.

⁴⁹ I Маккавеев 8, 17–42. Еще в 139 году римский претор изгнал иудеев из Рима за то, что они допустили к субботнему служению итальянских прозелитов.

⁵⁰ Carmina sibyll. III, 271–272.

II

Иудея и Эллада. Взаимоотношения в доэллинистическую эпоху

ВВЕДЕНИЕ

Эллинизм и иудейство

Этот народ проник уже во все города, и не легко найти какое-нибудь место на земле, которое было бы от него свободно и где он не являлся бы господствующим.

Страбон

Иерусалим может быть назван главным городом не только Иудеи, но и большинства остальных земель, из-за тех бесчисленных колоний, которые он посылает повсюду и при всяком удобном случае как в пограничные, так и в отдаленные местности.

Из письма Агриппы к Калигуле

Всех людей покоряет себе иудейство, всех зовет оно к добродетели, варваров, эллинов, жителей континента и островов, народы востока и запада, европейцев, азиатов, все народы земли.

Филон

С самого начала эллинистической эпохи, то есть уже с третьего, не говоря о первом и втором столетиях дохристианского летоисчисления, мы застаем иудеев и эллинов если не в тесных и близких взаимных отношениях между собою, чему препятствовала исключительность иудейской религии и общественной жизни, то в постоянном и живом общении, общении, не ограничивавшемся областью будничной повседневной жизни, но распространявшемся, и даже еще в большей степени, и на область культурного взаимодействия. Иудеи и греки приходят между собою в соприкосновение почти повсеместно и не только в чужеземных странах, например, в Египте, прежде всего в Александрии, этом главном центре международного общения того времени, не только на окраинах греческого мира, но и на самой родине обоих народов, как в Иудее, так равным образом и в коренных греческих областях и древних центрах эллинской культуры.

С одной стороны, иудейские общины и поселения уже в третьем и втором веках оказываются широко распространенными

и рассеянными по всему греческому миру, как в малоазийских греческих городах и на островах Эгейского архипелага, так, хотя и в меньшей степени, и в самой греческой метрополии, во всех важнейших ее городах и местностях. С другой стороны, и греки и греческие поселения встречаются в это время в большом числе не только в соседних с собственной Иудеей, почти совершенно эллинизованных областях и городских центрах, но равным образом и в самой Иудее¹.

Существование иудейских поселений в отдельных малоазийских греческих городах засвидетельствовано, начиная с третьего века², на важнейших островах греческого архипелага и в собственной Греции – со второго. Еще в первой половине этого столетия римский консул Левкий обращался, по просьбе Симона Маккавея, с требованием о выдаче иудейских беглецов «во все области – к спартацам, и в Далос, и в Минд, и в Сикион, и в Карию, и в Самос, и в Памфилию, и в Ликию, и в Галикарнасс, и в Родос, и в Фаселиду, и в Кос, и в Сиду, и в Арад, и в Гортину, и в Книд, и в Кипр, и в Киринию»³. Если здесь из городов собственной Греции мы встречаем указание на присутствие иудеев только в Спарте, Сикионе и Коринфе, то два столетия спустя, в известном письме Агриппы к Калигуле мы находим свидетельство о самом широком и повсеместном распространении их по всей Греции. Иудейские поселения можно было встретить, согласно этому свидетельству, «в Фессалии, Беотии, Македонии, Этолии, Агтике, Аргосе, Коринфе, в большей части лучших местностей Пелопоннесского полуострова, и не только на греческом материке, но и на всех более значительных островах: на Евбее, Кипре, Крите»⁴. Уже

---

¹ Jos. Flavius. *Contra Apionem* II, 4; *Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi* (4 Auflage). Leipzig, 1901–1909. Band I, II.

² *Schürer. Band II. S. 13 f.*

³ I Маккавеев 15, 23. Около этого же времени, то есть около половины второго века, присутствие иудеев в Греции засвидетельствовано и документально. См. дельфийские надписи об отпущении иудейских рабов на волю: *Wescher et Foucart. Inscriptions recueillies à Delphes*. 1863, № 57 et 364; *Sammlung der griechischen Dialect Inschriften herausgegeben von Collitz. Band II. Heft 3–5 (1892–1896)*; *Delphische Inschriften bearbeitet von A. Baunack. № 1722 и 2029*, относимые *Baunack*'ом к первой половине второго столетия (158 г.), см. *Collitz-Baunack. S. 637*.

⁴ Philo. *Legat. ad Cajum* ср. относящиеся к этому же времени сведения об иудейских поселениях в Греции в Деяниях Апостолов, гл. 16–18.

около половины второго столетия до начала нашей эры иудеи оказывались распространенными по всему миру, так что еще в 146 году александрийская сивилла с полным правом могла сказать о них, что все моря и все земли наполнены ими⁵, но прежде всего и охотнее всего иудеи селились именно в областях, населенных греками, одинаково как в местах древних греческих поселений, так и на всем эллинистическом востоке, так как здесь они рассчитывали получить наибольшие материальные выгоды⁶.

Если иудеи в эллинистическую эпоху широко распространяются по всему греческому миру, то и греки одинаково появляются впервые в большом числе в Палестине и прилегающих местностях. Греческие поселения в Дикеополисе, равно как и в бывшей столице израильского царства Самарии, возникают еще со времени Александра Македонского и диадохов⁷. Спустя короткое время греки появляются во всех сколько-нибудь значительных городах Сирии и Палестины, и Иудея оказывается окруженной кольцом греческих и эллинистических городов и поселений⁸. Еще в правление династии Маккавеев греки проникают и в собственную Иудею (если только не ранее) и, несмотря на исключительность иудеев, проявлявшуюся с особой силой на их родине, в самое короткое время успевают оказать на всю их жизнь заметное влияние, хотя им и не удается эллинизировать население Иудеи в такой же степени, как население соседних областей⁹.

---

⁵ Carmina Sibyll. III, 271–272. Относительно повсеместного распространения иудеев см. также цитированное в эпиграфе свидетельство Страбона (приводимое у Иосифа Флавия: Antiquit XIV, 7, 2); Jos. Flavius. Bellum Judaicum 7, 3, 3; Philo. In Flaccum 7.

⁶ Rénan. Histoire du peuple d'Israel. T. V. Paris, 1893. P. 224–225.

⁷ Schürer. Band II. S. 36–37, 41.

⁸ Schürer. Band II. S. 92–222, где дается перечисление и собраны все сведения об эллинистических городах в прилегающей к Палестине «неиудейской области».

⁹ С относительно проникновения греков в Иудею и распространения их там еще во время правления династии Маккавеев свидетельствует постановление афинян в честь дружественно относившегося к ним царя Гиркана (Jos. Flavius. Antiquit XIV, 8, 5). Постановление составлено в архонтство Агафокла, время архонтства которого Homolle относит к 106 году до Р.Х. (Bull. De Corr. Hell. XVII (1893). P. 145–158). Впрочем, ввиду того, что декрет, согласно сообщению Иосифа Флавия, имеет в виду Гиркана II, он должен быть отнесен ко времени царствования этого последнего, то есть к 78–69 годам Ср.: Reinach. Le decret athénien en l'honneur d'Hyrkan. — Revue des

Эллинизация северной Палестины (области бывшего израильского царства и прежде всего его столицы Самарии) началась, как только что было указано, еще со времени Александра Македонского. В собственную Иудею эллинское влияние проникло позже, но уже ко времени последних Гасмонеев оно успело и здесь проявиться с полной силой, проникая собою решительно все стороны жизни, исключая только, быть может, область религии. «Хотя влияние эллинизма в области религии с возвышением Маккавеев и было победоносно вытеснено из собственно иудейских местностей, причем после окончательного поражения иудейской народности во время веспасиановской и адриановской войны в эти местности открыт был, наконец, римлянами насильственным путем доступ для языческих культов, однако это вовсе не означает, что и в более раннюю эпоху иудейский народ вообще оставался совершенно незатронутым влиянием со стороны эллинизма. Эллинизм представлял собою культурную силу, распространявшую свое влияние одинаково на все стороны жизни. Организация государственного устройства, судопроизводство, управление, общественные установления, искусство и наука, торговля и промышленность, даже мелочи повседневной жизни, включая моды и украшения, — все существенным образом изменилось; словом, вся жизнь прониклась греческим духом и получила заметный греческий отпечаток... Медленно и не без сопротивления с его стороны, но тем не менее непреодолимо, и иудейский народ в конце концов увлечен был потоком эллинистической культуры, и если религиозной ревности иудеев и удавалось с успехом противодействовать вторжению почитания языческих богов и связанных с ним культов в область Израиля, то в других областях жизни он оказывался не в силах долгое время устоять против заливавших его волн эллинистической культуры. Хотя мы и не имеем возможности проследить отдельные стадии распространения влияния эллинизма в жизни иудейского народа, но, приняв во внимание тот факт, что маленькая Иудея почти со всех сторон оказывалась окруженной эллинистическими областями, с которыми вынуждена была находиться хотя бы ради торговых целей в постоянном общении, если мы вспомним, что уже факт возвышения Маккавеев в основе своей направлен был

études juives. Т. XXXIX (1899). Р. 16–21. По сообщению Иосифа Флавия, афиняне являлись в это время в Иудею не только с дипломатическими целями, но и по частным и личным поводам.

против почитания языческих богов, но не против эллинизма вообще, и что правление позднейших Гасмонеев носит определенные следы эллинистического влияния (они содержат чужеземные наемные войска, чеканят монеты по греческому образцу, принимают греческие имена и т.п.), то мы должны будем признать, что несмотря на возвышение Маккавеев эллинизм еще до начала римской эпохи нашел себе доступ в Иудею и притом в самых широких размерах»¹⁰.

Если уже на родине иудеи оказывались не в состоянии сохранить свою национальную жизнь от влияния эллинской культуры и эллинских нравов, то несравненно труднее было им уберечься от этого непобедимого и всепроникающего влияния на чужбине. Благодаря преимущественно своему занятию торговой и промышленной деятельностью (помимо непосредственных выгод, представляемых этого рода деятельностью, выселившимся с родины и жившим почти исключительно в городских центрах иудеям и не представлялось иного выбора) им приходилось приходить в постоянное соприкосновение с языческим греческим миром¹¹. Неудивительно, что в конце концов следствием такого повседневного общения с греческим населением должна была явиться утрата иудеями их собственного языка, причем греческий язык сделался среди них разговорным и столь же общераспространенным, как в настоящее время немецкий¹². Даже в Италии греческий язык был обычным языком иудеев.

---

¹⁰ *Schürer*. Band II. S. 57.

¹¹ См. *Herzfeld*. *Handelsgeschichte der Juden des Alterhums*. Braunschweig, 1879. Abschnitt 2; ср. *Shürer*. Band II. S. 3; *Hausrath*. *Neutestamentliche Zeitgeschichte*. Band II. Heidelberg, 1879. S. 95 f.; *Каутский*. *Античный мир, иудейство и христианство*. Перевод Рязанова. СПб., 1909. С. 227 и след. Именно торговый интерес и привлекал прежде всего иудеев в области, населенные греками (*Rénan*. *Histoire du peuple d'Israel*. T. V. P. 224–225). Конкуренция на почве торговли и столкновение экономических интересов, рядом с исключительностью и замкнутостью жизни иудейских общин, и являлась одной из главных причин враждебного отношения к ним со стороны туземного населения, см. по этому поводу: *Herzfeld*. S. 79; *Hausrath*. S. 97; *Th. Reinach*. *Textes d'auteurs grecs et remains relatifs au judaisme*. Paris, 1895. Préface. P. XIV–XV.

¹² *Моммсен* (Римская история. Т. V. М., 1885. С. 479–480), само собою разумеется, не прав, когда приписывает распространение греческого языка среди иудеев диаспоры принудительной ассимиляторской политике македонских правителей.

Огромное большинство надписей на иудейских кладбищах в Риме сделано на греческом языке, значительно меньше встречается латинских надписей, но нет ни одной еврейской¹³.

Однако несравненно более существенное и важное значение, нежели это повседневное общение и, в результате его, влияние, оказываемое греками на иудеев, которое само по себе, как частный случай эллинизации, не представляло бы большого интереса, имело то живое и плодотворное взаимодействие и взаимное пропикновение иудейской и эллипской культур, иудейского и эллипского мировоззрений, которое нашло себе наиболее яркое выражение в иудейско-александрійской школе и начало которого восходит непосредственно к тому моменту, когда обе культуры впервые встретились и пришли в соприкосновение между собою. Интерес, пробужденный этой первой же встречей, был обоюдный. С одной стороны, своим резко выраженным монотеизмом, своей проповедью единого для всех людей и народов бога, своим этическим учением, наконец, своим исключительным положением среди языческого мира иудеи сразу же обратили на себя внимание греков, и первые же греческие писатели, познакомившиеся с ними и с их религией, признали в них нацию философов, сближая, а иногда и отождествляя их с индийскими браминами¹⁴. Впоследствии интерес, возбужденный иудеями и их религией среди греков, не только не упал, но продолжал возрастать, о чем свидетельствует огромное число прозелитов, какое иудейская пропаганда постоянно находила в эллинском и эллино-римском мире. На встречу этому интересу, поддерживая и питая его, шло миссионерское рвение самих иудеев, ревностно проповедовавших и распространявших среди язычников свое учение. В свою очередь и греческая философия в короткое время была усвоена иудейскими писателями и успела оказать на все дальнейшее течение и направление их мысли самое сильное и глубокое влияние, результатом чего было возникновение иудейско-александрійской философской школы, ставившей себе специальной целью согласование мозаизма (учение Моисея. — *Прим. ред.*) с учением Платона, истолкование всей ветхозаветной истории путем самого широкого применения к ней аллегорического метода.

---

¹³ *Friedländer*. Sittengeschichte Roms. Band II. S. 519

¹⁴ См. *Reinach*. Textes d'auteurs grecs. № 5, 7, 8 etc.; Jos. Flavius. Antiquit XII, 2 sq. Об интересе, возбужденном иудейскими учениями и мировоззрениями, см. так же Préface, p. VII.

Обоюдный интерес, взаимно проявляемый обоими сторонами, должен был повести к совместной работе мысли и к постановке общих философских и религиозных задач и вопросов. «Литература последнего столетия до Р.Х. и первого столетия после Р.Х. носит на себе следы того, как было сильно влияние и греческого умственного развития на жившие среди греков иудейские общины. Она была пропитана иудейскими элементами; в ту пору и самые светлые умы, и самые даровитые мыслители старались проникнуть или в качестве эллинов в иудейскую сферу, или в качестве иудеев в греческую»¹⁵. Нездаром в это время среди свободомыслящих людей, как риторы Никомах, Нумений и др., вошло в обыкновение называть Моисея израильским Платоном, а Платона аттическим Моисеем.

Таким образом, несмотря на враждебные отношения, установившиеся между иудейским и внеиудейским, языческим, в частности греческим, миром в области повседневной жизни и повседневных сношений, несмотря даже на ожесточенную полемику выдающихся литературных представителей того и другого, такая взаимная неприязнь не могла тем не менее совершенно устранить обоюдного интереса, возбужденного обоими народами друг в друге, препятствовать их встрече и остановить ту совместную работу мысли, которая являлась следствием этого интереса. Взаимное влияние и взаимное проникновение эллинского и иудейского мировоззрений оказывалось при этом настолько широким и далеко идущим, что результатом его явилась выработка и создание нового мировоззрения, вобравшего в себя одинаково как элементы иудейской религии, так и основные положения греческой философии и нашедшего себе конечное завершение в догматическом учении христианской церкви.

Окидывая в заключение еще раз общим взглядом картину взаимных отношений, существовавших между греками и иудеями в продолжение всей эллинистической и эллинистическо-римской эпохи, мы видим, что эти отношения характеризуются прежде всего пусть даже враждебным, но тем не менее постоянным и повсеместным и притом самым живым и широким соприкосновением и общением в повседневной жизни и порождаемыми этим общением тесными экономическими связями, одинаково интенсивным обоюдным интересом, проявляемым обеими нациями одна к другой, наконец, взаимным куль-

---

¹⁵ *Моммсен*. Римская история. Т. V. С. 483.

турным влиянием и совместной работой в области идеологии и религиозно-философской мысли. И вот наблюдая эту картину постоянного живого и непосредственного взаимного общения, устанавливающегося между эллинами и иудеями почти с самого начала эллинистической эпохи, трудно представить себе, чтобы оба эти народа, так тесно и близко соприкасающиеся между собою решительно во всех областях жизни, как в области экономических и общественных взаимоотношений, так и в области идеологии и работы мысли, вплоть до половины четвертого столетия, то есть вплоть до времени, непосредственно предшествовавшего началу эллинистической эпохи, не только жили каждый своей отдельной обособленной жизнью, оставаясь совершенно чуждыми друг другу, не только не проявляли какого-либо взаимного интереса, но, по-видимому, даже и не знали о существовании один другого. А между тем, в действительности это было именно так.

Случайные и притом малоопределенные упоминания о лежащей где-то на далеком западе стране Яваним и об «островах моря» — вот и все, что мы находим в еврейской ветхозаветной литературе относительно Греции и греческих островов; что же касается греческой доэллинистической литературы, то в ней мы не встречаем относительно иудеев и ее населения даже и таких отрывочных сведений. Греческие писатели классического периода ни разу вообще не упоминают об иудеях, и, по-видимому, самое имя этих последних для них оставалось совершенно неизвестным. Рассказ Клеарха из Сол о встрече и знакомстве Аристотеля с эллинически образованным иудеем, встрече, имевшей будто бы место во время пребывания Аристотеля в Малой Азии¹⁶, представляет, кажется, единственное исключение, но и этот рассказ подвергается многими исследователями сомнению, и, во всяком случае, время действия его не восходит ранее сороковых годов четвертого столетия, то есть всего только лет на десять-пятнадцать опережает время первого похода Александра Македонского в Азию. Согласно авторитетному свидетельству Reinach'a, специально собравшего все касающиеся иудеев сообщения греческих и латинских авторов, греческие тексты, касающиеся иудейства, не восходят ранее времени завоевательных походов Александра Македонского, латинские — ранее вре-

---

¹⁶ Сообщение Клеарха приводится у Иосифа Флавия (*Contra Apionem* 1, 22); ср. *Reinach. Textes*. № 76. Р. 10–12. Текст и разбор этого сообщения будут даны ниже.

мени Цицерона. Все попытки открыть в литературе, предшествовавшей этому времени, какие-либо намеки на иудеев основаны либо на ошибочном истолковании текстов, либо на прямой их фальсификации¹⁷. Факт такого абсолютного молчания греческих писателей доэллинистического времени относительно иудейского народа обращал на себя внимание еще в древности, являлся даже обычным орудием полемических выпадов в сочинениях, направленных против этого последнего. Так, еще Иосиф Флавий жалуется на то, что «многие верят распространяемым некоторыми писателями злостным наветам и недоверчиво относятся к тому, что сказано было мною о наших древностях, ссылаясь на молчание известнейших греческих историков о нашем народе, как на доказательство молодости его»¹⁸. Интересно, что сам Иосиф, возражая против такого аргумента, обращает в свою очередь внимание на обратный факт молчания иудейских ветхозаветных книг относительно греков¹⁹.

Факт незнакомства иудеев с греками и в еще большей степени полное и абсолютное молчание греческих авторов относительно иудеев, народа, который своей обособленной религией и нравами и всем образом жизни резко выделялся из среды остальных народов и, следовательно, не мог не обратить на себя внимания наблюдательных греков и который, спустя короткое время, действительно, сделался предметом исключительного внимания и интереса со стороны эллино-римского мира, несомненно, не могли быть случайными, и могут быть объяснены только тем обстоятельством, что грекам в доэллинистическую эпоху совершенно не случалось приходить в более близкое соприкосновение с иудейским народом и ознакомиться с ним путем непосредственного общения. Очевидно, ни сами греки в своих торговых странствиях до времени походов Александра не проникали настолько далеко на Восток, чтобы входить в ближайшие отношения с Иудеей и ее населением, ни иудеи в

---

¹⁷ *Reinach. Textes. Préface. P. VII.*

¹⁸ Jos. Flavius. *Contra Apionem* 1, 1. Цитировано по русскому изданию: «О древности иудейского народа. Против Апиона». Перевод Израэльсона и Генкеля. СПб., 1898. С. 2.

¹⁹ «А что, если бы мы захотели воспользоваться тем же аргументом против греков, утверждая, что они народ не древнего происхождения, на том основании, что в наших литературных памятниках о них не говорится?» – Jos. Flavius. *Contra Apionem* 1, 13 (русский перевод Израэльсона и Генкеля, стр. 15).

свою очередь не встречались до этого времени ни в Греции, ни в прилегающих к ней местностях, по крайней мере, в скольконибудь значительном числе. Только иудейская диаспора и массовое распространение иудеев среди языческого мира, с одной стороны, и начавшееся около того же времени в связи с походами Александра Македонского движение греков на Восток привели впервые оба народа к встрече и взаимному ознакомлению друг с другом.

В виду такого заведомого отсутствия каких-либо сношений между греками и иудеями, обусловливавшегося и в свою очередь обусловливавшего почти полное неведение обоих народов одного относительно другого, наша задача при исследовании отношений, существовавших между Грецией и Иудеей в доэллинистическую эпоху, может и должна ограничиться исключительно изучением причин, удерживавших первоначально оба народа вдали друг от друга и затем внезапно заставивших их сразу и почти одновременно двинуться навстречу один другому, так же как и тех условий, при которых произошла эта первая встреча между ними. Однако прежде чем приступить к выполнению этой основной задачи нашего исследования, прежде чем приступить к изучению причин внезапного перелома, наступившего в отношениях между греками и иудеями на рубеже классического и эллинистического периода, мы считаем все же необходимым исследовать все данные, касающиеся их взаимных отношений в предшествовавшее время, хотя бы такое исследование и привело нас в конце концов к чисто отрицательным результатам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Исследование греческих документальных и литературных данных о взаимоотношениях греков и иудеев в доэллинистическую эпоху

а. Греческие авторы

Греческие тексты, касающиеся иудейства, не восходят ранее времени завоеваний Александра, латинские – ранее времени Цицерона. Все попытки открыть в литературе предшествовавшего времени какие-либо упоминания об иудеях основаны или на ошибочном истолковании текстов или же на прямой фальсификации.

Рейнах

Указав на то, что одним из главных аргументов людей, нападавших на иудеев, служила ссылка на молчание о них известнейших греческих историков, Иосиф Флавий с своей стороны не признает этого молчания настолько полным и абсолютным, как это утверждают его противники. Целью его полемического сочинения «Против Апиона» и является именно опровержение «злостных наветов» клеветников путем подбора цитат из «авторов, не оставивших без внимания нашу историю»¹. Однако, хотя Иосиф и ставил себе специальной целью подбор имеющихся в греческой литературе указаний и сообщений, касающихся иудеев, хотя он располагал при этом несравненно богатейшим материалом по сравнению с тем, каким располагаем мы в настоящее время, хотя и сам он являлся хорошим знатоком греческой литературы, тем не менее, ему удалось собрать очень незначительное число текстов². Притом же и из этих немногих собранных им текстов большая часть принадлежит уже собственно эллинистической эпохе и в лучшем случае представляет лишь позднейшие далеко не всегда достоверные свидетельства относительно отдельных случаев знакомства греков предшествовавшего времени с иудеями. Что же касается остальных приводимых им текстов, то именно в отношении к ним прежде всего и могут быть применены поставленные в эпиграфе к настоящей главе слова современного исследователя, так как они либо не заслуживают доверия, либо совершенно произвольно толкуются Иосифом. Во всяком случае, по-

¹ Contra Apionem I, 1 (русский перевод, стр. 2).

² Contra Apionem I, 22.

ставленная им себе задача не была им выполнена, и его неудача может служить лучшим доказательством действительного отсутствия у греческих писателей классического периода каких-либо следов более близкого знакомства их с иудеями.

Иосиф Флавий добросовестно отнесся к своей задаче, и немногими собранными им текстами, действительно, исчерпывается все, что так или иначе, с большими или меньшими натяжками может быть приведено в доказательство знакомства греческих писателей доэллинистического периода с иудейским народом³. Число текстов, действительно восходящих к доэллинистической эпохе, ограничивается в сущности двумя: одним из истории Геродота и одним из стихотворения поэта Хэрила Самосского, жившего в конце пятого века, причем и из этих двух текстов текст Геродота не доказывает его знакомства с иудеями, цитата же из Хэрила, приводимая Иосифом, собственно не относится к иудеям и имеет в виду, по-видимому, совершенно иной народ, ничего с ними общего не имеющий.

В тексте Геродота речь идет о тождестве колхов и египтян; помимо одинаково темного цвета кожи тех и других, которому Геродот не придает значения, он отмечает существующий у обоих народов обычай обрезания. «Гораздо существеннее в моих глазах, — говорит он, — то обстоятельство, что из всех людей только колхи, египтяне и сирийцы применяют с древнейших времен обычай обрезания. Что касается финикийцев и палестинских сирийцев, то они сами признают, что переняли этот обычай от египтян; сирийцы же, обитающие по берегам Фермодона⁴ и Парфения⁵, равным образом как и соседние с ними макроны⁶ утверждают, что они с недавнего времени только позаимствовали его у колхов»⁷.

В приведенной цитате мы, в сущности, не видим специального сообщения об иудеях, самое имя которых совершенно не упоминается. Речь идет лишь об общем для населения всей Сирии (понимая эту последнюю в самом широком смысле), равно как и для египтян и для эфиопов, обычае обрезания.

---

³ Те же тексты, которые собраны Иосифом, воспроизводятся и у *Reinach'a*: Textes. № 1–3, 7, 14.

⁴ Река в Каппадокии; Ps. Scylax. P. 80; Strabo XII, 547; Plin. Hist. Nat. VI, 3; Ptol. V. 6.

⁵ Река в Пафлагонии; см.: Strabo XII, 547; Plin. VI, 2. Ps. Scylax. P. 81.

⁶ На юго-восточном берегу Черного моря.

⁷ II, 104.

Иосиф Флавий полагает, что под финикийцами и сирийцами из Палестины Геродот подразумевает иудеев. Но такое толкование страдает натяжкой и, во всяком случае, представляется сомнительным в виду широкого значения, какое имеет у Геродота географический термин Палестины⁸, охватывающий не только собственно Палестину в ее современных границах, но одинаково и всю прибрежную полосу, то есть область, заселенную в древности финикийцами и филистимлянами⁹, причем нам достоверно известно о широком распространении обычая обрезания, о котором у Геродота идет речь, среди населения всей этой местности¹⁰. Во всяком случае, как бы то ни было и кого бы мы ни стали подразумевать под «сирийцами из Палестины», самый факт употребления подобного неопределенного термина вместо прямого указания Геродотом на тот или иной народ не доказывает большой осведомленности с его стороны относительно отдельных племен и народов, населявших Сирию, в частности, относительно иудеев. Он не выделяет этих последних из среды остального туземного населения, обозначаемого им, как и другими греками его времени, под общим именем сирийцев. Приведенный текст, таким образом, не только не доказывает специального знакомства Геродота с иудеями, как полагает Иосиф, но, напротив, свидетельствует скорее об обратном, то есть именно о том, что даже Геродот, единственный греческий писатель, о котором мы достоверно знаем, что он посетил лично филистимское и финикийское побережье и, следовательно, имел полную возможность ознакомиться с населением этих и прилегающих местностей, хотя бы по слухам и рассказам¹¹, не упоминает об иудеях, значит, либо не заинтересовался ими и не обратил на них специального внимания, либо, что представляется более вероятным, совершенно не подозревал об их обособленном политическом существовании и не знал и самого их имени, как отдельного народа. По крайней мере, в его «Истории» мы нигде более не встречаем ни одного места, в котором, как в только что приведенной цитате, можно было бы

---

⁸ I, 105; II, 106; III, 91 и VII, 89.

⁹ Ср. *Reinach*. Textes. P. 2.

¹⁰ Сообщения других древних авторов о существовании и широком распространении обычая обрезания среди финикийцев и сирийских племен см.: *Wiedemann*. Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen. Leipzig, 1890. S. 412–413. Ср. также примечание к русскому переводу Иосифа Флавия «Против Апиона» (стр. 40).

¹¹ II, 106.

видеть хотя бы самый отдаленный намек на знакомство его с иудейским народом.

Рейнах, правда, приводит еще один текст Геродота, сообщающий о победе фараона Нехао над «сирийцами» при Магдоле¹², причем в этом сообщении можно было бы видеть, и некоторые исследователи действительно видят, указание на битву при Мегиддо¹³, однако, как это доказывает и сам Рейнах, данный текст относится не к битве при Мегиддо, в которой, как известно, потерпел поражение и пал иудейский царь Иосия, но имеет в виду, по-видимому, победу Нехао над филистимлянами, имевшую последствием взятие им Газы¹⁴.

Цитируемое далее Иосифом Флавием и приводимое также и у Рейнаха стихотворение Хэрила Самосского, в котором в числе других народов, сопровождавших Ксеркса в его походе против Греции, между прочим упоминается народ, «обитающий в солимских горах вблизи обширного озера»¹⁵, не относится к иудеям и совершенно произвольно и ошибочно истолковывается им как имеющее будто бы в виду, «что должно быть очевидным для всех»: иерусалимские горы и Асфалитское озеро (Мертвое море), «самое обширное и важное из всех озер Сирии»¹⁶. Единственные известные нам из Страбона¹⁷ солимские горы находились в восточной части Ликии вблизи греческой колонии Фаселиды, причем вся эта местность изобиловала озерами, об одном из которых, по-видимому, и идет речь в цитированном стихотворении Хэрила Самосского¹⁸. Сверх того, помимо ошибочного определения местности, и самая характеристика народа, в котором Иосиф видит иудеев (народ этот изображен в виде воинственного горного народа,

---

¹² II, 159.

¹³ *Wiedemann*. Herodots zweites Buch mit. S. 566–567.

¹⁴ *Reinach*. Textes. P. 4.

¹⁵ *Reinach*. № 3. P. 5–6.

¹⁶ «Для всех, я полагаю, ясно, что он здесь нас имеет в виду, так как солимские горы находятся в нашей земле и мы их обитаем, а равно озеро, называемое Асфальтовым, ибо оно самое широкое и большое среди всех сирийских озер». – Jos. Flavius. *Contra Apionem* I, 22 (русский перевод цитирован по Израэльсону и Генкелю, стр. 41). Под Солимскими горами в данном случае Иосиф, очевидно, подразумевает гористую местность, в которой был расположен Иерусалим, ср. VII, 3, 2.

¹⁷ XIV, 3, 9.

¹⁸ *Reinach*. Textes. P. 5–6. Ср. также примечание к русскому переводу сочинения Иосифа «Против Апиона» на стр. 41.

каким иудеи в пятом веке, во время начинавшегося господства теократии, никоим образом не могли быть), не может к ним относиться¹⁹.

Как уже отмечалось выше, приведенными цитатами в сущности и исчерпываются все те тексты из авторов более раннего времени, которые Иосиф Флавий мог привести в подтверждение предполагаемого им знакомства греков классического периода с Иудеей и ее населением. Однако ближайшее исследование обоих цитированных мест привело нас к заключению, что и в них равным образом не имеются в виду иудеи и что оба текста не только не доказывают осведомленности об этих последних даже тех авторов, у которых они заимствованы, но, напротив, свидетельствуют скорее о совершенно противоположном.

Помимо приведенных текстов, из авторов классического периода Иосиф Флавий цитирует еще два текста, хотя и принадлежащие уже собственно эллинистическому времени, но содержащие в себе сообщения о фактах, относящихся к более ранней эпохе. Это, во-первых, сообщение писателя второй половины третьего века до Р.Х. Гермиппа из Смирны относительно позаимствования отдельных обрядов, сделанного будто бы Пифагором из иудейских религиозных предписаний²⁰. Текст этот дословно гласит следующее: «Последний (Гермипп. – А.Т.) рассказывает в первой книге о Пифагоре, что, когда умер один из учеников Пифагора по имени Каллифонт, родом из Кротонны, он говорил, что душа покойного пребывает с ним днем и ночью и повелела ему не переходить через место, на котором поскользнулся осел, воздерживаться от жажду возбуждающей воды, избегать всякого злословия. Затем он прибавляет следующее: “Так поступал и говаривал он, подражая верованиям иудеев и фракийцев и усваивая их себе”». Далее Иосиф замечает уже от себя, что Пифагор вообще заимствовал многое в своей философии от иудеев и из их религиозных верований и постановлений закона.

Аналогичную, но, по-видимому, заимствованную из вторых рук у того же Иосифа цитату из Гермиппа находим мы и у Оригена²¹, у которого этой цитате придано еще более широкое

---

¹⁹ Равным образом и отдельные внешние признаки народа, описываемого Хэрилом, не могут быть применены совершенно к иудеям.

²⁰ Jos. Flavius. *Contra Apionem* I, 22 (русский перевод, см. стр. 38–39). Ср. *Reinach*. *Textes*. P. 39–40.

²¹ C. Celsum I. 15. – *Müller*. *Fragm. hist. graec.* S. 35–54, fr. 2 u 21; *Reinach*, № 14 bis.

и распространенное толкование, нежели у самого Иосифа, в смысле полного заимствования всего вообще философского учения Пифагора от иудеев. Вследствие такого распространительного толкования текст, приводимый Оригеном, имеет еще меньшую ценность и значение даже по сравнению с цитатой из Гермиппа, которую приводит Флавий.

Переходя к этой последней, мы не можем не признать, что хотя цитированное Иосифом место и принадлежит, по-видимому, Гермиппу, вопреки мнению Целлера, считающего его позднейшей иудейской интерполяцией²², однако, аутентичность его в данном случае не делает его более убедительным. Не говоря уже о том, что Пифагор, как известно, совершенно не оставил после себя никаких сочинений и письменных памятников, что мы вообще не имеем о нем каких-либо современных известий, что все наши сведения, касающиеся его жизни и учения, основаны на полулегендарных и не всегда заслуживающих доверия позднейших сообщениях и частью домыслах, причем, по-видимому, и самая приведенная Иосифом выдержка из Гермиппа представляет собою одну из таких легенд, о чем свидетельствует как самое содержание ее, так и та форма, в которой это содержание выражено; помимо всего этого сообщение Гермиппа о позаимствованиях, будто бы сделанных Пифагором у иудеев, не находит себе подтверждения в других источниках, так как те правила поведения, о которых в этом сообщении идет речь, не встречаются ни среди других наставлений (так называемых «символов») Пифагора, список которых приводится Диогеном Лаэртием²³ (совр. Лаэртским. – *Прим. ред.*), ни одинаково, с другой стороны, среди законов и постановлений, содержащихся в современных Пифагору иудейских священных книгах. В цитированном месте сообщается об одновременном позаимствовании одних и тех же постановлений от иудеев и фракийцев, столь различных и притом и географически отдаленных один от другого народов, отличавшихся совершенно несходными между собою религиозными верованиями и представлениями, и это обстоятельство говорит против внутренней достоверности всего сообщения, во всяком случае,

---

²² Zeller. Philosophie der Griechen (4 Auflage). S. 276–277; Willich. Juden und Griechen vor der makkabäischen Erhebung, 1895. S. 59 f.; Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeit Jesu Christi. Band III. S. 625–626 (4 Auflage), где приведена и литература, касающаяся цитированного у Иосифа Флавия текста Гермиппа.

²³ Diogen Laert. De vitis philosophorum. Liber VIII, cap. I.

во второй касающейся иудеев его половине, носящей к тому же характер дополнительного замечания и, быть может, представляющего собою не более как простую догадку самого Гермиппа. Если мы вспомним вообще малую еще осведомленность греков времени Гермиппа (III в. до Р.Х.) относительно иудеев, причем большинство первых греческих писателей, упоминающих об иудейском народе, принимали иудеев не столько за народ, сколько за особую философскую секту, сопоставляя их при этом с индийскими браминами (брахманами. — *Прим. ред.*), с учением которых иудейская религия, в общем, имеет мало общего, если затем мы вспомним общую для всех греческих писателей позднейшего времени тенденцию выводить происхождение своих философских систем с Востока, мы не можем не отнестись ко всему сообщению иначе как отрицательно и не можем не признать содержащиеся в нем сведения, в виду их полной внутренней и внешней неправдоподобности и недостоверности, скорее одним из позднейших домыслов, быть может, как уже указывалось, принадлежащим самому Гермиппу, нежели преданием, основывающимся на каком-либо подобии фактов, имевших место в действительности. Против факта знакомства Пифагора с иудеями и их религией, тем более с отдельными детальными ее постановлениями, говорит, наконец, и то обстоятельство, что этот предполагаемый факт оставался совершенно без влияния на последующую греческую литературу, которая и после Пифагора хранила такое же полное молчание относительно иудеев и их страны, как и в предшествовавшую времени его жизни эпоху.

Наибольшего внимания из всех собранных Иосифом Флавием цитат и упоминаний об иудейском народе греческих писателей доэллинистического времени заслуживает цитата, заимствованная у Клеарха из Сол, философа-перипатетика, жившего во второй половине четвертого и в начале третьего века. Сообщение это содержит в себе рассказ о встрече Аристотеля во время пребывания его в Малой Азии с эллински образованным иудеем, рассказ, слышанный Клеархом будто бы со слов самого Аристотеля²⁴. Время пребывания Аристотеля в Азии, именно пребывания его при дворе тирана г. Атарны Гермия, относится к 347–345 годам (другие случаи посещения им Азии нам неизвестны). В виду этого, если первоисточником сообщения Клеарха, действительно, служит рассказ Аристотеля, рас-

---

²⁴ Jos. Flavius. *Contra Apionem* I, 22; *Müller. Fragm. hist. graec. Fragm.* 69.; Didot II, 323; *Reinach. Textes.* № 7. P. 10–12.

сказ этот представляет собою едва ли не единственный случай упоминания об Иудее, восходящий к доэллинистическому времени, и потому заслуживает с нашей стороны особого внимания. Приводим этот рассказ ради представляемого интереса здесь полностью (по русскому переводу Израэльсона)²⁵.

«Клеарх, — так начинается приводимая Иосифом цитата, — ученик Аристотеля и философ-перипатетик, равного которому не было, говорит в первой книге “О сне”²⁶, что его учитель Аристотель рассказал про одного иудейского мужа следующее, причем приводит этот диалог: “Распространяться много было бы слишком долго, но бесполезно будет излагать таким же способом замечательную философию, которой обладал тот человек”. “Я знаю хорошо, — сказал он, — ты, Гиперохид, наверно, подумаешь, что я тебе рассказываю чудо или нечто похожее на сновидение”. Гиперохид почтительно ответил: “Потому-то и расскажи, мы все с напряженным вниманием будем слушать”. “Итак, — сказал Аристотель, — согласно требованию риториков и дабы не погрешить против учителей повествования, остановимся сперва на его происхождении”. “Говори, — сказал Гиперохид, — если тебе угодно так”. “Тот человек, — начал Аристотель, — был по происхождению иудеем, родом из Келесирии²⁷. Эти люди ведут свое начало от индийских философов. У индийцев, как говорят, философы называются каланами, а у сирийцев — иудеями. Последние получили свое имя от страны, которую они населяют и которая называется Иудеей. Имя же города их — очень мудреное — они называют его Иерусалимом. Вот этот человек, который многих считал своими друзьями²⁸ и из своей отдаленной от моря родины²⁹ часто спускался в

---

²⁵ Jos. Flavius. *Contra Apionem* I. Стр. 42–43.

²⁶ Относительно Клеарха из Сол и его сочинений см. *Virraert. De Clearcho solensi*. Gand. 1828; затем специальную диссертацию *M. Weber'a* (Breslau, 1880). В частности относительно аутентичности и действительной принадлежности Клеарху данной цитаты см. *Virraert. P. 12 sq*; *Reinach. Textes. P. 12*, примечание; *Gutschmid. Beiträge zur Geschichte d. alten Orients. Leipzig, 1876. S. 76 fg*; *Gutschmid. Kleine Schriften. S. 579*; так же примечания к переводу Израэльсона.

²⁷ Под именем Келесирии греки разумели всю гористую область, начиная от Ливана и кончая Красным морем; см. *Teophrast. Hist. plantarum* II, 6, 2; 5, 8. К Келесирии они относили, таким образом, и долину Иордана.

²⁸ Буквально: со многими находившийся в отношениях взаимного гостеприимства — выражение, обычно применявшееся к лицам, жившим в различных городах или местностях.

²⁹ Из местностей, расположенных наверху, то есть из верхней или внутренней части страны.

приморские города³⁰, был греком не только по языку, но и по духу. В то время мы находились в Азии. Туда и он пришел и, познакомившись с нами и с некоторыми другими преданными науке лицами, он начал испытывать их в мудрости, но так как он сошелся с людьми, из которых многие отличались глубоким знанием, то он, преимущественно, делился с ними тем, чем сам обладал»».

Приведенный текст, по-видимому, не возбуждает больших сомнений относительно своей аутентичности и, как можно думать, действительно принадлежит Клеарху³¹. Правда, Рейнах³² выражает сомнение в возможности существования во время Аристотеля столь высоко эллински образованного иудея и на этом основании заподозревает достоверность всего сообщения Клеарха (приписавшего в данном случае Аристотелю фиктивный рассказ), но, по-видимому, такой чрезмерный скептицизм в отношении сообщения Клеарха при одновременном признании его аутентичности не имеет под собою достаточной почвы и основания. Возможно, конечно, что фиктивен не самый факт встречи Аристотеля с иудеем, но сильно преувеличена степень образованности этого последнего, причем преувеличение это может быть отнесено частью на счет передачи Клеарха, а частью, быть может, и на счет самого Аристотеля, крайне, как видно из текста, удивленного своей встречей с образованным человеком из столь отдаленной и неведомой страны, какой была для него Иудея. Впрочем, если мы вспомним, как легко и быстро осваивались иудеи на местах своих новых поселений, на-

---

³⁰ *Gutschmid* (Neue Beiträge zur Geschichte d. alten Orients. Leipzig, 1876. S. 77) и *Hasselmeyer* (Die Ursprünge der Stadt Pergamos. Tübingen, 1885. S. 41) на том основании, что против Атарны, где находился Аристотель во время своего пребывания в Азии и где, как можно предполагать, произошла описанная в его рассказе встреча, на сравнительно незначительном расстоянии от морского берега приходилась гористая местность, в которой расположен был древний Пергам, полагают, что в данном случае идет речь о Пергаме, который, по их предположению, и являлся будто бы постоянным местом жительства иудея, фигурирующего в рассказе Аристотеля. Так это или не так, но, во всяком случае, появление хотя бы в отдельных исключительных случаях иудеев в западной части Малой Азии свидетельствует о том, насколько широкие размеры получила иудейская диаспора еще накануне эллинистической эпохи.

³¹ Литература относительно аутентичности данного текста указана выше в примечании.

³² *Reinach*. P. 12.

пример, в Вавилоне, несмотря даже на насильственное переселение туда, и как относительно легко и быстро совершался впоследствии уже в то время, когда они пришли в непосредственное соприкосновение с греками, среди них процесс эллинизации и распространения эллинского влияния и эллинской образованности, вопреки даже свойственной им религиозной обособленности и исключительности, представлявшей немалое препятствие для такой восприимчивости, в таком случае и самый факт существования отдельных личностей из иудейского народа, тем более из числа иудеев диаспоры, которые при первых же встречах с греками в короткое время усваивали их нравы и образованность, не должен казаться нам особенно поразительным. Но, очевидно, в эпоху Аристотеля, как о том свидетельствует продолжавшееся еще и в его время полное молчание греческих писателей об иудеях и обратно – еврейских литературных произведений относительно греков, факты, подобные описанному в рассказе Клеарха, могли встречаться лишь в виде единичных исключений. Ни распространение иудейской диаспоры на Запад, ни, с другой стороны, движение греков на Восток не были еще в то время настолько значительны и не приняли еще настолько широких размеров, чтобы привести оба народ в соприкосновение один с другим. Недаром же сам Аристотель, как, по крайней мере, передает его слова Клеарх, называет свою встречу поразительной и похожей на сон.

С рассказом, переданным нам Клеархом, можно сопоставить то свидетельствующее о некотором знакомстве Аристотеля с Иудеей обстоятельство, что он в сочинении о метеорологии, в подтверждение одного из своих научных положений, приводит, например, довольно верные и близкие к действительности сведения относительно свойств, какими обладает вода Мертвого моря. Так, между прочим, он сообщает, что вода в этом внутреннем море или, в сущности, в озере в такой степени горька и солоната, что никакая рыба в ней жить не может³³. При этом страну, где находится Мертвое море, он называет, однако, не Иудеей, а Палестиной, то есть тем самым названием, каким обозначал всю местность, расположенную к востоку от филистимского и финикийского побережья, включая и эти последние, еще Геродот.

Подводя итоги всему сказанному нами о тексте Клеарха, мы хотя и имеем основание сомневаться в действительности со-

---

³³ Meteorologica II, 3, 39.

общаемого в нем факта встречи греческого философа с представителем иудейской нации, притом на крайней западной оконечности малоазийского полуострова, однако, не можем не признать этого факта для того времени единичным и исключительным. Как уже указывалось выше, нам известно лишь одно посещение Аристотелем Малой Азии, именно три года, проведенные им при дворе Гермия, тирана г. Атарны (347–345). С 343 года он состоял воспитателем при юном Александре, в 340–335 годах жил в своем родном городе Стагире, затем с 335 по 323 год был руководителем основанной им в Афинах в Лицее школы, в 322 году скончался в Халкиде. Следовательно, пребывание его в Азии и происшедшая при этом встреча с иудеем, если только он не был в Азии вторично, почти на 15 лет предшествовали времени первого похода Александра, положившего начало эллинистической эпохе. Вот почему во встреченном Аристотелем иудее мы должны видеть лишь одного из первых пионеров начавшегося несколько позже в более значительных размерах переселения иудеев в греческие города, в частности в города ионийского побережья, переселения, вызванного установлением в результате завоевания Азии греками постоянных сношений последних с иудеями и в частности теми льготами, какими стремились привлечь их туда первые правители эллинистических государств³⁴, с одной стороны, так же как, с другой стороны, и выгодами, представляемыми жизнью в крупных торговых и промышленных центрах, какими были в то время прежде всего именно греческие города. Возможно, что и встреченный Аристотелем иудей переселился в Малую Азию именно с торговыми целями, и, быть может, в частых поездках его из внутренних областей в приморские города следует видеть именно поездки ради каких-либо торговых операций.

Если, таким образом, встреча греческого философа с иудеем в одном из малоазийских городов в виде отдельного пока еще исключительного случая и могла иметь место еще в сороковых годах четвертого столетия, то, во всяком случае, мы не имеем права делать из такого факта каких-либо преувеличенных выводов. Более близкое и непосредственное соприкосновение и знакомство греков с восточным миром, в частности с иудейским народом, только еще начиналось, ограничивалось отдельными спорадическими случаями и потому оставалось не только далеко не полным, но зачастую и ошибочным и основанным на

---

³⁴ См. о том выше.

самых фантастических сведениях и представлениях. У нас тем менее оснований сомневаться как в аутентичности приводимого Иосифом текста Клеарха, так и в достоверности содержащегося в нем сообщения, что все содержание этого отрывка отличается именно указанными чертами и является лучшим доказательством недавнего и только что начинающегося ознакомления греков с иудейским народом. Так, прежде чем приступить к рассказу, Аристотель считает нужным предварительно сообщить своим слушателям некоторые самые общие и элементарные сведения о стране и народе, из которой происходил и к которой принадлежал встреченный им философ иудейского происхождения, что, само собою разумеется, было бы совершенно излишне, если бы речь шла об известных всем области и народе. При этом и сведения самого Аристотеля, сообщенные им слушателям, отличаются еще крайне поверхностным характером и неточностью. Аристотель разделяет здесь общее характерное для времени первого знакомства греков с иудеями и, быть может, от него именно и берущее свое начало представление об этих последних не столько как о народе, сколько как о секте философов – последователей известного учения. Он ведет происхождение иудейского философского учения от индийских браманов, с которыми греки времени Аристотеля также впервые начали ближе знакомиться лишь со времени похода Александра в Индию и в которых также видели по преимуществу философскую школу. Но если более близкие и основанные на непосредственных сношениях сведения об Индии и в частности о браманах и их учении³⁵, так же как и об иудеях, греки получили лишь со времени Александра Македонского, до того же времени, как показывают, например, сообщения Геродота об этой стране, среди них ходили только фантастические, самые невероятные и чисто сказочные рассказы, хотя, таким образом, описанная Аристотелем встреча его с образованным иудеем, происходившая до похода Александра в Азию, предшествовала, следовательно, времени знакомства греков с индийскими браманами³⁶, тем не менее упоминание о них в рас-

---

³⁵ С браманами впервые греки познакомились благодаря сведениям, впрочем, крайне неточным, сообщенным Онесикритом, стоявшим во главе посольства, отправленного Александром в Индию.

³⁶ Мегасфен, в качестве посла лично посетивший Индию, также разделял этот взгляд, называя в числе иностранных негреческих философов рядом с браманами иудеев (*Fragm. hist. Graec.*, *fragm.* 41. *Reinach. Textes.* № 8). Теофраст также называет иудеев «нацией

сказе Аристотеля и сопоставление с ними предполагаемой философской школы иудеев не может служить основанием для заподозрения всего рассказа в недостоверности. Если самый факт встречи Аристотеля с философом-иудеем не имел место еще до похода Александра в Азию, то рассказ об этой встрече, а следовательно, и вставленные в этот рассказ замечания, в частности сближение иудеев с индийскими браманами, мог относиться и к позднему времени, когда греки успели уже несколько ближе ознакомиться одинаково и с Иудеей и с Индией. И на ту и на другую греки времени Аристотеля и вообще начала эллинистической эпохи смотрели прежде всего как на страну философов, взгляд, разделяемый, как видим, еще Аристотелем в приведенном рассказе. Насколько, впрочем, еще неточны были сведения Аристотеля, можно видеть, например, из утверждения его, будто в Индии философы назывались каланами – название, которое греки приписали браманам по имени брамана Калана, сопровождавшего Александра при его возвращении из Индии в Персию, а в Сирии иудеями. Из такого взгляда на индийцев и иудеев, как на философов по преимуществу, вытекали одинаково и распространенное среди греческих писателей начала эллинистической эпохи обыкновение сопоставлять и сближать их между собою и тот интерес, который возбудили среди греков оба народа, в особенности же иудеи, с которыми греки, как мы видели, в скором же времени получили полную возможность прийти в более близкое и постоянное соприкосновение.

На этом мы заканчиваем наш обзор сведений об иудеях, содержащихся в сочинениях греческих писателей доэллинистического времени. В результате нашего исследования мы приходим к предвиденному нами заключению, что греки классического периода ничего или почти ничего не знали об Иудее и ее населении. По крайней мере, они совершенно не выделяли иудеев из среды остального населения Сирии и, как можно заключить отсюда, по-видимому, и не подозревали о их существовании в качестве отдельного, живущего обособленной политической жизнью народа. Первое заслуживающее некоторого доверия упоминание об Иудее и об иудеях содержится в только что разобранном нами сообщении Аристотеля о его встрече в Малой Азии с эллинистически образованным иудеем. Но если, с

философов» (*Reinach*, № 5). Браманов греки сопоставляли также и с персидскими магами, см. передаваемый Диогеном Лаэртием отрывок из того же Клеарха (*Diog. Laert.* I, 9).

одной стороны, по времени это упоминание стоит уже в сущности на границе эллинистической эпохи, то, с другой стороны, и неточность содержащихся в нем сведений, и самое содержание, и форма изложения – все свидетельствует о недавнем, только что начинающемся знакомстве с иудейским народом. При этом чрезвычайно характерными представляются и тот необычайный интерес и впечатление, какое произвела эта первая же встреча между греческим философом и представителем иудейской нации на первом. Не менее характерен также и тот взаимный обмен мнений, во время которого философ-иудей испытывал у своих греческих собеседников их познания и сведения и в свою очередь делился с ними собственными познаниями и взглядами.

6. Данные греческой эпиграфики

По своей древности и содержанию особенно выделяются две надписи второго века до Р.Х., касающиеся отпущения на волю рабов-иудеев и найденные в числе многочисленных документов подобного рода в Дельфах.

Шюрер

Исследование тех немногих текстов греческих авторов классического периода, в которых так или иначе можно было бы видеть намек на иудеев, показало нам, что в действительности эти тексты не имеют в виду специально иудеев и, во всяком случае, не могут служить доказательством более близкого знакомства греков доэллинистической эпохи с иудейским народом. Молчание греческих писателей об этом последнем до времени первого похода Александра Македонского в Азию представляется полным и абсолютным. Первым писателем, у которого мы встречаем упоминания об иудейском народе и более детальные, хотя и далеко не всегда достоверные сведения о нем, был Гекатей Абдерский, современник Александра и Птолемея Лага (разобранный в предыдущем параграфе рассказ Аристотеля, хотя по времени излагаемых в нем фактов и относится еще к концу предшествовавшей эпохи, но записан он Клеархом не ранее конца четвертого столетия, следовательно, не ранее времени литературной деятельности Гекатея)¹.

---

¹ Гекатей упоминает об иудеях в своей «Истории Египта», в которой, между прочим, содержится обстоятельный рассказ об исходе

Что факт такого полного и абсолютного молчания греческих авторов классического периода не может быть объяснен какими-либо случайными причинами, можно заключить уже из того обоюдного интереса, который, как мы видели, оба народа возбудили друг в друге с момента первой же встречи и соприкосновения между ними. Надо полагать, что если бы тот или иной греческий автор предшествовавшего времени имел под руками сведения об иудейском народе, он не замедлил бы поделиться ими со своими читателями. Таким образом, уже факт молчания греческих авторов об иудеях сам по себе оказывается достаточным, чтобы на основании его судить не только об отсутствии каких-либо сношений между греками и иудеями, но и о почти полном неведении их друг о друге. Однако этот вывод, к которому мы пришли путем анализа литературных данных, мы имеем возможность проверить еще и при помощи богатого документального материала, представляемого греческой эпиграфикой. Если, с одной стороны, эти данные совершенно свободны от какой-либо примеси субъективного элемента, неизбежного во всяком литературном произведении, то, с другой стороны, обилие и разнообразие материала, представляемого греческой эпиграфикой, является лучшим ручательством за полноту сделанных на основании изучения ее выводов и за устранение из таких выводов элемента случайности.

И вот, просматривая богатый материал, представляемый греческой эпиграфикой доэллинистического периода, мы не найдем там ни одного случая прямого указания или упоминания об иудеях, ни одного факта, который свидетельствовал бы о пребывании в Греции хотя бы одного иудея или подтверждал бы существование каких-либо отношений и общения между греками классического периода и отдельными представителями иудейской нации. Мы не встречаем решительно ни одного иудея, ни одного иудейского имени среди многочисленных данных о рабах и вольноотпущенных, равным образом как и среди данных о метеках (чужеземцы и рабы, отпущенные на волю, не имели гражданских прав. — *Прим. ред.*), занимавшихся в греческих городах торговлей и ремеслами, число которых в

евреев из Египта (*Reinach. Textes. № 9*). Ему же приписывается сочинение специальной книги «Об иудеях», однако подлинность этой последней подвергается сильному сомнению и, по-видимому, не принадлежит Гекатею (*Müller. Fragm. hist. graec. Band II. S. 384 f.*).

главнейших торговых и промышленных центрах Греции также достигало весьма значительных размеров.

Наиболее многочисленный слой чужеземного варварского населения в греческих городах составляли рабы, число которых в отдельных случаях равнялось или даже превышало общее число свободных граждан. Поэтому прежде всего и естественнее всего было бы искать иудеев среди рабского населения Греции (косвенное указание на продажу иудейских рабов в Грецию мы имеем в ветхозаветной пророческой литературе)². Однако несмотря на то, что мы располагаем вполне достаточным материалом для того, чтобы судить о происхождении значительной части рабского населения Греции, за все время вплоть до второй половины второго столетия до Р.Х. мы тщетно стали бы искать в массе эпиграфического материала хотя бы одного прямого и определенного указания на происхождение отдельных рабов из Иудеи. Первый известный нам случай упоминания рабов иудейского происхождения в греческих документах мы встречаем в двух надписях из собрания изданных Wescher'ом и Foucart'ом дельфийских надписей, представляющих собою акты отпущения рабов на волю. В одной из этих надписей³ речь идет об освобождении иудейской рабыни и ее двух дочерей, другая надпись говорит об освобождении раба, не только иудея по происхождению, но и носящего определенное иудейское имя Иуды⁴. Обе эти надписи относятся приблизительно к одному и тому же времени, именно ко второй четверти второго столетия до Р.Х.⁵

Таким образом, первое документальное подтверждение присутствия рабов иудейского происхождения, а вместе с тем и иудеев вообще в Греции⁶, относится даже не к началу, а к концу эллинистической эпохи, то есть к тому времени, когда жи-

---

² Иоиль 3, 6.

³ *Wescher et Foucart. Inscriptions recueillies à Delphes. 1863. № 57.*

⁴ *Ibid. № 364.*

⁵ В собрании *Wescher'a* и *Foucart'a* они отнесены к промежутку времени между 170 и 157 годами. *Baunack* (*Sammlung der griechischen Dialekt Inschriften herausgegeben von Collitz. Band II. Delphische Inschriften bearbeitet von A. Baunack. 1896. S. 637*) относит обе надписи даже к одному и тому же году, именно к 158 до Р.Х.

⁶ Присутствие иудеев в греческих малоазиатских городах засвидетельствовано с третьего, а в отдельных единичных случаях, как мы видели из рассказа Аристотеля, даже с четвертого века, но не в документальных, а в литературных источниках. Ср. *Schürer. Band III. S. 12 f.*

вые непосредственные отношения и общение между обоими народами давно уже успели сделаться совершившимся фактом, несомненность которого вполне определенно засвидетельствована литературными источниками одинаково как той, так и другой стороны. При этом, по-видимому, еще и в то время рабы иудейского происхождения были крайне немногочисленны, так как упомянутые случаи представляют чисто единичные спорадические явления, не только не имевшие, по крайней мере, известных нам прецедентов, но не повторяющиеся в течение долгого времени и после того. С другой стороны, о немногочисленности рабов иудеев еще более наглядно свидетельствует сопоставление их с числом рабов иного происхождения, упоминаемых в тех же дельфийских надписях, среди которых они составляют лишь самый ничтожный процент. Так, из 124 рабов, имена которых приводятся в дельфийских надписях и происхождение которых либо прямо указано, либо может быть определено, только в двух случаях, как видим, идет речь об освобождении рабов иудейского происхождения, что составляет едва 1,6% по отношению к общему числу, тогда как упоминание о рабах греческого происхождения встречается в 24 случаях, сирийцев упоминается 22, фракийцев — 21, эпиротов и македонян — 8, галатов — 8, италийцев — 6, армян, сарматов и иллирийцев — по 4, каппадокийцев — 3, остальных национальностей, так же как и иудеев, по 2 случая и менее⁷. Рабы-иудеи представляются здесь в виде редкого исключения. Если же при этом еще согласиться с мнением Шюрера, полагающего, что в обеих приведенных надписях дело идет о военнопленных, захваченных во время маккавейских войн и проданных затем в рабство в Грецию⁸, в таком случае и самый факт упоминания о рабах-иудеях в обеих этих надписях представляет собою более или менее случайное и преходящее явление.

В другом аналогичном собрании дельфийских же надписей из 27 встречающихся там рабских имен 7 приходится на рабов греческого происхождения, 9 — сирийцев, 2 — фракийца, по одному египтянину, ливийцу, киприоту, бастарну, галату, колхидцу, дарданиянину, встречаются, наконец, даже один араб и один раб с Меотийского озера (Азовского моря), но не попадает ни одного упоминания относительно случая отпущения на волю рабов иудейского происхождения⁹.

---

⁷ Foucart. Mémoire sur l'affranchissement. P. 47–48.

⁸ Schürer. Band II. S. 55–56.

⁹ Bull de Corr. Hell XVII (1893). P. 344 suiv.

Богатое собрание аналогичных надписей, содержащее в себе также обильные данные относительно происхождения рабов, имеется еще среди эпиграфических памятников, найденных на острове Родосе¹⁰, однако и в числе родосских надписей, несмотря на относительную близость этого острова к Палестине, мы равным образом не находим ни одного специального упоминания о рабах иудейского происхождения. Преобладающую массу рабского населения острова составляли рабы из ближайших местностей, преимущественно с южного и юго-западного побережья малоазийского полуострова, из Карики, Ликии, Лидии, в меньшей степени из Киликии, Каппадокии, Галатии, Фригии, Сирии, затем также из Египта, Персии, с берегов Черного моря и даже из Италии.

С эпиграфическими данными, касающимися происхождения рабского населения в Греции, вполне согласуются и те данные, какие можно найти по этому поводу в литературных источниках, прежде всего в произведениях аттических комиков пятого-четвертого столетий. И в этих последних точно так же встречаются многочисленные указания на происхождение рабов по преимуществу из Фракии¹¹, Македонии¹², с берегов Черного моря и из Дакии¹³, Лидии¹⁴, Фригии¹⁵, Пафлагонии¹⁶, Карики¹⁷, Сирии¹⁸, наконец, из Египта, Эфиопии и южной Италии¹⁹. Однако и среди литературных данных мы тщетно стали бы искать хотя бы одного определенного указания или хотя бы намек на происхождение отдельных рабов из Иудеи.

И эпиграфические, и литературные данные, таким образом, вполне согласно свидетельствуют о том, что рабы-иудеи, по край-

---

¹⁰ *Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei*. Т. I. № 480–538.

¹¹ Aristoph. *Acharn.* 272; *Eirene* 1138; *Thesmoph.* 293; Menandr. fragm. 828 (Kocq); ср. Herodot. V, 6; Demosth. LIX, 35, Herondas I. — C.I.A. Т. II. 2393.

¹² Demosth. *Phil.* III. 31.

¹³ Aristoph. *Lysistr.* 184; Menandr. fragm. 335; Antiphane, fr. 146; ср. Strabo VII, p. 304; XI, 493; Polyb. IV, 38; Demosth. LXI, 35.

¹⁴ Eurip. *Alceste*, v. v. 675–676; Strabo VII. 304.

¹⁵ Aristoph. *Batrach.* 433; Hermipp. у Athen I. 27 sq. (Fragm. 63, Kocq); ср. Strabo VII. 304.

¹⁶ Strabo VII. 304.

¹⁷ Aristoph. *Ornith.*, v. 764.

¹⁸ Aristoph. *Eirene*, v. 1146; Anaxandrides, fragm. 51 (Kocq); Apollodorus, fragm. 8; Herondas II, 18–19; ср. Strabo VII. 304. — C.I.A. Т. II. 1328.

¹⁹ Antiphan, fr. 139; Theophr. *Character.* 21; Stobaeus XLIII. 95.

ней мере, которые были бы определенно указаны и отмечены в качестве таковых, почти, и быть может, и совершенно отсутствовали в Греции. Правда, если мы и не встречаем прямых и определенных указаний на рабов иудейского происхождения, то мы можем предполагать их скрывающимися под общим наименованием сирийцев. Географический термин «Сирия» греки нередко понимали в широком смысле, подводя под него не только собственную Сирию, но одинаково и всю область, начиная от Красного моря на юге и кончая Каппадокией на севере. Хотя Геродот²⁰, как мы видели, и выделяет побережье, заселенное филистимлянами, и соответствующие ему внутренние области стран, в том числе, следовательно, и собственно Иудею, под специальным наименованием Палестины²¹, однако в других местах своей «Истории» и он называет всю указанную местность Сирийской Палестиной²², относя, таким образом, и Палестину к Сирии, понимаемой в широком смысле. Южную часть Сирии, включая и области, расположенные на юг от собственной Сирии вплоть до северного берега Красного моря, греческие писатели нередко обозначали также названием Келесирии²³, а, например, Клеарх из Сол, передавая рассказ Аристотеля, как мы видим, определенно относит к этой последней и Иудею, называя родину встреченного Аристотелем иудея Келесирией²⁴.

Предположение о возможности появления в Греции рабов иудейского происхождения под именем сирийцев, таким образом, не содержит в себе чего-либо неправдоподобного и представляется вполне возможным и вероятным, тем более, что, как уже отмечено нами выше, этот факт находит себе подтверждение и в свидетельстве пророка Иоиля, негодующего против жителей городов Тира и Сидона и против филистимлян, продававших, по его словам, сыновей Иуды и Иерусалима в страну Яваним, то есть Грецию (точнее, Ионию)²⁵. Но если бы такое

---

²⁰ V II, 89.

²¹ Палестиной называет эту местность также и Аристотель, см. *Meteorologica* II, 3, 39.

²² I, 105, II, 106, III, 91.

²³ Theophrast. *Hist. plantarum* II, 6, 2, 5 и 8.

²⁴ Jos. Flavius. *Contra Apionem* I. 22.

²⁵ Иоиль (III, 6): «И сынов Иуды и сынов Иерусалима продавали сынам эллинов (буквально: в страну Яваним. — А.Т.), чтобы удалить их от пределов их»; ср. *Herzfeld. Handelsgeschichte der Juden des Alterthums. Braunshweig, 1879. S. 57 и Note 9, s. 302.*

предположение и соответствовало действительности, если бы рабы иудейского происхождения и появлялись в действительности на рабских рынках Греции под именем сирийцев, если даже, наконец, принять во внимание и самую многочисленность рабов сирийского происхождения, составлявших одну из главнейших и наиболее многочисленных групп рабского населения Греции²⁶, все же число рабов собственно иудейского происхождения даже в этой обширной группе вряд ли может быть признано особенно значительным. Необходимо иметь в виду, с одной стороны, прежде всего незначительность самой области, занимаемой Иудеей, при обширности Сирии в том широком значении этого географического термина, какой придавали ему греческие писатели, подводя под него, как уже указано, не только собственную Сирию, но и все пространство от берегов Красного моря вплоть до Каппадокии и даже часть этой последней, именно, страну так называемых левкосирийцев, расположенную уже в пределах Каппадокии; с другой стороны, рабы из числа иудеев вообще не могли быть многочисленны уже в силу одного только внутреннего, удаленного от моря и, следовательно, недоступного для нападений морских пиратов, являвшихся главными поставщиками на рабские рынки, положения. При этом, в частности, решая вопрос относительно возможности появления рабов иудейского происхождения на собственно греческих рынках, следует принимать еще во внимание то обстоятельство, что Иудея расположена на самой южной окраине области, именовавшейся греками Сирией, то есть в части этой последней, наиболее удаленной от местностей, заселенных греками и занятых их колониями (о. Кипр и южное побережье малоазийского полуострова), откуда они могли предпринимать свои набеги или, как называет их Аристотель, «охоты» за рабами²⁷. Если значительное большинство рабов, попавших на рабские рынки Греции, происходили из Фракии, Лидии и Фригии, то есть из стран, непосредственно примыкавших к побережью, занятому многочисленными греческими колониями, то мы имеем все основания предполагать, что и рабы сирийского происхождения, по

---

²⁶ Из 124 рабов, упоминаемых в дельфийских надписях с указанием их происхождения, на 24 грека и 21 фракийца сирийцев было 22 (18% от общего числа). Точно так же и согласно свидетельству Страбона (VII, р. 304) среди рабов в Аттике более всего представлены были лидийцы, фригийцы, пафлагонцы и сирийцы; ср. Хелорф. II. 3, который то же самое утверждает относительно метеков.

²⁷ Arist. Pol. 1, 3, 8.

крайней мере в большей своей части, должны были принадлежать к населению областей, соседних с греческими колониями, именно западной части Сирии, но не более отдаленного Дикеополья и тем более разделенной от них еще большим расстоянием и, следовательно, совершенно для них недоступной Иудее.

Во всяком случае, как бы мы ни решали вопрос о проценте иудеев среди рабов-сирийцев в Греции (а вполне возможно, что этот процент равнялся нулю), самый факт молчания греческих литературных и документальных памятников о рабах иудейского происхождения, причем если таковые и появлялись на греческих рабских рынках, то не выделялись специально из общей массы сирийцев, смешиваясь и сливаясь с этой последней, вполне гармонирует с аналогичным и тождественным отношением к Иудее и ее населению греческих писателей классического периода и одинаково свидетельствует об отсутствии у греков более близкого знакомства с иудеями как отдельным обособленным народом. В качестве сирийцев они фигурируют в исторических и географических сочинениях греков, в качестве сирийцев они появлялись (если только действительно появлялись) и на рабских рынках Греции.

Еще менее, нежели в качестве рабов, имеем мы оснований предполагать присутствие иудеев в Греции в качестве свободных поселенцев иностранного происхождения, то есть другими словами, в качестве метеков. Правда, Ксенофонт в числе стран, поставлявших наибольшее количество метеков в Афины, называет Лидию, Фригию и Сирию²⁸, однако на этот раз, как показывает то исследование эпиграфических данных, по-видимому, и относительно Сирии он ошибается. Сопоставляя на основании данных, содержащихся в эпиграфических памятниках, отдельные группы встречающихся в них метеков по их происхождению, мы должны будем прийти к заключению, что не только сирийцы, но точно так же и лидийцы и фригийцы составляли в общей массе метеков лишь незначительный процент. Вообще, в отличие от соотношения, существовавшего между рабским населением Эллады греческого и негреческого происхождения, соотношения, существовавшего о решительном преобладании рабов негреческого, варварского происхождения над рабами-греками, число которых было крайне немногочисленно, свободные чужеземные поселенцы в греческих городах в подавляющем большинстве происходили не из отдаленных вар-

---

²⁸ Xenoph. II. 3.

варских стран и местностей, но по своему происхождению принадлежали к числу греков же, переселявшихся в крупные промышленные торговые центры, главным образом, из соседних греческих же областей и городов²⁹. Противоположное утверждение Ксенофонта о преобладании среди метеков негреков над греками представляется не только ошибочным, но в данном случае и тенденциозным, так как целью его было добиться исключения метеков из числа гоплитов путем указания на их варварское якобы происхождение.

Но и помимо того, что преобладающую массу метеков составляли переселенцы из соседних греческих же городов, и среди метеков негреческого происхождения большая часть были выходцами из непосредственно прилегающих к Греции и ее колониям местностей, именно: в греческой метрополии – из Фракии, в малоазийских городах – из Фригии и Лидии. Из более отдаленных местностей в значительном числе в греческих городах в качестве постоянно поселившихся в них метеков встречались лишь предприимчивые финикийцы, занимавшиеся торговыми операциями или ремеслом³⁰.

Наиболее полные данные относительно происхождения метеков, живших в греческих городах, находим мы в надгробных надписях афинских метеков, помещенных в первом и втором томах *Corpus Inscript. Atticarum* (в первом томе приводятся эпитафии с гробниц метеков греческого происхождения, во втором – варварского). На общее число встречающихся здесь имен погребенных в Афинах метеков приходится всего лишь 78 лиц негреческого происхождения (что составляет немногим более 11%), в том числе: 20 фракийцев, 15 финикийцев (6 из Китиона, 9 из Сидона), 7 анкирян, 6 фригийцев, остальных народностей по 1–3 представителей³¹. Собственно иудеев в числе афинских метеков не попадает совершенно, что же касается сирийцев, в числе которых мы не имеем никаких оснований предполагать

---

²⁹ *Clerc*. *Les métèques athéniens*. Paris, 1893. P. 381 suiv.; *Guiraud*. *La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce*. Paris, 1900. P. 158 suiv.

³⁰ Существование финикийских поселений в Афинах и Пирее подтверждается надписями, помещенными в *C.I.A.* (Т. I, № 115–121), см. также *Revue archéologique* (1886. Т. I. P. 5).

³¹ По три – мидян, мизийцев, галатов и сирийцев, по 2 – киприотов, египтян, арабов, пафлагонцев, по одному – ликийцев, киликийцев, памфилийцев, филистимлян (из Аскалона), писидийцев, поитийцев, армян, персов, ассирийцев, карфагенян, см. *Clerc*. P. 382–383.

иудеев, то и этих последних насчитывалось всего лишь трое³², то есть менее 4% метеков негреческого происхождения и менее 0,5% общего числа всех живших в Афинах метеков.

Менее показательны и, во всяком случае, имеют для нас меньшее значение и интерес сохранившиеся в эпиграфических памятниках данные относительно происхождения метеков в других греческих городах, прежде всего потому, что эти данные почти исключительно относятся уже к позднейшей эллинистической эпохе. Однако эти данные рисуют аналогичную картину. Так, в Эретрии в числе метеков встречаются преимущественно уроженцы соседних городов Гераклеи, Кассандрии, Фив³³. В книдских надписях чаще других упоминаются уроженцы острова Самоса, соседнего расположенного в Кarii, как и сам г. Книд, г. Минда, затем из Селевкии и Сол с южного побережья Малой Азии, из Фригии, Фракии, Александрии и Ливии³⁴. Обильный, но относящийся к позднему времени материал дают затем точно так же надписи с острова Родоса³⁵, причем и здесь одинаково, как и в других перечисленных примерах, преобладающее число метеков оказываются происходящими либо с соседних островов и греческих городов, либо из среды населения ближайшего побережья Малой Азии.

Абсолютное молчание как литературных, так и документальных эпиграфических памятников относительно иудеев является лучшим доказательством факта отсутствия их в Греции в доэллинистическую эпоху, и при этом не только в собственно греческой метрополии, но одинаково и в местностях, занятых греческими колониями. Но помимо того имеется и ряд других, можно сказать, косвенных доказательств, подтверждающих сделанный нами на основании непосредственного анализа литературного и эпиграфического материала вывод.

Так, прежде всего, если бы иудеи в действительности были сколько-нибудь многочисленны в греческих городах, то по аналогии с той ролью, какую играли иудеи диаспоры на Востоке, а позднее и в эллинистических и римских городах и местностях, мы вправе были бы ожидать, что они и в Греции примут такое же живое и непосредственное участие в экономической жизни, как в указанных случаях, в особенности же, в оживленной торговой и промышленной деятельности, кипевшей в главных цен-

---

³² C.I.A. T. II, № 3378, 3379, 3777.

³³ Papers of the american schools of Athen. T. VI. P. 71–73.

³⁴ Sammlung der griechischen Dialekt Inschriften, № 3510, 3528.

³⁵ Guiraud. La main d'oeuvre. P. 159.

трах Греции. Оставаясь у себя на родине народом по преимуществу, если не исключительно, земледельческим, иудеи на чужбине обычно вынуждены были самым резким образом изменять свой привычный образ жизни. Поставленные, по большей части, в невозможность обращаться к своему постоянному роду занятий, они выказывали способность легко и быстро применяться к изменившимся условиям и находить себе новый род занятий и новые способы добывания средств к жизни, прежде всего в занятии торговыми и денежными операциями³⁶. Даже большая часть уведенных насильственным путем в вавилонский плен иудеев успела завязать на новых местах поселения настолько прочные связи и отношения с туземным населением, что не пожелала, когда к тому представилась возможность с падением вавилонского царства, возвратиться вновь на родину и предпочла остаться в крупных торговых и промышленных центрах бывшего вавилонского царства³⁷. Мало того, евреи, насильственно поселенные в Вавилоне, успели, по-видимому, сделаться необходимыми и для самого местного населения. В руках банкирской конторы Эгиби (Иакова?), принадлежавшей, как можно думать, еврею, сосредоточивались, как известно, почти все денежные дела и операции Вавилона. Торговым и по преимуществу денежно-ссудным операциям посвящала свое свободное время, по-видимому, и большая часть иудеев, образовавших военную колонию в Элефантине, насколько о том можно заключить на основании оставленных ими документальных данных³⁸. Наконец, и относительно иудеев диаспоры конца эллинистической эпохи известно, что они располагали весьма значительными капиталами, которые, само собою разумеется, не лежали праздны. Так, Митридат, завладев островом Косом, захватил там до 800 талантов, принадлежавших иудеям³⁹.

---

³⁶ Исаия 45, 14; 55, 2 и др.

³⁷ Захария 6, 10 и след.

³⁸ *Ed. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer judischen Militärkolonie zu Elephantine. Leipzig, 1911. S. 8, 25, 28, 29, 35 и др. Staerk. Alte und neue aramäische Papyri. 1912. S. 58.*

³⁹ Страбон у Иосифа Флавия *Antiquit XIV, 7, 2*. Иосиф предполагает, что здесь идет речь о храмовых деньгах, собранных из городов Малой Азии и укрытых во время митридатских войн на острове Косе; однако современные исследователи более склонны видеть в захваченных Митридатом огромных денежных суммах капиталы частных лиц, см. по этому поводу: *Reinach. Revue des études juives. T. XVI. P. 204–210; Willich. Hermes. 1904. S. 205; Herzog. Koische Forschungen. 1899. S. 35.*

Таким образом, как в эллинистическую эпоху, так и в доэллинистические времена иудеями, жившими вне родины, широко практиковалось занятие торговлей и денежными операциями. На этом основании, как уже сказано, мы были бы вправе ожидать встретить иудеев в числе торговых посредников и многочисленных иноземцев, главным образом из вольноотпущенников, державших банкирские конторы и занимавшихся денежными операциями на центральных денежных рынках Греции, каким прежде всего были Афины, а между тем мы не только не встречаем прямых указаний, но и каких-либо намеков в этом направлении, которые подтверждали бы такое предположение. По крайней мере, ни один из крупных торговцев и банкиров-капиталистов, оперировавших в Афинах в течение четвертого столетия до Р.Х., имена и происхождение которых нам известны, не принадлежал к иудейской национальности⁴⁰. Этот факт точно так же может служить косвенным доказательством отсутствия иудеев в Греции вообще.

Еще более показательное значение в интересующем нас отношении представляют данные, касающиеся распространения в Афинах и в других греческих городах иноземных культов. При той широкой религиозной терпимости, какой вообще отличаются политеистические религии, какую в частности выказывали и греки по отношению к иноземным культам, иностранцы, поселявшиеся в Греции, не только пользовались самым широким правом религиозной свободы и свободного и открытого почитания собственных богов, но нередко успевали даже распространить и привить свои религиозные культы среди самого местного греческого населения. Так, в течение пятого и четвертого столетий в Афины проникли и частью даже получили официальное признание финикийские культы Зевса Милихия, Астарты, Мелькарта, как известно, отождествлявшегося с греческим Гераклом, затем ряд культов фригийских (между прочим известный, получивший широкое

---

⁴⁰ *Perrot. Le commerce des céréales à Athènes. – Revue historique, IV; Perrot. Le commerce de l'argent à Athènes à IV siècle* в сборнике статей под общим заголовком *Mémoires d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire. Paris, 1875*; см. в особенности стр. 444, где приводятся имена и краткие сведения (на основании, главным образом, ораторских речей четвертого столетия) как о крупных, так и более мелких банкирах и денежных дельцах, оперировавших в Афинах. Дополнительные к этому списку данные собраны *Clerc'ом: Les métèques athéniens. P. 404.*

распространение в Греции культ богини-матери) и фракийских божеств⁴¹.

При первом же взгляде на происхождение получивших в Афинах распространение иноземных культов сразу невольно бросается в глаза полное соответствие, наблюдающееся между распространением именно этих культов, то есть культов, берущих свое начало из Финикии, Фригии и Фракии, и между отмеченным выше преобладанием в числе метеков уроженцев тех же местностей. Египтяне, также образывавшие в Афинах относительно значительные поселения, еще в пятом веке свободно отправляли богослужение в честь своих божеств, а в следующем столетии получили официальное разрешение на построение собственного храма в честь богини Изиды⁴². Точно такой же свободой отправления собственных культов пользовались египтяне и на острове Делосе, где они образовали вполне обособленную самоуправляющуюся религиозную общину⁴³.

Раз, таким образом, даже жившие в греческих городах иноземцы-язычники спешили широко пользоваться представлявшейся им религиозной свободой, то не может подлежать никакому сомнению, что, если бы иудеи образовали где-либо в Греции хотя бы незначительные поселения, они, при развитии среди них более чем среди какой-либо иной национальности, национальной и религиозной обособленности и исключительности самым широким образом использовали бы религиозную терпимость язычников для отправления культа Ягве и для пропаганды своих религиозных верований. При этом и самые эти религиозные верования иудеев, и столь резко выделявшая их из среды других современных народов религиозная нетерпимость должны были бы так или иначе сразу обратить на себя внимание со стороны туземного греческого населения, как это в действительности и случилось впоследствии, после первого же знакомства греков с иудейским народом и его религиозными верованиями в эпоху Александра Македонского, и как это равным образом имело место и ранее в Египте, где упоминавшаяся уже выше иудейская военная колония на острове Элефантине, насчитывавшая едва несколько сот членов⁴⁴, несмотря

---

⁴¹ *Clerc*. P. 127.

⁴² *Clerc*. P. 137.

⁴³ Там же.

⁴⁴ По вычислению *Ed. Meyer*'a (*Der papyrusfund von Elephantine* (2 Auflage). Leipzig, 1912. S. 37) число еврейских поселенцев на Элефантине не должно было превышать 600–800 человек.

на свою незначительность и малочисленность, еще в половине пятого столетия имела свой храм Ягве. Уже в то время еврейские поселенцы, резко отличавшиеся от туземного населения по своим религиозным верованиям и представлениям, не только успели благодаря этому обратить на себя общее внимание, но своей религиозной нетерпимостью и исключительностью, частью же и по мотивам социального характера⁴⁵, сделались предметом ожесточенной вражды и ненависти со стороны туземного населения, результатом чего и явилось в конце концов открытое столкновение и разрушение иудейского храма египтянами в Елефантине в 410 году⁴⁶.

Вот почему молчание греческих литературных памятников относительно существования культа Ягве в Афинах или каком-либо ином греческом городе и отсутствие каких-либо намеков на это в обширной греческой эпиграфической литературе, конечно, не представляет собою случайного явления и может быть объяснено только действительным отсутствием еврейских, хотя бы и самых незначительных, поселений в греческих городах не только метрополии, но и в колониях.

На этом мы можем закончить наше исследование греческих данных, которые свидетельствовали бы о знакомстве греков с иудеями в доэллинистическую эпоху. Ближайшее исследование как греческих литературных памятников, так и обширного эпиграфического материала вполне подтвердило факт абсолютного молчания греков классического периода и, по-видимому, полного незнания их об иудеях как об отдельном народе. За все время, предшествовавшее образованию эллинистических государств, иудеи не встречались, как мы имеем все основания полагать, ни в самой Греции, ни в ее колониях. Факт этот, устанавливаемый на основании полного отсутствия каких-либо сведений о них в греческих литературных и эпиграфических данных, находит себе, как мы только что показали, полное подтверждение и в ряде косвенных доказательств. Обратимся же теперь к другой стороне и рассмотрим те сведения и упоминания, какие можно найти о греках в еврейской ветхозаветной литературе.

---

⁴⁵ Насколько можно думать, в документах, касающихся разрушения иудейского храма на Элефантине, речь идет между прочим и о практиковавшихся иудейскими поселенцами денежных операциях (*Sachau. Ogamäische Papyri und Ostraca. Pap. 10*).

⁴⁶ И.М. Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р.Х. М., 1915. С. 68 и след.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ветхозаветная еврейская литература

А что если бы мы захотели воспользоваться тем же аргументом против греков, утверждая, что они народ не древнего происхождения, на том основании, что в наших литературных памятниках о них не говорится.

Иосиф Флавий

Если мы от разбора данных, содержащихся в греческих литературных и эпиграфических памятниках и материалах, обратимся к произведениям еврейской священной литературы, то и в этой последней точно так же не только не найдем указаний хотя бы на отдельные спорадические случаи появления евреев в Греции, не говоря уже о сколько-нибудь значительном распространении их в греческих областях, равно как и обратно, относительно проникновения греков в область древнего Израиля и Иудеи, но и вообще почти никаких следов знакомства с Грецией и ее обитателями. И для иудеев доэллинистического времени Греция оставалась такой же малознакомой, расположенной где-то на далеком Западе страной, какою представлялась в свою очередь и сама Иудея для греков. Название Эллады для еврейских писателей остается столь же чуждым и неизвестным, как для греческих название Иудеи; если греки не выделяли иудеев в качестве отдельного народа из общей массы населения Сирии, то равным образом и иудеи в свою очередь почти ничего не знают собственно о греках и говорят вообще об язычниках Запада; если греческие писатели говорят лишь о Сирии и о сирийской Палестине, причем мы не встречаем у них ни одного упоминания специально об Иудее, то равным образом и в еврейской литературе области, занятые греками, носят еще менее точное и определенное обозначение «островов моря». Единственное более определенное указание на страну Яваним, под которой разумеется не собственно Греция, а, как известно, Иония, занятая греческими колониями, встречается лишь в книгах позднейших пророков — Иезекииля и Иоила, время жизни которых относится — первого к середине шестого века и второго — к концу пятого или, быть может, даже к четвертому столетию. Молчание еврейской литературы о греках, равно как и обратно, молчание греческих писателей об иудеях, точно так же обращало на себя внимание, как показывает приведенная в

эпиграфе цитата, еще в древности и было отмечено Иосифом Флавием в его полемическом сочинении против Апиона¹.

Вся историческая жизнь израильского народа вплоть до момента завоевания Азии Александром Македонским, положившего начало эллинистической эпохе, сосредоточивалась исключительно на востоке. Весь круг его внешних сношений ограничивался исключительно связями и отношениями, существовавшими между ним и соседними восточными государствами, тесным кольцом охватывавшими область, занятую израильтянами, притом отношениями, в которых на долю этих последних приходилась преимущественно пассивная страдательная роль.

Наиболее ранние, восходящие еще к тому времени истории евреев, когда они в числе многих других кочевых племен странствовали в пустынях Синайского полуострова, постоянные отношения установились у них с Египтом, о чем свидетельствуют как их собственные древние предания, так и египетские памятники². Со времени утверждения израильтян в Хаанаане и, в особенности, со времени возникновения и утверждения среди них царской власти, впервые объединившей отдельные колена израильского народа и содействовавшей установлению более прочных связей между ними, израильское царство уже в качестве единого политического целого вступает в более постоянные, те или иные, дружественные или враждебные, отношения с народами и государствами, граничившими с ним со стороны запада и севера, сначала с ближайшими своими соседями, Финикией и Сирией, позднее с более отдаленными Ассирией и Вавилоном. Этими соседними областями, как уже сказано, и ограничивался в сущности весь круг внешних как политических, так и экономических отношений иудейского и израильского царств за все время их самостоятельного существования. Вот почему и их не только политический, но и географический кругозор не шел дальше.

Будучи непосредственно знакомы, не считая множества соседних мелких кочевых народцев, лишь с Египтом, Финикией, Сирией и частью с областью Месопотамии, относительно более отдаленных областей и народов иудеи доэллинистической эпохи узнавали понаслышке, и, само собою разумеется, что получаемые таким путем сведения могли быть лишь самыми неполными, отрывочными и совершенно случайными. В частности

---

¹ Jos. Flavius. *Contra Apionem* 1, 13. Цитата приведена по русскому переводу Израельсона и Генкеля, стр. 15.

² *Ed. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens*. 1888. S. 182, 206 ff.

Греция, то есть собственно греческая метрополия, как можно предполагать, не была известна иудеям даже по названию и оставалась для них совершенно *terra incognita*; относительно Ионии (Яваним) встречаются, как уже сказано, лишь отдельные упоминания в книгах позднейших пророков.

Обратимся же теперь от этих общих вступительных замечаний к рассмотрению содержащихся в еврейской ветхозаветной литературе данных более частного характера относительно распространения иудеев за пределами их родины и относительно знакомства их с иноземными областями, в частности с Грецией. Если внешние политические отношения иудейского и израильского царств, поскольку они рисуются перед нами на основании еврейских исторических книг, не распространялись на юг далее соседней Идумеи³, на западе далее Египта и Финикии, на севере далее Сирии, со стороны востока далее великих завоевательных держав Передней Азии, если таким образом официальные сношения обоих царств ограничивались узким кругом ближайших соседних с ними государств, причем и в отношениях с этими последними, в особенности в отношениях с Ассирией и позднее с Вавилоном, на долю Иудеи выпадала преимущественно пассивная роль, роль жертвы агрессивной политики могущественных восточных соседей, то ведь отдельные представители израильского народа могли проявлять и более активности в отношениях с внешним миром, проникая в более отдаленные области и страны и образуя там колонии и менее постоянные поселения.

Наиболее полные данные относительно распространения иудеев за пределами их родины, равно как и данные, на основании которых вообще можно судить о степени знакомства их с внеиудейскими областями и странами, находим мы в пророческих книгах Ветхого Завета, и прежде всего именно в тех местах этих книг, которые содержат в себе возвещение предстоящего возвращения рассеянных по другим странам потомков Иуды и Израиля на родину. Такие пророчества встречаются уже у древнейших пророков, начиная с Осии.

---

³ Сношения с расположенным в южной Аравии Офиром, завязавшиеся было при Соломоне и оказавшиеся возможными, как известно, исключительно благодаря содействию финикиян, носили временный и случайный характер и, прервавшись, по-видимому, еще при жизни Соломона, не могли быть восстановлены при его преемниках, попытки которых снарядить вновь плавание в Офир оказались безрезультатными. 3 Царств 9, 26–28; 10, 11, 22; 4 Царств 14, 22.

Наиболее древняя из известных нам еврейских книг, книга пророка Амоса, жившего в первой половине восьмого столетия⁴, восходит ко времени, предшествовавшему падению израильского царства и первому ассирийскому плену, и пророчества ее, касающиеся, по обыкновению еврейских пророческих книг, не только Израиля и Иуды, но одинаково и других народов, не выходят за узкий круг непосредственных соседей израильского народа: моавитян и эдомитян, сирийских и филистимских городов⁵. Но уже кругозор следующего за Амосом по времени пророка Осии, видевшего падение израильского царства от руки ассирийских царей, расширяется, и пророчества его содержат в себе, например, провозвестие возвращения сынов Израиля из Египта и Ассирии. «Вслед Господа пойдут они, — возвещает пророк. — Как лев, он даст глас свой, и встрепаются к нему сыны с запада, встрепаются из Египта, как птицы, и из Ассирии, как голуби, и вселю их в дома их, говорит Господь»⁶. У Осии, таким образом, определяются значительно более широкие границы по сравнению с предшествовавшим временем; речь идет уже не только о возвращении из Египта, с которым у Израиля, как мы знаем, уже существовали наиболее древние связи и отношения⁷, но и из Ассирии, причем в этом последнем случае разумеются израильтяне, только что уведенные в плен ассирийским царем Салманассаром, и, наконец, также и о возвращении сынов с запада.

Последнее указание Осии относительно возвращения израильских поселенцев с запада слишком неопределенно. У современного Осии пророка Исаии первого находим и более точные, и более определенные указания относительно распространения иудеев в странах запада. «И будет в тот день, — читаем мы у него, — Господь снова прострет руку свою, чтобы возвратить себе остаток народа своего, какой останется у Асура, и в Египте, и в Патросе, и у Хуса, и у Елама, и в Синаре⁸,

---

⁴ Сендерленд. Священные книги Ветхого и Нового Завета. Пер. с англ. Пб., 1910. С. 84–85.

⁵ Главы 1 и 2.

⁶ Осия 10, 10–11.

⁷ Связи Ханаана с Египтом предшествовали появлению там евреев, см. *Ed. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens*. 1887. S. 182, 206 f.

⁸ Собственно, в Шинаре, а не в Синеваре, как значится в синодальном переводе, — область по верхнему течению Тигра.

и в Хамате⁹, и на островах моря»¹⁰. Из упоминаемых здесь местностей Патрос – верхний Египет, под Хус следует подразумевать страну Куш, то есть, другими словами, Эфиопию¹¹, Елам (Элам. – *Прим. ред.*), как известно, прежде самостоятельное царство, впоследствии область ассирийского и вавилонского царств, расположенная к востоку от Евфрата, наконец, Синеар или Шинар – местность, прилегавшая к верхнему течению Тигра. За исключением Египта и Эфиопии, это именно все те области, в которых были рассеяны израильтяне, уведенные в плен ассирийцами при завоевании и разрушении Самарии Салманнасаром¹². Что же касается Хамата, то это город в древней Сирии, представлявший довольно крупный торговый центр на пути с финикийского побережья в область Месопотамии, в котором еврейские поселения засвидетельствованы еще со времен царя Соломона¹³.

Исаия говорит, наконец, о возвращении сынов Израиля с островов моря, и это первый намек на присутствие иудеев в собственно островной области, занятой греками. К островам моря, на которых уже в эпоху пророчеств Исаии первого (вторая половина восьмого столетия) могли встречаться отдельные еврейские поселенцы, очевидно, прежде всего должен быть причислен ближайший к берегам Финикии остров Кипр¹⁴. Если под этим неопределенным собирательным названием и можно были бы предполагать и прочие острова греческого архипелага, то такое предположение опровергается данными, содержащимися в других пророческих книгах, из которых видно, что «дальние острова» были не ближе знакомы иудеям и, следовательно, по-видимому, не посещались ими. Впрочем, равным образом и на ближайших к финикийскому и южному малоазиатскому побережью островах еврейские поселенцы не могли быть в то время сколько-нибудь многочисленны. По крайней мере, в другом месте пророческой книги того же Исаии первого так же, как ранее у пророка Осии, мы встречаем провоз-

---

⁹ В Емафе, по синодальному переводу.

¹⁰ Исаия 11, 11. Принадлежность цитируемого места Исаии I подвергается, впрочем, сомнению; см. Еврейская энциклопедия. Т. VIII. С. 310.

¹¹ Jos. Flavius. Antiquit I, 6, 2 (русский перевод Генкеля, стр. 25); ср.: *Herzfeld*. *Handelsgeschichte der Juden des Alterhums*. Braunschweig, 1879. S. 56.; *Schrader* u *Riehm*'a: *Handwörterbuch*. Band I. S. 33–35.

¹² 4 Царств 17, 30.

¹³ 3 Царств 10, 15.

¹⁴ Однако никоим образом не Исаия, как ошибочно полагает *Herzfeld* (s. 56).

вестие возвращения евреев только из ассирийских областей и из Египта¹⁵.

Переходя к пророкам позднейшего времени, мы находим, что и географический кругозор пророка Иеремии, жившего и писавшего более столетия спустя после Исаии и бывшего очевидцем разрушения Иерусалима Навуходоносором, за весь период времени, протекший между жизнью обоих пророков, нисколько не расширился. И Иеремия знает в сущности только два главнейшие пути, ведущие из Иудеи, именно путь в Египет и путь в Ассирию¹⁶. В отличие от пророков предшествовавшего времени, у Иеремии мы находим впервые и более детальные сведения относительно отдельных более значительных поселений евреев в Египте. Такие поселения существовали в его время преимущественно в пограничных местностях, в городах Магдоле, Тафнис (Дафне), в Нофе (Мемфисе) и в земле Патрос. Все эти местности известны были Иеремии не только понаслышке: он сам провел в них последние годы жизни и здесь же протекла значительная часть его пророческой деятельности¹⁷. Все эти поселения, впрочем, приняли значительные размеры, а быть может, и возникли впервые во время самого Иеремии, уже после падения и разрушения Иерусалима, в непосредственной связи и зависимости с этой катастрофой¹⁸. В виду того, что Тафнис (Дафне) и Магдол представляли собою прежде всего пограничные укрепления египетской монархии, в данном случае мы имеем основание предполагать и в образовавшихся в них еврейских поселениях наемные военные гарнизоны по примеру тех военных поселений, какие представляли собою еврейские колонии на острове Элефantine и в Ассуане, на жизнь которых проливают такой яркий свет вновь найденные документы.

Рядом с Ассирией и Египтом и Иеремии известны острова на западе, которые он уже более определенно называет собирательным именем Хиттимских островов¹⁹. Уже из этого собирательного наименования всех островов моря хиттимскими по

---

¹⁵ Исаия 27, 13: «И придут затерявшиеся в ассирийской земле и изгнанные в землю египетскую и поклонятся Господу на горе святой и в Иерусалиме».

¹⁶ Иеремия 2, 18: «И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила, и для чего тебе путь в Ассирию, чтобы пить из реки ее».

¹⁷ Иеремия 44, 1.

¹⁸ Иеремия, гл. 43.

¹⁹ Иеремия 2, 10.

имени острова Кипра, еврейского Хетим²⁰, можно заключить, что для Иеремии остров Кипр занимает первое место между островами запада и, по всей вероятности, являлся единственным, ближе ему известным. Однако названию Хетим придается у Иеремии еще более широкое значение: оно является не только собирательным именем для островов запада, но, по-видимому, и синонимом Запада вообще и в этом значении противопоставляется восточным странам²¹. Но если Иеремия имя относительно незначительного и не игравшего большой роли в жизни Греции острова Кипра употребляет для обозначения всех вообще греческих островов, раз для него остров Кипр является даже синонимом для обозначения вообще стран Запада, то это происходит, очевидно, от того, что этот остров, как ближайший к филистимскому и финикийскому побережью, был единственным известным ему хотя бы по имени, далее же за Кипром для него начинались области уже совершенно неизведанные, малоизвестные ему даже по названию.

Более обширный географический кругозор обнаруживает Исаия второй, время пророческой деятельности которого относится ко второй половине шестого столетия и которому, как известно, приписываются последние 27 глав книги пророка Исаии²².

---

²⁰ Jos. Flavius. *Antiquit* 1, 6, 1: «Хетим завладел островом Хетимою (он теперь именуется Кипром), отчего все острова и большинство прибрежных пространств называются евреями Хетим». Цитировано по русскому переводу Генкеля «Иудейские древности» (СПб., 1900. Т. I. С. 24); ср.: *Fr. Delitsch*. *Wo lag das Paradies*. S. 207–208; *G. Boettger*. *Topographisch histor. Lexicon zu den Schriften des Flavius Josephus*. S. 87–88.

²¹ «Ибо пойдете на острова хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар в Аравии». Ср.: Исаия 21, 13–17; Иезекииль 27, 21 («и разведайте прилежно, и рассмотрите: было ли там что-либо подобное сему? Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги»); Иеремия 2, 10.

²² Время пророческой деятельности Исаии второго *E. Kautzsch* (*Die heilige Schrift des alten Testaments*, 1910) относит к 550–538 годам. *T.K. Cheyne* (*Prophecies of Isaias*. London, 1880), *Duhm* (*Das Buch Jesaja*. Göttingen, 1892), *K. Marti* (*Das Buch Jesaja*. Tübingen, 1900), *Benzinger* (*Geschichte Israels bis auf die Griechische Zeit*. Leipzig, 1904. S. 99, 135–7) выделяют еще последние 11 глав (гл. 56–66) и приписывают их третьему Исаии (*Tritojesaja*), причем время пророчеств этого последнего относят к середине пятого столетия, ко времени Ездры и Неемии.

Впрочем, если мы признаем принимаемое некоторыми современными исследователями разделение и этой второй половины книги Исаии на пророческие писания Исаии второго и Исаии третьего (последние 11 глав), то в главах, приписываемых ими собственно Исаии второму, мы не найдем ни доказательств большей ширины и точности его географических познаний (в частности, Греция по-прежнему остается ему совершенно незнакомой), ни свидетельств более широкого распространения израильского народа в особенности в сторону запада, по сравнению с данными, содержащимися в пророческих писаниях его предшественника: «И вот одни придут издалека, и вот одни от Севера и моря, другие из земли Сиим» (Китай?, как синоним возвращения евреев из более отдаленных стран и областей Востока)²³.

Только в последней (66-й) главе книги пророка Исаии, приписываемой некоторыми исследователями, как сказано, не Исаии второму, но Исаии третьему, время пророческой деятельности которого относится ими еще на сто лет позднее, находим пророчество о возвещении имени израильского бога и славы его язычникам, причем относительно стран, населяемых этими последними, даются более ясные и определенные указания, и, таким образом, географический кругозор автора этого пророчества выступает перед нами с большей определенностью. «И вот приду собрать все народы и языки, — читаем мы здесь, — и они придут, и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю на спасенных от них к народам: в Фарсис²⁴ и к Пулу²⁵ и Луд²⁶, к натягивающим лук (по всей вероятности, под “натягивающими лук” следует разуметь полудикие охотничьи племена. — А.Т.), к

---

²³ Исаия 49, 12.

²⁴ Тартесс на западном берегу Испании.

²⁵ *Herzfeld* (*Handelsgeschichte der Juden des Alterthums*. S. 57 и Note 9) определяет положение области Пул к западу от Египта. Другими исследователями, впрочем, имя Пул считается искажением Пут и отождествляется с египетским Пунт (африканским побережьем Красного моря). См. *W. Max Müller*. *Asien und Europa nach aegyptischen Denkmälern*. Leipzig, 1893. S. 107 f., ср. *Encyclopedia Biblica*. T. III. P. 3984 f.; *Еврейская энциклопедия*. Т. XIII. С. 135–136.

²⁶ Область, по определению *Herzfeld*'а, на западном берегу аравийского полуострова. Впрочем, обычно Луд упоминается в библии и в связи с африканскими народами; ср. *Еврейская энциклопедия*. Т. XIII. С. 372–373.

Тубалу²⁷ и Явану²⁸, на дальние острова, которые не слышали обо мне и не видели славы моей: и они возвестят народам славу мою»²⁹.

Герцфельд³⁰ на основании приведенной цитаты заключает о присутствии во всех названных местностях и среди всех названных народов иудеев и о возвещаемом будто бы пророком возвращении их оттуда, причем смело заменяет в словах «пошли от спасенных из них в Фарсис, к Пулу и Луд, к Тубалу и Явану» предлоги в и к предлогом из, имеющим совершенно обратное значение, благодаря чему и вся фраза получает точно также противоположный смысл и значение. Только при такой замене можно видеть в приведенной цитате свидетельство относительно присутствия иудеев во всех перечисляемых в ней местностях. В действительности же дело обстоит скорее совершенно обратно. Не рассеяние евреев по названным странам и областям и не последующее возвращение их оттуда в Иерусалим имеет пророк в данном месте прежде всего в виду, а, напротив, провозвестие впервые имени израильского бога народам и областям, которые «не слышали» о нем и «не видели» славы его, то есть, другими словами, речь идет именно о таких местностях, в каких до того не предполагалось присутствие представителей израильского народа, которые могли бы возвестить славу своего бога, и какие, следовательно, не посещались иудеями. В перечисленных в данной цитате местностях мы должны, по-видимому, видеть прежде всего не столько места, где встречались отдаленные иудейские переселенцы и иудейские поселения, сколько наиболее отдаленные известные евреям того времени пункты, которыми ограничивался весь их географический кругозор. Приведенная цитата и представляет потому большой интерес, что в ней пророк имеет в виду перечислить крайние известные ему и его соотечественникам пределы земли, за которыми, по его представлениям, либо должен был оканчиваться мир, либо расположены были совершенно неизведанные области, представлявшие для него настоящую *terra incognita*.

---

²⁷ Под именем Тубал, по-видимому, следует разуметь племя тиваренов, упоминаемое у древних географов (Страбон II, 129; Плиний VI, 4), жившее на южном берегу Черного моря к востоку от Термодона. Ср. Еврейская энциклопедия. Т. XV. С. 38–39; *Riehm. Handwörterbuch des biblischen Alterthums*. Band II. S. v. Tubal.

²⁸ Иония.

²⁹ Исаия 66, 18–19.

³⁰ 56–57.

Самый дальний известный автору цитаты западный пункт — это Тартесс, в действительности представлявший собою крайнюю точку известного в древности мира, но об этом отдаленном городе евреи могли знать и, несомненно, знали только из сообщения и рассказов финикийских купцов и путешественников. Предполагать же на основании одного только упоминания имени Тартесс, что евреи посещали его и знали о нем на основании непосредственных личных впечатлений и знакомства, мы не имеем никаких оснований³¹. Напротив, очень многое говорит за то, что о Тартессе иудеи могли слышать только лишь от финикийян³².

За исключением Тартесса, имя которого могло быть известно евреям еще со времени сближения их с финикийянами при Соломоне, географический кругозор их и в эпоху Исаии второго, то есть еще во второй половине шестого столетия, если же принимать гипотезу о принадлежности последних 11 глав книги Исаии, в том числе и приведенной цитаты, особому автору с отнесением литературной деятельности этого последнего ко времени Ездры и Неемии, то и еще столетием позже продолжал по-прежнему оставаться крайне ограниченным и вряд ли намного более обширным, нежели за сто и за двести лет до того. Перечисленные области, которые, как мы уже показали это выше, в глазах пророка должны представлять крайние пределы земли, образуют собою замкнутый полукруг, охватывающий известные Исаии второму (или третьему?) местности со стороны юга, юго-запада, запада, северо-запада и с севера. На юге это побережье аравийского полуострова и противоположный африканский берег, известный у египтян под именем страны Пунт, на запад это

---

³¹ Особенно смелым представляется предположение *Герцфельда* относительно существования еврейских поселений в Тартессе в Испании, причем он рисует обстоятельную, но тем не менее не выигрывающую вследствие этого в своей доказательности, картину таких поселений. По его предположению, евреи могли попадать в Тартесс на финикийских кораблях и селились там в качестве торговых посредников, образуя иудейскую колонию (s. 57).

³² Имя Тартесса почти всегда связывается с именем финикийян. Выражение «тартесский корабль» обычно означало как вообще корабль дальнего плавания (совершенно ошибочно мнение *Guthe* в статье *Schiffahrt*'а в *Herzogs Hauck Real Encyclopedie für protestantische Theologie und Kirche*. Band XVII. Leipzig, 1906. S. 568–576, понимающего выражение «тартесский корабль» (3 Царств 10, 2) в буквальном смысле корабля, отправляющегося в Тартесс), так и финикийский корабль (Исаия 23, 1, 14). Тир у Исаии I — дочь Тартесса (23, 10 ср. 6).

Эфиопия и Египет, со стороны северозапада это Явана (Иония) и дальние острова, с севера – побережье Черного моря.

Очерченные границы в общем соответствуют границам персидского царства времени Исаии второго и в сущности очень мало отличаются от границ, которыми определялся кругозор израильского народа в более ранние времена, даже во время, предшествовавшее вавилонскому плену. В частности, как имя Греции, так и самое существование материковой Греции, то есть собственно греческой метрополии, и для Исаии второго остается точно так же, по-видимому, неизвестным, как и для пророка предшествовавшей эпохи. Но и Иония, и «дальние острова», под которыми, очевидно, следует подразумевать острова греческого архипелага, ближайšie к западному побережью Малой Азии, также входившие в то время в состав персидской монархии, и современникам Исаии второго остаются известными, как можно полагать, только понаслышке. Недаром они представляются Исаии наиболее отдаленными, крайними расположенными в этом направлении областями и сопоставляются им в этом отношении с удаленным Тартессом. Повторяем при этом, что в словах пророка: «которые не слышали обо мне и не видели славы моей», — в словах, относящихся одинаково ко всем перечисленным в приведенной цитате областям, следовательно, и к «дальним островам», то есть к островам греческого архипелага и к стране Яван (Ионии), можно видеть прямое подтверждение того, что во всех этих областях нельзя было встретить не только сколько-нибудь значительных еврейских поселений, но даже, по всей вероятности, и отдельных представителей израильского народа. Что пророк в данном случае специально отметил страны и области, наиболее удаленные и не приходившие еще в его время в какое-либо соприкосновение с иудейством, видно, наконец, также и из его умолчания в цитированном месте о ближе к Иудее расположенных местностях, где в действительности уже в его время имелись иудейские поселения, и которые, во всяком случае, как, например, Египет, уже давно хорошо были известны иудеям за время вавилонского плена. Равно как и в последовавшую за тем персидскую эпоху иудейская диаспора распространилась, главным образом, на восток³³, распространение же иудеев в западном на-

---

³³ Исаия 49, 12. Ср. также указание относительно распространения еврейских поселенцев в различных городах и областях ассирийского царства, так же как и в Мидии, содержащееся в книге Товита, составление которой должно быть отнесено ко времени плена.

правления и в это время все еще совершалось лишь с крайней медленностью и постепенностью.

Из других пророков отдельные отрывочные упоминания о существовании иудейских поселений вне Иудеи встречаются еще у Цефании (Софонии), современника Иеремии, и у Захарии, современника Исаии второго и возвращения из вавилонского плена. У первого находим свидетельство относительно присутствия иудеев в Эфиопии, причем возможно, что у него имеются в виду еврейские военные колонии, существовавшие на южных границах Египта на Элефантине и в Ассуане³⁴. У Захарии мы находим, рядом с туманным и неопределенным пророчеством относительно «спасения» народа божьего «из страны Востока и из страны захождения солнца»³⁵, и стереотипное для пророков его времени предвещание относительно возвращения сынов Израиля из Египта и Ассирии. «И расселю их, — возвещает пророк от имени божьего, — между народами, и в отдаленных странах они будут воспоминать обо мне, и будут жить с детьми своими и возвратятся. И возвращу их из земли Египетской и из Ассирии соберу их, и приведу их в землю Галаадскую и на Ливан»³⁶. Таким образом, и у Захарии точно так же, хотя пророк и говорит об «отдаленных» странах, под этими отдаленными странами подразумеваются прежде всего все тот же Египет и Ассирия, как и у живших за двести лет до него пророков — современников падения израильского царства.

Единственное свидетельство относительно появления евреев если не в Греции, то в стране Яваним, и то в виде несвобод-

---

³⁴ Софония 3, 10: «из заречных стран Эфиопии поклонники мои, дети рассеянных моих, принесут мне дары». Иудейские военные гарнизоны в Египте, в частности на южной границе с Эфиопией, существовали еще со времени Псаметиха II, быть может, даже со времени Псаметиха I. См. письмо Аристея. С. 13; Jos. Flavius. Contra Apionem II и Antiquit XII; ср. *Sachau*. Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine. Leipzig, 1911; *Peters*. Die jüdische Gemeinde von Elephantin — Syene. Freiburg im Br., 1910; *E.O. Meyer*. Papyrusfund von Elephantine. Leipzig, 1912; *Sayce — Cowley*. Aramaic Papyri discovered at Assuan. L., 1906; ср. *Тыраев*. История древнего Востока. СПб., 1914. С. 241 и след.; *Волков*. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине. М., 1915. С. 44–46; также *Erman*. Aegypten und ägyptisches Leben im Alterthum. Tübingen, 1886. S. 686 f.

³⁵ Захария 8, 7.

³⁶ Захария 10, 9–10.

ных рабов, находим мы только у одного из самых позднейших пророков, именно у пророка Иоиля, жившего, по-видимому, уже во второй половине четвертого столетия, то есть почти в начале эллинистической эпохи³⁷. Иоиль ставит в упрек жителям Тира и Сидона, так же как и филистимлянам, продажу в рабство детей Иуды и Израиля «в страну Яваним», чтобы удалить их от пределов их³⁸. Цитированное место из пророка Иоиля представляет собою, повторяем, единственное прямое свидетельство относительно появления иудеев в Ионии, но и оно относится, как видим, к очень позднему времени, почти что к началу эллинистической эпохи, и сверх того говорит о насильственном, а не добровольном переселении туда иудеев и о появлении их в ионийских городах не в качестве свободных поселенцев, но в качестве рабов.

В заключение нашего обзора памятников еврейской ветхозаветной литературы нам остается еще отметить два-три случайных упоминания о греческих областях, упоминания, не мало, впрочем, не свидетельствующие в пользу факта распространения в них иудеев и сколько-нибудь близкого и непосредственного знакомства этих последних с ними. Это прежде всего известная глава 27 книги пророка Иезекииля (шестого века), описывающая торговлю Тира. Здесь в стихе 13 о торговле Тира с Ионией сообщается следующее: «Иаван, Фувал³⁹ и Мешех⁴⁰ торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду»⁴¹. Иония упоминается здесь не в связи с островами греческого архипелага (с островами моря) или с собственной Грецией, но в соединении с совершенно чуждыми ей народцами, обитавшими на южном и юго-восточном бе-

---

³⁷ См. *Сендерленд*. Священные книги Ветхого и Нового Завета. Перевод с английского. СПб., 1907. С. 84. Существует, впрочем, и обратное предположение, считающее Иоиля одним из древнейших пророков и относящее время жизни и пророческой деятельности его еще к первой половине восьмого столетия; см. *Дубнов*. Всеобщая история евреев (издание второе). СПб., 1910, хронологическая таблица в приложении.

³⁸ Иоиль 3, 6.

³⁹ Фувал – Тубал – народ тибаренов, живший на южном берегу Черного моря, см. относительно них выше примечание 27.

⁴⁰ Мешех, по-видимому, – мосхи, народ, обитавший на юго-востоке от Черного моря, в ближайшем соседстве с тибаренами. См. Еврейская энциклопедия. Т. X. С. 942–943.

⁴¹ Иезекииль 27, 13.

регах Черного моря и известными в древности под именами тибаренов и мосхов. Такое сопоставление крупнейших торговых колоний Греции с полудикими охотничьими племенами, сопоставление тем более странное, что оно употреблено именно по поводу торговых сношений тех и других, не свидетельствует ни о сколько-нибудь близком знакомстве автора с Ионией, ни о ширине его географического кругозора, очевидно, не распространявшемся за пределы малоазиатского полуострова. Непределенность и туманность сведений пророка Иезекииля относительно торговли Ионии выступает особенно ярко на фоне его хорошей и близкой осведомленности относительно торговых сношений финикийских городов, в особенности, с ближайшими к Иудее местностями.

У пророка Софонии встречаем упоминание народа критского, однако в таком странном сочетании и неподходящем контексте, что становится сомнительным, действительно ли он имеет в виду жителей острова Крита. Пророк грозит гневом господним филистимским городам: «Газа будет покинута, и Аскалон опустеет; Азот будет выгнан среди дня, и Екрон искоренится. Горе жителям приморской страны, народу критскому. Слово Господне на вас, хананей, земля филистимская»⁴². Из контекста видно, что здесь речь идет специально о приморских филистимских городах и, по-видимому, к ним же по неизвестным нам мотивам применено и самое название «народа критского». Трудно сказать, имеет ли в данном случае какую-либо связь употребленное Софонией название с действительным островом Критом и не является ли оно случайным совпадением. Во всяком случае, если имя острова Крита и было известно иудеям, то, очевидно, через тех же самых финикийцев, при посредстве которых им приходилось слышать и о значительно более удаленном Тартессе.

В заключение остановимся на родословной сынов Ноевых, помещенной в 10-й главе книги Бытия. Здесь сыновьями Иавана, оказывающегося в свою очередь сыном Иафета, называются Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим: «От сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих»⁴³. Из этих имен наименее поддается толкованию первое, именно, имя Элиса (Элиша). Древнейший

---

⁴² Софония 2, 5.

⁴³ Кн. Бытия 10, 4–5; ср. 1 книга Хроник (Паралипоменон) 1, 7, где даются тождественные имена сыновей Иафета.

перевод библии на сирийский язык, известный под названием Пешитто, признает Элису родоначальником эллинов, Иосиф Флавий⁴⁴ – родоначальником эолян, Мидраше подразумевает под этим именем Элиду; другие толкователи полагают, наконец, что здесь имеется в виду Пелопоннес, Италия или, более специально, южная Италия⁴⁵. Наконец, если мы примем во внимание, что в телль-амарнской переписке именем Alaschia обозначается остров Кипр, то одинаково с равным правом можем отождествлять загадочное имя Элиса и с этим последним. Что касается имен Фарсиса и Киттима, то последние не возбуждают больших сомнений: это, как мы уже знаем, Тартесс и остров Кипр. Имя четвертого сына Иавана Доданим опять является более спорным. Во всяком случае, это имя не тождественно ни с Додоной, местом известного греческого оракула, ни с племенем дарданий, хотя бы уже потому, что мы не можем предполагать у евреев столь близкого знакомства с Грецией, чтобы им были известны имена отдельных местечек и племен. И еще менее мы можем предполагать у них оснований для того, чтобы придавать подобные специальные имена родоначальникам Иафетидов. В первой книге Хроник (Паралипоменон)⁴⁶ дается иное чтение имени Доданим, именно, оно читается как Роданим. И если это второе чтение действительно правильно⁴⁷, то мы имеем полное основание предполагать под этим именем жителей острова Родоса.

Родословная сыновей Явана, основывающаяся, по-видимому, не столько на действительном или предполагаемом племенном родстве народов Запада, сколько прежде всего на их географическом положении к западу от Иудеи, не свидетельствует в пользу факта сколько-нибудь близкого и полного знакомства автора родословной с народами Запада, который представлялся евреям исключительно в виде островной области, в виде «островов моря». Уже один факт причисления Фарсиса к сыновьям Явана показывает, что автор родословной не имел ясного представления ни о географических расстояниях между странами Запада, ни о населяющих их народностях. Кроме

---

⁴⁴ Antiquit 1, 6, 1.

⁴⁵ Еврейская энциклопедия. Т. XVI. С. 221; *Dillmann*. Die Genesis. 1886. S. 165.

⁴⁶ Глава 1, стих 7.

⁴⁷ Чтение Роданим вместо Доданим принимается древним сирийским переводом (пешитто), переводом семидесяти и вульгатой.

того, упоминание в числе сыновей Иавана Киттима (Кипр) и (Д) Роданима (Родос) и вслед затем Фарсиса (Тартесс), оставляя в стороне загадочное имя Элисы, показывает, что вся промежуточная область, расположенная между этими отдельными пунктами, оставалась для него почти совершенно неизвестной. Такое почти полное отсутствие каких-либо познаний относительно народов Запада у автора родословной книги Бытия вырисовывается перед нами с еще большей ясностью и определенностью, если мы сопоставим его с теми обстоятельными родословными, какие даются им для народов Востока и в особенности соседних с Иудеей стран и народов. Если родословная потомков Явана обрывается на перечислении четырех его сыновей и не идет далее, то родословные народов Востока идут дальше ближайших предполагаемых потомков Хама и Сима и обнаруживают в их авторе несравненно более близкое знакомство, нежели в отношении племен и народов Запада.

Что касается времени, когда могла быть составлена приведенная и только что разобранный нами родословная народов, то ее, по-видимому, следует отнести к одной из позднейших частей книги Бытия, входящих в состав так называемого «священнического кодекса» (Priesterkodex), выделяемого, как известно, современными исследователями из состава пятикнижия в противоположность более ранним редакциям Иеговиста и Элогиста⁴⁸. За такое позднейшее происхождение помещенного в 10 главе книги Бытия родословия народов говорит как самый факт его составления и внесения в книгу Бытия (пристрастие к родословным типично именно для этого позднейшего времени, в особенности же для времени установления господства теократии, когда представители привилегированного священнического класса стремились доказать и сохранить чистоту своего происхождения)⁴⁹, так и его сходство, доходящее частью до полного тождества, с аналогичной родословной, помещенной в первой книге Хроник (Паралипоменон), представляющих заведомую переработку истории израильского народа в священническом духе и вместе с этим, следовательно, одну из наиболее поздних редакций исторических книг Ветхого Завета.

---

⁴⁸ См., например, Ю. Велльгаузен. Введение в историю израильского народа. Перевод Никольского. СПб., 1909. С. 7 и след.

⁴⁹ Ср. Jos. Flavius. Contra Apionem 1, 7 (русский перевод Израэльсона и Генкеля, стр. 79).

Таким образом, если наше предположение относительно позднейшего происхождения 10 главы книги Бытия, содержащей в себе родословие народов, справедливо, а это, как видим, почти не подлежит сомнению, и родословная действительно принадлежит к позднейшим частям Библии, получившим окончательную редакцию в шестом или даже, что вероятнее, в пятом столетии, то констатированный нами на основании анализа приводимых в ней имен сыновей Иавана факт малого знакомства ее авторов с народами и областями Запада представится в наших глазах особенно показательным. Представления и сведения иудеев относительно западных стран, и в частности прежде всего относительно Греции и греческих островов, и в это позднее время все еще, следовательно, продолжали оставаться крайне туманными и неопределенными, хотя, быть может, им и чаще приходилось слышать теперь если не о Греции, то хотя бы об отдельных островах греческого архипелага (в особенности ближайших к финикийскому побережью), которые частью, равным образом как и сама Иудея, входили в состав персидской монархии, частью приходили теперь в более непосредственное с ней соприкосновение, нежели ранее. Иудеям, рассеянными уже в это время по различным областям персидского царства, представлялось более случаев если и не ознакомиться ближе с «островами моря», то слышать имена отдельных местностей и островов, населенных греками. Так, как мы видели, им становятся в это время известны имена островов Крита и Родоса (?). Впрочем, и относительно этих островов сведения иудейских авторов персидской эпохи ограничиваются одним только их названием, относящиеся к этому времени ветхозаветные литературные произведения, по-видимому, знают о них не более, нежели об отдаленном и совершенно им малоизвестном, хотя и часто упоминаемом в Библии Тартессе.

Подводя итоги нашему обзору содержащихся в еврейской литературе сведений относительно чужеземных народов, в частности относительно Греции, мы можем в сущности повторить то же, что было сказано нами и в начале этого параграфа. Круг сношений и соприкосновений израильского народа с внешним миром, ограничивавшийся в начале Египтом и аравийскими племенами, захватывает затем со времени царей области, непосредственно граничившие с иудейским и израильским царствами с запада и севера; и только с того времени, как начинаются прямые агрессивные действия ассириян против израильского царства, включает в себя и этих последних. Во всю пос-

ледующую эпоху, охватывающую время пророков, время падения обоих царств и время плена и послевоенный период, географический кругозор израильского народа и круг его внешних сношений уже почти не расширялся более и до времени Александра Македонского и начала эллинистической эпохи ограничивался очерченными границами.

Что касается собственно западных областей, обозначаемых в Библии обычно названием «островов моря», то их иудеи знали, по-видимому, исключительно только понаслышке, преимущественно через финикийцев; несколько более близкие, хотя все же далеко неполные и несовершенные сведения имели они лишь относительно острова Кипра и, может быть, ближайшего к нему побережья Малой Азии. Из отдельных островов, помимо Кипра, им были известны (впрочем, только по названию), кажется, еще острова Родос и Крит, хотя этого нельзя считать вполне доказанным. «Дальние» же острова, равно как и Явана (Иония), в течение всех четырех столетий, протекших со времени пророческой деятельности Амоса и Осии, продолжали оставаться для евреев крайними и наиболее отдаленными известными им в западном направлении областями, которые, по словам Исаии второго (третьего?), не слышали о боге Израиля и не видели славы его. И недаром «острова моря» и Явана обычно сопоставляются в Библии с отдаленным Тартессом в качестве крайних пределов земли. Таким образом, в заключение мы можем констатировать, что еврейский народ знал, быть может, о греках еще менее, нежели эти последние о нем самом, и в то же время и в еврейской литературе мы не встречаем никаких указаний относительно пребывания иудеев в собственно греческих областях, равным образом как и в произведениях греческих авторов и в обширной эпиграфической литературе Греции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Греки в Палестине

В древние времена у нас не было ничего, что могло бы служить поводом для сближения с греками, как, например, у египтян вывоз и привоз товаров, или у жителей финикийского побережья оживленная торговля и промышленная деятельность. Вообще все народы прибрежные, живущие к востоку и западу от моря, были более знакомы тем из греков, которые имели желание писать историю, тогда как народы, обитающие дальше от моря, остаются им, по большей части, неизвестными.

Иосиф Флавий

Оставаясь народом почти исключительно земледельческим и притом в послевоенную эпоху в еще большей степени, нежели до того, во время первых царей и в эпоху раздельного существования царств, еврейский народ вел замкнутую жизнь, не пытаясь, за исключением отдельных немногих моментов своей истории, как, например, во все время царствования Соломона, проводить активную внешнюю политику и не вступая по собственной инициативе ни в какие отношения ни государственные, ни частные со сколько-нибудь отдаленными областями и странами. Вот почему и сфера общения и ознакомления его с внешним миром расширялась исключительно пассивно, в зависимости прежде всего от того, поскольку государства и народы, составлявшие этот внешний мир, сами приходили в столкновение с еврейским народом и оказывали при этом то или иное воздействие на его внутреннюю жизнь и развитие.

При таком пассивном характере, каким отличались прежде всего отношения иудеев с внешним миром вплоть до самого начала эллинистической эпохи, и отдельные представители иудейского народа могли попадать в чужеземные области, тем более в отдаленные, в большинстве случаев не по доброй воле, но по преимуществу либо в качестве военнопленных, либо в качестве рабов, либо, наконец, в исключительных обстоятельствах, заставлявших их покидать родину, например, после разрушения Иерусалима и гибели иудейского царства. Что же касается литературных и документальных данных, равно как и еврейских литературных памятников, туда они, по-видимому,

не попадали вовсе даже и в качестве рабов. По крайней мере, в греческих документальных данных, как мы видели, совершенно не встречаются рабы-иудеи вплоть до половины второго столетия до Р.Х., в памятниках же еврейской ветхозаветной литературы мы находим только одно, притом относящееся к позднему времени, известие относительно продажи сыновей Иуды в рабство в Ионию, под которой здесь к тому же, быть может, подразумевается не собственно Иония, но вообще страны Запада.

Можно считать, таким образом, доказанным, что иудеи до наступления эллинистической эпохи не проникали в области, населенные греками, ни в качестве свободных поселенцев, ни, по-видимому, даже в качестве несвободных рабов. Но если иудеи не попадали в Грецию, то, быть может, сами греки в качестве предприимчивых торговцев, успевших распространить свое торговое влияние на все побережье Средиземного моря, проникли в Иудею, завязав прямые и непосредственные связи с ее населением. Ответ на этот вопрос, и именно ответ отрицательный, в сущности, легко предвидеть на основании всего вышеизложенного. Раз ни греческие памятники ничего не знают об иудеях, ни обратно – еврейские литературные произведения о греках, очевидно, оба народа совершенно не приходили между собою в соприкосновение ни в Греции, ни, равным образом, на родине иудейского народа, хотя нам в то же время и известно положительно о присутствии греков в городах финикийского и филистимского побережья. Остается поэтому ответить лишь на вопрос, почему предприимчивые греки не успели до начала эллинистической эпохи проникнуть в Иудею, и для этого прежде всего обратиться к исследованию обстоятельств и условий, при каких совершалась греческая колонизация, в частности, колонизация южного и юговосточного побережья малоазиатского полуострова.

Греческая колонизация, в короткое время распространившаяся, еще начиная с восьмого столетия, вдоль южного побережья Малой Азии, захватила прибрежную полосу Ликии, Памфилии и западную часть Киликии, но здесь остановилась, не пойдя далее Тарзоса, приходившегося приблизительно на уровне восточной оконечности острова Кипра, также занятого, рядом с финикийскими городами и греческими поселениями, возникновение которых относится к еще более ранней эпохе. Дальнейшему распространению греков в восточном направлении положило предел сопротивление со стороны туземного населения, поддержанное непосредственным военным вмешательством

со стороны ассирийских царей, к владениям которых Киликия присоединена была еще в конце восьмого века. «Когда греки, — рассказывает Бероз¹, — высадились в Киликии и начали войну с туземным населением, обитавшим в той местности, против них выступил ассирийский царь Санхериб, одержал над ними победу и воздвиг в память этой победы свое изображение». Рядом с сопротивлением, оказанным грекам в их дальнейшем продвижении со стороны могущественной ассирийской державы, греческие колонисты встречали здесь не менее сильного соперника и на почве торговой конкуренции в лице финикийских городов.

Вот почему, в силу указанных обстоятельств, крайним греческим поселением, посившим характер собственно колонии, являлась, в сущности, родосская колония Фаселида в Ликии. Все дальнейшие греческие поселения к востоку от этой последней представляли собою не столько колонии в собственном смысле слова, сколько простые фактории, служившие местами для склада товаров. Начиная же с восточной Киликии и далее на восток греки не имели даже и таких торговых факторий. Наконец, в Финикии и на филистимском берегу греческие торговцы, при своем первом появлении в этой местности, встретили здесь целый ряд крупных местных торговых городов. Уже по одной этой причине, хотя им и удалось завязать с этими торговыми центрами более или менее прочные торговые связи и отношения², хотя они и успели завести здесь в отдельных более значительных городах небольшие поселения, вроде упоминаемого, например, в речах Исея³ и Демосфена⁴ поселения в городе Аке (позднейшей Птолемаиде), однако об основании в этой местности собственно греческих колониальных городов, само собою разумеется, не могло быть и речи⁵.

---

¹ У Евсевия 1,27; ср. *Ed. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Band I. S. 203; Geschichte des Alterthums. Band II. Stuttgart, 1893. S. 454.*

² Thue. VIII, 35.

³ IV, 77.

⁴ LII (C. Calippum), 24.

⁵ Относительно существования, помимо города Акки, оживленных торговых связей греков с другим крупным приморским городом Газой, расположенном в области филистимлян, связей, возникших еще в персидскую эпоху, свидетельствует факт нахождения там греческих монет. См. *Six observations sur les monnaies phéniciennes. Numismatic Chronicle. New serie. Vol. XVII (1877). P. 177 suiv., 221–239; ср. Herodot II, 159; III, 5.*

Греческая колонизация, как известно, ограничивалась обычно лишь занятием узкой береговой полосы, греческие колонии представляли собою исключительно приморские города, расположенные на самом морском берегу. При этом степень распространения греков внутрь материка и влияние их на население внутренних областей зависело, конечно, прежде всего от того, насколько прочно удавалось утвердиться им на побережье. Так, наибольшее распространение греков во внутренние области малоазийского полуострова и соответственно наиболее заметное влияние их на жизнь этих областей наблюдалось в западной его половине вследствие того, что именно западное побережье полуострова еще в доисторические времена покрыто было сплошной цепью греческих колоний. Напротив, уже вдоль южной береговой полосы, где греки, как мы только что видели, за немногими исключениями, почти не имели колоний и в большинстве случаев вынуждены были ограничиваться основанием простых факторий, они вступали в непосредственные торговые сношения только с прибрежными жителями, почти не проникая в то же время на сколько-нибудь значительное расстояние внутрь страны. Наконец, там где, как в Финикии и на филистимском побережье, греческим торговцам при первом же их появлении приходилось сталкиваться с развитой местной торговлей и с сильной конкуренцией со стороны местного населения, где благодаря этому они совершенно не имели возможности утвердиться даже и на морском берегу, им, по-видимому, вовсе не удавалось проникать вглубь страны далее прибрежных городов. В этих крупных торговых центрах сбывали они свои товары, дальнейшее же распространение греческих товаров производилось уже туземными купцами-посредниками. Если присутствие в Иерусалиме финикийских торговцев можно считать не только предполагаемым, но и доказанным непосредственным свидетельством современника⁶, причем финикияне образовали там, по-видимому, целый квартал⁷, то, с другой стороны, напротив, не имеется никаких следов или указаний на появление там греков или греческих купцов.

Наконец, у Иосифа Флавия мы находим не только прямое свидетельство того, что греки не вступали в непосредственные

---

⁶ Захария 14, 21; ср. Софония 1, 4.

⁷ G.A.S. (Smith) статья о торговле Иудеи (Trade and Commerce) в *Encyclopedia Biblica* (edited by Cheyne and Black). Vol. IV. London, 1903. P. 5175.

торговые сношения с Иудеей и не приходили в непосредственное соприкосновение с ее населением, но рядом с этим и указание причины этого обстоятельства, заключающейся по его мнению в отдаленности области Иудеи от морского берега. В параллель с молчанием греческих писателей относительно Иудеи и ее населения Иосиф Флавий указывает вообще на меньшую осведомленность их относительно племен и народов, живущих на некотором отдалении от морского берега, по сравнению с теми сведениями, какими они располагали относительно жителей прибрежных местностей. В виде примера он ссылается на аналогичный факт почти полного молчания авторов классического периода о Риме. Рассуждения наблюдательного еврейского писателя по этому поводу настолько интересны, что мы считаем не лишним привести их здесь полностью, с небольшими лишь сокращениями.

«Мы не населяем страны прибрежной, — пишет Иосиф, объясняя молчание греческих писателей и историков о своем народе, — и не питаем склонности ни к торговле, ни к вызываемому ею общению с другими народами. Наши города отстоят далеко от моря, и так как мы наделены хорошей землей, то ее возделываем... Если к сказанному еще прибавить своеобразность нашей жизни, то окажется, что в древние времена у нас не было ничего, что могло бы служить поводом для сближения с греками, как, например, у египтян вывоз и привоз товаров или у жителей финикийского побережья оживленная торговля и промышленная деятельность, вызванная жадностью к наживе. Наши предки также не предпринимали, подобно другим народам, войн для грабежа или усиления своего могущества, хотя наша страна и изобиловала храбрыми людьми. Поэтому финикияне, которые ради торговых целей сами отправлялись морем к грекам, стали им скоро известны, а через них уже египтяне и все те, от которых они к ним привозили грузы, переплывая большие моря... После мидяне и персы, достигшие господства над Азией, стали выдвигаться и обращать на себя внимание... фракийцы же сделались известны грекам благодаря своему соседству с ними, а скифы через посредство тех, которые совершали плавания по Понту. Вообще все народы прибрежные, живущие к востоку и западу от моря, были более знакомы тем, которые желали писать историю, тогда как народы, обитающие дальше от моря, остались им, по большей части, неизвестными. И то же явление замечается в отношении Европы, ведь даже о городе Риме... помину нет ни у Геродота,

ни у Фукидида, ни у кого-либо из их современников, и о нем только поздно и постепенно кое-какие сведения доходят до греков»⁸. Интересно, что отмечаемое Иосифом молчание греческих писателей классического периода относительно Рима обращало на себя внимание уже историков более раннего времени, Полибия и Дионисия Галикарнасского. Более обстоятельные сведения о Риме начали проникать в греческую литературу не ранее времени пунических войн⁹.

Посещая с торговыми целями прибрежные финикийские и филистимские города, греки не проникали далее узкой, занятой этими городами полосы сколько-нибудь вглубь материка, в частности в Иудею. Нет ничего удивительного потому в том, что, обнаруживая относительно хорошее знакомство с прибрежной финикийской и филистимской областью и прежде всего с ее городами, они ничего не знали или же имели лишь самые смутные и неопределенные сведения и представления относительно глубже лежащих местностей Палестины и Сирии. Такие крупные приморские города, как Газа¹⁰, Асколон¹¹, Азот¹², Иоппия (современная Яффа)¹³, Дора¹⁴, Акка¹⁵, были известны грекам еще в доэллинистическую эпоху и упоминаются, по большей части, еще Геродотом, как нам уже известно, лично посетившим Финикию и область филистимлян и знакомым с крупными городскими центрами, расположенными в этой местности, следовательно, не только понаслышке¹⁶. Посещение Финикии приписывается также еще Пифагору; однако, как и остальные касающиеся жизни этого философа известия, факт

---

⁸ Jos. Flavius. *Contra Apionem* 1, 12; цитировано по русскому переводу Израэльсона и Генкеля, стр. 12–14.

⁹ *Gutschmid*. *Kleine Schriften*. Band IV. S. 416.

¹⁰ Газа упоминается еще Геродотом (II, 159, III, 5), причем он называет Газу городом, не меньшим столичного города Сард.

¹¹ Herodot 1, 105.

¹² Herodot 1, 157.

¹³ Из греческих писателей о Яффе впервые упоминается в первой половине четвертого столетия у Scylax'a, см. *Müller*. *Geographi Graeci minores*, 1, 79. В Газе, как уже указывалось, найдены были греческие монеты, относящиеся еще к персидской эпохе.

¹⁴ Дора известна еще Гекатею Милетскому; см. *Müller*. *Fragm. hist. Graec.* 1, 17, № 360.

¹⁵ Акка, позднейшая Птолемаида, упоминается у Скилакса (*Müller*. *Geographi graeci minores*, I, 29. Isaeus IV, 7. Dem, LII, 24).

¹⁶ Геродот II, 104, 106.

пребывания его в Финикии точно так же не может считаться ни доказанным, ни вполне достоверным. Таким образом, города побережья были в большей своей части известны грекам еще в доэллинистическую эпоху и притом не только по названию. Напротив, о городах Сирии и Палестины, расположенных хотя бы на самом незначительном расстоянии от морского берега, греки, по-видимому, не только не имели никаких сведений, но не были осведомлены и о самом их существовании. По крайней мере, мы не встречаем о них ни единого упоминания у греческих писателей классического периода вплоть до самого начала эллинистической эпохи, и это равным образом относится не только к городам и местечкам Иудеи, но и к городам сирийского Дикеополя, включая и крупнейший в числе этих последних город Дамаск.

Впрочем, если на основании всего вышеизложенного мы и должны прийти к заключению, что сами греки и греческие купцы не проникали вглубь Сирии и Палестины и не появлялись, в частности, в области Иудеи и бывшего израильского царства, то нельзя того же сказать относительно греческих изделий и греческих товаров. В пользу того факта, что эти последние успели еще в доэллинистическое время получить известное распространение в Иудее и смежных областях, свидетельствуют данные раскопок, производившихся в последнее время в местности древней Палестины. Так, раскопки, производившиеся английской экспедицией в южной Палестине: в Тэлль эль Гази, древнем Лагише, в древности относительно довольно значительном городе, расположенном между Газой и Элефтерополисом на пути к Иерусалиму¹⁷, в Тэлль эль Сафи¹⁸, наконец, в местности древнего города Гезер¹⁹ – находки в Гезере, впрочем, одинаково как и в Сандаванне (древней Мариссе), относятся в большей своей части уже к позднему времени²⁰, равным образом, как и раскопки австрийской экспедиции в североза-

---

¹⁷ *Flinders Petrie*. Tell el Hasy (Lachisch). London, 1891; *Bliss*. A mound of many cities or Tell el Hasy excavated. London, 1894.

¹⁸ *Bliss and Macalister*. Excavations in Palestine during the years 1898–1900. London, 1902. P. 101.

¹⁹ *Macalister* в *Quarterly Statement*. 1903. P. 48, 306; 1904, 212 f.; 1905. P. 193.

²⁰ Относительно результатов раскопок в Мариссе см. *Bliss and Macalister*. Excavations in Palestine; ср. *Peters and Thiersch*. Painted tombs in the necropolis of Marissa. London, 1905; *Macalister*. *Quarterly Statement*. 1901. P. 25–43; 394–397.

падной Палестине, именно, в Тэлль Тааннеке (в области древнего города Мегиддо)²¹ — обнаруживают присутствие во всех этих городах и местечках керамических изделий греческого происхождения²² или же исполненных по греческим образцам²³. По времени наиболее ранние произведения греческой керамики, именно керамические изделия, найденные на месте древнего Лагиша и в области Мегиддо, восходят к шестому, частью даже к седьмому столетию до Р.Х., то есть приблизительно к той эпохе истории греческой колонизации, когда впервые завязывались постоянные и прочные торговые связи Греции с Востоком и когда греческие торговцы впервые появляются и начинают играть заметную роль на рынках Египта и Финикии. Седьмое же столетие одновременно является и временем относительно наибольшего оживления торговых сношений Финикии с иудейским царством, игравшим в этих сношениях почти исключительно пассивную роль. Простого сопоставления этих двух фактов достаточно, чтобы прийти к заключению, что греческие керамические изделия своим появлением в иудейских городах обязаны посредничеству финикийских торговцев. Напротив, непосредственное появление греческих купцов в иудейских городах, равно как и вообще во внутренних областях Сирии и Палестины, в силу вышеизложенных и отмеченных еще Иосифом Флавием причин представляется крайне маловероятным. Во всяком случае, вряд ли приходится преувеличивать значение факта нахождения греческих изделий в отдельных городах Палестины, как это мы видим, например, у Vincent'a, считающего возможным, основываясь на данных археологических раскопок последнего времени, говорить о решительном влиянии греческой керамики на местное производство и обозначающего весь период времени с девятого до пятого столетия до Р.Х. в истории развития иудейской керамики, как период эллинско-иудейский²⁴. В объяснение факта появления керамических изделий, сделанных по греческим образцам, Vincent предполагает даже

---

²¹ *Sellin, Tell Taanneck*. Denkschriften der Wiener Akademie. Phil. histor. kl. Band 50.

²² *Black and Macalister*. Excavations. P. 101.

²³ *Hugues Vincent*. Canaan d'après l'exploration récente. Paris, 1907. P. 353–354.

²⁴ *Vincent*. Canaan d'après l'exploration récente. Paris, 1907. Ch. V: La céramique. § 4. La céramique judéo-hellénique. P. 351–360.

возможность возникновения в городах Иудеи специальных иностранных фабрик, выделявавших греческие вазы, не приводя, однако, в подтверждение этого своего предположения каких-либо фактических данных²⁵.

Сам Vincent, впрочем, не считает, по-видимому, возможным настаивать на непременно появлении греческих торговцев в Иудее; по крайней мере, он не говорит об этом прямо и ограничивается предположением лишь более или менее прямых сношений, существовавших между Иудеей и заграницей, Грецией в частности, однако, даже и в такой смягченной форме, гипотеза его все же представляется крайне преувеличенной. Все разобранные нами перед этим данные свидетельствуют против того, чтобы греки, в частности греческие торговцы, проникали в область Иудеи, равно как и вообще далее узкой береговой полосы финикийского и филистимского побережья. В противном случае оба народа обнаружили бы, несомненно, более близкое знакомство друг с другом и не хранили бы один о другом такого абсолютного молчания.

Но и обращаясь к результатам палестинских раскопок, мы находим, что они вовсе не предполагают непременно необходимости непосредственного соприкосновения греков с иудеями и самостоятельного появления их на иудейских и израильских рынках. Так, прежде всего, необходимо иметь в виду, что керамические изделия греческого образца, восходящие к более ранней эпохе, находимы были лишь в пунктах, расположенных близ самой западной границы иудейского и израильского царств, отделявшей их от Финикии и страны филистимлян, притом даже и из этих пограничных пунктов лишь в очень немногих. При раскопках на месте большей части других городов Иудеи найдены были лишь греческие вазы, относящиеся исключительно к эллинистической эпохе и по своему происхождению принадлежащие к ближайшим в отношении Иудеи центрам греческого вазового производства, преимущественно с островов Родоса и Книда²⁶. Далее, самое количество найденных в Иудее керамических греческих изделий доэллинистического периода относительно вовсе не так велико, в особенности же, по сравнению с количеством изделий, относящихся к позднему времени, в частности, к эпохе Гасмонеев. Конечно, греческие вазы,

---

²⁵ Vincent. Canaan. P. 353–354

²⁶ Bliss and Macalister. Excavations in Palestine during the years 1898–1900. P. 25–54, 131–134.

в отдельных случаях попадавшие и Иудею при посредстве финикийских торговцев, могли находить себе сбыт среди местного населения и даже, быть может, вызывать подражание со стороны туземных мастеров, однако факт влияния греческой керамики на иудейских мастеров, в таких широких размерах предполагаемый Vincent'ом, представляется, во всяком случае, спорным и недоказанным. Не говоря о Perrot et Chipier, авторах капитального, но успевшего уже частью устареть труда по истории искусства в древности (так, в частности в данном случае они не могли еще располагать данными последних раскопок, производившихся в Палестине в 90-х и 900-х годах), которые видят во всем гончарном производстве Иудеи исключительное подражание финикийским образцам и то же время совершенно не предполагают какого-либо греческого влияния²⁷, и позднейшие исследователи, принимавшие близкое и непосредственное участие в раскопках последнего времени, точно так же далеко не разделяют мнения Vincent'а относительно исключительного влияния греческого вазового производства на иудейскую керамику. Так, Sellin²⁸, подобно Perrot et Chipier, на первое место прежде всего выдвигает финикийское влияние в истории развития иудейской керамики. Bliss и Macalister идут еще дальше и признают полную независимость иудейских керамических изделий не только от греческой керамики, но и вообще от влияния каких-либо иностранных образцов²⁹. Таким образом, Vincent со своим предположением относительно широкого распространения керамических изделий в Иудее и их исключительного влияния на местное производство, тем более относительно существования целого продолжительного периода в развитии иудейской керамики, обозначаемого им как эллинско-иудейской, остается в сущности почти совершенно одиноким, причем мнение его не находит ни поддержки в аналогичных взглядах других исследователей, ни, по видимому, и в самых данных палестинских раскопок. Что касается его гипотезы относительно широкого влияния греческой керамики на иудейскую, то она, во всяком случае, представляется сильно преувеличенной, предполагаемые же им непосред-

---

²⁷ *Perrot et Chipier. Histoire de l'art dans l'antiquité. Vol. IV. P. 457, cp. 470 suiv.*

²⁸ *Sellin, Tell Taaneck. Denkschriften der Wiener Akademie phil. hist. kl. Band 50.*

²⁹ *Bliss and Macalister. Excavations. P. 72s., 101.*

ственные торговые связи и отношения между иудеями и греками абсолютно недоказанными и, по-видимому, недоказуемыми.

Еще более проблематично другое высказанное тем же автором предположение относительно возможности возникновения в иудейских городах иноземных мастерских, выделявавших вазы по греческим образцам. Греческое вазовое производство, как нам хорошо известно, сосредоточивалось по преимуществу в определенных промышленных центрах, как Афины, Коринф, Милет, Родос и немногие другие, откуда вазы греческого производства и распространялись повсеместно по берегам Средиземного моря. Предполагать же существование мастерских, изготавливавших вазы греческого образца, в варварских, негреческих областях, тем более в такой отдаленной от Греции и совершенно неизвестной, как мы видели, самим грекам стране, как Иудея, мы не имеем никаких оснований.

Но если мы, таким образом, не можем предполагать ни появления греческих торговцев в области Иудеи, ни вообще существования каких-либо непосредственных торговых связей и отношений между греками и иудеями, ни тем более, с другой стороны, возникновения в иудейских городах греческих вазовых мастерских, то остается в сущности только два возможных объяснения обнаружения керамических изделий греческого образца при раскопках на месте древних иудейских городов: это, во-первых, прежде всего посредничество финикийских торговцев, привозивших греческие товары в пограничные города Иудеи; рядом с этим возможны также и более или менее удачные подражания со стороны туземных мастеров греческим образцам. Необходимо еще иметь в виду, что произведения греческой керамики получили лишь относительно незначительное распространение и притом не столько в собственно иудейских городах и местечках, сколько в немногих граничащих с Финикией пунктах, которые, по большей части, лишь временно находились под властью иудейских и израильских царей и среди населения которых евреи, по всей вероятности, далеко не составляли преобладающей массы, и не проникали, по-видимому, далее этой узкой пограничной полосы вглубь собственно Иудеи с коренным иудейским населением.

Итак, резюмируя наше исследование сношений греков с иудеями и возможного появления их на родине этих последних, мы и по данному вопросу в конце концов приходим, таким образом, точно так же к отрицательному выводу, как и ранее по вопросу о случаях появления и пребывания иудеев в

Греции. Греческая колонизация, захватившая собою все западное и юго-западное побережье малоазийского полуострова, остановилась в дальнейшем своем распространении, далеко не достигнув прибрежных местностей, смежных с Иудеей. Отдельные греческие торговцы, все же появлявшиеся в этой местности, ограничивались установлением более или менее постоянных торговых сношений с населением значительных приморских городов, которые и были поэтому лучше известны грекам, но не проникали на сколько-нибудь значительное расстояние внутрь страны. Вот почему внутренние области, расположенные даже на относительно недалеком расстоянии от морского берега, и между ними и область Иудеи и вообще все области, заселенные в древности израильским народом, оставались для них совершенно неизвестными, относительно же населения всех этих областей если и имелись какие-либо сведения, то лишь самые общие и поверхностные. Правда, в некоторых пограничных с Финикией и областью филистимлян поселениях, принадлежавших к иудейскому и израильскому царствам (в позднейших областях собственной Иудеи и Галилеи), во время недавно производившихся там раскопок найдены были, между прочим, и произведения керамики, по-видимому, греческого происхождения или же исполненные по греческим образцам, однако, как мы только что имели возможность убедиться, это обстоятельство отнюдь не может служить доказательством присутствия греков и греческих купцов в древней Иудее или хотя бы временного их там появления. Греческие керамические изделия, находимые в немногих пограничных пунктах, попадали туда, по всей вероятности, при посредстве финикийских купцов, которые привозили их в числе других предметов роскоши и домашней утвари и обстановки, служивших для украшения жилищ более состоятельных слоев населения. Впрочем, далее отдельных пограничных пунктов, возможно, с неиудейским в большинстве населением, греческие керамические изделия, по-видимому, не успели проникнуть, и в городах собственной Иудеи, по крайней мере, в сколько-нибудь значительном количестве они уже не встречаются.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Общие итоги исследования

В результате предшествовавшего исследования мы приходим к заключению, что в продолжение всего доэллинистического времени ни иудеи не появлялись в Греции не только в сколько-нибудь значительном числе, но, по-видимому, и в отдельных единичных случаях (даже существование иудейских рабов в Греции до второго столетия представляется сомнительным и не может быть доказано ни на основании литературных, ни на основании эпиграфических данных и памятников), ни греки в своих торговых странствиях не проникали вглубь Иудеи, ограничившись установлением торговых связей с соседним побережьем, занятым финикийскими и филистимскими городами. К такому отрицательному выводу приводит одинаково как анализ греческих литературных памятников и данных греческой эпиграфики, так и еврейской ветхозаветной литературы. Результаты раскопок последнего времени, обнаружившие на месте отдельных, расположенных преимущественно вдоль западной границы, городов древней Иудеи присутствие греческих керамических изделий, не могут, как только что показано в предшествовавшем очерке, поколебать сделанного нами ранее вывода об отсутствии прямых сношений между греками и иудеями.

Можно считать, таким образом, доказанным, что оба народа не только не приходили в доэллинистическую эпоху в какое-либо непосредственное соприкосновение и сообщение друг с другом, но, по-видимому, находились в полном неведении и относительно существования один другого. Для греков иудеи сливались с остальной массой населения Сирии и Палестины или сирийской Палестины, как называет ее Геродот, совершенно не выделяясь из среды остальных обитавших в этой местности арамейских племен и не будучи известны грекам не только отличавшими их от этих последних своеобразными чертами своего культурного облика, но даже и по названию. Случай встречи Аристотеля с образованным иудеем, имевший место в одном из малоазийских городов незадолго до начала походов Александра Македонского, как уже показано выше, не опровергает, а, напротив, может именно служить подтверждением как раз обратного факта незнакомства греков с иудейским народом в доэллинистическую эпоху, так как сам Аристотель в своем рассказе изображает эту встречу как факт,

совершенно необычайный и представляющийся ему похожим на сновидение.

В свою очередь и для иудеев вплоть до самого времени завоевательных походов Александра Македонского и до появления македонских войск в Палестине Греция оставалась страной «дальних островов» с совершенно неведомым и незнакомым населением, страной, расположенной где-то на краю света, «никогда не слыхавшей об израильском боге и не ведавшей славы его», то есть, другими словами, не выдавшей в своих пределах последователей израильской религии. Из отдельных заселенных греками островов иудеям были известны лишь ближайший к финикийскому побережью остров Кипр, еврейский Хетим, и, по-видимому, еще хотя только по названию, острова Родос и Крит. Имена остальных островов греческого архипелага ни разу не встречаются в еврейских литературных памятниках доэллинистического периода. Что же касается материковой Греции, то есть собственно греческой метрополии, то очень возможно, что и самое существование ее оставалось неизвестным иудеям.

Замкнутая жизнь Иудеи и пассивность в отношениях ее с внешним миром, с одной стороны, и те препятствия, какие встречала греческая колонизация на своем распространении вдоль южного и юго-восточного побережья македонского полуострова, с другой, стояли на пути к встрече обоих народов и их взаимному ознакомлению друг с другом. Такое положение вещей продолжалось вплоть до времени Александра Македонского и диадохов, и только с наступлением эллинистической эпохи во взаимных отношениях между иудеями и греками наступает резкая перемена.

Походы Александра Македонского и завоевание им Азии, в частности подчинение ему Иудеи в 332 году¹, впервые привели греков в непосредственное соприкосновение с населением этой последней и впервые создало почву для взаимного ознакомления и общения между обоими народами. Начавшийся после этого и в короткое время завершившийся процесс эллинизации соседних с Иудеей областей сопровождался возникновением во всех этих областях целого ряда центров эллинисти-

---

¹ Относительно обстоятельств, при каких произошло занятие Иерусалима и Самарии Александром Македонским см.: *Дройзен*. История эллинизма. Перевод М. Шелгунова. Том I. М., 1890. С. 165 и примечания на стр. 47–48.

ческой культуры, и, таким образом, Иудея оказалась заключенной как бы в кольцо эллинских и эллинизированных городов и местностей. Хотя медленно и постепенно, но эллинистическое влияние успело проникнуть и в самую Иудею, вызвав там в конце концов национальную реакцию в эпоху первых Гасмонеев. При позднейших правителях этой династии национальная реакция, однако, завершилась торжеством эллинизма и упрочением его влияния среди населения Иудеи.

Впрочем, греческая и иудейская культуры встречались не только на родине этой последней, причем если даже в собственной Иудее, где исключительность иудейского народа проявлялась с наибольшей силой, иудейская культура не могла вполне отстоять своей самостоятельности, то еще более пошла она навстречу эллинизму в неиудейских областях. Вот почему соприкосновение и общение, в которое приходили представители обеих национальностей вне Иудеи, прежде всего в Египте, затем в Сирии и других областях Малой Азии и, наконец, в собственной греческой метрополии, было несравненно шире, непосредственнее и плодотворнее по своим результатам, нежели встреча греков и иудеев на родине этих последних. Если еще в половине четвертого столетия, то есть почти накануне азиатских походов Александра, встречи представителей обоих народов, подобные описанной у Клеарха встрече Аристотеля во время его пребывания в Азии с поразившим его своей образованностью иудеем, представляли собою лишь единичные исключения, то уже в ближайшую, отделенную всего лишь несколькими десятилетиями от времени посещения Аристотелем Малой Азии эпоху диадохов, такие встречи и случаи общения между греками и иудеями сделались настолько обычными и частыми, что превратились в постоянное и, если можно так выразиться, в повседневное явление. Если греки со времени Александра Македонского проникли в собственную Иудею, то обратно в свою очередь и иудеи уже с самого начала эллинистической эпохи широко распространились по всему эллинизированному Востоку и даже по собственным греческим областям.

С этого момента почти абсолютное незнакомство обоих народов друг с другом и почти полное отсутствие каких-либо сведений у каждого из них относительно другого сменяются живым обоюдным интересом, проявляемым одинаково обеими сторонами; полное отсутствие какого-либо соприкосновения и общения между представителями обеих национально-

стей — установлением прочных и постоянных экономических и прежде всего торговых связей и отношений; совершенная изолированность культурного развития их — тесным культурным взаимодействием, влиянием и сотрудничеством в области мысли.

Трудно себе представить перелом более крутой и более резкий, и притом совершившийся в такое относительно короткое время, чем тот, какой произошел с наступлением эллинистической эпохи во взаимных отношениях между представителями иудейской и греческой национальностей, между иудейской и эллинской культурами. Само собой разумеется, что причины столь решительного и крутого перелома не могли ограничиваться простым фактом завоевания Александром Македонским Азии и присоединения Иудеи к его владениям. Один только этот факт, взятый сам по себе, не мог бы еще объяснить ни того внезапно пробудившегося обоюдного интереса, ни того близкого и постоянного соприкосновения, ни того, наконец, живого и плодотворного взаимодействия, какое наблюдается с этого времени во взаимоотношениях между эллинской и иудейской культурой. Ведь не говоря уже о многочисленных в Азии малокультурных и некультурных более или менее значительных народностях, вошедших в состав монархии Александра, даже непосредственное соприкосновение греков с относительно очень высоко развитой культурой вавилонской не привело к таким же результатам и не имело таких же многозначительных последствий, как встреча их с маленьким затерявшимся в отдаленной Палестине народцем.

Если изучение и изложение обстоятельств, при которых началось и затем совершалось дальнейшее развитие взаимоотношений и сближение иудейского народа с греками в последовавшую за походом Александра Македонского эллинистическую эпоху, и выходит собственно за пределы нашего исследования и задачи, поставленной нами себе в настоящем очерке, то, с другой стороны, выяснение причин, почему именно такое сближение и возникновение живого взаимодействия двух культур наступило так внезапно и сразу, не только не будучи подготовлено предшествовавшими постепенно слагавшимися отношениями, а напротив, непосредственно следуя за временем почти полного обоюдного неведения народов, являвшихся представителями и носителями обеих культур, друг о друге, должно составлять одну из непосредственных и, как

мы убедились выше во введении, в сущности, главнейшую цель, какую только и может ставить себе изучение взаимоотношений между греками и иудеями в доэллинистическую эпоху. И причины такого, могущего показаться на первый взгляд внезапным, и как будто неожиданно наступившего перехода израильского народа от полной замкнутости и изолированности культурного развития, от резкого отмежевания его от всякого культурного общения с другими народами к самому живому культурному взаимодействию и сотрудничеству с эллинами, народом, жившим в отдаленной от Иудеи местности и до того незнакомомой иудеям даже по названию, мы, конечно, должны искать, как уже сказано, не в чисто внешнем факте македонского завоевания, но в более глубоких и общих условиях, и прежде всего экономического и политического развития обоих народов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эллада и Иудея в их взаимных отношениях

Трудно представить себе переворот более крутой и решительный, нежели тот, какой произошел в судьбе израильского народа в течение двух столетий, протекших со времени вавилонского плена до азиатских походов Александра Македонского и до начала эллинистической эпохи. Экономически переворот этот выразился в превращении израильского народа из нации чисто земледельческой, жившей замкнутым натуральным хозяйством, в нацию по преимуществу торговую и сосредоточенную в крупных городских центрах, политически — не только в утрате политической самостоятельности, но и территориального единства, в начавшемся с этого времени рассеянии среди чужеземных народов, так называемой диаспоре. Наконец, идеологически — в отказе от узконационального культа Ягве и в провозглашении всемирной проповеднической миссии иудаизма и призвании его возвестить истинную религию и истинного бога всем народам. Это новое миссионерское настроение и признание мировой международной роли еврейства, нашедшее особенно яркое выражение у Исаии второго, резко отличают собою пророческую деятельность и писания пророков позднейшего после пленного времени от их предшественников, в особенности же от древнейших пророков, стоявших всецело еще на узконациональной точке зрения.

Переворот, имевший место в жизни израильского народа в столетия, непосредственно предшествовавшие началу эллинистической эпохи, начатый насильственным путем, путем насильственного увода в плен большей части имущего населения, впоследствии с течением времени все более и более превращался в процесс, развитие которого совершалось естественным путем и обуславливалось причинами уже не внешнего, а внутреннего характера. Пример изгнанников, успевших обратиться за время своего пребывания в плену в настоящих городских жителей по преимуществу и в то же время достигших на местах своего нового поселения настолько значительной степени благосостояния, что даже перспектива возвращения на их прежнюю родину их не могла соблазнить, с течением времени должен был действовать все более заразительным образом.

Выгоды, представляемые жизнью на чужбине в крупных торговых и промышленных центрах, в особенности же при сопоставлении их с бедностью и полной необеспеченностью существования на родине, все в большей и большей степени должны были манить и привлекать к себе и палестинских евреев, и либо побуждали их добровольно покидать родину и переселяться на чужбину, либо заставляли их скорее и легче примиряться со своей новой родиной в относительно довольно часто повторявшихся в эллинистическую эпоху случаях насильственного переселения.

В этом-то резком переломе как в условиях жизни, так и в мировоззрении и господствующем настроении иудейского народа, переломе, повлекшем за собою быстрое распространение и акклиматизацию иудеев и иудейства по всему миру, мы и должны видеть одну из главных причин самого широкого и повсеместного соприкосновения и взаимодействия эллинской и иудейской культур, наступающего с началом эллинистической эпохи почти внезапно после многовекового неведения обоих народов друг о друге. Но если первоначальные причины последующей диаспоры мы должны искать еще в исторических судьбах и условиях исторического развития израильского народа в доэллинистическую эпоху, если почва для рассеяния Израиля по всему миру была подготовлена, таким образом, заранее, то окончательный толчок в этом направлении дан был встречей и соприкосновением их с греками и с греческой культурой со времени азиатского похода Александра Македонского и образования по его смерти эллинистических государств.

Почти одновременно с переворотом, совершившимся в судьбе и характере иудейского народа, и в жизни и условиях исторического развития греков произошла не менее значительная перемена, хотя и обратная и даже прямо противоположная по своему характеру, но оказавшаяся тождественной по своим результатам. В отличие от иудеев, остававшихся в течение почти всей предшествовавшей эпохи вплоть до своей первой встречи с греками народом почти исключительно земледельческим и замкнутым в себе, греки с самого своего появления на исторической арене предстают перед нами прежде всего в качестве нации мореплавателей и предприимчивых торговцев по преимуществу. Если географическое положение и характер местности осуждали Иудею на замкнутое и обособленное положение в среде других народов, то, напротив, положение греческого полуострова в центре всего известного в то время культурного мира в наиболее доступной и представлявшей наибольшие удобства для развития мореплавания по характеру своей береговой линии части Средиземного моря делало из греков прежде всего мореплавателей по призванию и естественных посредников в торговых сношениях между тремя частями света, омываемыми Средиземным морем. С Азией соединяла их цепь островов, составлявшая как бы продолжение греческого полуострова и в значительной мере облегчавшая плавание по морю и делавшая его доступным даже для самых неопытных моряков. От южной оконечности Италии отделял северную Грецию лишь узкий пролив, сообщение через который облегчалось еще расположенным в этом проливе островом Керкирой. Далее следование вдоль юго-восточного берега Италии и южного берега Сицилии выводило греческих мореплавателей к островам Корсике и Сардинии и, наконец, к южной Франции. Балеарские острова облегчали сообщение с Испанией.

Благодаря всем этим условиям, способствовавшим развитию морского дела в Греции, греки были мореплавателями еще задолго до того времени, как начали играть видную роль в международной торговле, и первоначальная колонизация и занятие ими берегов Средиземного моря совершались даже вовсе не с торговыми, а прежде всего с земледельческими целями ради приобретения новых мест для поселения в виду растущей земельной тесноты¹. Акт завоевания территории,

---

¹ Ср. *Белох*. История Греции. Перевод М. Гершензона. М., 1897. Т. I. С. 135–136: «За открытием новых земель последовала их

служившей впоследствии местом их постоянного обитания и исторического развития, то есть тот акт, который евреи совершили в качестве кочевников, перешедших на правый берег Иордана, совершен был греками уже в качестве мореплавателей, обладавших известным опытом в морском деле. Если древнейшие ветхозаветные предания говорят нам о патриархах, пасущих и умножающих свои стада, то в древнейших сказаниях греков, как, например, в сказании о Фесее, об аргонавтах, о троянском походе, о странствованиях Одиссея, идет речь о морских походах и предприятиях. Аристократия греческих городов, и прежде всего тех из них, которые расположены были вдоль морских путей, направлявшихся вдоль островов архипелага к Греции и затем Коринфским заливом к острову Керкире, удовлетворяя своим стремлениям к внешнему блеску и удобствам жизни, не находилась при этом в зависимости от соседних торговых наций, как аристократия иудейская, и не должна была, подобно этой последней, ограничиваться в своих сношениях с внешним миром исключительно пассивной ролью.

Правда, и в деле развития внешних сношений Греции финикийские купцы сыграли известную роль, познакомив греков с изделиями и произведениями отдаленных стран, однако торговое влияние их в Греции не было ни продолжительным, ни столь значительным, как предполагали ранее. Во всяком случае, греки были, по-видимому, уже опытными мореплавателями, когда финикийцы появились на Эгейском море: вся развитая морская терминология Гомера – чисто греческого происхождения, по крайней мере, не обнаруживает никаких

колонизация. Некогда в седую старину недостаток земли заставлял греков уйти на острова Эгейского моря и на западное побережье Малой Азии; теперь эти области были заняты, и кому на родине становилось слишком тесно, тот принужден был переселяться в более отдаленные края. При этом в первое время торговые интересы вовсе еще не принимались во внимание... Искали плодородных стран, а были ли вблизи хорошие гавани, это имело второстепенное значение. Поэтому первым делом поселенцев было поделить между собою землю: еще в начале пятого столетия сиракузские старожилы называли себя “надельниками”». Более обстоятельная характеристика первоначально чисто земледельческого характера греческой колонизации вдоль побережья Средиземного моря дается мною в «Очерках экономической и социальной истории древней Греции». Т. I.

следов семитского влияния². Обладание удобной береговой линией, как уже сказано, рано развило в греках предприимчивость, располагавшую их к отдаленным морским предприятиям. Вот почему греческие аристократы предпочитали вместо того, чтобы приобретать иноземные товары через финикийских купцов, сами отправляться в дальние плавания и получать нужные им продукты и изделия непосредственно обменом на месте, а где представлялся случай, и силой. Морское пиратство было развито среди греческих аристократов и не только не считалось в то время чем-либо зазорным, но, напротив, такие разбойничьи предприятия и набеги служили предметом похвалы и хвастливых рассказов³.

В своих набегах греческие пираты ограничивались, разумеется, опустошением лишь прибрежных местностей и поселений, не проникая далеко вглубь страны. Эту особенность сохранила и греческая торговля, развивавшаяся впоследствии из первоначальных пиратских экспедиций. Заняв береговую полосу своими колониями и торговыми факториями, греческие торговцы вступали обычно в непосредственные сношения лишь с населением ближайших прибрежных местностей⁴. К началу шестого столетия почти все обитаемое побережье Средиземного моря, включая и берега Черного моря, занято было греческими колониями, представлявшими, по выражению Цицерона, как бы «греческую кайму, подшитую к обширной ткани варварских полей»⁵.

В качестве торговой нации и торговых посредников по преимуществу греки к этому времени совершенно почти вытес-

---

² Белох. История Греции. Т. I. С. 58; ср. *Beloch*. Die Phöniker am ägäischen Meer. — Rhein. Mus., 1894. S. 111–132; более раннее исследование сношений финикийян с классическим миром см. *Movers*. Die Phönizier. Band II (1856). S. 3 ff. и в особенности *Schmülling*. Der phönizische Handel in den griechischen Gewässern. Münster in W., 1885.

³ Одиссея IX, 39–41; XIV 230 и след., 245–272; ср. XVI, 425–427. Фукидид I, 5.

⁴ «Нигде колонии не были захватом больших внутренних областей, приобретением целых территорий; воспитанные кантональной жизнью тесных приморских террас и котловинами островов греки перенесли кантональную политику и в новые поселения. Они занимали береговые полоски, нанизывая поселения рядом в горизонтальную линию, не углубляясь внутрь». — *Vannier*. Лекции по истории Греции. М., 1909. С. 58.

⁵ De Republica II, 4.

нили финикийцы, являвшихся их предшественниками в этом отношении. Только в самой восточной и самой западной части Средиземного моря им это не удалось. Массалия в южной Галлии на Западе, Фаселида и Киликии на Востоке представляли крайние пункты греческой колонизации. Как на Западе Сицилия, так на Востоке остров Кипр находились в совместном обладании греков и финикийцев и являлись ареной постоянной борьбы и столкновений между ними. При этом распространение греков на Восток встречало гораздо более трудностей, нежели распространение их в северном и западном направлениях, так как здесь они, в противоположность берегам Черного и западной половины Средиземного моря, встречались с древними культурными государствами и с густо населенными местностями, население которых оказывало им деятельный отпор. Вот почему, хотя ионийское побережье было занято греками еще в доисторические времена, хотя и на южном берегу малоазийского полуострова они появились относительно еще в раннюю эпоху, однако, дальнейшее распространение их не пошло здесь особенно далеко⁶, и ему был положен скоро же предел как сопротивлением со стороны туземного населения, так и непосредственным военным вмешательством ассирийского царя Санхериба⁷. Если на южном берегу Малой Азии греки встретились с непосредственным сопротивлением и военным отпором, то далее на востоке, на побережье Сирии и Палестины, не меньшим препятствием для их распространения и утверждения являлась торговая конкуренция со стороны туземного населения. Побережье это, как известно, еще задолго до появления здесь греков занято было финикийскими и частью филистимскими торговыми приморскими городами, и потому, как мы уже имели случай отмечать выше, точно так же оставалось совершенно недоступным для греческих торговцев.

Греческое расселение вдоль берегов Малой Азии ограничивалось, таким образом, в сущности их колониями в Ионии и Кarii, основанными еще в период земледельческой колонизации. На южном малоазийском берегу ими основаны были лишь незначительные фактории, игравшие роль складочных мест для

---

⁶ Крайняя восточная колония греков на западном берегу памфилийского залива основана была около 700 года; Steph. Byz.; ср. Herodot II, 178.

⁷ Бероз у Евсевия 1, 29 и 35.

товаров. На побережье же, расположенном к востоку от Киликии и от острова Кипра, им совершенно не удалось утвердиться и приходилось ограничиваться торговыми сношениями с ранее здесь существовавшими туземными приморскими городами. Здесь они поэтому еще в меньшей степени, нежели где-либо, могли проникать внутрь материка и оказывать какое-либо влияние на туземное население. Но даже и известия относительно греческой торговли с финикийскими городами принадлежат относительно поздней эпохе⁸.

То обстоятельство, что греки не могли утвердиться на побережье Сирии и Палестины, имеет для нашего исследования особое значение, так как оно прежде всего объясняет, почему греки, при всей своей торговой предприимчивости и почти повсеместном распространении по всей средиземноморской области, тем не менее в доэллинистическую эпоху ни разу не приходили в непосредственное соприкосновение с иудейским народом. При этом, сверх того, необходимо еще иметь в виду, что ко времени первого появления греков на южном и юго-восточном берегу малоазийского полуострова царство израильское уже не существовало более, сохранявшее же еще в то время тень политической независимости иудейское царство представляло собою страну исключительно земледельческую. Иудейский народ, таким образом, в то время ничем еще не выделялся из среды других обитавших в той местности земледельческих и пастушеских народцев и потому не мог обратить на себя специального внимания. А так как, с другой стороны, установление непосредственных торговых сношений греков с финикийскими городами вряд ли может быть отнесено ко времени, предшествовавшему началу или даже середине шестого столетия, то есть к тому времени, когда Иерусалим, разрушенный вавилонянами, лежал в развалинах, когда прекратились всякие, даже пассивные сношения Иудеи с внешним миром, и она более чем когда-либо представляла собою чисто земледельческую, ведущую замкнутое самодовлеющее существование, страну, то молчание греческих писателей относительно палестинских евреев и их, по-видимому, полное неведение относительно этих последних становится не только понятным, но и неизбежным.

---

⁸ Фукидид II, 69; VIII, 35; ср. позднейшие известия о существовании греческих поселений в Акке (Птолемаиде): Исаия IV, 7; Демосфен 52, 24.

Время наивысшего расцвета эллинской культуры, время основания афинской морской державы и самый блестящий период в развитии греческой торговли приходится на пятый век, то есть именно на ту эпоху иудейской истории, когда палестинские иудеи переживали состояние наибольшего унижения и бедности, а начавшаяся уже в то время иудейская диаспора не успела еще распространиться на запад, ограничившись восточными областями персидского царства и пограничными местностями Египта. Блестящий период греческой торговли продолжался, однако, недолго. Пелопоннесская война, приведшая к крушению афинского морского могущества, показала, насколько в сущности непрочным было это могущество и насколько оказывалось оно лишенным всякой внутренней опоры.

Конец пятого века и представляет собою именно начальный момент того поворота в истории греческих городов, о котором говорилось выше и который в конце концов в не меньшей степени способствовал последующему сближению греков и иудеев в эллинистическую эпоху, нежели иудейская диаспора, начало которой относится приблизительно к тому же времени. Четвертый век является временем быстро прогрессирующего упадка не только греческой торговли, но и греческой городской жизни вообще. Упадок этот зависел не столько от внешних, сколько от внутренних причин, коренившихся в самих условиях общественно-экономического развития греческих городов, причин, на которых здесь останавливаться не место и которых мы поэтому касаться не будем⁹, но которые в конце концов имели своим результатом полную остановку экономического развития и экономической жизни в передовых греческих городах и прежде всего в Афинах. Если иудейский народ переживал в это время эволюцию, превращавшую его из замкнутого земледельческого народа в нацию по преимуществу торговую и городскую, то Греция стояла как раз накануне обратной эволюции, накануне полного ладения своей внешней торговли и возвращения к скромному земледельческому труду.

Упадок Греции имел своим последствием прежде всего усиление за счет соседней Македонии и образование в лице сильного македонского государства новой завоевательной державы, объектом завоевательных планов и намерений которой,

---

⁹ Специально эти причины рассматриваются в цитировавшихся «Очерках экономической и социальной истории древней Греции».

естественно, должны были служить не бедные и малоизвестные, а потому и малопривлекательные области Запада, но богатые страны Востока, принадлежавшие в то время к владениям персидской монархии. А так как эта последняя в стремлении расширить свои границы в западном направлении приходила в постоянные столкновения с греками и потому почти с момента своего возникновения являлась исконным наследственным врагом Греции, то македонские правители легко могли представить свои завоевательные планы в виде общенационального, общегреческого предприятия, встречая при этом сочувствие если и не во всей массе греческого населения, то, во всяком случае, в значительной его части. По крайней мере, македонская партия имелась почти во всех греческих городах, причем влияние ее с течением времени росло, тогда как влияние противных партий, отстаивавших интересы отдельных греческих городов, в частности влияние Демосфена в Афинах, прогрессивно падало.

И недаром именно из среды греков вышел наиболее яркий защитник политических планов Македонии и наиболее горячий сторонник общенационального похода против Азии под гегемонией македонских правителей. Мы говорим об Исократе¹⁰. Ближайшей политической задачей своего времени этот последний считал прекращение внутренних греческих усобиц, водворение мира в Элладе и объединение всех греческих сил для похода против персидского царя.

Но не только, даже не столько мотивы национальной вражды руководили греческими политическими кругами, сочувственно относившимися к мысли о персидском походе, сколько прежде всего мотивы общественно-экономического характера, вытекавшие из общих условий и из того состояния, в каком находились в то время греческие города, и, главным образом, из переживавшегося ими в ту эпоху общего упадка и кризиса. То, что для Исократа было лишь вопросом политической идеологии, то, что ему представлялось национальным делом и вопросом национальной чести и славы, для многих и очень многих было вопросом практической необходимости и материального существования. Тяга в Азию должна была становиться с течением времени тем сильнее и тем настойчивее среди греков, чем в больший упадок приходила торговая и промышленная жизнь Греции, чем очевиднее для всех делался упадок ее экономи-

---

¹⁰ См. в особенности его «Филиппа».

ческого благосостояния, чем менее предприимчивые и энергичные элементы населения могли находить занятие и приложение своим силам на родине.

Уже начиная с первых десятилетий четвертого столетия мы все в большем и большем числе встречаем греков не только в качестве простых наемников в персидском войске, но и в качестве наемных предводителей и даже при дворе персидского царя, их прежнего исконного врага, и это последнее обстоятельство лучше всего показывает, что подготовка похода против Персии было не столько результатом национального движения, сколько вызывалось прежде всего теми выгодами и преимуществами, какие представлял в глазах греков богатый Восток, в особенности по сравнению с все более и более приходящей в упадок Грецией, и которые тем притягательнее должны были действовать на ее население. Недаром даже у Исократы, проповедовавшего поход против Персии в качестве общенационального дела Греции, мы под этим идеологическим покровом находим скрывающиеся под ним мотивы более практического свойства, совершенно, в сущности, тождественные с теми, какие заставляли отдельных греков все в возрастающем числе поступать на службу к персидскому царю. Признавая завоевание персидской монархии в случае объединения сил греков делом нетрудным и вполне возможным, Исократ в то же время допускает и обратную возможность или, в случае невыполнимости этого плана, готов довольствоваться отнятием у персидского царя хотя бы малоазийского полуострова, где путем основания ряда новых греческих колоний могли бы найти себе второе отечество все те накопившиеся в греческих областях общественные элементы, которых нужда и бедность заставляли идти в наемники. Таким образом, с завоеванием Азии все эти люди не только нашли бы для себя подходящее занятие, но и превратились бы в полезных членов общества вместо того, чтобы, как в настоящее время, являться истинным бичом и наказанием для Эллады¹¹.

Так постепенно складывались и назревали условия, подготавливавшие почву для последующих азиатских походов Александра Македонского. С одной стороны, мы видим все усиливающуюся среди греков тягу на восток, в Азию, с другой же стороны, в растущей македонской державе создавалось и орудие для осуществления завоевательных планов, зарождавшихся

---

¹¹ Там же.

в головах греческих политиков. Делу подготовки азиатских походов одинаково посвятили свою жизнь и глава могущественной македонской державы и скромной афинский профессор риторики, один как полководец и политик, другой как оратор и публицист. Правда, «роль, которую играл Исократ рядом с могущественным царем, – говорит Белох, – была с внешней стороны очень скромной, но это не умаляет в наших глазах значения его деятельности для торжества той идеи, которой они оба служили. В то время риторика была в Греции крупной силой и Исократ самым прославленным из преподавателей риторики. Его произведения читались от одного конца греческого мира до другого; а к влиянию литературному присоединялось еще личное влияние на целый ряд даровитейших юношей, которые отовсюду стекались в Афины к стопам знаменитого учителя и которые позднее сделались духовными вождями нации. Голос такого человека влиял на общественное мнение, как ничей другой, и если Филиппу удалось объединить Элладу, если Александр смог открыть далекую Азию для греческой культуры и греческой предприимчивости, то это в значительной степени было заслугой Исократа, который подготовил им путь совершенно так же, как деятели 1848 года подготовили почву для объединения Германии»¹². Деятельность Исократа сама по себе, конечно, так же мало создала почву для последующего завоевания Азии, как и политика деятелей 1848 года – для объединения Германии, и, приписывая такое исключительное значение в деле подготовки азиатских походов Александра Македонского проповеди Исократа, почтенный немецкий ученый не прав только в том отношении, что упускает из виду глубже лежащие причины и условия, о которых мы только что говорили и одним из проявлений которых и являлась проповедь Исократа. При оценке исторических событий мы не должны никогда забывать, что «не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания». С этой оговоркой мы можем признать оценку деятельности Исократа, данную Белохом, правильной. В отношении идеологической подготовки азиатского похода, в деле распространения идеи необходимости и целесообразности такого похода Исократом сделано не меньше, нежели Филиппом в деле его военной и политической подготовки.

---

¹² Белох. История Греции. Т. II. М., 1899. С. 422–423.

В литературной деятельности Исократа и тем более в том успехе, каким она пользовалась среди греческого населения, мы не можем не видеть если и не непосредственной причины успешности походов Александра Македонского, то, во всяком случае, крупный показательный и симптоматичный факт, свидетельствовавший о создавшемся в то время в Греции в пользу такого похода настроения.

Поход против персидского царя, который так настойчиво проповедовал Исократ и который с не меньшей энергией подготавливал Филипп, выполнен был и успешно доведен до конца при сыне последнего. Если при этом мечта обоих о создании из греческих государств и бывшей персидской монархии единого политического целого и не осуществилась, и монархия Александра распалась тотчас же после его смерти, то, во всяком случае, это обстоятельство не послужило препятствием для быстрого распространения эллинов и эллинской культуры по всему Востоку, вплоть до Индии, с одной стороны, и до Эфиопии, с другой. Ведь во главе вновь основанных государств стали ближайшие сотрудники и сподвижники того же Александра, еще в большей степени, нежели он сам, усвоившие греческую культуру и окруженные представителями греческого мира и греческой культуры. Если Александр был прежде всего воином-завоевателем, то диадохи и в особенности их преемники играли уже по преимуществу роль мирных проводников культурных влияний Греции на Востоке. И, быть может, именно факт образования на Востоке ряда эллинистических государств с крупными столичными и вместе с тем культурными центрами не только не ослаблял силы греческих влияний, но, напротив, в значительной мере повышал их и, таким образом, в конце концов содействовал только еще скорейшей и более полной и успешной эллинизации стран Востока.

Как бы то ни было, но, во всяком случае, с распространением эллинской культуры и с возникновением эллинистических государств на Востоке для населения Греции открывался широкий простор для проникновения в области и местности, колонизация которых до этого времени, как мы видели, встречала непреодолимые препятствия со стороны туземного населения и туземных властителей, вместе с чем для греческих переселенцев представлялось новое обширное поле для деятельности и для приложения остававшихся неиспользованными на родине сил.

Между тем, полное перемещение торговых путей, явившееся результатом резко изменившегося международного положения, с образованием нового всемирного торгового центра в столице государства Птоломеев Александрии, окончательно убило греческую торговлю и завершило начавшийся еще ранее распад экономической и общественной жизни Греции. В сущности, уже в эллинистическую эпоху Греция перестала жить исторической жизнью и обратилась в страну исторических воспоминаний, какой остается и до настоящего времени. Однако в то же время накопившиеся в течение предшествовавшего развития культурные силы далеко еще не были изжиты и растрочены и должны были искать себе выхода. И вот мы видим, что все наиболее энергичные и предприимчивые, все наиболее способные и деятельные элементы греческого населения устремляются с этого времени на Восток, где во вновь образовавшихся государствах и в основанных ими новых культурных центрах они скорее, нежели на родине, могли найти своим неиспользованным силам надлежащее приложение. Теперь уже не только наемники, но философы, ученые, литераторы толпами устремлялись ко дворам восточных государей, так что в короткое время собственная Греция совершенно лишилась культурных сил и эллинская культура переместилась на Восток и прежде всего в крупнейший центр экономической, общественной и духовной жизни того времени, в Александрию.

Это последнее обстоятельство не могло не отразиться самым существенным образом как на характере греческой культуры, так и на условиях ее дальнейшего развития. Отрываясь от родной почвы и переселяясь на чужую ей почву Востока, она одновременно перестала быть культурой свободного народа, развивавшейся в условиях свободной жизни греческих городов, и превращалась в культуру придворную, искусственно поддерживаемую меценатством двора и правителей. Лишаясь вместе с этим источника живых творческих сил, греческая культура перестает с этого времени создавать новые ценности. Но если, с одной стороны, упадок греческой родины в эллинистическую эпоху и так уже был совершившимся фактом, так что одно это обстоятельство могло обуславливать остановку культурного развития Греции, зато, с другой стороны, представители греческой культуры находили новое приложение своим силам, выполняя новые культурные задачи и новую культурную миссию, именно, прежде

всего миссию распространения эллинизма среди стран и народов Востока.

Движение эллинов на Восток так же, как и иудейская диаспора и распространение иудеев в странах Запада, вовсе не являлись, таким образом, результатом каких-либо случайных причин и случайного стечения обстоятельств, но подготовлялись всем ходом предшествовавшего развития обеих наций. И это-то обоюдное и почти одновременное движение их навстречу друг другу и повело в конце концов к широкому и повсеместному соприкосновению между ними и к плодотворному взаимодействию созданных обоими народами культур, взаимодействию, начало которого почти совпадает с началом эллинистической эпохи.

Бедность страны и выгоды, представлявшие жизнь на чужбине, особенно с возникновением ряда новых городских центров, основанных при Александре и его преемниках и охотно привлекавших к себе новых поселенцев обещанием разного рода льгот, побуждали евреев покидать родину и способствовали, таким образом, самому широкому развитию иудейской диаспоры. Аналогичные причины одинаково заставляли и греческое население массами устремляться на Восток и искать там приложения своим силам, какого оно не могло уже найти в обстановке греческих городов. И там и здесь, и в Иудее и в Греции, таким образом, сходные, если не тождественные причины, действуя одновременно, побуждали оба народа двинуться навстречу один другому, приводя их к взаимному соприкосновению и взаимному проникновению в среду один другого. Если иудеи несли при этом с собой свою религию, то греки в свою очередь выступали в качестве носителей своей высоко развитой культуры.

Соприкосновение греков и иудеев не было, таким образом, простой встречей двух народов, которая сама по себе могла бы пройти совершенно незамеченной, но столкновением двух различных культур, двух различных миров. Оба народа были исполнены при этом сознанием выпавшей на их долю миссии: как иудейская диаспора, так равным образом и стремление греков на Восток находили свое идеологическое оправдание и своих идеологов, первая в лице Исаии второго (и, в особенности, третьего, если действительно последние главы книги Исаии могут быть выделены в качестве отдельного пророческого писания), греческое движение на Восток, как мы только что видели, в лице Исократа. Миссионерские намерения и настроения

иудеев сталкивались, таким образом, с могучим встречным культурным течением, двигавшимся с запада на восток, с той культурной миссией, какую выполняли в это время греки, массами устремлявшиеся в страны Востока. Тем более и значительнее должен был быть обоюдный интерес, возбужденный обоими народами друг в друге при первом же их соприкосновении, тем энергичнее и оживленнее должен был совершаться начавшийся с этого времени процесс их культурного взаимодействия и тем плодотворнее должны были оказаться результаты этого взаимодействия.

Взаимодействие и взаимопроникновение обеих культур в значительной степени облегчалось еще и тем обстоятельством, что оба народа не только территориально приходили в соприкосновение друг с другом, но и в культурном отношении шли, так сказать, друг другу навстречу. Иудейский народ только что пережил процесс перехода от земледелия и земледельческой культуры к торговому и городскому образу жизни, что должно было сопровождаться и соответственными изменениями в области его идеологии, сделавшей, благодаря этому, значительный шаг вперед в направлении к сближению с эллинской культурой, являвшейся культурой торгового народа и городской по преимуществу. В свою очередь и эллинская культура остановилась в своем развитии, и в ее истории начинался в то же время процесс обратного регрессивного развития. Если иудеи в своем культурном развитии делали шаг вперед, то эллинская культура, наоборот, делала шаг назад. Прогресс, с одной стороны, и регресс – с другой, в конце концов приводили оба народа, первоначально столь различные по созданным ими культурам и стоявшие на столь неодинаковой культурной высоте, к одному культурному уровню и, если можно так выразиться, к одному культурному знаменателю.

Идя навстречу друг другу, иудейство усвоило себе греческую философию, эллинизм – иудейские религиозные воззрения; результатом такого двойного процесса и обоюдного позаимствования и явилось новое культурное явление, представлявшее собою идеологическое выражение гибели античной жизни и античной культуры и последний угасающий проблеск античной мысли, именно, христианство.

Впрочем, говоря об условиях и результатах взаимодействия эллинской и иудейской культур, мы забегаем вперед и выходим за пределы нашей темы. Нашу задачу составляло только выяснение причин внезапной перемены во взаимоотношениях

между греками и иудеями, происшедшей на границе между классической и эллинистической эпохами, перемены, выразившейся в переходе от почти полного неведения обоих народов друг о друге к тесному соприкосновению и культурному общению и взаимодействию. Теперь, когда нам удалось установить, с одной стороны, факт отсутствия какого-либо соприкосновения между эллинским и иудейским миром в эпоху, предшествовавшую азиатскому походу Александра, когда мы, с другой стороны, выяснили причины, заставившие оба народа двинуться навстречу друг другу, а также те условия, при каких произошла эта взаимная встреча, мы можем считать свою задачу исполненной.

III

Евреи в римскую эпоху

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи диаспоры.

Их распространение в пределах римского государства

В экономической жизни римской эпохи евреи далеко не играли такой же выдающейся роли, как впоследствии в средневековой Европе. Исследование обстоятельств и условий существования евреев в Римской империи имеет поэтому не столько самостоятельное значение, сколько как необходимое введение к изложению судеб еврейского народа в средневековую эпоху и, прежде всего, как решение выдвинутой Зомбартом проблемы о первоначальном накоплении еврейских богатств. Та исключительная роль, какую играли евреи в торговле раннего средневековья, предполагает уже в то время наличность в их руках значительных капиталов. Возникает, таким образом, вопрос о времени первоначального образования еврейских капиталов. Зомбарт¹ относит это время к римской эпохе, ограничиваясь кратким замечанием, что евреи посреди общей гибели древнего мира успели сохранить значительную часть своего золота и сокровищ.

Такое простое, ничем не доказываемое утверждение не есть еще, однако, решение вопроса, а лишь перенесение его с средневековой на римскую эпоху. Более специальную попытку разрешения выдвинутой Зомбартом проблемы содержит в себе работа Шиппера².

Отрицая наличность широкой торговой деятельности евреев римского времени, Шиппер признает источником первоначального накопления богатств в руках евреев исключительно землевладение и земельную ренту, получавшуюся евреями в качестве землевладельцев в последние века существования Римской империи. Предлагаемое Шиппером решение в конце концов остается также недоказанным и притом не имеет самостоятельного значения, так как является простым применением к проблеме о происхождении еврейских богатств теории первоначального накопления, развиваемой Зомбартом в отношении позднейшего средневековья. Оба решения, таким образом, нельзя признать удовлетворительными. Самый факт су-

---

¹ Современный капитализм. Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова. Т. I: Генезис капитализма. С. 256.

² Шиппер. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. СПб., 1910. Введение. С. 1 и след.

существования еврейских капиталов еще в римскую эпоху остается недоказанным.

Трудность разрешения проблемы заключается не только в отсутствии достаточного исторического материала, но не в меньшей степени, как нам кажется, и в неправильной постановке самого вопроса. Раз видная роль и участие евреев в торговых сношениях раннего средневековья представляет собою факт, доказанный вполне надежными историческими свидетельствами³, то, быть может, именно здесь и следует прежде всего видеть источник позднейших еврейских капиталов, не отыскивая каких-либо иных причин. И, во всяком случае, самая постановка вопроса должны быть изменена. Сущность и центр тяжести всей проблемы заключается не столько в том, с какими капиталами евреи приступили к своей торговой деятельности и впоследствии к денежным операциям, сколько в вопросе о том, чем обуславливалась их почти исключительная роль в международной торговле первых веков средневековья. А это в свою очередь приводит нас к вопросу об экономическом положении евреев в Римской империи в эпоху ее разложения и о господствовавших в их среде профессиях и жизненных навыках.

Вопрос этот в настоящее время решается иначе, нежели ранее. Если исследователи прежнего времени склонны были распространять исключительное значение евреев в международной торговле на римскую эпоху⁴, то результаты последних исследований показывают, что роль евреев в торговле римского времени не только не была особенно значительной, но что даже участие в торговле их соседей на родине сирийцев оказывалось более деятельным⁵. «В римской империи, — говорит Каро, — евреи не образовали отличного от остального населения в хозяйственном отношении класса»⁶. Почти дословно то

---

³ Факт этот, как известно, никем из экономистов или историков не опровергается. Мнение *Бюхера* по этому поводу представляет единственное исключение.

⁴ *Kiesselbach*. Der Gang der Welthandel im Mittelalter. Stuttgart, 1860. S. 21 ff. *Киссельбах* еще в римскую эпоху приписывает евреям «поддержание торговых связей древнего мира». Главная ошибка его заключается в том, что он распространяет на евреев данные, относящиеся собственно не к ним, но к их ближайшим соседям, сирийцам.

⁵ *Caro*. Die Juden des Mittelalters in ihrer wirtschaftlichen Betätigung. — Monatsschrift f. Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1904 (XVIII). S. 429.

⁶ *Caro*. S. 424.

же самое повторяет и Шиппер: «Нигде в римском государстве евреи не составляли отличного от остального населения, хозяйственно отграниченного класса, как это имело место в средние века»⁷. Наравне с остальным населением империи евреи занимались не только исключительно торговлей и денежными операциями, но одинаково и ремесленной деятельностью и даже в относительно широких размерах земледелием⁸. Итак, согласно мнению обоих исследователей, евреи в Римской империи в экономическом отношении ничем не выделялись из массы остального населения и не были еще тем преимущественным классом денежных капиталистов, каким они сделались в средние века. Посмотрим же, насколько такое мнение оправдывается фактами исторической действительности.

В эпоху своего независимого существования еврейский народ мало чем отличался от других соседних с ним народов Сирии и Палестины. Это был народ земледельцев по преимуществу. Как внешняя, так и внутренняя торговля была развита мало. Круг внешних сношений был крайне ограничен. За пределами своей родины евреи в несколько большем числе появлялись только в Египте, и то почти исключительно в качестве военных наемников⁹. Решительная перемена в характере народа произошла лишь в связи с так называемой диаспорой, рассеянием евреев вне пределов своей родины, преимущественно, в крупнейших культурных центрах. Начало диаспоре положено было, как известно, еще со времени вавилонского плена, когда наиболее состоятельные и наиболее культурные элементы населения уведены были победителями с собою. Оторванные от родной земли и вместе с тем в большинстве случаев и от привычного унаследованного от отцов и дедов образа жизни, от занятия земледелием и сельским хозяйством изгнанники в то же время очутились в наиболее экономически развитых областях Месопотамии посреди деятельного торгового и промышленного населения. Вполне естественно, что при таких условиях и сами они не замедлили обратиться к преимущественному занятию промышленной и в особенности торговой деятельностью. И это произошло тем

---

⁷ Шиппер. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. С. 9.

⁸ Caro. S. 423–498; Шиппер. С. 5 и след., 13 и след.

⁹ См. «Основные моменты экономической истории еврейского народа в доэллинистическую эпоху» и «Иудея и Эллада в их взаимных отношениях».

скорее, что значительная часть изгнанников по своему социальному положению принадлежала к наиболее имущественно обеспеченной части населения и, следовательно, располагала необходимыми средствами. Вместе с этим евреи в изгнании все более сосредоточивались в городах и все более усваивали себе привычки и наклонности городских жителей. Иудейство, говорит Каутский, продолжало существовать в изгнании, как нация, но как нация без крестьян, как нация, состоящая исключительно из горожан¹⁰.

Насколько быстро освоились изгнанники с этим новым своим положением показывает то обстоятельство, что по истечении всего пятидесяти лет со времени падения Иерусалима, когда сам Вавилон сделался добычей победителя и когда еврейским изгнанникам представилась возможность возвратиться на родину, очень многие из них не пожелали воспользоваться этой возможностью и предпочли остаться на своей новой родине. И лучшим доказательством того, как мало имели они оснований желать возвращения на родину, может служить контраст, вскоре же обнаружившийся между обеспеченным положением и привольной жизнью вавилонских изгнанников и теми бедствиями, какие приходилось переживать евреям, вернувшимся в Палестину¹¹. С образованием обширного персидского царства евреи диаспоры не замедлили быстро распространиться по всем его областям, и, спустя менее нежели сто лет после основания Киром персидской монархии, мы застаем евреев уже почти во всех более значительных городах и поселениях Персии¹².

Еще более широкие перспективы открылись перед евреями диаспоры с возникновением эллинистических государств, приобщивших весь Восток к эллинской культуре и положивших начало целому ряду новых культурных центров, первое место между которыми заняли Александрия и Антиохия. Бедность жизни на родине, с одной стороны, и выгоды, открывавшиеся на чужбине, с другой, побуждали уже не только евреев диаспоры из бывших изгнанников переселяться во вновь образовавшиеся городские центры, но одинаково и евреев Палестины покидать родные места и искать счастья на стороне. И само

---

¹⁰ Каутский. Античный мир, иудейство и христианство. Перевод Н. Рязанова. СПб., 1909. С. 213.

¹¹ Иерусалимский храм восстановлен был после возвращения из плена, как известно, преимущественно именно на средства остававшихся в Вавилоне изгнанников.

¹² См. в особенности книгу Эсфирь, также «Основные моменты...».

собою разумеется, что такие переселенцы, принадлежавшие к наиболее деятельным и способным элементам населения, покидая родную почву, вместе с тем порывали и с патриархальным земледелием, господствовавшим на их родине, искали себе иных более прибыльных занятий, какие им могла доставить только городская жизнь. Причины распространения еврейской диаспоры, таким образом, в известной степени аналогичны современной тяге сельского населения в города. Так происходил своеобразный отбор городского населения среди еврейства. Все собственно земледельческие элементы оставались на родине. Точно так же и те слои городского населения, которые еще не окончательно утратили связь с деревней, естественно, предпочитали селиться в городах Палестины и, в крайнем случае, в городах прилежащих местностей. И только лица, так или иначе окончательно порывавшие с земледелием и сельским хозяйством, отправлялись искать счастья на чужбине далеко за пределами родной страны. И само собою разумеется при этом, что эти переселенцы, как уже указано, принадлежали в то же время и к наиболее предприимчивым и способным элементам населения. В результате в конце концов и создалось такое положение, что в то время как евреи в Палестине еще в течение долгого времени оставались по-прежнему преимущественно земледельческим народом¹³, евреи диаспоры, напротив, не только принадлежали почти исключительно к городскому населению, но и усвоили себе специально городские привычки и сделались, таким образом, городскими жителями *par excellence*. Эти типичные черты, усвоенные еще евреями диаспоры в древности, сохранились одинаково и в характере современного еврейского населения европейских стран. Позволю себе по этому поводу еще раз цитировать Каутского: «Метод, исходящий из среды, — говорит он, — достаточен для объяснения духовных особенностей, поражающих нас в массе современных евреев. Нужно просто наблюдать, как действует теперь городская обстановка на людей, как под ее влиянием изменяется селянин, и затем принять во внимание, что евреи — единственный народ на земле, составляющий ровно два тысячелетия чисто городское население, и тогда объяснение еврейской

---

¹³ Известное замечание Иосифа Флавия (*Contra Apionem* 1, 12) относительно земледельческих нравов еврейского народа может быть одинаково относимо как к предшествовавшему времени, так и к современному Флавию населению Палестины.

особенности явится само собою. Она есть особенность городов, доведенная до крайности»¹⁴.

Эта черта в характере еврейской диаспоры была подмечена и оценена по достоинству еще первыми прозорливыми правителями эллинистических государств. Недаром они стремились привлекать различными льготами и привилегиями еврейское население во вновь основывавшиеся ими города, не останавливаясь в то же время и перед массовыми насильственными переселениями евреев¹⁵. И основатели эллинистических государств не ошиблись в своих расчетах. «В том обширном возникновении греческих городов, — говорит Моммсен, — которое продолжалось при многих поколениях и получило такие громадные размеры, каких никогда не имело ни прежде того, ни после, иудеи принимали выдающееся участие... Это в особенности заметно в Египте. Самый значительный из всех основанных Александром городов, Александрия на Ниле, был со времен первых Птолемеев столько же иудейским городом, сколько греческим»¹⁶. «Как в столице Египта, так и в столице Сирии, — читаем мы у Моммсена в другом месте, — иудеям было предоставлено в некоторой мере самостоятельное общинное устройство и привилегированное положение, и развитию обоих городов немало способствовало то, что они были центрами иудейской диаспоры»¹⁷.

Те же свойственные евреям типичные особенности горожан обращали на себя внимание и правителей средневековой Европы полторы тысячи лет спустя. Так, епископ шпейерский Рюдигер в своей известной грамоте, дарованной шпейерским евреям в 1084 году, выражает свое мнение по этому поводу с определенностью, не оставляющею желать ничего более.

«Преобразовывая поселок Шпейер в город, — такими словами начинается его грамота, — я счел необходимым пригласить и евреев, так как полагал, что благодаря этому слава нашего места увеличится в тысячу раз»¹⁸. Теми же мотивами,

---

¹⁴ *Каутский*. Еврейство и раса. Авториз. перевод под ред. Ю. Ларина. Петроград, 1918. С. 114. Та же мысль развита *Каутским* еще в 1890 г. в статье «Das Judentum» (*Neue Zeit*. Band VIII. S. 22 ff.).

¹⁵ Jos. Flavius. Contra Apionem 2, 4; De bello Judaico II, 18, 7; Antiquitates XII, 1; ср. Appian, Syr. 50.

¹⁶ *Моммсен*. Римская история. Т. 5. Перевод Неведомского. М., 1885. С. 478.

¹⁷ Там же. С. 446.

¹⁸ Aronius. Regesten, № 168. S. 70.

несомненно, руководствовались и позднейшие правители, даровавшие евреям различные привилегии, как император Генрих IV, Фридрих австрийский, Болеслав польский.

Если начало еврейской диаспоры восходит еще ко времени вавилонского плена и персидской монархии, то период наиболее интенсивного ее распространения преимущественно в западном направлении начинается лишь с возникновением эллинистических государств. В IV–III веках евреи заселяют Египет и Малую Азию, во втором веке – острова греческого архипелага и собственную Грецию. Завоевание Востока Римом и образование всемирного римского государства способствовало проникновению еврейской диаспоры и в области западного Средиземноморья. Уже в 139 году встал вопрос об изгнании евреев из Рима за допущение к субботнему служению итальянских прозелитов¹⁹, а менее столетия спустя еврейская община в Риме, как ранее вавилонские изгнанники, оказывалась в состоянии посылать в пользу иерусалимского храма значительные денежные суммы²⁰.

Однако если уже к началу нашей эры евреи успели распространиться почти на всем протяжении римского государства, по крайней мере в местностях, примыкающих к берегам Средиземного моря, то распределены были они по отдельным частям империи далеко не равномерно²¹. В то время как греческий восток был густо заселен евреями и почти в каждом городе там имелась более или менее значительная еврейская община²², причем Антиохия и в особенности Александрия являлись настоящими центрами иудейства диаспоры²³, на западе еще во втором и третьем столетиях нашей эры еврейские общины не были столь многочисленными и в проти-

---

¹⁹ Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilia I, 3, 2; ср. *Reinach*. Textes des auteurs grecs et romains relatifs au judaisme, № 141. P. 258–259.

²⁰ Cicero. Pro Flacco, 28.

²¹ Carmina Sibyllina III, 271–272; Strabo y Jos. Flavius. Antiquit XIV, 7, 3; Philo. In Flaccum 7. Богатый, почти исчерпывающий свод данных относительно постепенного распространения евреев по отдельным частям римского государства дает *Schürer*: Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Band III (4 Auflage). Leipzig, 1909. S. 2–71.

²² Philo. Legatio ad Caium 36.

²³ В Египте на 8 миллионов египтян приходилось до миллиона евреев. Из пяти кварталов Александрии два были специально заселены евреями.

воположность восточным общинам в большинстве случаев не пользовались правами автономного самоуправления²⁴.

Такая неравномерность в распределении еврейской диаспоры между восточной и западной половинами империи не представляет ничего удивительного. Эллинистический Восток с его обширными торговыми связями и с целым рядом крупных городских центров, естественно, в большей степени должен был привлекать к себе еврейских переселенцев с их городскими наклонностями и привычками, нежели бедный и менее развитой в экономическом отношении Запад с его латифундиями и господством крупного землевладения²⁵. Относительно этого имеется вполне определенное указание такого достоверного свидетеля, как Страбон. «Этот народ, — говорит он о евреях, — проник уже во все города, и нелегко найти за земле место, где бы он не встречался и не являлся бы господствующим»²⁶. На Западе только столица империи привлекала к себе евреев диаспоры в более значительном числе. Однако и римская общи-

---

²⁴ Моммсен. Римская история. Т. V. С. 487, 537. В первые века империи еврейские общины существовали, по-видимому, только в Италии, в Африке и, быть может, в южной Галлии, см. заметку Gross'a: *Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums*, 1883 (Band XXVII). S. 64 f. *Bédarride* (Les juifs en France, en Italie et en Espagne. Paris, 1859. P. 28–29) говорит о присутствии евреев в Нарбонской Галлии еще в конце II столетия до нашей эры, однако не указывает источника этого своего сообщения. Временное появление отдельных еврейских изгнанников царского рода в городах южной Галлии при первых императорах (Jos. Flavius. *Antiquit* XVII, 3; XVIII, 7) не может приниматься во внимание; ср. М. Stern. *Geschichte der deutschen Juden von den ältesten Zeiten bis zum Anfang d. XII Jahrh.* — *Magazin f. die Wissenschaft d. Judenthums*. Hg. v. Berliner und Hoffman, 1890. S. 66. Первые несомненные свидетельства относительно присутствия евреев в Галлии известны нам не ранее IV столетия. К первой половине того же столетия относится и упоминание о еврейских декурионах в Кельне (*Codex Theodos* XVI, 8, 3). Данные относительно евреев в Африке собраны у *Schürer*'a (Band III. S. 55–57). Предполагать на основании библейских данных существование еврейских поселений в Испании еще в доримскую эпоху (*Bédarride*. P. 25 suiv.; *Rosenmann*. *Darstellungen aus dem inneren Leben der spanischen Juden im XV Jahrh.* — *Magazin f. die Wissenschaft d. Judenthums*. Band XIX (1892). S. 171), как уже указывалось выше, мы не имеем никаких оснований. Еще в известном перечне Агриппы нет упоминания о еврейских поселениях в Испании.

²⁵ Ср. *Rénan*. *Histoire du peuple d'Israel*. T. V. Paris, 1893. P. 25.

²⁶ Strabo y Jos. Flavius. *Antiquit* XIV, 7, 2.

на как по своей численности, так и по своим богатствам и культурности далеко уступала крупнейшим общинам восточной половины империи, александрийской и, может быть, даже антиохийской. И если мы сопоставим богатство и зажиточность членов александрийской общины и их живое участие в торговле и денежных операциях с бедностью и скромным значением римской общины, с полуголодным, зачастую нищенским существованием большинства живших в Риме евреев, то мы увидим, что и те евреи, которые соблазнились жизнью в столице (поскольку они только не попадали в Рим против воли в виде пленных или рабов), терпели в большинстве случаев разочарование и в конце концов пополняли собою ряды столичного пролетариата. В то время как в Александрии евреи занимали центральные части города, в Риме они должны были ютиться в наиболее отдаленных городских кварталах по ту сторону Тибра среди беднейшей части населения.

Помимо столицы, значительное поселение евреи образовали, по-видимому, еще в ПUTEОЛАХ (ДИКЕАРХИИ), наиболее значительном после Рима городском и торговом центре Италии²⁷.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Экономическое положение евреев в Римской империи

Евреи диаспоры распространялись первоначально в пределах эллинистических монархий, затем в пределах римского государства в качестве прежде всего городских жителей, горожан по преимуществу. И именно в этом обстоятельстве, а не только, быть может, даже не столько в расположении еврейской метрополии на Востоке, следует искать, как мы видели, причин большего распространения их в восточной половине империи. Здесь в Греции городская жизнь достигла своего наивысшего развития в древности еще задолго до начала еврейской диаспоры, причем эллинистическая эпоха, бывшая в сущности временем упадка городской жизни в собственной Греции, принесла зато с собою расцвет городской жизни на пространстве всего эллинизированного Востока. Из вновь возникших в это время городов такие центры всемирной торговли, какими в короткое время сделались Александрия и Антиохия, как по сво-

---

²⁷ Jos. Flavius. Antiquit 18, 6, 3; ср. его же автобиографию.

им размерам, так и по численности населения оставили за собою даже наиболее значительные греческие города.

Обращаясь теперь к исследованию экономического положения еврейства в Римской империи¹, мы и здесь точно так же можем констатировать преобладание городских профессий в качестве преимущественных родов деятельности среди евреев диаспоры. Как ни скудны и ни недостаточны наши сведения в этом отношении, все же и они представляются достаточно показательными. Упоминаний о евреях-земледельцах в первые века империи мы почти не встречаем; и те немногие спорадические данные, на основании которых обыкновенно думают доказать наличность земледельческих занятий среди евреев, относятся либо к самым последним временам империи, либо в большей своей части уже ко времени варварского господства в Италии. И в то же время, напротив, уже начиная с первых веков империи мы встречаемся в еврейской диаспоре со всеми классами городского населения, начиная с торговцев и крупных капиталистов и кончая бездомными, живущими милостыней пролетариями. Если утверждение исследователей, что евреи в Римской империи занимались самыми различными профессиями, не выделяясь в этом отношении из среды остальной массы населения, и является до некоторой степени справедливым, то, во всяком случае, оно может быть принято лишь с известными оговорками и ограничениями, в особенности в отношении занятия земледелием. Обратимся, однако, к фактам.

Не случайным является тот факт, что наиболее значительная и притом наиболее богатая и влиятельная еврейская община находилась в Александрии, главнейшем торговом центре империи. Евреи занимали здесь два квартала из пяти. Сверх того, помимо собственно еврейских кварталов, отдельные еврейские дома были рассеяны по всему городу. До четырехсот еврейских домов было разрушено во время антиеврейских беспорядков в царствование императора Гая (38 г.)². Еврейское население Александрии составило, таким образом, до двух третей всего населения этого обширного города. Недаром Мом-

---

¹ При этом исследовании я не мог, к сожалению, воспользоваться вышедшей в 1914 году обширной работой *Justère*'а «*Les juifs dans l'empire romain, leur condition sociale, économique et juridique*». Насколько мне, впрочем, известно, главное внимание обращено в ней на юридическую сторону.

² Philo. In Flaccum, 4 sqq.

мсен называет Александрию в такой же мере иудейским, как и греческим городом³. Еврейская община пользовалась здесь всеми правами самоуправления. Во главе ее стоял специальный этнарх⁴, впоследствии совет старшин⁵. Этнарх и сменивший его совет старшин обладал самыми широкими юридическими полномочиями, наблюдал за исполнением договоров и обязательств и выступал в качестве представителя общины во всех случаях сношений ее с внешним миром, словом, как говорит Страбон, являлся как бы начальником самостоятельной общины⁶. Если вся община в целом пользовалась, таким образом, широким самоуправлением, доходившим почти до полной самостоятельности, то влияние отдельных ее членов выходило далеко за пределы общины, распространяясь даже на область провинциального управления. Так, мы встречаем в Александрии евреев в качестве откупщиков налогов⁷, далее, в качестве надзирателей за речным и морским судоходством⁸. Если появление отдельных евреев в качестве откупщиков указывает на наличность в их руках крупных капиталов, то поручение им надзора за судоходством точно

---

³ Моммсен. Римская история. Т. 5. С. 478–479. Еще во время Птолемея II Филадельфа (283–247 гг.) число евреев в Александрии достигало 110–120 тыс. чел. (Jos. Flavius. Antiquit XII, 2, 1, 3). Впоследствии оно возросло до 200 тыс. (2/5 по отношению ко всему населению, которое Beloch определяет в 500 000. – Die Bevölkerung d. griechisch-römischen Welt. S. 258 f.).

⁴ Strabo XVII, p. 798; Jos. Flavius. Antiquit XIV, 7, 2.

⁵ Philo. Legatio, 10.

⁶ Jos. Flavius. Antiquit X. 4, 7; XVIII, 6, 3; ср. Graetz. Geschichte der Juden. Band IV (3 Auflage). S. 323. Сообщение Иосифа Флавия вполне подтверждается документальными данными; евреи фигурируют в качестве откупщиков еще в эпоху Птолемея, начиная со II века. См. Wilcken. Griechische Ostraka. Leipzig – Berlin, 1899. Band I. S. 52² f.; Band II, № 334, 337, 339, 340, 355, 556, 718, 721, 728, 729, 753, 1231, 1233, 1255, 1350, 1351, 1354, 1503, 1504, 1505, 1507, 1508, 1511, 1513; ср. Wilcken. Zum Alexandrinischen Antisemitismus. – Abhandl. d. philol. hist. kl. d. sächs. Gesell. d. Wissenschaften, XXVII (1909). S. 788 f.

⁷ Ср. относительно устройства и положения еврейской общины в Александрии: Bludau. Juden und Judenverfolgungen im alten Alexandria. Münster i W., 1906. S. 13–20.

⁸ Jos. Flavius. Contra Apionem 2, 5. Wilcken. Griechische Ostraka. Band II, № 304. Надзор за водными путями связан был, главным образом, со сбором таможенных пошлин, см. Lumbroso. L'Egitto dei Greci i Romani (ed. 2). Roma, 1895. P. 29 sg.

так же свидетельствует о близком отношении их к торговле и торговым операциям. Из отдельных александрийских капиталистов нам известен, например, алабарх Александр, бывший откупщиком всего правого берега Нила (в царствование императора Тиберия)⁹. Тот же Александр считался другом императора Клавдия и был управляющим его матери Антонии¹⁰. Богатства Александра представлялись настолько значительными, что он оказался в состоянии ссудить Агриппе, впоследствии царю иудейскому, до 200 000 драхм (свыше 50 000 рублей) из которых пять талантов (приблизительно 1/6 часть всей суммы) уплатил наличными, в остальной же сумме выдал вексель на Дикеархию¹¹. Евреи, по-видимому, уже в то время приобрели в Египте славу прирожденных ростовщиков. До нас сохранилось письмо одного александрийского купца, предупреждающего своего товарища от займа у евреев¹².

Одновременно с кредитными операциями александрийские еврей-капиталисты, по-видимому, принимали непосредственное участие также и в обширной торговле города. Помимо поручения им должностей надзирателей над морским судоходством об этом свидетельствует точно так же и факт присутствия еврейских судов в гавани Александрии¹³.

Итак, еврейские богачи в Александрии вкладывали свои капиталы в самые разнообразные предприятия: они брали на себя откупа государственных налогов, производили в широких размерах кредитные операции и, наконец, принимали ближайшее участие в морской торговле. Но если александрийская община и выделялась из числа остальных общин как богатством своих членов, так и разнообразием способов помещения их капиталов, то, с другой стороны, во всяком случае, она не

---

⁹ Jos. Flavius. Antiquit XVIII, 6, 3.

¹⁰ Ibid. XIX, 5, 1; ср. также XX, 7, 3.

¹¹ Ibid. XVIII, 6, 3. Значительную денежную сумму в 800 талантов, захваченную Митридатом во время войны с Римом на острове Косе (Strabo у Jos. Flavius XIV, 7, 2) *Willrich* (Hermes. 1903. S. 250) также считает частными капиталами александрийских евреев, однако речь в данном случае, по-видимому, идет о капиталах не александрийских, но малоазийских евреев; ср. *Reinach*. Revue des études juives. T. XVI. P. 188, 204, 210.

¹² Aegyptische Urkunden aus d. Kgl. Museen zu Berlin. Band IV, 1079; *Mitteis-Wilcken*. Grundzüge und Chrestomathie d. Papyruskunde. Leipzig-Berlin, 1912. Band I. Hälfte 2, № 59–60.

¹³ Philo. In Flaccum, 1 c.

составляла ни в том, ни в другом отношении какого-либо исключения, как полагает, например, Шиппер¹⁴. Сам Шиппер говорит об огромных богатствах, скоплавшихся в руках вавилонских евреев путем участия в различных крупно-капиталистических предприятиях, например, в откупе государственных налогов¹⁵. О богатстве малоазийских еврейских общин свидетельствуют огромные капиталы, принадлежащие евреям и захваченные еще Митридатом во время его войны с Римом на острове Косе. Хотя Иосиф Флавий, передающий это известие со слов Страбона, и находит, что в данном случае речь идет только о храмовых сокровищах, укрытых от Митридата на острове Косе, однако мы имеем все основания предполагать здесь рядом с храмовыми наличность одинаково и частных капиталов¹⁶.

Значительная и богатая еврейская община существовала, по-видимому, еще в первые века империи также в Дикеархии (Путеолах близ Неаполя), являвшейся рядом с Остией и Римом одним из важнейших торговых центров Италии, а вместе с тем и всей западной половины империи. Жившие там евреи, подобно александрийским, точно так же, как можно думать, в широких размерах занимались кредитными операциями. В пользу этого говорит упомянутый уже выше факт покрытия займа Агриппы в большей его части (в сумме до 30 талантов) векселями, выданными на Дикеархию.

В Риме, среди пестрого населения которого можно было встретить народы всего мира¹⁷, само собою разумеется, и число

---

¹⁴ Шиппер. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. С. 8: «Только относительно александрийских евреев в древности можно доказать более активное участие в торговле и кредитных операциях».

¹⁵ Шиппер. С. 6; ср. также стр. 11–12.

¹⁶ См. примечание 11. Herzog (Koische Forschungen, 1899. S. 35) предполагает, что капиталы, захваченные Митридатом, принадлежали еврейским банкирам на Косе, однако, не говоря уже о том, что такое положение противоречит прямому свидетельству нашего источника, самая сумма оказывается для этого слишком значительной.

¹⁷ Мартиал (VII, 30) в качестве посетителей римских куртизанок называет парфян, киликийцев, каппадокийцев, иудеев, египтян, нубийцев, даков, аланов, германцев. Писатели времени империи неоднократно говорят о пестроте населения Рима, называя этот город «общим городом», «сборным пунктом всего мира», «всемирной гостиницей» и т.п.; см. Фридендер. Картины из бытовой истории Рима. Перевод с 8-го нем. издания под редакцией Ф. Зелинского. Т. I. СПб., 1914. С. 17–18.

живших там евреев должно было быть значительным. Еще при Августе посольство иудейского царя Ирода при представлении его императору сопровождали 8000 единоверцев, постоянно живших в Риме¹⁸. Во время изгнания евреев в первые годы правления Тиберия удалено было из Рима до четырех тысяч способных носить оружие¹⁹. О количестве еврейского населения в Риме можно также судить по обширности еврейского некрополя. Нам в настоящее время известно до пяти еврейских кладбищ в Риме²⁰. Хотя еврейская община в Риме как по численности, так и по богатству значительно уступала александрийской, однако и в числе ее членов должно было не мало встречаться богатых людей. Еще во времена Цицерона римские евреи посылали весьма значительные денежные суммы в Иерусалим на украшение храма²¹. О богатствах еврейской общины в Риме говорит также Тацит полтора столетия спустя²². В эпиграммах современника Тацита, сатирика Мартиала мы встречаем тип еврея-ростовщика, без конца требующего крупные суммы в качестве процентов на небольшие ссуды.

Позднее, в конце эпохи империи, когда в северной Италии выдвинулись новые крупные городские центры, Милан, сделавшийся как бы второй столицей после Рима, и Генуя, уже в то время начинавшая приобретать важное торговое значение, в обоих городах точно так же появляются значительные по численности и выдающиеся по своему богатству еврейские общины²³.

Что касается собственно участия евреев в торговле, то последнее, кроме Александрии, засвидетельствовано точно так же относительно римских евреев²⁴. Рядом с римскими евреями почти с несомненностью можно предполагать участие в тор-

---

¹⁸ Jos. Flavius. Antiquit XVII, 11, 1.

¹⁹ Tac. Ann. II, 85; Suet. Tib., 36. На основании этой цифры общее количество населения Рима определяется от 20 000 (*Delaunay. Philon d'Alex. Ecrits historiques. 1867. P. 136*) до 40 000 чел. (*Vogelstein-Rieger. Geschichte d. Juden in Rom. Band I. Berlin, 1896. S. 38*). Не следует, однако, забывать, что речь идет в данном случае только о вольноотпущенниках.

²⁰ *Friedländer. Sittengeschichte Roms. Band II. S. 519.*

²¹ Cicero. Pro Flacco, 28.

²² Tac. Hist. V. 5.

²³ Наши сведения о еврейских общинах в этих городах относятся уже ко времени правления Теодориха. Относительно общины в Милане см. Cassiodorus. Variar. V. 37, в Генуе — II, 28; IV, 33.

²⁴ Hippolytus. Philosophumena IX, 12.

говле со стороны евреев, живших в Дикеархии и, как мы уже видели, обладавших значительными капиталами. Далее мы встречаемся с еврейскими купцами в Палестине, в мамврийской долине, перевозящими сухим путем на верблюдах благовония и другие произведения Востока²⁵.

Наконец, одно темное место у Клавдиана, поэта второй половины четвертого столетия, позволяет заключить об активном участии еврейских купцов в индийской торговле и, по видимому, даже о посещении их судами непосредственно берегов самой Индии²⁶. Возможно, что и те суда, которые разграблены были народом во время антиеврейского движения в Александрии в 38 году, были торговыми судами, грузившимися для отправки в Индию, либо, напротив, возвратившимися из индийского плавания²⁷.

Мы застаем, таким образом, еврейских купцов во всех крупнейших торговых центрах Римской империи и встречаемся с ними в различных пунктах главных путей международной торговли того времени, ведущих из Индии и Аравии в Рим. Уже одно это в достаточной мере свидетельствует о том живом и непосредственном участии, какое принимали евреи диаспоры в торговых сношениях империи. В пользу деятельного участия евреев в римской торговле говорит, между прочим, также и возложение на них обязанностей так называемых навикулариев, обязанностей, заключавшихся в обеспечении Рима анноной, то есть хлебом, получавшимся из Египта²⁸. Начиная с шестого столетия участие евреев в торговле становится еще более активным и деятельным. Они ведут оживленную торговлю рабами в Италии²⁹, являются главными торговыми агентами в ме-

---

²⁵ Sozomen I, 4.

²⁶ «Quidquid inane nutrit judaicusque India pingitur velis» (Claudiani Carm. XVIII – in Eutropium. Lib. I. V. 356–357. См также *Reinach*. *Fontes rerum judaicarum*, I). Предложенное *Birt'*ом толкование этого места в том смысле, будто Клавдиан в данном случае имеет в виду изображение индийского сказочного мира на парусах еврейских судов (*Rheinisches Museum* (N. Foige). Band XLV. S. 491 ff), представляется крайне искусственным и потому маловероятным. Гораздо естественнее понимать приведенный стих Клавдиана в буквальном смысле, что берега Индии украшаются (пестрят) еврейскими парусами.

²⁷ Philo. In Flaccum.

²⁸ Codex Theodos XIII, 5, 18.

²⁹ Gregorii Magni. Opera, III; Epistolae I, 17, 45; VII, 24; IX, 36; ср. *Генкель*. Римские евреи в средние века. – *Восход*, 1901, № 8. С. 151.

ровингской Галлии³⁰. Шестой век, впрочем, представляет уже переход к средневековой эпохе, и потому мы коснемся еврейской торговли этого времени в следующем очерке.

Участие евреев в торговле еще в римскую эпоху, таким образом, можно считать не только вполне доказанным, но и относительно довольно широким и деятельным, особенно принимая во внимание скромные размеры римской торговли вообще³¹. Попытка Шиппера доказать обратное должна быть поэтому признана совершенно неудавшейся, утверждение же его, будто еврейские торговцы того времени занимались торговлей лишь как подсобным занятием, а именно, с помощью аккумулярованной земельной ренты, справедливое относительно крупных магнатов-землевладельцев, совершенно неприменимо в отношении еврейских капиталистов и богачей в среде диаспоры, для которых денежные и торговые операции являлись не только не подсобным, но преимущественным, если только не исключительным способом приложения капиталов и извлечения прибыли³².

---

³⁰ Gregorii Turon. Historia Francorum IV, 12, 35; его же Glor. Conf. c. 95. Mansi. Concilia IX, 932; ср. Codex Justin I, 9, 9.

³¹ Крупные размеры импорта в эпоху империи не должны нас вводить в заблуждение, так как значительная часть этого импорта состояла из хлеба, собиравшегося с провинции в виде податей (анноны) и доставлявшегося в Италию для прокормления ее населения. Само собою разумеется, что этот хлеб являлся не столько предметом собственно торгового ввоза, сколько предметом государственных поставок и привоз его в Италию составлял, как мы видели, повинность, возлагавшуюся на навикуляриев (ср. *Bücher. Die Diocletianische Taxordnung von Jahre 301. – Zeitschrift für die desammte Staatswissenschaft. Band L (1894). S. 199–200*). В основе экономической жизни империи лежало рабское самодовлеющее хозяйство (*Гревс. Очерки из истории римского землевладения. Т. I. СПб., 1899. С. 580–582; Ростовцев. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. – Русская Мысль, 1900. Март. С. 204, 207*), и потому за вычетом анноны торговля ограничивалась почти исключительно предметами роскоши, доставлявшимися с Востока (ср. *Speck. Handelsgeschichte des Altertums. Band III. 2 Hälfte. Leipzig, 1906. S. 755–766*), экспорт почти совершенно отсутствовал (*Voigt. Römische Privataltertümer. Nördlingen, 1889. S. 847, 908.*). Снабжение Италии хлебом и римской аристократии произведениями Востока – таковы были, таким образом, две важнейшие отрасли торговли Римской империи, и, как мы видели, евреи принимали в той и другой близкое участие.

³² *Шиппер. Возникновение капитализма у евреев. С. 16–17.*

Но если, таким образом, неправильна точка зрения Шиппера, умаляющего участие евреев в римской торговле, то не более справедлива и преувеличенная оценка их торгового значения, какую мы находим, например, в Киссельбаха, сопоставляющего еврейских купцов с финикийцами и полагающего, будто они одни в римскую эпоху «поддерживали торговые связи древнего мира»³³. Если мы примем во внимание, что в торговле деятельное участие принимали торговцы римского происхождения³⁴, если мы припомним те огромные состояния, каким располагала римская аристократия времени империи и значительную часть которых она в лице преимущественно всаднического класса вкладывала как в кредитные³⁵ и откупщические³⁶, так равным образом и в торговые предприятия³⁷, если припомним, что даже сенаторы несмотря на неоднократные запрещения, в обход закона через своих рабов и вольноотпущенников принимали участие в торговле³⁸, если мы, наконец, будем иметь в виду, что именно представители римской аристократии, эти, как называет их Гревс, «вожди ойкосных групп», и являлись в большинстве случаев «главными коммерческими предпринимателями»³⁹, то роль евреев в торговле Римской империи вряд ли представится нам особенно значительной и тем более такой исключительной, как изображает ее Киссельбах.

Сверх того, при оценке торгового значения евреев в римскую эпоху не следует упускать из виду могущественной конкуренции сирийских купцов, в руках которых по преимуществу сосредоточивалась торговля произведениями Востока, составлявшая важнейшую отрасль римской торговли. Роль сирийцев в этой торговле, во всяком случае, была более значительной, нежели участие в ней еврейских капи-

---

³³ *W. Kiesselbach*. Der Gang des Welthandels und die Entwicklung des europäischen Völkerlebens im Mittelalter. Stuttgart, 1860. S. 25.

³⁴ *Marquadt*. Privatleben der Römer (2 Auflage). Band II. S. 404 f.; *Фридендер*. Т. I. С. 358–359.

³⁵ Tac. Ann. VI, 16; Suet. August. 39, Vespas. 4; Seneca. Epist. 77, 3; «Antoninus Pius», 2; *Billeter*. Geschichte des Zinsfusses. S. 175–177.

³⁶ Tac. Ann. IV, 6; XIII, 50; Sueton. Vespas. I.

³⁷ Seneca. Epist. 101, 1–4; 119, 5; Orelli. Inscr. Lat. coll., 4077; Plin. Nat. Hist. X, 71.

³⁸ *Marquardt*. Band I. S. 164–166; Band II. S. 404 f.

³⁹ *Гревс*. С. 561.

талистов⁴⁰. Значение сирийцев делается для нас вполне понятным, если мы примем во внимание, что к сирийцам в это время причислялись и жители древних финикийских городов, из которых, например, Тир еще и в четвертом столетии нашей эры играл крупную торговую роль, являясь важнейшим центром восточной торговли⁴¹. Недаром слово «сириец» в это время являлось таким же синонимом слова «торговец» вообще, как и в средние века слово «еврей»⁴².

Торговое значение еврейских купцов возросло лишь в последующую меровингскую и в еще большей степени в каролингскую эпоху, когда конкуренция со стороны купцов других национальностей стала заметно ослабевать, участие же евреев в торговых операциях сделалось, напротив, более непосредственным и деятельным. Но об этом времени речь пойдет впереди.

Если евреи и не играли заметной роли в римской торговле, зато мы встречаем их сплошь и рядом занятыми в различных других профессиях, имеющих городской характер, и прежде и чаще всего в ремесленной промышленности. Во всех крупнейших центрах еврейской диаспоры, в Месопотамии⁴³, в Александрии⁴⁴, в Риме⁴⁵, наконец, позднее в Византии⁴⁶, повсюду евреи в большом числе занимались ремеслом. В Александрии евреи-ремесленники организованы были, по-видимому, в цехи по родам производства: по крайней мере, в большой александрийской синагоге каждое отдельное ремесло образовало свое особое отделение, к которому примыкали все занятые в нем ремесленники⁴⁷.

---

⁴⁰ Относительно участия сирийских купцов в римской торговле, кроме специальной монографии *Scheffer-Boichorst'a* (*Zur Geschichte der syrer im Abendlande. — Mitteil. des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung. Band IV*), см. также *Моммсен*. Римская история. Т. V. С. 455–460; *Фридендер*. Картины из бытовой жизни Рима. Т. I. С. 360–361.

⁴¹ *Totius orbis descriptio*, с. 24.

⁴² *Salviani*. De gubernatione Dei IV, 14, 69:

⁴³ *Шуннер*. С. 6.

⁴⁴ *Graetz*. Geschichte der Juden. Band IV (3 Auflage). S. 118.

⁴⁵ *Berliner*. Geschichte der Juden in Rom von der ältesten Zeit bis zur Gegenwart. Frankfurt am M., 1893. Band I. S. 98 f.; *Herrmann Vogelstein* und *Paul Rieger*. Geschichte der Juden im Rom. Berlin, 1896. Band I. S. 61–62.

⁴⁶ *Euagrius Scholasticus*. Historia ecclesiae IV, 36. — *Migne*. Patrologia Graeca. T. LXXXVI. P. 2769.

⁴⁷ *Graetz*. I с.

Впоследствии, когда в Византийской империи ко времени Юстиниана I в широких размерах развилась шелковая промышленность, еврейские ремесленники заняли в ней видное место. В XII веке Вениамин Тудельский в описании своего путешествия говорит о многочисленных евреях-ремесленниках, занятых в шелковой промышленности в Константинополе и в Салониках, представлявших в то время крупнейший центр этой промышленности. Вениамин называет при этом еврейских ремесленников наиболее искусными мастерами в шелкопрядении и красильном деле всей Греции⁴⁸. Хотя известие Вениамина Тудельского и относится к XII веку, однако мы с полным правом можем распространить сообщаемые им сведения и на более раннюю эпоху⁴⁹. Интересны также и некоторые статистические данные, приводимые Вениамином, данные, показывающие насколько еще и в его время в еврейской среде преобладали городские профессии над сельскими. Так, он насчитывает всего двести евреев, занимавшихся земледелием в окрестностях горы Парнас, тогда как в соседних Фивах, не представлявших даже в то время особенно значительного городского центра, до 2000 евреев-ремесленников жили исключительно шелкопрядением и красильным мастерством.

В противоположность взглядам на ремесло, господствовавшим в античном мире, среди евреев профессия ремесленника всегда пользовалась уважением, и немало уважаемых учителей закона не стыдились добывать себе пропитание ремесленным трудом⁵⁰. В пользу широкого распространения среди евреев ремесленной профессии говорят и многие места Талмуда, содержащие в себе разрешение различных вопросов, касающихся ремесла и условий жизни ремесленников⁵¹.

Наряду с торговлей и денежными операциями, которым посвящали свое время и капиталы наиболее состоятельные элементы из среды еврейской диаспоры, наряду с ремеслом, со-

---

⁴⁸ Benjam. b. Tudela, I, 16; ср. *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der Juden in Italien während des Mittelalters. Wien, 1884. Note IV: Seidenweberei der Juden in Griechenland. S. 308–311.

⁴⁹ Ср., например, относительно одиннадцатого столетия *Monumenta Germaniae* V, 192.

⁵⁰ *F. Delitsch*. Handwerkerleben zur Zeit Jesu. Erlangen, 1879. S. 25, 75; *Güdemann*. S. 68–69.

⁵¹ *Caro*. I c. S. 427.

ставлявшим преимущественное занятие еврейской массы в больших городах и промышленных центрах империи, немало встречалось среди евреев и лиц так называемых свободных профессий. В надписях, найденных в Эфесе⁵² и Вепозе, в южной Италии, недалеко от Неаполя⁵³, упоминаются евреи-врачи. Во второй половине пятого столетия при папе Геласии в качестве врача состоял еврей Телесин, которого папа называет «известным человеком» и своим другом⁵⁴. Евреям случалось выступать и на сценических подмостках. Так, Иосиф Флавий упоминает о придворном римском актере еврейского происхождения, именем Алитур, с которым он познакомился во время своего пребывания в Дикеархии (Путеолах близ Неаполя). Этот Алитур был любимцем Нерона, и через его посредство Иосифу удалось познакомиться с императрицей Пoppеей⁵⁵. В числе еврейских надгробных надписей в Риме встречается надпись на памятнике актрисы⁵⁶. В тех же надписях упоминается один живописец⁵⁷. Одна из эпиграмм Мартиала направлена против еврейского поэта⁵⁸.

Как актер-еврей Алитур, так и указанные выше врачи-евреи, наравне с большинством своих коллег⁵⁹, происходили, по всей вероятности, из среды вольноотпущенников. Число таких вольноотпущенников должно было быть очень значительным, в особенности в Италии. Можно думать, что значительная часть, если не большинство евреев, живших в Риме и в Италии, происходили из числа рабов и вольноотпущенников. Достаточно припомнить, какое значительное число евреев привезено было в Рим и продано в рабство после взятия Иерусалима Помпеем, после разрушения его Титом и, наконец, после усмирения иудейского восстания в царствование Адриана. Насколько значительно было число вольноотпущенников-евреев в Риме еще до этих двух последних событий, видно из

---

⁵² *I. Keil. Aertzteinschriften aus Ephesus. — Oesterreichische Jahreshefte. Band VIII (1905). S. 128 f.*

⁵³ *Ascoli. Inscricioni, 37.*

⁵⁴ *Mansi. Concilia VIII, 131; Ascoli, 33; Gudemann. S. 15.*

⁵⁵ *Jos. Flavius. Vita, 3.*

⁵⁶ *Vogelstein-Rieger. Geschichte der Juden in Rom. Band I. S. 61, № 33.*

⁵⁷ *Ibid., № 30.*

⁵⁸ *Martial, XI, 94.*

⁵⁹ *Marquardt. Privatleben der Römer (2 Auflage). Band I. S. 156, 159; Фридендер. Т. I. С. 184.*

того, что уже в царствование императора Тиберия до 4000 таких вольноотпущенников иудейского вероисповедания было сослано на остров Сардинию⁶⁰. Относительно образа жизни и экономического положения вольноотпущенников в Риме мы знаем, что большинство из них занимались мелкой торговлей или ремеслом от своего имени или от имени своего патрона. Другие избирали себе так называемые свободные профессии. Некоторые более счастливые из них, как известно, приобретали большие богатства, а иногда достигали влиятельного положения при дворе императоров⁶¹. Хотя в числе имен таких счастливых мы и не встречаем собственно еврейских имен, однако вышеприведенной пример придворного артиста Алитура показывает, что в отдельных случаях и лица еврейского происхождения успевали добиться влиятельного положения при дворе. Представив, как уже сказано, Иосифа Флавия императрице Поппее во время ее пребывания в ПUTEОЛАХ, Алитур при ее посредстве успел выхлопотать освобождение нескольких священников, присланных в Рим прокуратором Феликсом в цепях⁶².

Так как евреи диаспоры, как показано было выше, принадлежали почти исключительно к городскому населению, то в их среде, естественно, особенно велико должно было быть число неудачников-пролетариев. Еврейский пролетариат оказывался поэтому относительно более многочисленным, нежели пролетариат в среде какой-либо иной из национальностей, обитавших в пределах обширной и многоязычной Римской империи. Особенно многочисленен был еврейский пролетариат в Риме, где он выделялся своей численностью даже среди массы пролетариев, наполнявших в то время улицы вечного города. Если евреи, жившие в Риме, тонули в общей массе населения столицы, составляя по отношению к общей его массе едва ли более 2%, то еще в конце республиканской эпохи число евреев-пролетариев в Риме оказывалось уже достаточно значительным, чтобы играть видную роль на форуме.

На влияние, оказываемое евреями в политической жизни Рима, жаловался еще Цицерон в одной из речей, произнесен-

---

⁶⁰ Tac. Ann. II, 85; Suet. Tiber, c. 36; Jos. Flavius. Antiquit XVIII, 3, 5.

⁶¹ Ср. данные относительно карьеры отдельных вольноотпущенников у Фридендера (т. I, стр. 230 и след.) относительно вольноотпущенников при императорских дворах (там же, стр. 39 и след.).

⁶² Jos. Flavius. Vita 3.

ных в 60 году⁶³. «Как многочисленно было даже в Риме еврейское население уже до Цезаря, — говорит Моммсен, — и как тесно держались уже в то время в племенном отношении евреи, указывает нам замечание одного из современных писателей, что для наместника бывает опасно слишком вмешиваться в дела евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освиственным столичной чернью»⁶⁴. При Цезаре, покровительствовавшем евреям, влияние их должно было еще более возрасти, поскольку вообще в его время еще считались с голосом столичного пролетариата. В среде пролетариата, оплакивавшего смерть диктатора, особенно выделялись, по рассказу Светония, евреи, оплакивавшие его тело в течение нескольких ночей⁶⁵. Еще в царствование императора Клавдия поводом к изгнанию евреев послужил их слишком беспокойный характер и возбуждаемые ими волнения⁶⁶. Наряду с остальной массой пролетариата многие евреи участвовали в получении вспомоществования, выдававшегося из императорской казны в пользу неимущего населения. Так, нам известно, что при Августе в пользу них делалось исключение и раздача приходявшихся на их долю пайков производилась не в срок, если этот последний падал на субботу⁶⁷.

Еврейская беднота Рима обитала в большинстве в специальном квартале в наиболее отдаленной части города по ту сторону реки Тибра⁶⁸. Много евреев ютилось на самой окраине или даже за чертой города в жалких землянках, где все их состояние составляли корзинка и клочок сена⁶⁹. Вся эта беднота вела полуголодное существование, перебиваясь изо дня в день и постоянно наполняя улицы Рима. В произведениях римских сатириков сохранилось немало сцен из этой уличной жизни еврейского пролетариата столицы. Вот, например, мелкий торговец из-за Тибра с гноющимися глазами, громким голосом выкликающий название своего товара⁷⁰; вот старая еврейка, устроившись под деревом, нашептывает на ухо слушателям свои тайны и тол-

---

⁶³ Cicero. Pro Flacco.

⁶⁴ Моммсен. Римская история. Т. III. М., 1880. С. 467.

⁶⁵ Suet. Caes, 84.

⁶⁶ Suet. Claud, 25.

⁶⁷ Моммсен. Т. V. С. 487.

⁶⁸ Моммсен. Т. V. С. 487; Aringhius. Rom. Subt. II, 21–22.

⁶⁹ Juven. Sat. III, v.v. 13–14. Cp.: Sat. VI v. 542.

⁷⁰ Martial, XII, 57.

кования небесной воли: «за мелкую монету евреи готовы продать какие угодно суеверия и бредни (*somnia*)»⁷¹; вот, наконец, еврейский нищий мальчик, посланный своей матерью просить милостыню и своим жалобным голосом покрывающий уличный шум⁷².

Мы проследили теперь жизнь евреев диаспоры в городах. Как ни отрывочны и ни случайны наши сведения на этот счет, все же картина в общем получилась достаточно яркая и определенная. Мы видели евреев-горожан занятыми в самых различных профессиях и родах деятельности, имели возможность наблюдать их на всех ступенях общественного положения, начиная с александрийских капиталистов и кончая жалкими нищими и бездомными пролетариями, переполнявшими улицы столицы. Совсем иная картина получится, если мы из города переведем наши взоры на жизнь деревни. Прежде всего обращает на себя при этом внимание крайняя скудность и, можно даже сказать, почти полное отсутствие данных относительно еврейского землевладения и земледелия. Мы знаем уже, что евреи на родине как до, так и после начала диаспоры были и оставались земледельцами по преимуществу, тогда как в характере евреев диаспоры уже с самого начала наметился решительный перелом, выразившийся в усвоении ими прежде всего городских профессий и привычек. Процесс этот ко времени возникновения империи давно уже определился с полной несомненностью, и потому, как ни определенно замечание Иосифа Флавия относительно преимущественно земледельческих наклонностей еврейского народа, из всего вышеизложенного видно, что относить его к евреям диаспоры мы не имеем никаких оснований. И из самых слов Иосифа, впрочем, ясно, что он имеет в виду именно евреев, живущих в Палестине⁷³.

---

⁷¹ Juven. Sat. VI, v.v. 542–547.

⁷² Martial, XII, 57; ср. Epiphani. De vita sua.

⁷³ Jos. Flavius. Contra Apionem 1, 12: «Мы не населяем страны прибрежной, — говорит Иосиф в цитированном месте, — и не питаем склонности ни к торговле, ни к вызываемому ею общению с другими народами. Наши города отстоят далеко от моря, и так как мы наделены хорошей землей, то ее возделываем» (цитировано по рус. переводу Израэльсона и Генкеля. Пг., 1898. С. 12). Еще Гораций, напротив, подчеркивает специальную наклонность евреев к городской жизни (Epist. lib. I, 10), если только верно, что его друг Аристей Фуск, к которому он обращается в данном послании и которого он изображает сторонником городской жизни, действительно, был евреем, о чем можно заключить из строгого соблюдения им субботы (Horat. Satirae I, 9, v.v. 68–72; ср. Basnage. Hist. des Juifs. Liv. VI. Ch. 6).

Обратимся, однако, к фактам и приведем здесь все те немногие данные, которые свидетельствуют о занятии евреев земледелием или о том или ином отношении их к земледельческому хозяйству. Будем при этом держаться хронологического порядка.

Прежде всего, аналогичную с отзывом Иосифа Флавия характеристику евреев находим также у его современника, историка Тацита. «Большая часть иудеев, – говорит этот последний, – живет разбросано по селениям, хотя у них есть и города, причем Иерусалим является столицей народа»⁷⁴. Из текста видно, однако, что и здесь речь идет только о палестинских иудеях. Население Палестины и в римскую эпоху занималось прежде всего земледелием⁷⁵. От третьего-четвертого столетий дошли до нас сведения и относительно порядков, господствовавших среди сельского населения Палестины. Как и в остальной империи, и здесь к этому времени утвердилось господство крупного землевладения. Положение массы мелких земледельцев напомнило положение колонов западной половины империи. Семена для посева они в большинстве случаев получали от богатых землевладельцев и за это должны были отдавать этим последним известную долю урожая⁷⁶. В массах господствовало в связи с этим глухое недовольство против богатых землевладельцев, живших в большинстве случаев в городах⁷⁷. В 352 году это недовольство разрослось в настоящее возмущение со стороны доведенного до отчаяния различными поборами земледельческого населения⁷⁸. Крупные землевладельцы Палестины не ограничивались, однако, поборами с зависимых от них земледельцев. Они, по-видимому, вели и собственное хозяйство. Так, в начале пятого столетия, в рассказе об открытии тела пророка Захарии, мы встречаем христианина-раба, обрабатывающего поле иудейского собственника⁷⁹.

Около того же времени под 418 годом встречается упоминание и о евреях-землевладельцах в западной половине им-

---

⁷⁴ Tac. Hist. V, 8.

⁷⁵ Обстоятельную картину земледельческого хозяйства Палестины дает *H. Vogelstein* (*Die Landwirtschaft in Palästina zur Zeit der Misnah. I Teil. Der Getreidebau. Berlin, 1894*).

⁷⁶ *Graetz*. Band IV. S. 29.

⁷⁷ *Ibid.* S. 75.

⁷⁸ *Ibid.* S. 340 ff.

⁷⁹ *Baronius. Annales Eccles., ad. 413.*

перии. В портовом городе Магоне на Минорке, одном из Баlearских островов, существовала в это время довольно значительная еврейская община. Во главе магонской общины стоял некто Феодор, богатый и уважаемый еврей. Относительно этого Феодора и сообщается, что он имел земельные владения на соседнем острове Майорке, которые время от времени и навещал в целях хозяйственного надзора, живя сам постоянно в городе Магоне. Подобно Феодору и брат его Мелетий обладал вблизи города Магоны поместьем, которое он также навещает, покидая для этого свое постоянное городское жилище⁸⁰.

Таково первое и, кажется, единственное свидетельство относительно землевладения в среде евреев диаспоры, свидетельство, относящееся еще к собственно римской эпохе; остальные данные, обычно приводимые в пользу факта еврейского землевладения и земледелия, принадлежат уже последующему времени, времени господства варваров в западной половине империи, а потому и будут рассмотрены нами в другом месте. Не лишнее будет заметить, что нами собрано здесь даже более данных по сравнению с теми, какие приводятся Каро и Шиппером в доказательство существования еврейского землевладения и земледелия в римскую эпоху. Что касается, в частности, Шиппера, то этот последний строит свое предположение относительно роли земельной ренты в первоначальном накоплении денежных богатств в руках евреев исключительно на данных, относящихся ко времени папы Григория I и позднее⁸¹.

Почти все только что приведенные данные относятся к еврейскому землевладению в Палестине; сообщение о двух братьях-землевладельцах, живущих на острове Минорке, представляет в этом отношении единственное исключение. Они не занимаются, однако, по-видимому, лично сельским хозяйством, но живут в городе, ограничиваясь получением со своих поместий земельной ренты. Землевладение являлось для них, таким образом, лишь наиболее выгодным способом помещения капиталов, как для большинства римских капиталистов-владельцев обширных латифундий еще задолго до того. Не следует при этом упускать из виду того обстоя-

---

⁸⁰ Severi. Epistola ad omnem ecclesiam de Judaeis. — *Migne. Patrologia latina*. T. XX. P. 731 sq.

⁸¹ Caro. S. 425–427; Шиппер. С. 13 и след.

тельства, что известие, касающееся двух евреев-землевладельцев в Магоне, относится почти к самому концу собственно римского времени, когда вся западная половина империи находилась в полном упадке и когда вместе с этим всякие иные способы помещения капиталов становились все более и более затруднительными.

Как на доказательство в пользу наличности еврейского землевладения в империи обычно ссылаются еще на привлечение в последние века империи евреев к несению тяготей городского управления в качестве декурионов. «Важнейшую задачу куриалов, — говорит, например, Каро, — составляло исключительно собирание поземельного палого, за правильное поступление которого они отвечали своим имуществом. Исполнять эту свою обязанность они оказывались способными благодаря тому, что являлись наиболее значительными посессорами в своем городском округе. В евреях, которые должны были вступать в курии, следует поэтому вполне определенно видеть посессоров, и относящиеся сюда постановления могут служить свидетельством в пользу того, что число их не было незначительно»⁸². На привлечение евреев к несению обязанностей куриалов, как на доказательство принадлежности к землевладельческому классу, ссылается также и Шиппер⁸³. Если это справедливо и если, действительно, все еврей-куриалы являлись в то же время и крупными землевладельцами, то факт не только наличности, но и широкого распространения крупного землевладения в среде еврейской диаспоры можно было бы считать доказанным, и в таком случае как картина экономической жизни евреев в римскую эпоху, так и все последующее экономическое развитие еврейского народа предстанет перед нами в совершенно ином освещении. Вот почему нам придется более специально разобраться в факте привлечения евреев в число декурионов, чтобы определить, насколько правы Каро и Шиппер в своих утверждениях тождества евреев-куриалов и евреев-землевладельцев.

В первые века империи евреи, как иностранцы, не входили, по-видимому, в городские курии и не могли быть избираемы на городские должности. В избрании на городские должности видели в это время еще не столько обременительную обязан-

---

⁸² *Caro*. S. 426–4427.

⁸³ *Шиппер*. С. 11.

ность, сколько честь, которой усиленно добивались⁸⁴. С половины второго столетия к занятию почетных городских должностей, с обязательством, однако, нести и возлагавшиеся на эти должности тягости, допускались и лица, «следующие иудейскому суеверию» (*qui judaicam superstitionem sequuntur*⁸⁵). В данном случае, впрочем, не совсем ясно, имелись ли в виду собственно иудеи или же только лица, принявшие иудейство. Но вот положение с течением времени изменилось, с общим упадком империи государственная машина все более превращалась как бы в специальный пресс для выжимания необходимых финансовых средств из населения. Ответственность городских должностных лиц за исправное поступление налогов, ответственность, распространенная впоследствии и на все сословие декурионов, ложилась на тех и на других тяжелым бременем. Городских должностей теперь уже не только не добивались, но их избегали. Большая часть эдиктов и законов второй половины четвертого и начала пятого столетия, касавшихся куриального устройства, посвящена была мерам против уклонения декурионов от лежавших на них обязанностей⁸⁶. Вместе с этим правительство начинает привлекать в состав городских курий по возможности все наиболее состоятельные элементы городского населения, в том числе и евреев. Привлечение в городские курии и к исправлению городских должностей теперь перестало уже рассматриваться как право и являлось скорее тяжелой обязанностью. Освобождение же от декурионата превратилось таким образом как бы в привилегию. В качестве привилегии свобода от привлечения к городским должностям изображается и в актах, проводивших обязательное включение евреев в состав городских курий. Так, в указе императора Константина от 321 года о призыве в курию кельнских евреев, в виде уступки и снисхождения к их прежнему привилегированному положению, допускается изъятие в отношении лиц духовного звания⁸⁷. Однако в конце того же столетия и эта последняя привилегия была отменена, и законом 383 года обязанность несе-

---

⁸⁴ Ср., например, картину городских выборов в конце первого века нашей эры, восстановленную главным образом на основании помпейских надписей: *Boissier. L'opposition sous les Césars*. 5 ed. Paris, 1905. P. 38–43.

⁸⁵ *Digen Laert.* 2, 3.

⁸⁶ *Codex Justin X, 32 (31).*

⁸⁷ *Codex Theodos XVI, 8, 3–4.*

ния куриальных должностей была распространена и на духовных лиц в среде еврейства⁸⁸. Обязательное вхождение евреев в курии подтверждено было при императоре Гонории в 418 году⁸⁹. В частности тем же Гонорием отменены были всякие изъятия для евреев-куриалов в городах Апулии и Калабрии⁹⁰. Аналогичные постановления в отношении еврейских куриалов повторялись и впоследствии⁹¹.

Таковы факты, касающиеся привлечения в городские курии наиболее состоятельных слоев еврейского населения. Можно ли на основании этих фактов заключать о распространении еврейского землевладения в римскую эпоху? Большинство членов городских курий, декуринов, действительно, принадлежало к классу посессоров или крупных землевладельцев, однако это обстоятельство представляло лишь обычное явление, но отнюдь не обуславливалось требованием закона⁹². До нас сохранились муниципальные законы городов Салпенсы и Малаки, содержащие в себе между прочим и постановления относительно порядка выборов в городские курии⁹³, причем ни одно из этих постановлений не вводит какого-либо земельного ценза. Для включения в состав декурионов, так же как и для избрания на различные городские должности, необходимо было иметь известный возрастной ценз, именно 25 лет, свободное происхождение, незапятнанное прошлое и не принадлежать к известным считавшимся позорными профессиям. К числу последних причислялись, например, профессия актера, тренировщика, гладиаторов. Напротив, торговцы женщинами, общественные глашатаи и служащие при похоронных процессиях могли попасть в декурионы при ус-

---

⁸⁸ Codex Theodos XII, 1, 99; ср. Codex Justin I, 9, 5.

⁸⁹ Codex Theodos XVI, 8, 24.

⁹⁰ Ibid. XII, 1, 158.

⁹¹ Ср., например, изданную по этому поводу при Юстиниане I новеллу: Corpus Juris Civilis. Vol. II, nov. 45.

⁹² Римские капиталисты, как известно, вкладывали свои капиталы преимущественно в земельные владения. К концу империи эта тенденция должна была сделаться еще более определенной в связи с общим экономическим упадком.

⁹³ Corpus Inscr. Lat. Vol. II, 1963; Mommsen. Die Stadtrechte der lateinischen Gemeinden Salpensa und Malaca, Abhandl. der sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften, 1855. Ср. также таблицы, найденные в городе Осуне (Ephemeris Epigraphica. Vol. II, 3) и относящиеся к ним статьи Guiraud в Journal des savants. 1874–1877: Les bronzes d'Osuna.

ловии лишь отказа от своей профессии⁹⁴. Уже самый факт упоминания в законах о городских выборах перечисленных профессий показывает, что о каком-либо земельном цензе не могло быть при этом и речи. Определенный имущественный ценз, правда, существовал, но ценз этот был не земельный и выражался в денежных единицах⁹⁵. Имущественный ценз уже с самого начала вводился, по-видимому, не столько в целях ограничения числа лиц, могущих быть избранными на городские должности, сколько в видах обеспечения исправного несения расходов, связанных с занимаемыми ими должностями. Уже самый акт избрания обходился кандидатам педешево⁹⁶. Еще более значительные расходы несли городские должностные лица по украшению и благоустройству города, представителями которого они являлись⁹⁷. Недаром уже во втором столетии обязанности городских должностных лиц, по признанию одного современного акта, признавались тяжелыми и обременительными⁹⁸, и еще изданный в царствование императора Домициана муниципальный закон города Малаки требовал от избранных кандидатов представления гарантий своей ответственности за финансы города⁹⁹. Если уже в первые времена империи землевладение не являлось обязательным условием для занятия городских должностей, и ценз выражался в денежных единицах, то в еще большей степени то же самое можно сказать относительно последующего времени упадка, когда на декурионах лежала прежде всего денежная ответственность за исправное поступление налогов, когда государственная власть при заполнении списка декурионов предписывала обращать преимущественное внимание на то, чтобы внесенные лица оказывались способными исполнять возложенные на них повинности¹⁰⁰. При таких условиях

---

⁹⁴ *Boissier*. P. 35.

⁹⁵ *Plin. Epist.* I, 19.

⁹⁶ *Orelli*. 3858, 7083.

⁹⁷ *Orelli*. 315, 3270, 3316, 3882, 5326; *Ephemeris Epigraphica*, 1892. P. 388–416.

⁹⁸ *Onerosa. Corp. Inscr. Lat.* Vol. V, 322; ср. отзыв Плиния Младшего *Epist.* X, 113.

⁹⁹ По представлении таких гарантий избранный магистрат должен был принести присягу, что со своей стороны «сделает все, что повелевает ему совершить закон гражданской общины, и никогда не преступит его предписаний» (*Lex Malacitana. — Corp. Inscr. Lat.* Vol. II, 1963).

¹⁰⁰ *Codex Justin X*, 32 (31), 45.

государство должны были интересоваться не столько недвижимые владения декурионов, сколько именно размеры их движимого имущества.

Если на практике, таким образом, большинство декурионов и принадлежало к землевладельческому классу, то это вовсе не было равносильно тому, что все декурионы должны были быть землевладельцами. Так, в число декурионов постепенно вошли многие августалы, лица в большинстве случаев низкого происхождения, не принадлежавшие к землевладельцам, но зато образовавшие собственно городскую денежную аристократию¹⁰¹. Мы имеем поэтому все основания предполагать, что и евреи привлечены были к отправлению обязанностей декурионов не в качестве землевладельцев, но именно как обладатели крупных денежных капиталов. Принадлежность евреев к числу куриалов, являясь свидетельством в пользу наличности в их среде более или менее обширных состоятельных кругов, отнюдь не может служить доказательством распространенности в еврейской среде крупного землевладения.

Заканчивая и резюмирую наш очерк экономического положения евреев диаспоры в римскую эпоху, мы можем констатировать, что если мы и встречали их в самых различных общественных положениях, на самых различных ступенях общественной лестницы, занятыми различными профессиями, то все же они являлись пред нами всегда в качестве горожан, в качестве представителей городских профессий по преимуществу. Если не численно, то по своему значению наиболее выделялись из среды еврейской диаспоры капиталисты, занимавшиеся торговыми и денежными операциями, хотя в торговых сношениях Римской империи они и не играли еще той выдающейся роли, как в торговле последующей эпохи. Евреев-землевладельцев и тем более земледельцев мы встречаем в это время только на их древней родине, в Палестине. Если к концу империи общий экономический упадок заставлял и евреев диаспоры в

---

¹⁰¹ Корпорации августалов, как известно, имели своей целью прежде всего культ Августа и позднейших императоров в благодарность за мир, обеспечивавший возможность труда. В большинстве случаев к этим корпорациям принадлежали лица, выделившиеся из среды низших классов городского населения, вольноотпущенников и пр.; ср. специальную монографию, относительно положения и роли августалов в Римской империи: *Mourlot. Essai sur l'histoire de l'augustalité dans l'empire romain.* — Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes. Sciences philolog. et histore. Fasc. CVIII, 1895.

отдельных случаях употреблять свои капиталы на приобретение земельной собственности, как мы это видели на примере минорских евреев, то и при таких условиях они оставались верными себе, продолжая жить в городе и ограничиваясь лишь получением со своих поместий земельной ренты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отношение к евреям со стороны населения империи

Прежде чем перейти к следующей эпохе, открывающей собою собственно средневековый период, нам придется остановиться еще на одной стороне жизни еврейской диаспоры в римскую эпоху, именно на тех враждебных отношениях, какие уже с самого начала диаспоры устанавливались между евреями и туземным населением тех местностей, на которые еврейская диаспора распространилась. Вражда и ненависть к евреям отнюдь не составляет исключительной особенности средневекового периода. Корни ее уходят далеко вглубь, в эпоху, предшествовавшую еще возникновению Римской империи. Вот почему выяснение причин этого загадочного явления представляется невозможным без предварительного очерка взаимоотношений, существовавших между евреями диаспоры и народами древнего мира.

Враждебное отношение к евреям в римскую эпоху представляло не менее распространенное явление, нежели в средние века, причем и отдельные проявления этой вражды в ту и другую эпоху оказывались почти тождественными. Более отчетливо и определенно эта вражда выступала, естественно, в главных центрах еврейской диаспоры, сосредоточенных, как мы уже знаем, преимущественно и восточной половине империи. Здесь вражда между евреями диаспоры и массами городского населения других национальностей была исконной. Еще около половины второго столетия до нашей эры александрийская сивилла говорит уже не только о повсеместном распространении евреев, но и о повсеместной вражде по отношению к ним.

Все земли и моря исполнены тобою.

Все одинаково враждебно относятся к тебе¹, —

с такими словами обращается автор одного из так называемых сивиллиных стихотворений к еврейскому народу. «Евреи

---

¹ Carm. Sybill. III, 271–272.

греческих городов, — говорит Ренан, — не были любимы. Постоянно они должны были требовать возобновления своих привилегий, постоянно римские власти должны были посвящать свое время охране их от нападков со стороны туземного городского населения»². Еще при Августе ионийские греческие города выступили перед представителем римской власти Агриппой с обвинениями против евреев, настаивая на привлечении их наравне с прочими гражданами к отбыванию военной повинности и на воспрещении празднования субботнего дня. Результаты этого ходатайства получились, однако, обратные. Освобождение евреев от военной службы и право празднования субботы, допускавшиеся до того времени лишь некоторыми наместниками и в отдельных городах греческих провинций, теперь были подтверждены в качестве общего правила. Помимо того, Август предписал наместникам Азии не применять в отношении евреев строгих законов империи об устройстве союзов и собраний³.

Такой исход тяжбы между греческим и иудейским населением малоазиатских городов, само собою разумеется, не только не внес успокоения, но, напротив, мог лишь способствовать дальнейшему обострению взаимного ожесточения. Глухая затаенная вражда с этого времени зачастую переходит в открытые столкновения, прорываясь одинаково как с той, так и с другой стороны. В городах соседней с Палестиной сирийской провинции, Антиохии и Дамаске, в малоазиатских городах, на острове Кипре, в Александрии, наконец, в отдаленной Кирене, в которой еще со времени Птолемеев также жило большое число евреев, словом, повсюду, где только существовали более или менее значительные еврейские общины, происходили такие вспышки взаимной вражды и ненависти⁴. С одной из таких вспышек, именно с антиеврейским движением, имевшим место в Александрии в правление императора Гая Калигулы (38 г.), мы уже

---

² *Rénan*. Histoire du peuple d'Israel. T. V. Paris, 1893. P. 226.

³ Jos. Flavius. Antiquit XVI, 2, 3–5.

⁴ Ibid. XII, 3, 1–2; XIV, 10; XVI, 2, 3–5; Jos. Flavius. De bello Judaico II, 18, 79; 20, 3; VII, 3, 3; 5, 2. Philo. Legato ad Caium, 18; ergo же In Flaccum; Euseb. Hist. eccl. 7, 2; Dio Cass. LXVIII, 32. Вопреки мнению *Bludau* (Juden und Judenverfolgungen. S. 59 f.) до непосредственных столкновений между еврейским и нееврейским населением в Египте в эпоху Птолемеев дело еще, по-видимому, не доходило; ср. *L. Mitteis und Wilcken*. Grundzüge und Chrestomathie v. Papyruskunde. Band I. Hälfte 1. S. 26.

встречались. Поводом послужило прибытие в Александрию иудейского царя Ирода Агриппы. Начавшись с комической пародии на царя и его пышную свиту, движение сразу же приняло широкие размеры. Многие отдельно рассеянные по городу дома иудеев были разграблены и сожжены. Разграблены были также стоявшие в гавани суда еврейских торговцев; евреев, встречавшихся вне своих кварталов, избивали и предавали смерти. Нападение на собственно еврейские кварталы было отражено; но тут на помощь движению пришел сам наместник Флакк. Он воспретил празднование субботы и ограничил местопребывание евреев в Александрии одним кварталом вместо двух, которыми они до того пользовались. Многие евреи в результате этого распоряжения были выселены из своих жилищ, и дома их преданы разграблению⁵. Восстание, вспыхнувшее в Иудее в конце царствования Нерона, вызвало новый взрыв страстей. В Александрии и Антиохии толпы народа в театрах, в цирках и вообще при всяких сборищах требовали изгнания евреев и, вооружившись камнями и палками, производили нападения на еврейские кварталы⁶. В Дамаске дело приняло кровавый оборот, причем в течение нескольких часов, по данным Иосифа Флавия, было перебито до десяти тысяч евреев⁷. В царствование Траяна произошла новая вспышка взаимной ненависти. Движение охватило на этот раз широкие еврейские массы в Кирене, Египте, на острове Кипре, и жертвами этого движения пали теперь, в свою очередь, многие тысячи греков и римлян⁸. Зато в Александрии, где движение потерпело неудачу, греческое население со своей стороны получило возможность

---

⁵ Описанию обстоятельств александрийского погрома специально посвящены, как известно, два произведения Филона «*De legatione ad Caesarem*» и «*In Flaccum*». Существование враждебных отношений между еврейским и нееврейским населением Египта констатируется многочисленными документальными и частью литературными данными, содержащимися в тексте папирусов. *Grenfell. An Alexandrian erotic fragment and other greek papyri*. 1896. Vol. I, 43; *Mitteis-Wilcken*. Band I. H. 2, № 56–57; также *Reinach. Textes*. Appendice I. P. 218–227; *Bludau*. S. 94 f.; *Wilcken. Zum. Alex. Antisemitismus*. S. 808 f.

⁶ Jos. Flavius. *De bello judaico* II, 18, 9; VII, 3, 3.

⁷ Ibid. II, 20, 2.

⁸ Dio Cass. LXVIII, 32; Euseb. *Hist. eccl.*, 4, 2. Сообщаемые Дионом Кассием цифры погибших во время этого движения представляются до крайности преувеличенными.

отомстить за избиение своих соплеменников в Кирене и на Кипре, почти поголовно истребив александрийскую общину⁹.

С усмирением последнего восстания Бар-Кохбы при Адриане, после чего политические события не давали более непосредственных поводов к проявлениям взаимной ненависти, открытые столкновения временно прекратились¹⁰. Под этим видимым спокойствием, однако, по-прежнему продолжала таиться глухая затаенная вражда¹¹. Со времени Константина столкновения возобновились уже на религиозной почве, причем и теперь нападающими одинаково оказывались как та, так и другая сторона¹². Наиболее значительные размеры такие столкновения и теперь принимали в главных центрах еврейской диаспоры на Востоке, в Александрии и Антиохии. Так, в 415 году имущество евреев было разграблено толпой, и сами евреи принуждены удалиться из города¹³.

Что в данном случае политические, а впоследствии религиозные мотивы служили лишь поводами, но отнюдь не непосредственными причинами возникновения столкновений между еврейским и нееврейским населением греческих городов, в этом можно убедиться из факта существования взаимной вражды еще задолго до того времени, когда эти мотивы начали действовать. Вражда эта засвидетельствована была, как мы видели, александрийской сивиллой еще во втором столетии до нашей эры. С одним из частных проявлений ее мы встречались еще

---

⁹ Ibid., ср. *Graetz*. Geschichte der Juden. Band VI (3 Auflage). S. 107–109.

¹⁰ На основании данных так называемого Александрийского папируса (*Reinach*. Textes. Appendice I; *Wilcken*. Zum Alex. Antisemitismus. S. 808 f.) *Рейнах* предполагает возникновение еще одного еврейского погрома в начале правления Коммода (*Revue des études juives*. T. XXVII (1893). P. 70 suiv.); однако, более убедительны соображения *Wilcken*'а, относящего время действия папируса к моменту восстания евреев при Траяне (*Ein Aktenstück zum judischen Kriege*. Hermes, XXVII (1892). S. 464 f.).

¹¹ См., например, отзыв Тертуллиана о евреях в его «Апологетике», также те обоюдные комплименты, какими обменивались Юстин Мученик и еврей Трифон во время происходившего между ними диспута. Еще в 202 году в Оксирихе праздновалось воспоминание об усмирении восстания евреев при Адриане: *Grenfell-Hunt*. The Oxyrinchos papyri. Band IV (1904). S. 705.

¹² Ambros. Epist. lib. V, ep. 29.

¹³ *Graetz*. Band IV. S. 362 f.

при Августе, то есть в то время, когда государственная власть, в лице первых своих единоподанных представителей, была расположена к евреям и покровительствовала им.

В противоположность восточной половине империи, на западе мы не встречаем в массах столь же резко враждебного отношения к евреям¹⁴. До открытого возмущения и до насилия над еврейскими общинами здесь дело, во всяком случае, по-видимому, не доходило. Столкновение, имевшее место на острове Минорке в 418 году, представляет, кажется, единственное исключение в этом отношении, но и этот единственный случай вовсе не свидетельствует о силе враждебных чувств по отношению к евреям. Столкновение вызвано было исключительно фанатизмом еврейских женщин, не желавших допустить христиан в синагогу и встретивших их градом камней, и, несмотря на разрушение синагоги раздраженными христианами, завершилось мирным диспутом и обращением многих евреев в христианство. Попутно из сообщения об этом событии мы узнаем также о том уважении, каким пользовался отчасти и среди христиан глава еврейской общины Феодор¹⁵. Точно так же и впоследствии, в шестом и седьмом столетиях, не только не было случаев открытых столкновений, но, по-видимому, и вообще отношения между евреями и массами населения не отличались особенно враждебным характером, как о том свидетельствуют переписка Григория I и ряд постановлений церковных соборов¹⁶.

Однако если мы не находим на западе столь же резко выраженного враждебного чувства к евреям в массах, как на востоке, то в среде высших классов и образованных кругов общества неприязненное отношение к евреям и их религиозным взглядам выступает с полной определенностью. Неприязнь эта и взаимное непонимание проявляются одинаково как в политике правительства в отношении евреев, так и в произведениях римских писателей первых веков империи.

Благосклонная к иудеям политика Цезаря и затем Августа прервалась со смертью последнего. Уже преемник Августа Тиберий возбудил открытое гонение против евреев в Италии.

---

¹⁴ Ср. *Berliner*. Geschichte der Juden in Rom. Band I. Frankfurt am Main, 1893. S. 16.

¹⁵ Severi epistola de judaeis. — *Migne*. Patrologia latina XX, p. 731 sq.

¹⁶ *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der Juden in Italien während des Mittelalters. S. 30 f.

В 19 году, уже на пятый год правления Тиберия, иудейская религия была запрещена, 4000 вольноотпущенников евреев были сданы в солдаты и отправлены на остров Сардинию для усмирения разбойников со специальной оговоркой, что если они все погибнут, то потеря от этого для государства будет небольшая. Остальные лица иудейского вероисповедания должны были покинуть Италию¹⁷. Если, как сообщает Иосиф, поводом к изгнанию евреев из Италии действительно послужили неблагоприятные поступки нескольких иудеев¹⁸, то уже один факт распространения наказания на всех живших в Италии евреев свидетельствует о резко отрицательном отношении власти к иудейству вообще. При преемнике Тиберия Гае Калигуле произошли уже известные нам события в Александрии. Справедливые жалобы евреев, несмотря на красноречивую защиту их дела Филоном, не встретили сочувствия со стороны императора. На обращение к нему еврейской депутации он отвечал насмешками, и дело было решено не в пользу пострадавших¹⁹. При Клавдии последовало новое изгнание иудеев, ограничившееся на этот раз пределами Рима²⁰. В царствование Нерона христиане обвинены были в поджоге Рима и подверглись преследованию не столько в качестве сторонников нового учения, о котором в это время в Риме существовали лишь самые смутные представления, сколько прежде всего как секта, вышедшая из ненавистой Иудеи²¹. Домициан начал новое гонение евреев, обложив их между прочим высокими поборами, в расчете за их счет поправить свои пошатнувшиеся финансы. Политика его в этом отношении, таким образом, близко напоминала политику относительно евреев позднейших средневековых правителей²². При Адриане воспрещено было обрезание, приравненное к оскотлению, которое в свою очередь наказывалось как убийство²³. Это постановление Адриана не раз подтверждалось и позднейшими императорами. Так, Север под страхом сурового наказания воспретил вообще обращение в иудейское вероиспо-

---

¹⁷ Tac. Ann. II, 85; Suet. Tib. 36.

¹⁸ Jos. Flavius. Antiquit XVIII, 3, 5.

¹⁹ Philo. Legato ad Caium 20.

²⁰ Suet. Claud. 25.

²¹ Tac. Ann. XV, 44.

²² Suet. Domit 12.

²³ Dig. XLVIII, 8, 4.

ведение²⁴. Со времени Антонинов до эпохи торжества христианства власть не проявляла уже более открыто враждебного отношения к евреям. Зато все определеннее с ее стороны обнаруживается отмеченная уже выше тенденция привлечь евреев к отбыванию гражданских повинностей и к несению в качестве куриалов становившегося все более тяжелым финансового бремени государства.

Если в римском обществе первых веков империи, жаждавшем новых религиозных ощущений, в числе других восточных религий и иудейская религия имела некоторый успех, преимущественно в среде женщин, то, с другой стороны, образованные круги Рима в своем большинстве относились к евреям с их религиозной замкнутостью и обособленностью не только с недоверием, но и с открытой и при том с все возраставшей неприязнью²⁵. Это неприязненное чувство начало проявляться уже вскоре после возникновения еврейской общины в Риме. Цицерон высказывался против религиозной терпимости в отношении евреев, так как их религия в такой степени противоречила интересам государства и всем распространенным в языческом обществе представлениям, что внушала ему невольные опасения²⁶. Современник Августа Страбон не без скрытого враждебного чувства говорит не только о повсеместном распространении евреев, но и об их повсеместном господстве²⁷. Если у другого современника Августа, поэта Горация, нападки на иудеев и их религию не выходят за пределы безобидной иронии²⁸, то отношение к ним со стороны позднейших римских сатириков проникнуто уже несомненным и открыто враждебным настроением. Особенно возмущает их и служит главным предметом насмешек непонятный обряд обрезания²⁹. Воздержание от мяса свиней, соблюдение постов, празднование субботнего дня, словом, все специальные обряды и

---

²⁴ Vita Severi, 17; ср. также мнения юристов по этому поводу: Paul. Sent. V, 22, 3, 4; Dig. XLVIII, 8, 11.

²⁵ Развитие враждебной евреям литературы см. у Stähelin'a. Der Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung. Basel, 1905. S. 9–31, 48 f.; Reinach. Textes, passim.

²⁶ Cicero. Pro Flacco, 28.

²⁷ У Jos. Flavius. Antiquit XIV, 7, 2.

²⁸ Horat. Sat. IV, 143; V, 100; IX, 70 sq.

²⁹ Pers. Sat.; Martial VII, 30, 35, 82; XI, 95; ср. Petron. Arbit. Fragm. de Judaeis.

установления иудейской религии, равным образом как и отсутствие изображения божества в их храме, точно так же являются предметом постоянного недоумения, нападок и насмешек³⁰. Само собою разумеется, однако, все эти обряды, какими странными ни казались они постороннему наблюдателю, сами по себе не могли бы послужить непосредственным источником враждебных отношений к евреям. То глубокое чувство неприязни, какое внушали к себе евреи во всем греко-римском мире, обуславливалось не теми или иными отдельными обрядами, но общей религиозной обособленностью и замкнутостью еврейских общин по отношению к внешнему миру. На эту сторону иудейской религии обращал внимание, как мы видели, еще Цицерон. «Они закоренели в презрении римского закона, — говорит Ювенал, — они изучают и соблюдают только свой закон, переданный им в таинственном свитке Моисея. Только своим единоверцам показывают они путь, только обрезанных ведут к источнику, к которому стремятся жаждущие»³¹. Еще резче эта обособленность евреев подчеркивается Тацитом. «Чтобы и на будущее время упрочить власть над народом, Моисей, — говорит Тацит, — ввел среди него новые религиозные обряды, шедшие вразрез с обычаями прочих смертных. Все, что для нас священо, у них признается богомерзким и противным закону. Напротив, все то, что воспрещается нами, у них разрешено... Какими бы причинами ни обуславливались, впрочем, религиозные обряды евреев, они находят свое оправдание в глубокой своей древности. Другие противные и отвратительные учреждения сохраняют они вследствие своей испорченности и закоренелой преступности... Ко всем не принадлежащим к их вере они питают самую злостную вражду, отделяются от других во время еды, спят также особо, воздерживаются от сожительства с женщинами другой веры, тогда как в своей среде считают все дозволенным. Обрезание служит им для того, чтобы не смешиваться с другими народами и узнавать друг друга по этому отличительному признаку. Принявшие их веру также подвергают себя обрезанию и также прежде всего начинают презирать богов, ни во что ставят отечество, перестают чтить родителей, любить детей и братьев»³².

---

³⁰ Horat. Sat. IX, 70; Juven. Sat. VI, 159–160; XIV, 96–99, 105–106; ср. Tac. Hist. V, 4–5, 9.

³¹ Juven. Sat. XIV, 100–104.

³² Tac. Hist. V, 4–5.

Чем более знакомились греко-римское общество с евреями, тем сильнее становилось в его среде и неприязненное чувство по отношению к этим последним. В свою очередь и евреи, по мере роста общей неприязни к ним, все более обособлялись и замыкались в своей среде. Задача согласования иудейской религии с греческой философией, какую ставил себе Филон, была последней попыткой в этом направлении. Уже Иосифа Флавия мы застаем в резкой полемике с представителем греческой образованности Апионом. После того дальнейший разрыв пошел вперед быстрыми шагами. «Иудеи отказались от эллинской литературы, которую стали считать оскверненной, и даже восстали против употребления греческого перевода библии; постоянно усиливавшееся очищение религии направило свое оружие не только против греков и римлян, но также против полуиудеев Самарии и против христианских еретиков. Противоположность между иудейством первого столетия и иудейством третьего столетия обнаружилась в той пропасти, которая отделяет сочинение о возвышенном, осмеливающееся ставить потрясающего землю и море гомерового Посейдона рядом с создающим блестящее солнце Иеговой, от зачатков талмуда, принадлежащих к этой эпохе. Жизнь иудеев рядом с неиудеями оказывалась все более и более невыносимой; противоположность в верованиях, в законах и в нравах обострялась, и как обоюдное высокомерие, так и обоюдная ненависть оказывали на обе стороны губительное влияние на нравственность»³³.

Глухая затаенная вражда в массах, чаще и резче проявляющаяся на востоке, нежели на западе, с одной стороны, растущее взаимное непонимание и отдаление в высших образованных кругах общества — с другой, таковы факты, характеризующие собою отношение к евреям со стороны остального населения империи. Эти факты взаимной неприязни настолько очевидны, что констатировать их не представляет особого труда. Гораздо труднее становится наша задача, когда от фактов мы обратимся к их причинам. Как ни определены суждения римских писателей о евреях, все же полагаться на них нам не приходится. Их постоянное подчеркивание отвратительности религиозных обрядов евреев и их религиозной исключительности отмечают лишь симптом взаимной неприязни, проявляющейся, естественно, прежде всего в идеологической, то

---

³³ Моммсен. Римская история. Т. V. С. 541–542.

есть религиозной форме, но не могут служить основанием при выяснении причин этой неприязни. Не говоря уже о том, что на том же греческом Востоке, где взаимная враждебность проявилась в особенно острых формах, первым столкновениям предшествовали обоюдный интерес и обоюдные попытки сближения именно на религиозной почве³⁴, против собственно религиозных причин враждебных отношений к евреям диаспоры свидетельствует также и факт возникновения этой вражды повсюду в местах распространения диаспоры со стороны народов с самыми разнообразными религиозными обычаями и представлениями. Неприязненное чувство по отношению к евреям проявлялось с одинаковой силой в древней Персии с ее религиозным дуализмом³⁵, на философски образованном и индифферентном к вопросам религии греческом Востоке, в императорском Риме с его широкой религиозной терпимостью и гостеприимным пантеоном, в римском обществе с его религиозными исканиями и пристрастием к восточным культам, наконец, со стороны христианства, религии, близко родственной самому иудейству. Самая религиозная исключительность евреев должна была иметь свои причины. Очевидно, причин такой исключительной и не имеющей себе, кажется, аналогий в истории вражды к евреям следует искать не столько в религиозной нетерпимости по отношению к ним, являющейся лишь идеологическим выражением этой вражды, сколько в тех особых условиях, в каких протекала жизнь евреев диаспоры, и в тех особых отношениях, в какие они были поставлены к окружающему населению.

Но эти особые условия нам уже известны: это прежде всего условия специально городской жизни, превратившие евреев диаспоры в городских жителей, в горожан по преимуществу. В этом отношении, как мы уже знаем, целая пропасть лежала между евреями, покидавшими родную страну, и евреями Палестины, продолжавшими оставаться по-прежнему прежде всего земледельческим народом. И представители других националь-

---

³⁴ Кроме соответственных глав у *Schürer'a* и *Wendland'a* (*Die Hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zur Judentum und Christentum*. 1907) см. *A. Deissmann*. *Die Hellenisierung des semitischen Monotheismus*. Leipzig, 1903.

³⁵ О враждебных отношениях, существовавших между евреями в Персии и остальным населением персидской монархии, достаточно определенно свидетельствует содержание книги Эсфирь.

ностей, например, греки и сирийцы, под которым следует разуметь прежде всего жителей древних финикийских городов, были рассеяны в той же Римской империи, быть может, не в меньшей степени, нежели евреи, но они являлись выходцами из местностей с давнишним торговым прошлым, с развитой городской жизнью и приносили с собою на чужбину навыки и привычки, усвоенные еще на родине, с которою к тому же в большинстве случаев не порывали всяких связей, по крайней мере, в той же степени, как евреи. Для последних не существовало ни экономических, ни социальных связей с родиной. Единственным связующим началом для всех евреев оставался иерусалимский храм, представлявший равно чтимую святыню как для жителей Палестины, так и для наиболее отдаленных представителей диаспоры. Как ранее вавилонские изгнанники, так в описываемую эпоху римские евреи считали своей священной обязанностью поддерживать иерусалимский храм своими пожертвованиями³⁶. С разрушением иерусалимского храма при Тите порвалась и эта последняя связь евреев диаспоры с их древней родиной, и с этого времени палестинские и внепалестинские евреи все более обособляются одни от других, образуя в конце концов как бы две различные нации, из которых первые с течением времени совершенно растворились в потоке завоевателей, беспрерывно наводнявшем страны востока, в то время как евреи диаспоры сохранили и до настоящего времени те же типичные национальные черты, какие они усвоили себе еще в шестом столетии до нашей эры со времени вавилонского пленения.

Экономическая и социальная жизнь древности, как и в средние века, базировалась почти исключительно на замкнутом городском хозяйстве. Образование эллинистических монархий и впоследствии всесветного римского государства не внесло каких-либо заметных изменений в этом отношении, и мы видели уже, как мало торговля империи, при всей своей относительной значительности, затрагивала устой народного хозяйства. В основе последнего по-прежнему лежали, с одной стороны, крупное землевладельческое, с другой — замкнутое городское хозяйство³⁷.

---

³⁶ I книга Ездры 1, 4–6; Cicero. Pro Flacco 28; Jos. Flavius. Antiquit XVIII, 3, 5.

³⁷ Отсюда сильное развитие местного городского патриотизма, сохранившееся одинаково и в эпоху империи, ср., например, Boissier. L'opposition sous les Césars. P. 48 suiv.

При такой экономической замкнутости, естественно, всякий чужеземец, являвшийся в город хотя бы даже из соседнего города или местечка, представлялся не только лишним, но в большинстве случаев и нежелательным гостем. Правда, в древности эта замкнутость и вместе с тем неприязненное отношение ко всякому чужеземцу не достигали такой исключительной степени, как в средние века, однако и в городах античного мира чужеземные и даже иногородние поселенцы были только терпимы и, не пользуясь гражданскими правами наравне с другими жителями города, в то же время в свою очередь должны были подчиняться местным законам и установлениям. Положение их в чужом городе было далеко не обеспеченным и вполне зависело от того или иного отношения к ним со стороны постоянного городского населения. Вот почему торговцы и другие лица, приезжавшие в чужой город и тем более по тем или иным причинам поселявшиеся в нем, не чувствуя под собою твердой почвы и не всегда даже будучи ограждены защитой закона, предпочитали держаться вместе со своими земляками и не только селились в одном и том же квартале, но и образовывали с этою целью между собою специальные союзы и корпорации. Особенно рельефно эта тенденция выступала в средневековую эпоху, когда, впрочем, и самая замкнутость городского хозяйства проявлялась с большей силой, нежели в древности. Союз ганзейских городов, поселения итальянцев и прежде всего генуэзцев и венецианцев в городах Леванта, «союз итальянских купцов, посещающих ярмарки Шампани и Франции», представляют собою лишь наиболее яркие примеры этого всеобщего в средневековую пору явления³⁸. Если в древности такая тенденция к образованию союзов между соплеменниками или согражданами, попадавшими в чужие края, и не была, быть может, столь же всеобщей, как в средние века, все же она засвидетельствована достаточным числом фактов. Так, нам известны поселения греческих купцов в Египте и финикийских городах³⁹. Многочисленные жившие в Афинах иностранцы образовывали такие же союзы по национальностям. Таковы были, например, финикийская и

---

³⁸ Крепкие стены, какими старались обезопасить такие союзы занимаемые ими в чужих городах кварталы, являются лучшим доказательством, насколько мало обеспеченными чувствовали себя в то время торговые люди в чужих краях.

³⁹ Herodot II, 173–179; Isaeus IV, 77; Demosth. LII, 24.

египетская колонии, имевшие в Афинах храмы своих национальных богов и свободно отправлявшие в них свой культ⁴⁰. На острове Делосе также существовала египетская колония, пользовавшаяся свободой культа, правом собраний и многими другими правами⁴¹. Ту же тенденцию к объединению наблюдаем мы одинаково и в римскую эпоху. «Товарищества александрийских купцов находились во всех больших торговых пунктах, и их корабли во всех гаванях... сирийские купцы и сирийские фактории были распространены повсюду в гаванях Италии, как Порт, Неаполь, Равенна и многочисленное всего в Путеолах. Одна испанская надпись называет представителя союза сирийцев в Малаге»⁴².

Вспомнив все те неблагоприятные условия, в каких оказывались в древности и впоследствии в средние века люди, заброшенные в чужие края, так же как и то в общем неприязненное отношение, какое встречали они со стороны туземного населения, представим теперь себе положение евреев диаспоры, являвшихся повсюду, где бы они ни жили, чужеземцами с самого момента своего рождения. Неблагоприятное положение евреев в качестве прирожденных, так сказать, чужеземцев в значительной мере ухудшалось еще тем обстоятельством, что они образовали нацию горожан, буржуазию, третье сословие в условиях жизни древности, когда не произошло резкого разрыва между городом и деревней⁴³, в обществе, где сильный землевладельческий класс образовал и верхний слой городского населения, где, следовательно, для буржуазии в собственном смысле слова не было места. При таких условиях евреи по отношению к массам прочего городского населения составляли не только чуждое, но и чужеродное образование, а это обстоятельство в свою очередь не могло не увеличивать взаимного непонимания, а следовательно, и чувства взаимной неприязни. Неприязнь по отношению к чужеземцам обуславливалась прежде всего опасением возможной с их стороны конкуренции на поприще торговой и ремесленной деятельности, и естественно, что вы-

---

⁴⁰ *Leclerc. Les métèques atheniens. Paris, 1893. P. 381.*

⁴¹ *Ibid. P. 137.*

⁴² *Фриндлендер. Картины из бытовой жизни Рима. С. 360.*

⁴³ См. «Очерки по экономической и социальной истории древней Греции». Предлагаемая там характеристика экономических условий, существовавших в Греции, еще с большим основанием может быть отнесима и к условиям экономического развития римского государства.

текавшее из подобных оснований неприязненное чувство должно было быть особенно сильным именно в отношении евреев, поколениями развивавших в себе склонности к разного рода специально городским профессиям. Это же самое обстоятельство, отдалявшее евреев от массы остального городского населения, в то же время немало способствовало их взаимному сближению и единению между собою. Евреи внутри империи образовали не только особую нацию, но и особый класс, правда, класс с очень широкими границами, но все же отдельный класс, соответствовавший до известной степени средневековому третьему сословию. Единообразие условий и привычек жизни, тождество интересов укрепляло и упрочивало связь не только между членами одной общины, но и между общинами, рассеянными по различным городам, и таким образом не давало евреям диаспоры раствориться в массе прочего населения, как это в конце концов и случилось с земледельческим населением Палестины.

Нет ничего удивительного в том, что чувство солидарности, проявлявшееся и среди представителей других национальностей, в среде еврейской диаспоры в результате всех перечисленных условий развилось в совершенную замкнутость и полную исключительность по отношению к внешнему миру. Чужие среди чужих, ненавидимые и в лучшем случае только терпимые евреи диаспоры, естественно, держались особняком и с течением времени все более и более замыкались в своей среде. С утратой родного языка (как известно, разговорным языком среди евреев в пределах Римской империи служил по преимуществу греческий язык) единственным идеологическим выражением связи, объединявшей евреев диаспоры в тесный международный союз, оставалась религия⁴⁴. Некогда столь шаткие и непостоянные в своих религиозных убеждениях во время независимого существования на родине, евреи становятся теперь нетерпимыми до крайности. Буква закона и внешние обряды, в качестве главного отличия евреев от неевреев, приобретают теперь особое значение. Вот почему как внутренняя замкнутость и исключительность еврейских общин, так и неприязненное отношение к ним со стороны представителей греко-римского мира определеннее всего проявлялись именно в сфере религи-

---

⁴⁴ Обстоятельный обзор еврейской религии описываемого времени содержит книга *W. Bousset. Die Religion d. neutestamentlichen Zeitalters* (2 Auflage), 1908.

озных отношений⁴⁵. Теократический дух, господствовавший в иудейской религии со времени возвращения из вавилонского плена, действовал в том же направлении, доводя исключительность евреев до крайней степени. Всякая теократия, всякая жреческая религия имеет известную склонность к монотеизму и к религиозной исключительности⁴⁶, но только у евреев развился чистый тип теократии, и вместе с этим и обе эти тенденции достигли наибольшей силы и выражения⁴⁷. Притязания иерусалимского духовенства приняли универсальные размеры: не только еврейский народ, но народы всего мира должны прийти и поклониться единому истинному богу, живущему в Сионе, и признать его закон и его служителей⁴⁸. Миссионерские стремления и тенденции, таким образом, не только не составляли противоречия религиозной замкнутости и исключительности, а, напротив, являлись как бы ее дополнением и завершением⁴⁹.

---

⁴⁵ Относительно причин и обстоятельств развития теократии см. выше стр. 72 и след.

⁴⁶ Такие тенденции обнаруживают как религия Браммы в Индии, так и жреческие религиозные системы особенно позднейших эпох в древнем Вавилоне и Египте. *H. Schneider. Kultur und Denken der Babylonier und Juden. Leipzig, 1910. S. 232–246; Франк Каменецкий. Религия Аммона и Ветхий Завет. – Сборник Трудов проф. и преподавателей Госуд. Иркутского Университета. Иркутск, 1921. Особый интерес в этом отношении представляет египетская религиозная литература и прежде всего знаменитый Лейденский папирус, содержащий настоящий богословский трактат, см. Франк Каменецкий. Памятники египетской религии в фиванский период. Ч. II. М., 1918, где дается и частичный перевод папируса; ср. Тураев. Египетская литература. М., 1920. С. 177 и след.*

⁴⁷ Развитие теократии и теократических тенденций среди евреев прослежено в содержательной брошюре *Bertholet. Das Verfassungsentwurf des Hesekiels in ihrer religionsgeschichtlicher Bedeutung. Leipzig, 1896*; рост исключительности с развитием теократии – в его же книге *Die Stellung der Israeliten und Juden zu den Fremden. Leipzig, 1896*.

⁴⁸ *Ed. Meyer (Die Entstehung des Judenthums. Halle, 1896. S. 221–222)* дает остроумное, но на наш взгляд неправильное объяснение развития религиозного универсализма, начиная с VI века до нашей эры, причем он не считает этот универсализм специальной особенностью иудейской религии.

⁴⁹ См. последние отделы к цитированной книге *Bertholet'a*. Специальная брошюра *M. Löhr'a (Der Missionsgedanke im alten Testament. Freiburg i. B. und Leipzig, 1896)* содержит лишь внешний обзор развития миссионерских тенденций в Ветхом Завете, но почти не входит в исследование причин и условий, в каких совершалось это развитие.

Тенденции, возникшие на почве Палестины, нашли самую благоприятную почву для своего дальнейшего развития в условиях жизни евреев диаспоры и прежде всего в обособленном положении еврейских общин и в окружавшей их атмосфере всеобщего отчуждения⁵⁰. Исключительность и миссионерское рвение евреев в свою очередь еще более усиливали взаимность отчуждения и способствовали дальнейшему обострению отношений.

Если неприязненное чувство по отношению к евреям представляло собою явление, одинаково широко распространенное в самых различных слоях и классах римского общества, то как степень силы и глубины этого чувства, так и формы и способы проявления его в среде отдельных классов и групп населения были различны. Различны равным образом были и те непосредственные причины, которые в отдельных случаях приводили к внешнему проявлению постоянного скрыто враждебного отношения к евреям. Наибольшей интенсивностью и определенностью отличалось враждебное отношение к евреям прежде всего, естественно, в промышленных и торговых кругах. Во всех отдельных случаях столкновений именно эти круги выступали первыми, увлекая за собою массы⁵¹. Вот почему именно

---

⁵⁰ Об отношении евреев диаспоры к внешнему миру см. прежде всего цит. соч. *Schürer*'а (Band II и III); *Bousset*. S. 109 f., 188 ff.; *Wendland*'а, затем *Staerk*. Die Religion d. Judentums im Zeitalter des Hellenismus und der Römerherrschaft. Развитию взаимно-враждебных отношений между еврейским и греко-римским миром посвящен ряд цитированных монографий *Wilcken*'а (в особенности s. 784 f.), *Zähelin*'а, *Bludau*. Во всех этих монографиях первенствующее значение в развитии взаимной вражды придается религиозным мотивам и причинам. Следствие, таким образом, принимается за причину. Много внимания взаимоотношениям евреев с окружающим миром уделено в книге *Schlatter*'а *Geschichte Israels von Alexander dem Grossen bis Hadrian* (2 erweiterte Auflage). Calw und Stuttgart, 1906. Рядом с исключительностью по отношению к внешнему миру религия еврейской диаспоры не в меньшей степени, нежели писания пророков, проникнута была миссионерским рвением. «Всех людей, — писал еще в начале первого века нашей эры александрийский иудей Филон, — покоряет себе иудейство, всех призывает оно к добродетели, варваров, эллинов, жителей континента и островов, народы Востока и Запада, европейцев, азиатов, все народы земли». Ср. *Süchrer*. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Band III. Leipzig, 1909; также *Каутский*. Античный мир, иудейство и христианство. С. 233–243.

⁵¹ Ср. *Hausrath*. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Band II. Heidelberg, 1872. S. 97.

эллинистические города являлись преимущественной ареной открытых кровавых столкновений между еврейским и нееврейским населением, тогда как на Западе, с его значительно менее развитой экономической жизнью, дело до таких столкновений не доходило почти ни разу. Именно здесь, в этих городах, при основании эллинистических монархий должны были столкнуться между собою два встречные потока наиболее энергичных и способных промышленных элементов населения, устремившихся одновременно из Греции на восток и из Иудеи в западном направлении. Растущая бедность и экономический упадок, наблюдавшийся одновременно в обеих этих странах, и в том и в другом случае являлись причиной одинаково интенсивной массовой эмиграции во вновь основывавшиеся и потому обещающие самые широкие перспективы эллинистические города. Какие чувства должны были при этом испытывать по отношению друг к другу эмигранты из Эллады и Иудеи, не трудно себе представить⁵².

Иные более смешанные и разнообразные побуждения заставляли выступать против евреев массы пролетариев, массы тех неудачников, которыми кишели все более крупные города древнего мира и которые и являлись если не главными двигателями, то, во всяком случае, главным орудием всякого антиеврейского выступления. Здесь могло действовать и чувство зависти, внушаемое всякому неудачнику его более счастливыми конкурентами и соперниками, и неприязненное отношение к группе населения, жившей преимущественно торговлей и, следовательно, эксплуатацией населения, и, наконец, обычная готовность всякого люмпен-пролетариата (а таковым именно и был прежде всего пролетариат античных городов) поживиться за чужой счет. Словом, движение масс против евреев являлось не чем иным, как движением общественных низов против верхних слоев населения, движением, направлявшимся в данном случае по линии наименьшего сопротивления, так как власти в большинстве случаев смотрели на всякое антиеврейское движение сквозь пальцы, а иногда даже и сами поощряли его. Массовые выступления против евреев наблюдались только в городах востока, где еврейские общины были не только более обширными, но и более богаты-

---

⁵² О причинах эмиграционного движения, одновременно направлявшегося на эллинистический Восток из Эллады и Иудеи, см. очерк «Иудея и Эллада в их взаимных отношениях».

ми, нежели на западе. Хотя в Риме еврейская община насчитывала также не один десяток тысяч членов и, во всяком случае, представляла достаточно заметную величину, но так как огромное большинство живших в Риме евреев были такими же пролетариями, то несмотря на открытую неприязнь к евреям в среде высших классов, несмотря на неоднократные преследования их со стороны представителей императорской власти, нам неизвестно ни одного случая выступления против евреев римского пролетариата.

В образованных кругах греческой аристократии иудейство первоначально не только не возбуждало каких-либо враждебных чувств по отношению к себе, но напротив, являлось предметом живейшего интереса. Иудейская религия с ее развитым монотеизмом шла навстречу потребности времени, когда в связи с общим регрессом философская мысль начинала клониться к упадку и философские умозрения все более уступали место религиозным исканиям. Чем резче и определеннее, однако, выступали религиозные исключительность и обособленность еврейства, чем больше иудейская религия вместе с этим превращалась в религию буквы и обряда, тем менее способной оказывалась она удовлетворять философским запросам образованного греко-римского общества, тем все более и более чуждой становилась она для этого последнего, пока, наконец, первоначальный интерес не превратился постепенно в открытую антипатию.

Интерес к самой иудейской религии, однако, вместе с этим не упал, и после того как все узконационалистические элементы ее были откинута, содержание ее по возможности было приведено в согласие с философскими учениями греков, результатом чего и явилась христианская религия. Но вместе с этим оказались существующими рядом две конкурирующие между собою монотеистические религии, одинаково проникнутые теократическим духом и свойственной этому последнему нетерпимостью и исключительностью. Вражда обеих конкурирующих религий особенно обострилась с признанием христианства господствующей государственной религией. С этого времени иудейство вынуждено окончательно прекратить свою миссионерскую деятельность и занять исключительно оборонительную позицию. Тем сильнее становится рвение к обращению инаковерующих со стороны христианского духовенства. По его настоянию против евреев издается целый ряд специальных постановлений, имеющих целью, с одной стороны, предуп-

редить переход христиан в иудейство, с другой — побудить самих евреев к принятию христианства⁵³.

Такая вражда с еврейством на религиозной почве ограничивалась, однако, почти исключительно церковными кругами. В массах населения она находила себе лишь самый слабый отклик. Земледельческое население вообще не питало к евреям враждебных чувств, да ему почти и не приходилось иметь с ними дела⁵⁴. Враждебное отношение со стороны масс городского населения обуславливалось прежде всего теми же социальными причинами, как и в языческие времена. Участие александрийского пролетариата в погроме 415 года заключалось преимущественно в расхищении имущества изгнанных из города евреев.

---

⁵³ Codex Theodos XVI, 8–9; Codex Justin I, 9.

⁵⁴ *Güdemann*. S. 30 f.

IV

Евреи в Средние века

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая история евреев в средневековую эпоху до последнего времени почти не привлекала к себе внимание исследователей. Если по общей истории еврейства, не считая более ранних работ Иоста¹, уже в пятидесятых годах начал выходить капитальный труд Герца², если правовые условия существования евреев в мрачную эпоху средневековья точно так же уже давно служили предметом специальных исследований³, если история духовной культуры и развития евреев подверглась специальной и обстоятельной обработке в работах Гюдемана⁴, то вопросы, касавшиеся экономической истории средневекового еврейства, напротив, оставались в течение долгого времени совершенно неисследованными и даже в общих тру-

---

¹ Девятитомная *Geschichte der Israeliten seit der Zeit der Makkabäer Иоста* появилась еще в двадцатых годах прошедшего столетия (Berlin, 1820–1829). Второе исправленное издание в двух книгах вышло в 1850-х годах под заглавием *Allgemeine Geschichte des israelitischen Volkes*. Наконец, в 1857–1859 годах вышла его же *Geschichte des Judenthums und seiner Secten* (3 Bande). Труды Иоста имеют значение лишь как первый систематический свод обширного исторического материала, но отличаются малой критичностью. Вскоре после выхода в свет «Истории» Иоста появилась специальная работа по истории еврейства в средние века – *Depping. Les Juifs dans le moyen âge*. Paris, 1834.

² *Geschichte der Juden von den aeltesten Zeiten bis auf die Gegenwart* 1853–1876. *Герц*, как известно, обращает преимущественное внимание на историю духовного развития еврейского народа, почти не касаясь вопросов экономической жизни.

³ *Stobbe. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters in politischer, socialer und rechtlicher Beziehuhg*. Braunschweig, 1866; *Scherer. Die Rechtsverhältnisse der Juden in deutsch-österreichischen Ländern*.

⁴ *M. Güdemann. Das judische Erziehungswesen während der spanisch-arabischen Periode*. Wien, 1878; затем *Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der abendländischen Juden*. Wien, 1880–1888, представляющая ряд монографий по истории евреев в отдельных странах: Франции, Германии, Италии.

дах по истории евреев вопросы эти затрагивались лишь случайно и мимоходом.

Небольшая, появившаяся еще в половине семидесятых годов прошедшего столетия (XIX в. — *Прим. ред.*), статья известного экономиста Рошера «Евреи в средние века с точки зрения торговой политики»⁵ представляет единственное исключение в этом отношении. Развитые в ней взгляды относительно экономического положения и роли евреев в средние века в течение долгого времени являлись общепризнанными и принимались другими историками, поскольку им приходилось касаться этой области, почти без возражений. Однако как ни содержательна и ни интересна была сама по себе статья Рошера, как ни авторитетно было само имя ее автора, все же и она представляла собою не более, как общий очерк, блестящую гипотезу, не основанную на специальном исследовании вопроса и не подкрепленную даже достаточным количеством фактов.

Только в первом десятилетии текущего столетия (XX в. — *Прим. ред.*) преступлено было, наконец, к специальному изучению и исследованию условий экономической жизни и экономического развития еврейского народа в средние века, причем выпущенные в 1902 году «Регесты» Арониуса, представляющие богатейший свод материалов по истории евреев во франкской и германской империях (до 1273 г.)⁶, в значительной мере облегчили последующую работу исследователей. В «Ежемесячнике» Франкеля-Бранца за 1904 года появился небольшой очерк Г. Капо «Die Juden Mitelalters in ihrer wirtschaftlichen Betätigung»⁷, разросшийся впоследствии в обширный труд⁸.

Спустя три года, в 1907 году вышла содержательная работа И. Шиппера по вопросу об условиях возникновения еврейского капитализма⁹. Наконец, в 1910 году Гоффман выпустил специальную монографию о денежной торговле немецких евреев

---

⁵ Die Stellung der Juden im Mittelalter, Zeitschrift für ges. Staatswissenschaft, 1875. Русский перевод под приведенным заглавием см.: Еврейская библиотека. Т. VI (1878 г.). С. 37–60.

⁶ Aronius. Regesten zur Geschichte der Juden im Fränkischen und Deutschen Reiche bis Zum Jahre 1273. Berlin, 1902.

⁷ Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Breslau, 1904 (Band XVIII). S. 428–439, 576–603.

⁸ Social und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und Neuzeit. Band I, 1908.

⁹ В 1910 году вышел русский перевод.

в средние века¹⁰. В то же время парадоксальная точка зрения относительно экономической роли еврейства, развитая в книге Зомбарта «Евреи и хозяйственная жизнь»¹¹, возбудила интерес к вопросу и вне узкого круга специалистов. Уже самый факт внимания, уделяемого вопросам экономической жизни и экономического значения евреев со стороны таких видных экономистов нашего времени, как Зомбарт, посвятивший его исследованию специальную работу, и Бюхер, также неоднократно в своих сочинениях касающийся той же темы, показывает не только, что время, когда, как жаловался некогда Стоббе, интерес к еврейской истории не выходил за пределы собственно еврейских кругов¹², осталось позади, но что именно экономическая сторона в жизни евреев начинает служить преимущественным предметом исследования.

Экономическая история средневековых евреев, таким образом, в наше время, в противоположность второй половине девятнадцатого столетия, привлекает к себе особое внимание исследователей, к изучению ее привлечен новый обширный материал, и нет ничего удивительного, что в результате выводы, к которым приходят исследователи на основании этого вновь привлеченного материала, далеко не во всем сходятся с нарисованной Рошером картиной. Но, нарушая стройность и цельность этой картины, исследования последнего времени в то же время не только не дают со своей стороны такого же общего систематического обзора экономических судеб еврейского народа в средние века, каким в течение долгого времени служил очерк Рошера, но в отдельных случаях в своих выводах рас-

---

¹⁰ Der Geldhandel der deutschen Juden während des Mittelalters bis zum Jahre 1350 (Staats und socialwissenschaftliche Forschungen herausgegeben von Gustav Schmoller und Max Sérihg. Heft 152). Часть диссертации была издана отдельным оттиском: Altenburg, 1900. В распоряжении автора, к сожалению, находился только этот последний оттиск, по которому и приводятся дальнейшие цитаты.

¹¹ Русский перевод Гроссмана (СПб., 1912). Мысль автора может быть резюмирована в немногих словах: «Точно солнце шествует из-за горизонтов по Европе; куда он приходит, там пробуждается новая капиталистическая жизнь, откуда он уходит, там увядает все, что до тех пор цвело» (стр. 12); ср. аналогичное замечание относительно испанских евреев у *Graetz*'a: Geschichte der Juden. Band VIII. Leipzig, 1864. S. 359–360.

¹² *Stobbe*. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters, Vorrede. S. VII.

ходятся между собою. Как бы то ни было, но точка зрения Рошера не может уже более пользоваться тем же исключительным значением, как до сих пор, и, во всяком случае, должна подвергнуться пересмотру.

В настоящем очерке автор, конечно, не может иметь в виду рассмотрение в полном объеме и во всех деталях вопроса, к изучению которого преступлено только в самое недавнее время и который, в виду массы неисчерпанного и в большей своей части даже еще неопубликованного материала, ждет еще своего исследователя. Задача предлагаемого очерка более скромная: именно единственной целью его является проследить, в какой мере результаты исследований последнего времени и привлеченный ими научный материал дает основание для пересмотра точки зрения Рошера.

Но прежде чем приступить к рассмотрению тех данных, какими мы в настоящее время располагаем относительно экономического положения и судеб еврейского народа в средние века, не лишнее будет предпослать такому обзору изложение как точки зрения Рошера, так и общих результатов исследований последнего времени и выдвинутых этими исследованиями проблем и вопросов.

Обращая внимание на то, что обращение христианского населения с евреями и политика правящих кругов относительно них «находилась в обратном отношении к общей экономической культуре» и что «в первую более суровую эпоху средних веков с евреями обращались гораздо лучше, чем во вторую половину, в общем результате более цивилизованную», Рошер ставит такой рост враждебных чувств по отношению к евреям в связь прежде всего с экономическими условиями и причинами¹³. «Дело в том, — говорит он, — что евреи в то время (в первую половину средних веков. — А.Т.) удовлетворяли великой потребности народного хозяйства, которая долгое время не могла быть удовлетворена никем другим, — потребности в промышленноторговой деятельности. Германские и отчасти также и романские народы уже чувствовали эту потребность, но вследствие своей недозрелости не были в силах удовлетворить ее собственными средствами, между тем как евреи тогда уже вполне соответствовали этой потребности и были вполне способны удовлетворить ее»¹⁴. На первом месте Рошер ставит торговые

---

¹³ Рошер. Евреи в средние века с точки зрения торговой политики. — Еврейская библиотека. Т. VI. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 40.

услуги, оказанные евреями европейским народам в раннюю эпоху средневековья, услуги, особенно важные в виду неимоверного упадка путей сообщения по сравнению с римской эпохой. «Далеко нельзя назвать простым случаем то, что в нижней Саксонии первое появление торговли и евреев было одновременным. Их деятельность признавали в христианском и магометанском мирах не только вследствие того, что они одни обладали необходимыми для торговли познаниями, обычаями и капиталами, но и вследствие их столь же тесной и великой между собою связи»¹⁵. Другим преобладающим родом занятий и вместе с тем заслугой евреев Рошер считает развитие денежных операций. «Новые народы обязаны средневековым евреям... изобретением интересов на капитал, без чего немыслимо никакое развитие кредита, немыслимо было бы даже и самое образование капиталов и разделение труда». Евреям же приписывает Рошер и введение векселя, представляющего собою «инструмент, который для денежных сношений имеет такое же значение, как железные дороги для передвижения грузов и телеграф для сообщения известий»¹⁶.

Евреям принадлежала, таким образом, видная роль в развитии экономической жизни первой половины средневековья; вместе с этим они, естественно, являлись и признанными господами в области экономической жизни. Такое положение дел не могло, однако, продолжаться до бесконечности, и конец господства евреев был одновременно и началом борьбы против них и, следовательно, враждебного отношения к ним. «Целые столетия евреи были, так сказать, коммерческими опекунами новейших народов в пользу сих последних и без признания с их стороны этой пользы. Но всякая опека делается тягостною, если ее хотят удержать долее, чем продолжается незрелость опекаемого. И целые народы эмансипируются... только в борьбе против опекающей их власти других народов. Преследования евреев в последние эпохи средних веков суть, большею частью, продукт коммерческой зависти. Они имеют тесную связь с возникновением национального торгового сословия»¹⁷. Рост враждебных чувств по отношению к евреям стоит в непосредственной связи и зависимости с развитием национального бюргерства и купеческого сословия; там, где ранее развивается это

---

¹⁵ Рошер. Евреи в средние века. С. 38.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 45.

последнее, раньше начинаются и преследования и стеснения еврейского населения. Ограничения евреев и враждебное отношение к ним прежде всего проявилось в Италии и в южной Франции¹⁸. Напротив, германский Восток, долгие нуждавшийся в услугах еврейских торговцев, в течение более продолжительного времени щадил евреев и не стеснял их, еще более льготным было положение евреев в Польше, расположенной еще восточнее и еще позднее Германии вступившей на путь торгового развития.

Вытесненные конкуренцией христианских купцов из сферы торговых операций, евреи удержали за собою денежную торговлю и в этой последней области «еще долгое время играли первенствующую роль». «Факт совершенно понятный, – прибавляет по этому поводу Рошер. – С одной стороны, торговля деньгами обыкновенно развивается гораздо позже, чем торговля товарами, тем более, что она больше нуждается в международных сношениях; а с другой стороны, потому что все стоящие на высокой ступени развития народы, когда младшие соперники начинают превосходить их в торговле товарами, удаляются со своими капиталами в поприще денежной торговли». Такое исключительное обращение к денежной торговле включает в себе, однако, «новое зло», так как ближайшим его последствием является «антагонизм между займодавцем и заемщиком, пауперизм против капитализма».

Преследования евреев в последнюю эпоху средневековья с этой точки зрения следует, таким образом, рассматривать прежде всего «как кредитные кризисы самого варварского свойства, как средневековую форму того, что мы в настоящее время называем социальной революцией»¹⁹. Главным противником евреев при этом являлось городское население, тогда как, напротив, дворянство и духовенство «всего менее было расположено преследовать евреев». И только в последующее время при новейшей эмансипации евреев отношение к ним со стороны тех и других классов населения резко изменилось и сделалось совершенно обратным²⁰.

---

¹⁸ Там же. С. 46. Именно в Италии и южной Франции враждебное отношение к евреям, за исключением только Испании, было слабее выражено, чем где-либо, и положение их там было наиболее благоприятным, – в Италии до самого конца средневековья, в южной Франции до времени альбигойских войн.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Там же. С. 49–50.

В заключение статьи Рошера проводится параллель между значением евреев для экономической жизни новых европейских народов в начальную эпоху средневековья и аналогичной ролью финикийян в жизни древней Греции или армян в жизни современных малоазийских народов²¹.

Таким образом, Рошер, с одной стороны, видит в евреях первых пионеров в деле развития торговли и денежно-хозяйственных отношений в средневековой Европе и «коммерческих опекунов» новых европейских народов. С другой стороны, он ставит в связь те изменения, какие произошли в положении евреев и в отношении к ним со стороны христианского населения в течение средневекового периода, с изменившейся ролью и значением их в общем ходе экономического развития западноевропейских государств.

В противоположность Рошеру, исследователи последнего времени отмечают и подчеркивают факт распространения в среде еврейского населения, рядом с торговлей и денежными операциями, одинаково и иных родов занятий, не исключая земледелия. Некоторые исследователи, как например Бюхер, заходят при этом настолько далеко, что совершенно отрицают торговую роль и значение евреев, ограничивая их участие в торговых операциях, вопреки прямым и очевидным свидетельствам источников, исключительно работоторговлей. Другие исследователи-экономисты, напротив, именно торговлю признают главным призванием евреев и притом не только в первую половину средних веков, пытаясь доказать широкое распространение торговли в еврейских кругах равным образом и в продолжение всего позднейшего средневековья²². Наконец, Гофманн и Каро, занимающие между этими двумя крайними точками зрения среднюю, промежуточную позицию, не отрицая значительной роли и участия евреев в развитии средневековой торговли, тем не менее не признают ни преобладающего значения за торговыми операциями в жизни евреев, ни монопольного положения евреев-купцов на европейских рынках первой половины средневековья²³. Ближе других из новейших иссле-

---

²¹ Рошер. Евреи в средние века. С. 50–60.

²² Эта точка зрения в особенности обстоятельно развита в статье И. Кулишера «Экономическое положение евреев на западе в средние века» (книжки «Восхода». 1901 г. № 9–10).

²³ Hoffmann. Der Geldhandel der deutschen Juden. S. 3 ff, 8; Caro. Die Juden des Mittelalters... Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1904. S. 438–439.

дователей к взглядам Рошера на экономическую роль и значение средневекового еврейства стоит Шиппер. Однако и Шиппер отклоняется от точки зрения Рошера в изображении экономического положения евреев в раннюю пору средневековья. В отличие от последнего он почти совершенно отрицает участие евреев в торговле до конца шестого столетия, признавая единственным источником накопления ими богатств землевладение и извлечение земельной ренты²⁴.

Проблема первоначального накопления богатств в руках средневековых евреев впервые была выдвинута Зомбартом. «Кто мог бы сказать, — спрашивает он, — откуда взялись у евреев те деньги, с которыми они получили возможность заниматься ростовщичеством в широком масштабе?» Ответ, предлагаемый самим Зомбартом, нельзя признать особенно удачным. «Во всяком случае, — говорит он, — весьма вероятно, что как раз многие из евреев начали в средние века свою карьеру, уже будучи состоятельными людьми. Весьма вероятно, что из тех состоятельных евреев, с которыми мы повсюду встречаемся в позднейшую эпоху римской империи, значительная часть сумела спасти среди гибнущего древнего мира золото, украшения и драгоценную утварь и с этою собственностью перешла в средневековое время»²⁵. Итак, евреи «спасли» свои богатства среди всеобщей гибели. Даже не входя в критику этого ответа, нельзя не указать, что он не является в сущности решением вопроса, так как не определяет источника первоначального накопления капиталов у евреев в древности. Не содержит в себе такого решения и изложенная выше точка зрения Шиппера, являющаяся простым перенесением на евреев теории накопления капиталов путем аккумуляции земельной ренты, развитой тем же Зомбартом в отношении позднейшего средневековья.

Если, таким образом, результаты новейших исследований расходятся с картиной, нарисованной Рошером, в первой ее половине, касающейся раннего средневековья, то и со взглядами Рошера относительно экономического положения и роли еврейства во вторую половину средних веков согласны точно также далеко не все исследователи последнего времени. Так, мы приводили уже выше точку зрения Кулишера, согласно

---

²⁴ Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. Введение. С. 1 и след.

²⁵ *Зомбарт*. Современный капитализм. Т. I. С. 253.

которой торговая роль евреев с наступлением эпохи крестовых походов далеко еще не закончилась. С другой стороны, Каро не только не признает участия евреев в кредитных операциях прогрессивным фактором, но находит, что они своими капиталами поддерживали землевладельческую знать, то есть именно наиболее консервативные общественные элементы, в их борьбе против городского населения, чем в свою очередь прежде всего объясняет и самый рост враждебного отношения к евреям со стороны этого последнего. «В течение четырнадцатого столетия, — говорит он, — отношения между городами и знатью обострились, и дело дошло до решительного столкновения. Неясно, почти инстинктивно городское население признавало, что те суммы, которые знать занимала у евреев, способствовали укреплению ее положения. Этим именно и следует объяснять все усиливавшееся среди городского населения отвращение к евреям в гораздо большей степени, нежели таким случайным обстоятельством, как ощущавшаяся отдельными гражданами тяжесть их небольших займов. Не случайность, что обширные имевшие место в 1349 году преследования евреев исходили именно от цехов и что во многих местах антиеврейские вспышки следовали непосредственно после падения патриотических советов. Организованные ремесленники чувствовали, что евреи представляли тормоз на их пути к господству внутри города и к господству города над округом... В конце концов, однако, наибольшие выгоды от истребления верующих (евреев) пришлось на долю той же земской знати, и те немногие евреи, которым удалось спастись из городов, находили покровительство со стороны князей, простиравших над ними свою охраняющую руку, так что в результате, несмотря на все насилия против евреев, мало что изменилось. Только в пятнадцатом столетии, когда городское управление и городская политика достигли, наконец, полной согласованности между собою, проявились и все последствия предшествовавшего развития. Евреи должны были удалиться из большей части верхненемецких и рейнских городов, но к этому времени спор между городами и земскими округами уже был решен и не в пользу цеховой демократии, которая ранее, казалось, была в состоянии превратить верхнюю Германию в область городских республик, подобных лобардским городским республикам»²⁶. Если, таким

---

²⁶ Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1904. S. 600–601.

образом, и согласно точке зрения Каро, преследования евреев во второй половине средних веков носили прежде всего характер социальной революции, то эта революция имела совершенно иное значение, нежели в изображении Рошера.

Говоря об экономическом положении и значении еврейского народа в средневековой Европе, нельзя, наконец, упускать из виду и теорию, развитую Зомбартом в его книге «Евреи и хозяйственная жизнь» и приписывающую еврею исключительную роль в развитии современного капитализма. Если теория Зомбарта и не касается непосредственно средневековой эпохи, все же она тесно соприкасается с этой последней, так как именно конец средневековья служит исходным пунктом исследования Зомбарта и так как, в частности, экономическое положение и роль евреев на границе средних веков и нового времени характеризуются ею совершенно иначе, нежели в господствовавшей до того схеме В. Рошера.

В результате исследований последнего времени, таким образом, как видим, не только стройность нарисованной Рошером картины экономической жизни евреев в средние века оказалась нарушенной, но и все отдельные части этой картины, все отдельные положения схемы Рошера как в отношении первой половины средних веков, так и в отношении позднейшего средневековья подверглись сомнению и, во всяком случае, пересмотр их сделался необходимым и неизбежным.

Не осталось без возражений и предложенное Рошером решение другой проблемы, именно, вопроса об отношениях к евреям со стороны христианского населения средневековой Европы. Как мы уже знаем, Рошер искал причины изменений в этих отношениях прежде всего в области экономических условий и причин, не придавая большого значения ни религиозным мотивам, ни невежеству и темноте масс. Растущая конкуренция между христианскими и еврейскими купцами и стремление первых свергнуть экономическое иго своих непризнанных опекунов, с одной стороны, и все более и более прогрессирующая зависимость массы главным образом городского населения от евреев по мере вынужденного обращения последних к исключительному занятию ростовщичеством, с другой, — таковы были, согласно взглядам Рошера, прежде всего причины и источник враждебных чувств в отношении евреев²⁷.

---

²⁷ *Рошер*. Евреи в средние века с точки зрения торговой политики. С. 37–38, 45–46, 49.

Иначе представляют себе дело современные исследователи. Так, мы видели, например, что поскольку Каро ищет причин антагонизма между евреями и остальным городским населением средних веков в экономических условиях, он усматривает эти причины совсем не там и не в том, как Рошер. Рядом с этим, однако, тот же Каро не меньшее, если не большее значение в развитии антагонизма между христианами и евреями приписывает мотивам религиозным и прежде всего антиеврейской политике и проповеди со стороны церкви²⁸. «Конечные причины враждебных отношений между евреями и христианским городским населением, — говорит он, — были не экономические, но идеальные. Нигде, как в истории евреев, не проявляется с такой наглядностью тот факт, что выведение всех исторических данных из экономических причин представляется ошибочным и не оправдывается исторической действительностью. Именно каноническое право создало непроходимую стену между обоими элементами городского населения»²⁹. Мало того, Каро даже явления экономического порядка склонен объяснять идеологическими причинами, например, исключительное обращение евреев к ростовщическим операциям запрещением взимания процентов со стороны церкви и вследствие этого отсутствием конкуренции со стороны христиан³⁰. Значение религиозных мотивов в особенности подчеркивается в отношении первых преследований, связанных с крестовыми походами³¹.

Таковы в общих чертах главные пункты расхождения между установленной Рошером и господствовавшей в течение долгого времени после того схемой и результатами исследований последнего времени. Обратимся же к историческим фактам и посмотрим, в какой мере они оправдывают эти отступления от схемы Рошера и дают основание для ее пересмотра.

---

²⁸ *Caro*. 1 c. S. 588 f.

²⁹ *Caro*. S. 601.

³⁰ *Caro*. S. 542 f. Много фактов, опровергающих этот взгляд *Каро*, можно найти у *Гоффманна*: *Der Geldhandel der deutschen Juden*. S. 26 ff.

³¹ См., например, *Aronius*. *Regesten*. S. 80–82, 107 f.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи в меровингскую эпоху

Шестой и седьмой века являются временем наибольшего упадка в жизни империи. Если восточная половина империи выказала в конце концов большую живучесть и устояла среди бурь великого переселения народов, то этим она была обязана прежде всего своему более высокому экономическому развитию и вместе с этим и большей экономической устойчивости, давшей ей возможность и средства для преодоления кризиса.

Напротив, римский Запад, значительно уступавший восточным областям в степени экономического развития и устойчивости, регрессировал много быстрее. Уже во второй половине первого века признаки общего социально-экономического упадка проявились здесь с полной силой. Варварское же завоевание в пятом и шестом веках застало картину полного распада. Запустение и обеднение Италии вынуждена была констатировать еще в конце второго столетия сама императорская власть¹. В эпоху Сальвиана такую же печальную картину представляла вся западная половина империи. «От Испании осталось одно название, Африка разорена, Галлия опустошена»². Крупное ойкосное хозяйство, основанное на рабском труде и поддерживавшее кое-какие связи с внешним миром, уступило место замкнутому крепостному хозяйству, дробившемуся на множество мелких хозяйственных единиц. Торговля и промышленная деятельность все еще довольно обширные в восточной империи, на Западе с течением времени замирали все более и более, пока наконец варварское завоевание не завершило этот процесс упадка, принеся с собой окончательное и повсеместное утверждение господства натурально-хозяйственных порядков и отношений.

Городская жизнь, и ранее не имевшая глубоких корней на Западе, теперь замерла почти совершенно. «Город имеет иной вид, чем во времена империи. Античные здания лежат в развалинах, амфитеатры превращены в крепости, жалкие хижины построены на их остатках... Население этих городов немногочисленно; ему просторно даже внутри ограды, как в слишком широком платье. В начале меровингского периода оно еще занималось торговлей и промышленностью... Но с шестого века

---

¹ Herod. II, 4, 6.

² Salvian. De Gubern. Die IV, 4.

промышленная работа начинает замирать; рабочие корпорации исчезают. Индустрия покидает города и переселяется в деревни. Каждая вилла имеет ремесленников, фабрикующих вещи, нужные для местного потребления. С другой стороны, скоро город перестанет рассчитывать на пропитание от деревни; сзади домов вырастут сады, доставляющие овощи; большие пустые пространства внутри стен будут засеяны, а вне ее пояс возделанных земель будет составлять городское предместье. Город стал сельским»³.

Время наибольшего упадка оказалось, однако, в то же время и временем кризиса, перелома в жизни Западной Европы. В возникших на развалинах западной империи варварских государствах зарождалась новая жизнь, начиналось новое развитие. С началом нового развития явились и новые потребности. С оседанием варварских племен и с образованием в их среде феодальной землевладельческой аристократии со стороны этой последней вновь появился спрос на предметы роскоши. Вокруг их замков постепенно вырастали поселения, состоявшие из лиц, непосредственно не занятых никаким производительным трудом и потому нуждавшихся, с одной стороны, в услугах ремесленников, с другой – в услугах странствующих торговцев. Так создавались вновь условия для возрождения городской жизни, в частности для возрождения торговых сношений. С возрождением торговли прежде всего оживились древние торговые центры, существовавшие ранее во времена Римской империи. Возникновение новых торговых центров из поселений, образовавшихся на местах периодических ярмарочных съез-

---

³ Приведенное описание относится собственно к городам Галлии: см. *Пфистер*. Меровингский период в первой части второго тома «Истории Франции» *Лависса* (цитировано по русскому переводу О. Добнаш-Рождественской. СПб., 1913. С. 389–390). Если в собственной Италии города и не доходили, быть может, до такого состояния, ставившего их на один уровень с большой деревней, то и здесь одинаково городская жизнь замерла почти совершенно. Лучшим показателем этого является почти полное прекращение функционирования городских курий, о которых в описываемую эпоху мы почти не встречаем упоминаний, и та роль, какую начинает играть в жизни городов местный епископ; ср. *Hegel*. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*. Band I. S. 138 ff; 292 f. В Испании города находились в упадке еще в четвертом столетии, ср., например, отзыв Авиенна о некогда цветущем торговом городе Кадиксе, покинутом жителями и обратившемся в развалины: *Or. Marit.* 270 sq.

дов, в большинстве случаев относится уже к позднейшей послекаролингской эпохе. В описываемую же эпоху, когда международная торговля по-прежнему сосредоточивалась почти исключительно в области Средиземноморья, и важнейшие центры этой торговли, естественно, должны были располагаться, как и до того, вдоль морских и речных путей.

При изменившихся условиях, вместе с оживлением городской жизни и торговых сношений, и евреи в качестве городских жителей по преимуществу, как некогда при основании эллинистических городов, вновь могли пригодиться и занять видное место в экономической жизни раннего средневековья. При этом, по сравнению с эллинистическим временем, положение евреев в описываемую эпоху оказывалось более благоприятным в том отношении, что им не приходилось теперь сталкиваться с сильной конкуренцией греческих купцов и промышленников. Конкуренция сирийцев, дававшая себя чувствовать еще в пятом и шестом столетиях, уже начиная со следующего седьмого столетия быстро ослабевает. Такая перемена в положении евреев произошла, однако, не сразу, точно так же как не сразу, но медленно и постепенно совершалось и самое возрождение экономической жизни.

Два факта в жизни евреев Западной Европы прежде всего обращают на себя внимание в течение шестого и следующего веков, это, во-первых, распространение еврейской диаспоры на север в пределы вновь возникших варварских государств и, во-вторых, заметная перемена в условиях их экономического существования.

В римское время евреи распространены были, как мы знаем, преимущественно в восточной половине империи. Чем далее на Запад, тем реже встречались их поселения и тем малочисленнее становились их общины. Из западных областей, кроме Италии, евреи в незначительном числе, по-видимому, жили еще только в Испании и Африке. Что касается Галлии, то первые известия о пребывании здесь евреев, притом основывающиеся на источниках, не заслуживающих большого доверия, относятся лишь к самому концу четвертого века⁴. В продолжение все-

---

⁴ В житии Илария из Пуатье, умершего в 360 году, сообщается о неприязни к евреям со стороны этого святого, избегавшего всякого общения с ними (Venant. Fortun. Vita st. Hilarii. C. 3. — Aronius. Regesten, № 5); под 390 годом в *Annales Avenioniensium episcoporum* (t. I, 1, 2, fol. 138), составленных d. Pol. de la Rivière и относящихся

го пятого столетия о евреях в Галлии имеются лишь отдельные случайные упоминания⁵. Более частыми и определенными известия относительно еврейских поселений в Галлии становятся лишь начиная с шестого столетия. В этом столетии существование еврейских общин засвидетельствовано не только в южной Галлии, в Бургундии⁶, в городах Арле⁷, Агде⁸, Нарбонне⁹, в соседнем с Авиньоном городе Юзэс¹⁰, также в Ницце и Марселе¹¹, но одинаково и в средней и даже в северной Франции, как во владениях короля Хильпериха, обвинявших, как известно, всю западную часть северной Франции¹², так и во владениях внуков Брунгильды (то есть в восточной половине Франции)¹³. В частности, определенные указания на существование постоянных еврейских поселений имеются относительно городов: Бордо¹⁴, Клермона¹⁵, Буржа¹⁶, Тура¹⁷,

---

к XVII веку, сообщается об участии авиньонских евреев в восстании населения против епископа, однако ввиду того, что об этом восстании из других источников нам ничего неизвестно, достоверность этого сообщения представляется сомнительной (ср. *Aronius*. № 6). Что касается известий о проникновении евреев в Галлию будто бы еще в первом веке нашей эры и даже еще ранее, то все такие известия, по-видимому, относятся к области позднейших вымыслов (*Aronius*. № 1).

⁵ *Aronius*. № 7–14. Определенно существование еврейской общины засвидетельствовано лишь в Арле (*ibid*, № 9).

⁶ *Lex Rom. Burg.* XIX, 4; *Aronius*. № 15 и 21.

⁷ *Aronius*. № 19.

⁸ *Mansi. Concilia*, VIII, 330.

⁹ *Mansi. Concilia*, IX, 1016; *Gregorii Magni. Epistolae* VII, 24. – *Migne. Patrologia latina*. T. LXXVII, 877.

¹⁰ *Aronius* № 30.

¹¹ *Gregorii Turon. Glor. conf.* 95. – *Script. rerum Meroving* I, 889; *Gregorii Magni. Epistolae* I, 47. – *Migne. Patrologia latina*. T. LXXVII, 509 sq.

¹² *Gregorii Turon. Hist. Franc.* VI, 5, 17. – *Script. rerum Meroving* I, 247, 259.

¹³ *Gregorii Magni Epistolae* I, ср. 109–110. – *Migne. Patrologia latina*. T. LXXVII, 1038, 1041.

¹⁴ *Gregorii Turon. Demiraculis st. Martini* III, 50. – *Script. rerum Meroving* I, 644.

¹⁵ *Gregorii Turon. Vitae patr.* 6, 7. – *Scriptores rerum Meroving* I, 686; и *Historia Franciae* IV, 12, 35; V, 11. – *Scriptores rerum Meroving* I, 149, 169, 199).

¹⁶ *Gregorii Turon. Hist. Franc.* V, 6. – *Script. rerum Meroving* I, 198; *Aronius* № 33, 37.

¹⁷ *Aronius* № 36; *Gregorii Turon. Hist. Franc.* VII, 23. – *Script. rerum Meroving* I, 305.

Орлеана¹⁸, Шалона на Сене¹⁹. Ряд постановлений, принятых на местных церковных соборах относительно евреев и общения с ними христианского населения, точно так же свидетельствует о многочисленности евреев, живших в это время в пределах франкского королевства²⁰.

В течение двух следующих столетий сообщения относительно евреев в меровингской Франции становятся вновь более скудными. Находится ли это обстоятельство в связи с преследованием, возбужденным против евреев при короле Дагоберте, трудно сказать²¹. Видеть в молчании источников относительно евреев доказательство факта изгнания их из Франции вряд ли мы имеем основание²², тем более, что этот самый факт, сообщаемый позднейшим и не заслуживающим большого доверия источником, сомнителен. Как бы то ни было, но со времени предполагаемого изгнания евреев из Франции (в 629 год) мы, действительно, до самого конца меровингской эпохи не встречаем почти упоминаний о евреях в пределах франкского королевства. За все это время присутствие евреев засвидетельствовано

---

¹⁸ Gregorii Turon. Hist. Franc. VIII, I. – Script. rerum Meroving I, 326.

¹⁹ Gregorii Turon. Hist. Franc. VI, 5. – Script. rerum Meroving I, 247.

²⁰ Такие постановления приняты были на соборах в Агде в 508 году (Mansi. Concilia, VIII, 331), в Епаоне в 517 году (Ibid. VIII, 561), на втором, третьем и четвертом соборах в Орлеане в 533, 538 и 541 годах (Ibid. VIII, 838, IX, 15, 19, 18), на соборах в Клермоне в 535 году (VIII, 861) и в Маконе в 581 году (IX, 932–935).

²¹ Сообщение о преследовании евреев в правление Дагоберта в очень неопределенных выражениях содержится в хронике Псевдо-фредегара, причем инициатива преследования приписывается византийскому императору Ираклию, обратившемуся будто бы к Дагоберту с предложением крестить живших в его королевстве евреев. Более обстоятельно это событие изложено в позднейшем, относящемся к IX столетию произведении неизвестного автора «Gesta Dagoberti primi regis Francorum» (с. 24). – Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. II. P. 586. Общие соображения относительно достоверности данного памятника см. у Krusch'a: Forschungen zur deutschen Geschichte. Band. XXVI. S. 163, 185 f.

²² Ср. Арониус (Regesten. S. 22), который в отсутствии каких-либо следов евреев во Франции в течение последующих полутора столетий видит подтверждение сообщения о преследовании евреев при Дагоберте. Возражения против такого предположения см. у Caro: Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1904. S. 577–578.

всего лишь в Бурже²³ и на юге, именно в Нарбонне²⁴, и то в первом городе в связи с насильственным крещением, во втором – в связи с изгнанием евреев из Нарбонны королем Вамбой. В последнем случае, однако, сообщается о добрых отношениях, существовавших между нарбоннскими евреями и местным христианским населением. Изгнание, по-видимому, не достигло цели, так как евреи встречаются в Нарбонне и в последующие десятилетия²⁵.

Против предполагаемого полного удаления евреев из Франции говорят не только приведенные факты, опровергающие такое предположение, но рядом с ними и факт широкого распространения евреев в пределах франкского королевства уже в самом начале каролингской эпохи. Еще в половине восьмого столетия папа Стефан III в письме к архиепископу нарбоннскому Ариберту жалуется на благоприятное положение евреев в королевстве и на постоянное и повсеместное общение с ними со стороны христианского населения²⁶. По-видимому, отсутствие данных о евреях представляет собою, таким образом, факт более или менее случайный, зависящий от характера главных источников, касающихся этой эпохи. Дело в том, что важнейшими, чтобы не сказать почти единственными, источниками наших сведений о французских евреях в шестом столетии являются прежде всего сочинения Григория Турского, скончавшегося в 594 году, и постановления церковных соборов, особенно частых в течение именно шестого столетия и почти не созывавшихся во второй половине следующего столетия²⁷. В пользу этого последнего предположения можно сослаться на такое же молчание источников о евреях и в течение всей первой трети

---

²³ *Aronius*, № 63.

²⁴ *Aronius*, № 64–65; ср. 66.

²⁵ *Le Blant*. Inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VII siècle. T. II, 476, № 621; *Aronius*. Regesten, № 66.

²⁶ *Stephani papae Epist.* 2. – *Migne*. Patrologia latina. T. CXXIX. P. 857. Относящуюся к этому месту литературу см.: *Aronius*, № 67.

²⁷ Из 42 собранных *Арониусом* цитат, касающихся французских евреев в течение шестого столетия, 16 взяты из соборных постановлений, 13 – из произведений Григория Турского, 5 – из писем папы Григория I и только 8 из прочих источников. Относительно прекращения созыва соборов в седьмом столетии ср. очерк духовной культуры меровингской эпохи *Баё* в *Histoire de France Lavisse'a* (T. I (2). Рус. перевод Добиаш-Рождественской: История Франции в раннее средневековье. С. 398–399).

того же седьмого столетия, то есть до времени предполагаемого изгнания²⁸. Еще первые Каролинги до принятия Пипином королевского титула, по-видимому, относились к евреям благожелательно²⁹ и, таким образом, вряд ли относительно них мы можем предположить, чтобы они в течение почти столетия стали бы поддерживать или оставлять в силе изданный при Дагоберте указ об изгнании евреев.

Впрочем, если изгнание евреев из Франции, по-видимому, не состоялось, по крайней мере, в столь обширных размерах, как повествует жизнеописание Дагоберта, то, во всяком случае, и дальнейшее их распространение в пределах франкского королевства приостановилось вплоть до начала каролингской эпохи, когда и экономические и, вместе с тем, политические условия сделались более благоприятными для распространения и утверждения евреев во Франции. Однако проникновение еврейской диаспоры в другие страны Западной Европы вместе с этим не было задержано, и именно на описываемое время падают первые известия о появлении евреев в Англии. Именно в седьмом веке архиепископ кентерберийский, а в восьмом — архиепископ йоркский проводят в своих епархиях соборные постановления относительно воспрещения браков между христианами и евреями и воспрещения последним иметь христиан-рабов³⁰. Трудно, однако, сказать, насколько в данном случае меры, принимавшиеся обоими архиепископами, соответствовали действительному распространению евреев в их епархиях и насколько эти меры представляли собою простое повторение и перенесение на почву Англии соборных постановлений, проводившихся в других странах, независимо от действительного влияния, каким пользовались еврейские поселения в обоих архиепископствах. Первое, собственно, фактическое подтверждение присутствия евреев в Англии относится только к 833 году, именно: в этом году крэйландское аббатство утверждено было в правах владения на все земли, полученные им в качестве

---

²⁸ За всю первую треть седьмого столетия евреи во Франции упоминаются лишь в постановлениях двух церковных соборов — парижского в 614 году и реймского в 624 году и в эдикте Клотаря II, подтверждающем постановление первого из этих соборов. См. *Aronius*, № 57, 58, 60.

²⁹ Ср. *Vaissette*. *Histoire générale de Languedoc*. T. I. Note XCII. P. 739.

³⁰ *Goldschmidt*. *Geschichte der Juden in England im XI und XII Jahrhunderten*. Berlin, 1886. S. 2–4.

пожертвования, залога или на каком-либо ином основании от князей и прочих верующих, а также от евреев³¹. Приведенное известие представляет, впрочем, кажется, единственное сообщение о евреях на британском острове за все время до норманнского завоевания. Еврейские поселения в Англии, во всяком случае, как в описываемую эпоху, так и в последующую каролингскую, не могли быть ни многочисленны, ни многолюдны. В более значительном числе евреи, как известно, явились в Англию в качестве купцов, сопровождавших норманнских завоевателей.

Распространение евреев в северном направлении в пределах вновь основанных варварских государств подвигалось, таким образом, относительно медленно в продолжение почти всего меровингского периода. Зато в тех областях бывшей западной Римской империи, куда евреи проникли еще в римскую эпоху, именно, в Италии и, в особенности, в Испании еврейство в описываемое время успело пустить более глубокие корни и более прочно утвердиться по сравнению с той незначительной ролью, какую оно, как мы видели, играло в жизни римского Запада до этого. Еще в последние века империи евреи были рассеяны по всей Италии. В V–VI веках мы встречаем еврейские общины в городах Генуе³², Милане³³, Равенне³⁴, Брешии³⁵, Аквилее³⁶, Болонье³⁷, Капуе³⁸, Неаполе³⁹ и Венозе⁴⁰, в Апулии и Калабрии⁴¹, наконец, в Сицилии⁴². К концу VI века еврейские общины в Италии образуют уже достаточно крупную величину, чтобы играть заметную роль в экономической и социальной жизни страны, и начинают привлекать к себе специальное внимание. «В письмах папы Григория Великого евреи нередко являются предме-

---

³¹ Ingolphi. Historia abbat. Croylandensis. – John Fell. Rerum anglicarum scriptores veteres. T. I. P. 9.

³² Cassiodori Varia, II, 27 sq.

³³ Ibid., V. 37.

³⁴ Anonymus Valesii c. 81–82.

³⁵ Corp. Inscr. Lat. V, 4411; *Kaibel*. Inscr. Graecae Siciliae et Italiae, 2304.

³⁶ Garucci. Cimitero. P. 62.

³⁷ Ambrosius. Exhortatio Virginitatus, c. 1.

³⁸ Corp. Inscr. Lat. X, 3905.

³⁹ Procop. Bell. Got. I, 8, 10.

⁴⁰ Ascoli. Inscr. Lat. IX, 6195–6241.

⁴¹ Codex Theodos XII, 1, 158.

⁴² Corp. Inscr. Graec. 9895; Gregorii Magni. Epistolae II, 38; V, 7; VIII, 25; IX, 55–56.

том специального обмена мнений. Из этой корреспонденции мы узнаем, что еврейские общины в то время существовали в Неаполитанской области, в верхней Италии, в Сардинии, в Сицилии и во многих других местах. В последующее столетие можно было встретить их почти во всех сколько-нибудь примечательных местах Италии»⁴³. Более значительные и влиятельные еврейские общины Италии находились в это время в Риме, Венеции, Милане, Генуе, Отранто, Салерно, в Неаполе, Капуе, Таренте, Бари, на острове Сицилии в Палермо и Мессине⁴⁴. Еще в восьмом столетии Лукка, Павия, остров Сардиния являлись уже, по-видимому, центрами еврейской науки и образованности⁴⁵.

Заметнее всего, однако, еврейские общины выступают в описываемое время в Испании, где в предшествовавшую римскую эпоху они вряд ли были особенно многочисленны и, во всяком случае, не имели большого значения. По крайней мере, в римских памятниках о них почти не упоминается. Уже в V веке, однако, число евреев в Испании было довольно значительно⁴⁶. По данным вестготской Правды, составление которой относится к VI–VII векам, евреи жили в это время в Испании не только в городах, но и во многих значительных местечках⁴⁷. Согласно тому же памятнику, они были организованы в правильные общины с избранными представителями во главе. Евреи успели настолько упрочиться в Испании, что даже жестокие преследования, которым подвергались они здесь при последних вестготских королях⁴⁸ и которые заставляли их массами покидать родину и искать спасения в соседних областях франкского королевства⁴⁹, не отразились сколько-нибудь заметно на их численности. По некоторым известиям, только число обратившихся из страха перед гонением в христианство достигало в

---

⁴³ *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der Juden in Italien während des M.A. S. 2.

⁴⁴ Ср. *Дубнов*. Всеобщая история евреев. Т. II. С. 299.

⁴⁵ *Zunz*. Literaturgeschichte der synagogalen Poesie. S. 104 f.; *Muratori*. Antiquitates Italicae Medii Aevi. T. III, 812; *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens. S. 11–15.

⁴⁶ Многие статьи Эльвирского собора трактуют о евреях. Conc Illiber., 49, 50, 78.

⁴⁷ Lex romana visigothorum, XII, 3, 21. – Monumenta Germaniae, Leges. Sectio I. Lib. I. P. 450.

⁴⁸ *Graetz*. Geschichte der Juden (3 Auflage). Band V. S. 129 f.; *Bédarride*. P. 30 suiv, 40, 52 suiv.

⁴⁹ Marii Aventic. chronica (ed. Wilh. Arndt. Leipzig, 1878. S. 16).

VII столетии 90 000 человек, а таких было меньшинство⁵⁰. Известна роль, какую сыграли евреи в завоевании испанского полуострова арабами. Овладение городом Толедо, столицей вестготского королевства в значительной степени было облегчено изменой со стороны живших в нем евреев⁵¹. Евреи и в других случаях повсюду оказывали завоевателям деятельную помощь. «Отряд, отправившийся в Эльвиру, – рассказывает мусульманский источник, – осадив ее столицу, взял ее приступом и вверил охранение города гарнизону, составленному из евреев и мусульман. Так поступали везде, где находили евреев, исключая Малаги, столицы Рейи⁵², потому что там не было найдено евреев, и сами жители все разбежались»⁵³. За свое содействие победителям-арабам испанские евреи были вознаграждены сторицею, и Испания в течение всего времени мусульманского господства в ней сделалась, как известно, для евреев новой обетованной землей.

Еврейская диаспора, таким образом, в меровингскую эпоху прочно утвердилась в Италии и Испании и распространилась на Францию и отчасти на британский полуостров. В собственно германские и тем более в славянские земли евреи в эту эпоху, по-видимому, еще не проникали⁵⁴.

Рядом с распространением еврейской диаспоры и с появлением евреев в таких областях и местностях, где они до того времени не встречались и, во всяком случае, не образовали сколько-нибудь значительных поселений, в описываемую эпоху мы, как уже сказано, наблюдаем и заметные перемены в экономическом положении и в условиях существования еврейства диаспоры. И первый факт, который обращает при этом на себя наше внимание, это факт значительно большего распространения в их среде землевладения и отчасти земледелия по сравне-

---

⁵⁰ *Dozy*. Histoire des musulmans d'Espagne. Leyde, 1860. T. I.

⁵¹ См. хронику еп. Луки: *Echott*. Hispaniae illustratae scriptores varii. T. IV.

⁵² Здесь Малага ошибочно названа вместо Архидоны.

⁵³ *Akhbar – Madjmoua* (Manuscr. de Paris, anc. fonds, № 706), французский перевод помещен в IV главе первого тома *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age*, par R. *Dozy* (Leide, 1860. 2 edition).

⁵⁴ К этой же эпохе относится расцвет хазарского царства на далеком востоке, по берегам Волги, в котором евреи, как известно, занимали влиятельное положение. Однако рассмотрение судеб хазарских евреев не входит в нашу задачу.

нию с римской эпохой, когда то и другое встречалось лишь в редких, исключительных случаях.

Земледелие по-прежнему оставалось главным занятием евреев на их древней родине⁵⁵. При этом, по-видимому, в среде сельского населения существовали те же порядки и отношения, как и до этого, и крупное землевладение все еще являлось господствующей формой хозяйства. Каких размеров достигали здесь хозяйства отдельных лиц можно видеть, например, из того факта, что один из богатых палестинских землевладельцев оказался в состоянии принять и прокормить у себя императора Ираклия со всем его войском⁵⁶. На остальном Востоке, как и в предшествовавшую эпоху, мы почти не встречаем указаний на еврейское землевладение или на занятие евреями земледелием⁵⁷. Приведенное выше сообщение Веньямина Тудельского о евреях-земледельцах в окрестностях горы Парнаса относится уже к значительно позднему времени⁵⁸. Зато тем большее значение успели получить евреи в промышленной жизни восточной империи. Выше мы говорили уже о той роли, какую играли они в шелкопрядильной промышленности и красильном деле в Византийской империи почти с самого возникновения там этой отрасли промышленности.

Иную картину представляла в это время жизнь евреев в пределах бывшей западной империи. Здесь, по-видимому, в связи с общим упадком городской жизни, евреи все чаще вынуждены были обращаться к земледельческому хозяйству. В Италии евреи-землевладельцы встречались еще в конце шестого столетия. О таких евреях-землевладельцах в местечке Луни (в Тоскане) идет, например, речь в письме папы Григория местному епископу. При этом хозяйство на их землях велось, по-видимому, преимущественно трудом крепостных, и папа разрешает сомнение своего корреспондента относительно допустимости

---

⁵⁵ Согласно данным новеллы Юстиниана *De Samaritis* (Nov. CXLIV, c. 2), число крестьян-земледельцев (*rustici*) в области Самарии было столь значительно, что сборы с них составляли заметную величину в общей сумме государственных доходов.

⁵⁶ Факт этот имел место в первой половине седьмого столетия. См. *Theophanes: Chronographia* (ed. Bonn), I, 504 sq.

⁵⁷ Упомянутый в одном из респонзов гаонов случай занятия пчеловодством (*Respons. Gaonim*, № 230) сюда не относится. Интересно, что и в городских куриях в Византийской империи евреи появлялись лишь в относительно редких случаях (*forte*), см. Nov. XLV, praefatio.

⁵⁸ Benjamin. Tudel. *Itinerarium*, I, 16.

зависимого положения по отношению к евреям колон-христиан в положительном смысле, высказываясь лишь против приобретения евреями христиан-рабов⁵⁹. В другом письме того же папы упоминаются еврей-колоны, живущие на церковных землях в Сицилии, причем этим колонам обещается, в случае обращения в христианство, понижение собираемого с них оброка⁶⁰. Вряд ли, однако, на основании этих отдельных и отрывочных данных, содержащихся в корреспонденции папы Григория, можно говорить о широком распространении еврейского землевладения и тем более земледелия в Италии. Несмотря на отдельные случаи обращения итальянских евреев к земледелию и земледельческому хозяйству, это последнее все же, по-видимому, по-прежнему продолжало оставаться в общем чуждым для них занятием. По крайней мере, с конца шестого столетия и до половины десятого столетия, то есть в течение более чем трех с половиной столетий, мы вновь ничего не слышим о еврейских земледельцах и землевладельцах в Италии⁶¹. Равным образом и относящееся к половине десятого столетия сообщение одного еврейского источника о евреях-земледельцах в окрестностях Рима⁶² представляет едва ли не единственное

---

⁵⁹ Gregorii Magni. Epistolae IV, 21; *Güdemann* (Geschichte des Erziehungswesens und Cultur der Juden in Italien. S. 16) чрезмерно переоценивает значение этого сообщения письма Григория о евреях-землевладельцах, когда на основании его данных заключает, что почти все земледелие северной Италии находилось в их руках.

⁶⁰ Ibid., II, 38; ср. V, 7.

⁶¹ Ср. И. Шунпер. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. С. 66. Предположение самого Шунпера (стр. 15), видящего причину исчезновения еврейского землевладения в исключении их из марки, в которой они до этого состояли будто бы равноправными членами, результатом чего в свою очередь явилась усиленная продажа ими земель и приобретение ими в связи с этой продажей впервые значительных денежных богатств, совершенно произвольно и ничем не обосновано и потому не выдерживает критики. Ср. С.М. Гершберг. Очерк положения евреев в Меровингской Галлии. — Сборник в честь пр. И.М. Гревса. С. 308–310.

⁶² *Vogelstein und Rieger. Geschichte der Juden in Rom. Band I. S. 147.* Что касается риторических оборотов относящейся к тому же времени, но изданной с именем пророка Илии книге «Tana debe Elijahu» (вроде, например, следующего: «кто имеет сто домов, сто виноградников, сто полей, да оставит все это и обратится к дому божьему»), то последние уже в силу самого своего риторического характера вряд ли могут быть признаны отражением действительно су-

исключение за все последующее время⁶³. Если, таким образом, земледельческое хозяйство и приобрело в описываемую эпоху некоторое значение в экономической жизни итальянских евреев, то впоследствии оно, по-видимому, вновь утратило это значение и, во всяком случае, не получило дальнейшего развития.

Что касается франкского королевства, то сюда, даже в соседние с Италией южные прибрежные местности, евреи проникли еще слишком недавно для того, чтобы могла идти речь о еврейском землевладении или земледелии. Только на границе со следующей каролингской эпохой встречается первое известие о еврейском землевладении в окрестностях пограничного с Испанией, незадолго до того освобожденного от власти испанских арабов города Нарбонна. В письме к архиепископу нарбоннскому, писанному между 768 и 772 годами, папа Стефан III жалуется на благоприятное положение, каким пользуются евреи этого города, и на предоставленное им право наследственного землевладения в городских предместьях и в прилегающих сельских местностях. При этом папу особенно возмущает то обстоятельство, что еврейские поля и виноградники обрабатываются христианами⁶⁴. Возникновение еврейского землевладения в области г. Нарбонна восходит, как надо думать, еще ко времени арабского господства в этой местности, продолжавше-

---

ществовавших отношений, по всей вероятности, представляют собою простую перефразировку библейских текстов, вполне естественную в произведении, приписывавшемся ветхозаветному пророку.

⁶³ Придавать, подобно *Гюдеманну*, особенно большое значение факту привлечения императором Фридрихом II евреев с отнятого им от сарацин острова Джерби в Сицилию в целях разведения там некоторых специальных культур и утверждать, исходя из одного этого факта, будто «сельскохозяйственная деятельность евреев имела большое значение» (*Güdemann. Geschichte des Erziehungswesens und Cultur der Juden in Italien. S. 286, vgl. s. 240*), не приходится, ввиду, с одной стороны, того, что евреи, о которых в данном случае идет речь, не были даже собственно итальянскими евреями и жили под владычеством арабов, следовательно, в совершенно иных условиях, с другой же стороны, точно так же и ввиду того, что принесенные ими с собою на остров Сицилию культуры финиковой пальмы и индигового дерева не являлись в сущности земледельческими культурами, но либо садовыми насаждениями, либо культурами, разведение которых преследовало специальные промышленные цели.

⁶⁴ Stephani papae epist. 2. — *Migne. Patrologia latina. T. CXXIX. P. 857. Vaissette* (*Histoire de Languedoc. T. I. Note XCII. P. 731*) относит привилегии нарбоннских евреев еще ко времени Пипина.

гося до 759 года, и находится, по-видимому, в непосредственной с ним связи. Евреи, пользовавшиеся, как мы видели, специальным покровительством со стороны арабов, успели приобрести во время их господства крупные земельные владения, права на которые подтверждены были первыми Каролингами, на что и жалуется в своем письме папа⁶⁵. Обрабатывали свои земли нарбоннские евреи, по-видимому, как можно заключить из того же письма, не лично, но трудом крепостных.

Наиболее прочные корни еврейское землевладение успело пустить в Испании, причем и здесь начало его восходит также к описываемому времени или, быть может, даже еще ранее. Уже в период существования в Испании вестготского королевства еврей-землевладелец не представляли здесь, по-видимому, особенно редкого явления. Нередко они даже жили не в городах, но в небольших сельских местечках⁶⁶. Как и в Италии, они имели на своих землях колонов и пользовались их трудом⁶⁷. Обработка производилась также руками рабов⁶⁸. Встречались, наконец, и еврей-земледельцы, владевшие небольшими участками земли⁶⁹. Рядом с собственно зерновым хозяйством евреи в Испании занимались также разведением других культур. Так, они владели виноградниками, масличными плантациями и пр.⁷⁰ Со времени мусульманского завоевания еврейское землевладение расширилось еще более. При той общей перетасовке земельных владений, какой сопровождалось завоевание, часть земель перешла, по-видимому, и в руки испанских евреев, сыгравших, как мы видели, не последнюю роль при завоевании вестготского королевства арабами. В десятом столетии, спустя два столетия после мусульманского завоевания, земледелие было широко распространено среди испанских евреев⁷¹. Некоторые современные исследователи склонны даже признать именно земледельческое хозяйство главным родом их хозяйственной

---

⁶⁵ Cp. Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland. Band II. S. 82 f.

⁶⁶ Lex romana Visigothorum, XII, 3, 21. — Monumenta Germaniae, Leges. Sectio I. Lib. I. P. 450.

⁶⁷ Ibid., XII, 2, 13 (p. 419).

⁶⁸ Ibid., XII, 3, 6 (p. 434).

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Müller. Die Responsen der spanischen Lehrer des X Jahrhunderts. S. 6 f.

деятельности⁷². Евреи-земледельцы своим трудом не в малой степени способствовали даже общему поднятию земледельческой культуры и техники⁷³.

Из других профессий определенные указания в описываемую эпоху мы имеем только относительно занятия евреев торговыми и кредитными операциями. Участие евреев в торговле становится в это время, по-видимому, более живым и, во всяком случае, на общем фоне упадка международных торговых сношений более заметным. Еще начиная с шестого столетия еврейские торговцы все чаще упоминаются рядом с сирийцами, с которыми в римскую эпоху они, как мы видели, оказывались бессильны конкурировать.

Относительно торговых сношений итальянских евреев мы узнаем из корреспонденции того же папы Григория I. Еврей-торговцы часто упоминаются в его письмах. Наиболее оживленные торговые сношения итальянские евреи поддерживали, по-видимому, с южной Францией. По крайней мере, только об этих сношениях и говорится в письмах Григория⁷⁴. Главным предметом торговли являлись рабы, которых евреи покупали в южнофранцузских городах и привозили в Италию. Папа со своей стороны не возражает против такой торговли. Он требует только, чтобы христианские рабы не продавались евреям, но были бы либо переданы ими христианским работорговцам, либо проданы христианам⁷⁵. Однако если работорговля, таким образом, и составляла главную отрасль торговли итальянских евреев, торговая деятельность этих последних далеко ею не исчерпывалась⁷⁶. Одновременно с торговыми евреями занимались в об-

---

⁷² *Shunner* (стр. 63–64): «у испанских евреев, по всей вероятности, не торговля создавала основу их хозяйственного положения, но преимущественно землевладение». Ср. *Hoffmann*. *Der Geldhandel der deutschen Juden*. S. 3.

⁷³ Ср. *Hoffmann*. *Der Geldhandel der deutschen Juden*.

⁷⁴ *Gregorii Magni. Epistolae* I, 17, 47; IX, 36, 56 (между 591 и 598 годами).

⁷⁵ *Ibid.* IX, 36. В том же письме, где идет речь о продаже евреями христианских рабов из Галлии, отмечается и любопытный способ обхода предъявляемого папою требования со стороны евреев-работорговцев. Некто Василий, еврей из неаполитанской области, крестил своих двух сыновей, после чего перевел приобретенных им рабов на их имя. Против такого обхода своего требования и высказывается самым решительным образом папа.

⁷⁶ *Gregorii Magni. Epistolae* I, 47; IX, 56.

ширных размерах и кредитными денежными операциями, простирая их вплоть до пределов Галлии⁷⁷. Им приходилось при этом иметь дела почти исключительно с высшими духовными кругами. Так, папский дефензор в Галлии закладывает одному сицилийскому еврею корабль с товарами⁷⁸. В местечке Венафрос, в неаполитанской области, в письмах папы Григория упоминаются два клирика, заложившие евреям церковную утварь⁷⁹.

И в Испании еще в вестготскую эпоху евреи, по-видимому, также занимались торговлей. Указом короля Эгика, правившего в самом конце седьмого столетия, то есть почти накануне арабского завоевания, евреям воспрещено было появляться в портовых городах и закупать там заморские товары, равно как и вообще вести какие-либо торговые дела с христианами⁸⁰. Тот же Эгика, однако, должен был признать значение евреев для развития торговой и промышленной жизни страны и в виду этого делать исключения для отдельных частей еврейского населения⁸¹. Если, таким образом, на основании этого указа можно думать, что морская торговля Испании не находилась в руках евреев, то во внутренней торговле они должны были принимать, по всей вероятности, видное участие, раз эта торговля их обратила на себя специальное внимание королевского правительства. Видную роль в торговле испанских евреев, можно думать, уже в это время играла работоторговля, о чем свидетельствуют данные хотя и последующего, но близкого к концу описываемой эпохи времени⁸². Судя по этим данным, евреи привозили рабов в Испанию из соседних городов и областей франкского королевства. Поездки их с этой целью на восток в славянские земли относятся, во всяком случае, уже к позднешему времени.

Наиболее обширную и энергичную торговлю вели евреи уже в описываемую эпоху в пределах франкского королевства. Торговля составляла здесь не только их главное занятие, но можно думать, что и распространились они во владениях меровингских королей первоначально в качестве торговцев. По край-

---

⁷⁷ *Aronius*, N. 54.

⁷⁸ *Gregorii Magni. Epistolae IX*, 56.

⁷⁹ *Ibid.*, I, 68.

⁸⁰ *Lex romana visigothorum XII*, 2, 8.

⁸¹ *Bédarride. Les juifs en France, en Italie et en Espagne. P.* 55.

⁸² *Agobard. De insolentia judaeorum, c. 6. — Migne. Patrologia latina. C IV*, 76; *Liudprandi. Antapod. VI*, 6. — *Monumenta Germaniae. Scriptores, III*, 338; cp. *Gfrörer. Zur Geschichte d. deutschen Volksrechte. Band II. S.* 42–43.

ней мере, во всех тех случаях, когда нам известны профессии галльских евреев за все время правления Меровингов, они обычно являются в роли торговых посредников и только в сравнительно редких случаях занимаются также денежными операциями. Напротив, на еврейское землевладение в пределах бывшей галльской провинции или на занятие евреев ремеслом мы не встречаем в эту эпоху никаких указаний. Как в Италии и Испании, они занимаются здесь работорговлей⁸³. Работорговля, впрочем, не составляла не только единственной, но, по-видимому, даже и главной отрасли еврейской торговли в королевстве франков. Они сбывают драгоценные товары, под которыми, очевидно, следует разуметь различные произведения Востока, клермонскому духовенству⁸⁴, проникают, как на то жалуется собор в Маконе (581 г.), с различными мелкими изделиями в женские монастыри⁸⁵, служат торговыми агентами при королевском дворе в царствование Хильпериха и Дагоберта, причем одновременно занимают и видные финансовые должности⁸⁶. Еврей Приск в половине шестого столетия чеканит королевскую монету⁸⁷. Еврей Соломон в царствование Дагоберта занимает должность сборщика таможенных доходов в Париже⁸⁸. Еврейские суда уже в это время появляются в гаванях южной Франции. Их торговые суда, например, еще в шестом столетии совершали торговые плаванья между Ниццей и Марселем⁸⁹.

Обслуживая, таким образом, королевский двор и высшие круги преимущественно духовной аристократии, еврейские торговцы удовлетворяли назревавшей в среде грубого варварского общества потребности в предметах роскоши, играя при этом в отношении меровингской Франции ту же роль, какую в древности играли финикийские купцы в отношении древних греков и впоследствии сами греки в отношении скифских и других варварских племен и народов, живших по берегам Черного и Средиземного морей. Как уже указано, евреи и проникли в

---

⁸³ Cypriani vita Caesaris III, 23; Gregorii Magni. Epistolae VII, 24; ср. IX, 36.

⁸⁴ Gregorii Turon. Historia Franc. IV, 12, 35. — Scriptores rerum Meroving I, 149, 169.

⁸⁵ Mansi. Concilia, IX, 932.

⁸⁶ Gregorii Turon. Hist. Franc. VI, 5. — Scriptores rerum Meroving I, 247; Vita Dagoberti, c. 33. — *Bouquet*. Recueil, IX, 588.

⁸⁷ Revue des études juives, X, 237.

⁸⁸ Vita Dagoberti, 38; Aronius, № 62.

⁸⁹ Gregorii Turon. Glor. conf. 95 — Scriptores rerum Meroving I, 809.

пределы франкского королевства прежде всего именно в качестве торговцев. Итальянские евреи, как мы видели, находились в торговых сношениях главным образом с городами южной Галлии. Другие их соплеменники завязывали во франкском королевстве более прочные и постоянные торговые связи и вместе с этим устраивались там сами на постоянное жительство. Их поселения возникали при этом, в отличие от торговых народов древности, не только в прибрежных и пограничных областях, но и повсюду, во всех более крупных городских центрах⁹⁰. Значительные еврейские общины существовали, как мы видели, еще в меровингскую эпоху, помимо южных приморских городов, также в Бордо, Клермоне, Туре, Орлеане⁹¹.

Впрочем, в описываемое время евреи далеко не занимали еще того исключительного монопольного положения в торговле франкского королевства, как в последующую каролингскую эпоху. Сильную конкуренцию им все еще составляли сирийцы, игравшие такую исключительную роль в торговле Римской империи. Сирийские купцы рядом с евреями в значительном числе встречались во всех крупнейших городах королевства: в

---

⁹⁰ Такое проникновение иноземных торговцев далеко вглубь страны в начале средневековой эпохи зависело прежде всего, конечно, от изменившихся условий культурной жизни по сравнению с древностью, когда вся охваченная культурным развитием область, за исключением стран Востока, ограничивалась почти исключительно узкой береговой полосой вдоль побережья Средиземного моря.

⁹¹ Ср. *Pigeonneau*. Histoire du commerce de la France. T. I. Paris, 1885. P. 6, 8. Предположение относительно существования значительных и богатых еврейских общин уже в описываемое время в городах Вормсе и Майнце *Boos* (Geschichte der rheinischen Städtekultur. Band I. Berlin, 1897. S. 370) не может быть подтверждено на основании современных источников. Предположение это, однако, представляется и маловероятным в виду того, что указанные города не имели еще в меровингскую эпоху большого торгового значения.

⁹² *Scheffer Boichorst*. Zur Geschichte der Syrer im Abendlande. — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Band VI. S. 521 f. *Шуннер* (стр. 18–19) предполагает, что евреи-торговцы вытесняют сирийцев еще с седьмого столетия; однако такое предположение не может быть обосновано хотя бы потому, что именно седьмое столетие является, как мы видели, временем, от которого вообще сохранилось мало сведений относительно франкских евреев. Собственно, расцвет еврейской торговли, как увидим, начинается лишь в следующую каролингскую эпоху.

Париже, Орлеане, Бордо, Марселе, Нарбонне⁹². Сирийские купцы, как и в римскую эпоху, поставляли преимущественно различные произведения Востока; в частности, например, сирийские вина, именно, из Газы, Сарепты, Аскалона, в пятом и шестом веках были в большом употреблении в Галлии⁹³.

Торговля составляла, таким образом, как сказано, главное занятие евреев во франкском королевстве. Что касается собственно денежной торговли и кредитных операций, составлявших впоследствии столь исключительную и притом типичную профессию евреев, то в описываемое время такие денежные и кредитные операции представляли сравнительно редкое исключение. В эпоху почти полного господства натурально-хозяйственных отношений не было благоприятной почвы для развития кредита в сколько-нибудь широких размерах. Поскольку потребность в кредите успела пробудиться уже в это время, она ограничивалась, само собою разумеется, пока еще исключительно высшими духовными и светскими кругами, как о том свидетельствуют и немногие известные нам случаи кредитных операций евреев в описываемую и последующую каролингскую эпоху. Помимо господства натурального хозяйства в экономической жизни, не меньшее препятствие к развитию кредита представляла и грубость нравов меровингского общества, делавшая необеспеченным не только получение долга, но и самую личность кредитора. Из кредитных операций евреев в описываемую эпоху наши источники сообщают всего только о трех случаях. Это, во-первых, упомянутые выше два случая ссуд в Италии, из которых в одном должник отказался уплатить одолженную сумму, причем для получения ее пришлось обратиться к содействию папы. В меровингской Франции единственный известный нам случай окончился трагически для самого кредитора. Еврей Арментарий, явившийся в Тур в сопровождении слуги-еврея и двух христиан за получением долга с местного викария и с графа Евномия, был убит людьми этих последних, причем на теле его не было найдено ни денег, ни долговой записи⁹⁴. Неудивительно, что при таких условиях кредитные операции и не могли еще получить в это время широкого развития и что даже в следующую каролингскую

---

⁹³ Фридлендер. Картины из бытовой истории Рима. С. 361.

⁹⁴ Gregorii Turon. Historia Francorum VII, 23. — Scriptores rerum Meroving I, 305.

эпоху они встречались лишь в виде отдельных относительно редких исключений⁹⁵.

Хотя мы и не имеем в описываемую эпоху ни одного прямого указания на занятие евреев ремеслом, однако можно считать вполне вероятной ремесленную деятельность евреев, по крайней мере на местах их прежних поселений, именно в Италии и Испании. В пользу этого свидетельствуют как данные предшествовавшего времени, так и в особенности факт широкого распространения ремесла в среде итальянских и испанских евреев в позднейшую эпоху. Напротив, ни во франкском королевстве, ни в Британии, куда евреи проникают только теперь, ни в собственно германских областях, где они впервые появляются лишь в последующую эпоху, ремесло никогда и впоследствии не составляло, по-видимому, распространенной среди них профессии.

Из прочих родов деятельности, встречавшихся среди евреев в меровингскую эпоху, упоминается лишь врачебная профессия. Мы упоминали уже выше о враче-еврее при папе Геласии I в самом конце пятого века (492–496 гг.), то есть на границе римской и варварской эпох⁹⁶. Точно так же и позднее мы встречаем в Италии в десятом веке знаменитого врача-еврея Донноло⁹⁷. Врач-еврей упоминается также в франкском королевстве, в г. Бурже⁹⁸.

Рядом с врачами встречались в описываемое время евреи и других интеллигентных профессий. Таков был, например, ученый еврей Юлий, о диспуте которого с ученым грамматиком Петром из Пизы рассказывает известный представитель науки каролингской эпохи, Алкуин⁹⁹. Диспут этот происходил еще в юношеские годы самого Алкуина и, следовательно, должен быть отнесен к первой половине пятидесятих годов восьмого столетия, то есть к самому концу меровингской или

---

⁹⁵ *Hoeniger* относит начало планомерного обращения евреев к кредитным и денежным операциям даже к одиннадцатому столетию. См. *Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 83 f.

⁹⁶ См. выше стр. 191.

⁹⁷ *Acta Sanctorum*, 7, Sept. 313, 50; *Güdemann*. S. 17 ff.

⁹⁸ *Gregorii Turon. Hist. Franc.* V, 61. — *Scriptores rerum Meroving I*, 196; относительно евреев-врачей в Италии и Франции ср. *Depping. Les juifs en moyen âge*. P. 92–95.

⁹⁹ *Alcuini. Epist.*, № 100.

к началу каролингской эпохи¹⁰⁰. В том же столетии на острове Сардинии евреи Авраам из Кальяр и Канаим, оба местные уроженцы, принимали ближайшее участие в собирании материалов для предпринятой по инициативе герцога Джаалето истории острова¹⁰¹.

Подводя итоги нашему обзору экономического положения евреев в меровингскую эпоху, мы прежде всего должны констатировать частичное обращение их к землевладению и даже к сельскому хозяйству. Этот переход к земледелию совершился, очевидно, в связи с общим экономическим и политическим упадком западной империи, повлекшим за собою в частности и упадок городской жизни. В эту эпоху почти повального бегства населения из городов неудивительно, что в конце концов даже и в среде таких врожденных горожан, какими были евреи диаспоры между прочим и в пределах западной империи, проявилась известная тяга к земле, чаще, впрочем, в форме вложения капиталов в недвижимую собственность с последующим использованием труда крепостных, нежели обращения к личному земледельческому труду. Относительно того, насколько широкие размеры получило такое обращение к сельскому хозяйству в среде еврейской диаспоры Запада, мы за отсутствием данных не можем решить даже и с приблизительной точностью. Однако уже самый факт преимущественного распространения среди евреев крупного землевладения говорит против того, чтобы этот процесс принял особенно широкие размеры, по крайней мере в Италии. Наиболее распространено было землевладение среди евреев в Испании, где городская жизнь и в предшествовавшую эпоху была развита значительно слабее и где, как мы видели, арабское завоевание создало для него особо благоприятные условия. Однако и здесь евреи в городах были более многочисленны, нежели в сельских местностях. Именно из городских евреев должны были состоять те многочисленные гарнизоны, которые арабы-завоеватели оставляли за собою. Напротив, во франкском королевстве в описываемое время мы ничего почти не слышим о еврейском землевладении. И теперь, как в древности, евреи проникают в новые для них

---

¹⁰⁰ Алкуин, как известно, родился около 735 года, следовательно, его юношеские годы должны были прийтись между 750 и 755 годами.

¹⁰¹ G. Spano. Gli Ebrei in Sardegna (Rivista Sarda I). P. 30.

места поселения ни в качестве посетителей сельской земледельческой культуры, но в качестве прежде всего пионеров торговли и городской культуры¹⁰².

Возникновение новых потребностей в варварском обществе и возрождение в связи с этим торговли вновь вернули евреев к обычным для них условиям жизни. Мало того, общий кризис в конце концов пошел только им на пользу, так как в силу закона выживания наиболее приспособленных устранил почти всех конкурентов в области различных городских профессий, которые делали роль евреев в экономической жизни Римской империи почти совершенно незаметной. Тем заметнее выступают они теперь в качестве пионеров вновь нарождающейся городской жизни. С этого времени мы почти ничего не слышим о еврейском землевладении в Италии. Напротив, итальянские евреи начинают играть более видную роль как в международной, так и во внутренней торговле Италии. Участие итальян-

---

¹⁰² Из изложенного видно, насколько ошибочной и несоответствующей действительности представляется точка зрения *Шиннера*, отводящего первое место в экономической жизни евреев римской эпохи землевладению и земледелию, в которой он видит «своего рода наследственное занятие» их (стр. 8), и делающего отсюда в свою очередь тот вывод, что не «маловероятный зомбаровский капитализм», а земельная рента и суммы, получившиеся благодаря вынужденному отчуждению и реализации еврейского землевладения, «составили основу для позднейшей мировой торговли, главными носителями которой евреи были до конца десятого столетия» (стр. 6). Землевладение, как мы видели при обзоре экономического положения евреев в римскую эпоху, менее всего являлось типичным для них способом помещения капиталов. В течение первых четырех веков империи мы не встретили ни одного упоминания о землевладении или занятии земледелием среди евреев диаспоры. Вот почему земельная рента никоим образом не могла составить основу для образования их движимой собственности в последующее время. Напротив, всегда как до, так и после кризиса, завершившегося разложением западной Римской империи, имущество евреев заключалось прежде всего именно в движимой собственности, и вынужденное обращение их к землевладению и сельскому хозяйству в эпоху общего упадка оказалось, напротив, временным и случайным. Еще менее можно связывать последующую роль евреев в торговле с образованием в их руках движимых богатств путем реализации их земельных владений. Действительную причину их широкого участия в торговле, начиная с меровингской эпохи, надо искать не в этом случайном обстоятельстве, но, как мы видели, в самом характере их и в условиях их жизни, сложившихся с начала диаспоры.

янских евреев, по крайней мере, в международной торговле не было, впрочем, ни столь обширным, как во Франции и впоследствии в немецких землях, ни продолжительным. В меровингскую эпоху они все еще встречают конкурентов в лице «сирийских» купцов, впоследствии, с выступлением на поприще торговли итальянских торговых республик, евреи в Италии в короткое время оказываются совершенно вытесненными из области торговых операций. Зато одновременно они начинают принимать самое широкое и видное участие в ремесленной промышленности, в особенности на юге Италии и в Сицилии. Гораздо более заметное, а с вытеснением сирийцев почти монопольное положение заняли евреи в торговле франкского королевства, в пределы которого они и проникли, как мы видели, прежде всего именно в качестве торговых посредников и где торговля в течение долгого времени составляла преимущественное, если не исключительное, их занятие.

В этой своей роли торговых посредников, в связи с появлением в высших кругах варварского общества запросов на предметы роскоши, евреи вновь оказались, как некогда в отдаленную эллинистическую эпоху, желанными гостями, которых охотно принимали даже при королевских дворах. Эта нужда в услугах евреев в значительной мере способствовала ослаблению того национального и религиозного антагонизма, успевшего вырасти до этого времени между ними и населением бывшей Римской империи, тем более, что вместе с этим одновременно и многие из условий, порождавших этот антагонизм, как, например, взаимная конкуренция на почве экономической деятельности, теперь не имели уже более места. Праздные толпы безработного городского пролетариата, представлявшие столь типичное для древности явление и служившие, как мы видели, в римское время обычно если не рычагом, то главным орудием и действующей силой во всех антиеврейских движениях, теперь с общим упадком городской жизни давно растаяли. Среди вновь начинавшего нарождаться городского населения не существовало, таким образом, ни побудительных мотивов и причин для особой ненависти против евреев, ни масс, являвшихся обычным слепым орудием при всяком проявлении этой ненависти. Высшие аристократические круги варварского общества все более и более начинали нуждаться в услугах евреев как торговых посредников и потому, не исключая даже многих представителей церковных правящих кругов, оказываются в описываемое время расположенными скорее в пользу евреев, нежели против них.

Вот почему, хотя церковь с прежней ревностью выступала против евреев, хотя она в своих выступлениях против них нередко шла даже далее, нежели в эпоху империи, хотя ряд соборов воспрещает почти всякое общение с евреями, воспрещает браки между иудеями и христианами¹⁰³, совместную еду и приглашение евреев к столу¹⁰⁴, хотя на тех же соборах приводится и неоднократно повторяется постановление, согласно которому евреи не должны были показываться на улицах в дни празднования христианской Пасхи с четверга страстной недели до второго дня праздника¹⁰⁵, однако все эти церковные выступления и постановления оказывались малодейственными и не находили себе почти никакого отклика не только в массах христианского населения, но и в высших общественных кругах и даже среди большей части высших представителей самой церкви.

Если уже и в описанную эпоху нередко были случаи преследования евреев, их насильственного крещения и поголовного изгнания всех не желающих обратиться в христианство, то все такие случаи были исключительно проявлениями религиозного рвения со стороны отдельных иерархов или находившихся под влиянием духовенства германских королей, причем, по-видимому, эти насильственные меры не встречали сочувственного отношения и поддержки в более широких кругах населения. По крайней мере, источники не говорят о какой-либо реакции со стороны этих последних. Такой характер носили, например, преследования евреев в городах Юзес (около 538 г.)¹⁰⁶, Клермонте (576 г.)¹⁰⁷,

---

¹⁰³ 2-й и 3-й соборы в Орлеане в 533 и в 538 годах и собор в Клермонте в 535 году. Mansi. Concilia, VIII, 838, 861; IX, 15; Aronius, № 22, 23, 25; ср. Monumenta Germaniae. Leges, III, 609. Аналогичные постановления церковных соборов в Испании, см. Aguirre. Collectio maxima conciliorum Hispaniae. T. I; в Англии браки с евреями воспрещены были постановлениями архиепископов кентерберийского и йоркского (Liber poenitentialis и Excerptiones) ср. Goldschmidt. Geschichte der Juden in England im XI und XII Jahrh. Berlin, 1885. S. 2-4.

¹⁰⁴ Соборы в Ванне (465 г.) в Арде (506 г.), в Эпаоне (517 г.), 3-й в Орлеане (538 г.), в Маконе (581 г.) (Mansi. Concilia, VII, 954, VIII, 331, 561, IX, 15, 934).

¹⁰⁵ 3-й собор в Орлеане (538 г.) и в Маконе (581 г.) (Mansi. Concilia, IX, 19, 934).

¹⁰⁶ Vita Ferreoli; ср. Saige. Les Juifs du Languedoc. P. 6.

¹⁰⁷ Gregorii Turon. Hist. Franc. V, 11. — Scriptores rerum Meroving I, 199.

Арле и Марселе (591 г.)¹⁰⁸, выразившиеся в насильственном крещении евреев и предпринятые по инициативе местных епископов. Папе Григорию нередко приходилось сдерживать усердие некоторых итальянских епископов, ставивших различные препятствия исполнению еврейского богослужения¹⁰⁹. Из светских правителей такую же ревность в деле обращения евреев обнаружили франкские короли Хильперих, крестивший многих евреев и повелевший заключить в тюрьму приближенного к нему еврея Приска, не пожелавшего принять христианство¹¹⁰, и Дагоберт, которому приписывалась, как мы видели, такая решительная мера, как общее изгнание евреев из пределов франкского королевства¹¹¹. В Италии особенное усердие в этом отношении проявляли недавно только обращенные из арианства и потому находившиеся под сильным влиянием католического духовенства лангобардские короли¹¹², в Испании вестготские короли¹¹³. Особою суровостью отличалось преследование, имевшее место в царствование одного из последних вестготских королей Эгики в 694 году. Обвиненные в сношениях со своими соплеменниками в находившейся под властью арабов северной Африке и в намерении произвести государственный переворот евреи в Испании поголовно обращены были в рабство и розданы «в крепостное владение разным господам (из христиан), которые не имеют права отпускать их на волю». Вместе с этим дети, начиная с семилетнего возраста, отняты были от своих родителей и переданы на воспитание христианам¹¹⁴. Неиз-

---

¹⁰⁸ Gregorii Magni. Epistolae I, 47. — *Migne. Patrologia latina*. T. LXXVII. P. 509 sq.

¹⁰⁹ Ср. его письма к епископам Террацины (Epistolae I, 110, 25) и Неаполя (VIII, 12), также к дефензору Палермо по поводу действий местного епископа (VIII, 25, IX, 55).

¹¹⁰ Gregorii Turon. Hist. Franc. VI, 17. — *Scriptores rerum Meroving* I, 259; меры Хильпериха не имели, впрочем, общего характера. *Loening. Geschichte d. Kirchenrechts*. Band II. S. 56.

¹¹¹ Fredegar. Chron. 65; *Gesta Dagoberti*, c. 24.

¹¹² *Carmen de synodo Ticinensi*. — *Monumenta Germaniae. Script. rerum Langobard*. P. 246).

¹¹³ Marii Aventic. Chron. opp. (Ed. Arndt). S. 16; Iulian. Hist. rebell. adv. Vambam, c. 28. — *Migne. Patrologia latina*. T. XCVI, 194; Aguirre. Coll. Conc. Hisp. I, 157; Lex romana Visigothorum, XII, 2, 18.

¹¹⁴ См. постановления относительно евреев 17-го толедского собора: Aguirre I, 757.

вестно, чем бы окончилось начатое Эгикой преследование и к каким результатам привели бы предпринятые им против евреев решительные меры, если бы последовавшее менее чем через двадцать лет арабское завоевание не избавило испанских евреев от их преследователей. Впрочем, уже та роль, которую сыграли евреи в самом факте завоевания, может служить доказательством в пользу малой действительности мер, принятых против них в царствование Эгики, очевидно, в значительной степени смягченных на практике при попытках проведения их в жизнь.

Интересно, что враждебному отношению христианского духовенства к евреям вполне соответствовало и аналогичное отношение к христианам со стороны духовных руководителей самого еврейского народа. Последние осуждали всякое общение с христианами в не менее резких выражениях, нежели христианские церковные соборы. Так, в цитированном уже нами выше еврейском произведении «Tana debe Elijahu» читаем, например: «Кто поддерживает общение с неиудеями, тот оскорбляет этим Тору и имя отца своего, тот предает детей своих всяким суевериям и губит как их, так и детей детей своих»¹¹⁵. Совершенно так же, как в постановлениях церковных соборов, предлагается верным последователям иудейской религии избегать всяких совместных трапез с неиудеями¹¹⁶; еще решительнее осуждаются смешанные браки, причем в пример приводится одна еврейская девушка, которая, дав притворное согласие на брак с неиудеем, в назначенный для совершения брачной церемонии день бросилась с крыши дома и разбилась насмерть¹¹⁷.

Как ни старались, однако, духовные вожди обеих религий разжигать взаимную ненависть между христианами и иудеями,

---

¹¹⁵ Tana debe Elijahu. С. 7; ср. *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens und Cultur der Juden in Italien. S. 54.

¹¹⁶ Там же. С. 8; ср. с. 15.

¹¹⁷ С. 21. Хотя родиной цитированного произведения некоторые исследователи и считают Вавилонию (например, *Цунц*, s. 112 и др.), однако такой авторитетный историк культурной жизни средневековых евреев, как *Güdemann* (Geschichte des Erziehungswesens und Cultur der Juden in Italien. Note II. S. 300–303), примыкая к мнению *Греца*, приписывает его автору, жившему в Италии и посетившему в своих многочисленных странствованиях между прочим и Вавилонию. В таком случае под «неиудеями» следует подразумевать и христиан и даже именно христиан в первую голову.

все их старания создать пропасть между теми и другими оказывались в конце концов в описываемое время бесплодными. Не было экономических и социальных предпосылок для такой вражды, не было и самой вражды. За исключением перечисленных случаев преследований, начинавшихся, как уже сказано, исключительно по инициативе правящих церковных кругов или отдельных находившихся под особым влиянием церкви светских правителей, нам неизвестно ни одного случая враждебного отношения к евреям со стороны более широких кругов населения. Что касается массы населения, жившей в сельских местностях, равно как и большей части немногочисленных еще городских жителей, то этим последним почти не приходилось иметь непосредственно каких-либо дел с евреями и, следовательно, вступать с ними в более тесное соприкосновение. Высшие же круги варварского общества, как мы видели, оказывались заинтересованными в общении с евреями и потому находились скорее в близких, нежели во враждебных отношениях с ними. Даже из высших представителей церкви далеко не все были одинаково враждебно настроены в отношении евреев. Врач папы Геласия, еврей Телесин, одновременно был и его другом. Так характеризует его сам папа в рекомендательном письме к одному епископу. Папа Григорий I точно так же, как мы видели, не был врагом евреев и неоднократно сдерживал чрезмерную религиозную ревность и усердие отдельных епископов. И многие другие представители высшего духовенства предпочитали ладить с евреями и поддерживать с ними постоянные отношения. Так, епископ г. Юзес, Ферреол, возбуждивший преследование против евреев, первоначально относился к ним дружественно и не чуждался личного общения с ними¹¹⁹. Современник Ферреола, епископ клермонтский Каутин расположен был к евреям не ради заботы о спасении их душ, как определенно говорит сообщающий нам о его расположении к евреям Григорий Турский, а ради тех дорогих товаров, которые он приобретал от них¹¹⁹. По его смерти некто пресвитер Евфрасий, добиваясь занятия освободившейся епископской кафедры, также обратился к услугам евреев, приобретя от них различные драгоценности, с помощью которых надеялся склонить решение в свою пользу¹²⁰. Такие же

---

¹¹⁸ *Saige*. Les Juifs du Languedoc. P. 6.

¹¹⁹ Gregorii Turon. Hist Franc. IV, 12. — *Scriptores rerum Meroving* I, 149.

¹²⁰ *Ibid.*, IV, 35. — *Scriptores rerum Meroving* I, 169.

дружественные отношения существовали у евреев, по-видимому, и с предшественником Каутина, епископом Галлом. Евреи оплакивали его смерть наравне с христианами и участвовали в похоронной процессии¹²¹. Евреи успели сделаться необходимыми в качестве торговцев мелкими товарами и доверенных лиц даже в женских монастырях, как на то жалуется, например, собор 581 года в Маконе¹²².

Если, таким образом, даже в церковных кругах нужда в услугах евреев нередко перевешивала чувство религиозного соперничества и вражды, если даже сами архипастыри церкви в нарушение постановлений церковных соборов поддерживали с ними постоянное общение, то в еще большей степени то же самое наблюдалось в отношениях к евреям со стороны представителей светской аристократии, где самые мотивы и побуждения религиозной вражды должны были действовать несомненно слабее. Еще в конце пятого столетия в аристократических кругах умели ценить услуги, оказываемые евреями¹²³. Даже короли Хильперих и Дагоберт, бывшие такими ревностными поборниками христианства, не могли, как мы видели, обходиться без услуг евреев и держали их при себе в качестве торговых и финансовых агентов. Относительно Италии постоянные близкие отношения между христианами и евреями засвидетельствованы как христианскими, так и еврейскими источниками¹²⁴. Из переписки папы Григория I видно, что даже между еврейскими землевладельцами и их христианскими крепостными отношения отнюдь не носили враждебного характера¹²⁵. Позднее, в десятом столетии епископ веронский Ратерий должен был специально оправдываться в своих враждебных чувствах по отношению к евреям — лучшее доказательство того, насколько мало враждебным было отношение населения Италии к евреям¹²⁶. Во франкском королевстве, в особенности в южнофранцузских городах, евреи не только не являлись в меровингскую эпоху объектом общего отчуждения со стороны христианского населения, но, напротив, нередко находились с

---

¹²¹ Gregorii Turon. Vitae patrum VI, 7. — Scriptores rerum Meroving I, 686.

¹²² Mansi. Concilia IX, 932.

¹²³ Sidon. Apollin. Epistolae 6, 8; cp. 3, 8.

¹²⁴ Mansi. Concilia XIII, 852; Tana debe Elijahu. C. 7–8; cp. Güdemann. S. 50, 53–54.

¹²⁵ Güdemann. S. 30.

¹²⁶ Ratherii. Opera. P. 335 sq.

христианами в близких и дружественных отношениях как, например, в парбоннской Галлии в конце седьмого столетия¹²⁷. Евреи в эту эпоху не только не были вынуждены, как впоследствии во вторую половину средних веков, прятаться в особых кварталах-гетто, но открыто появлялись среди христианского населения, принимая близкое и непосредственное участие во всех торжественных случаях и общественных празднествах¹²⁸. Постоянные отношения, в каких находились христианское и еврейское население королевства, настолько в конце концов стерло самые религиозные границы, что как случаи добровольного обращения евреев в христианство¹²⁹, так и обратные случаи перехода христиан в иудейство¹³⁰ в эту эпоху представлялись далеко не редкими. Наконец, даже в Испании, где евреи, как мы видели, подвергались наиболее жестоким преследованиям со стороны новообращенных из арианства в католичество вестготских королей, евреи находили возможность обходить издававшиеся против них суровые законы, встречая при этом сочувствие и поддержку со стороны христианского населения. Так, например, несмотря на воспрещение иметь христиан-рабов, «евреи все же постоянно имели в своем распоряжении несвободных работников; об этом уже заботились вестготские магнаты, которые, как и народ, мало разделяли церковный фанатизм королей»¹³¹.

---

¹²⁷ Julian. Hist. rebellionis adv. Wambam, c. 1–2. — *Migne. Patrologia latina*. Т. XCVI, 797.

¹²⁸ Например, в перенесении тела Илария Арльского (*Honorati vita Hilarii*, c. 22; *Aronius*, № 9), в торжественной встрече короля Гунтрамна во время прибытия его в г. Орлеан (*Gregorii Turon. Hist. Franc.* VIII, 1. — *Scriptores rerum Meroving* I, 326).

¹²⁹ *Aronius*, № 14, 16, 30, 33.

¹³⁰ См., например, относительно обращения христиан в иудейство в парбоннской Галлии: Julian, I, c.; ср. также постановление 4-го Орлеанского собора (*Mansi. Concilia* IX, 118).

¹³¹ И. Шуннер. С. 15; ср. *Bédarride*. Р. 41.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Время расцвета еврейской торговли (VIII—XI вв.): торговые и денежные операции

Если в изображении экономической жизни еврейского народа в переходную эпоху от древности к собственному средневековью исследователи не сходятся между собою, то уже начиная со времени первых Каролингов картина в значительной мере проясняется, и в оценке дальнейших экономических судеб еврейства не встречается уже столь значительных разногласий. Преобладание в качестве преимущественного и наиболее типичного для евреев рода занятий торговли в первую половину средневековья приблизительно до начала крестовых походов и ростовщичества и денежных операций во всю вторую последующую половину средних веков не вызывает сомнений и отмечается одинаково как Рошером, так с некоторыми оговорками и новейшими исследователям¹.

Преобладание торговли в качестве главного рода занятий евреев в первую половину средневековья представляется вполне понятным и естественным. Одной из первых экономических потребностей, выходящих за пределы собственно натурально-хозяйственных отношений, во всяком варварском обществе является потребность в привозных предметах роскоши со стороны высших аристократических кругов населения. Эта потребность и составляет прежде всего, как известно, первоначальную основу международных торговых сношений. Но именно евреи, в силу сложившихся в течение многих поколений основных черт их характера, оказывались наиболее приспособленными для удовлетворения этой потребности по мере ее

---

¹ См. *Рошер*. Евреи в средние века с точки зрения торговой политики. С. 43 и след., 49 и след.; *Caro*. S. 578 f., 591 f.; *Hoffmann*. S. 7-8, 12-14; *Шуннер*. С. 27-31; ср. *Liebe*. Das Judenthum in der deutschen Vergangenheit. S. 7. Что касается точки зрения *Кулишера*, доказывающего участие евреев в торговле и во вторую половину средних веков (статья «Экономическое положение евреев на западе в средние века» — кн. «Восход», 1901. № 9. С. 30 и след.), то и его отклонение от принимаемой другими исследователями схемы представляется в сущности скорее кажущимся, нежели действительным. Все, что удастся ему доказать, — это то, что и во вторую половину средних веков участие евреев в торговле не прекратилось совершенно, но в то же время приводимые им данные не только не свидетельствуют в пользу значительности этого участия, но доказывают скорее обратное.

возникновения среди высших общественных кругов во вновь возникших на развалинах западной Римской империи германских государствах. Вот почему по миновании наиболее тяжелого момента кризиса с наступлением перелома, с возрождением торговли, а вместе с тем и городской жизни, евреи не только получили вновь возможность вернуться к привычным, унаследованным еще от римского времени профессиям, в том числе прежде всего к торговым операциям, но и заняли в области этих последних совершенно исключительное положение. Предшествовавший кризис, в силу своего рода естественного отбора и действия закона выживания наиболее приспособленных, как уже указывалось, освободил их от большей части конкурентов и доставил им почти монопольное положение в международной торговле. Еще в конце предшествовавшего меровингского периода евреи, как мы видели, начали играть видную роль в международной торговле. Но только теперь, с началом каролингской эпохи, когда, с одной стороны, спрос на привозные продукты успел в значительной степени вырасти, между тем как туземное население германских государств не принимало еще почти никакого участия в торговых сношениях, торговая деятельность евреев достигла своего наивысшего расцвета и развития.

Если, однако, таким образом торговлю и можно признать в общем преобладающим и наиболее типичным родом занятий среди евреев в первую половину средневековья, то необходимо при этом иметь в виду, что как роль евреев в торговых сношениях, так и значение торговли в экономической жизни самих евреев в отдельных странах представлялись далеко не одинаковыми. Так, в Италии, игравшей в международной торговле средних веков такую же посредническую роль, как Греция в древности, уже в описываемое время возникает ряд крупных специально торговых центров. Такие центры в десятом и частью даже еще в девятом столетиях представляли города Амальфи в южной Италии и Венеция в северной. Итальянские евреи, принимавшие, как мы видели, в предшествовавшую эпоху заметное участие в торговле, уже очень рано начинают, таким образом, испытывать конкуренцию со стороны населения торговых республик. Вот почему в описываемое время их участие в международных торговых сношениях не только не возрастает по сравнению с меровингской эпохой, но, напротив, быстро сокращается и в короткое время сходит почти на нет. Уже в десятом столетии итальянские евреи оказываются почти совершенно исключенными, по крайней мере, из области международной торговли.

В 945 году постановлением венецианского совета воспрещено было судовладельцам принимать на борт евреев, и таким образом эти последние лишены были возможности непосредственных сношений с Востоком². С этого времени венецианские евреи могли получать восточные товары лишь при посредстве христианских купцов. Однако уже к концу десятого столетия договором, заключенным между Венецианской республикой и Византией, они были лишены и этой возможности³.

Исключенные таким образом из непосредственного участия в левантийской торговле евреи Италии тем не менее не отказались совершенно от торговых операций вообще, хотя с этого времени им и пришлось довольствоваться более скромной и малозаметной ролью в итальянской торговле. В пользу факта участия евреев в торговле последующего времени говорит уже одна наличность значительных еврейских поселений, именно, по преимуществу в торговых приморских городах. В Венеции, по спискам половины двенадцатого столетия (1152 г.), жило около 1300 евреев⁴. В Неаполе около того же времени Венъямин Тудельский насчитал до 1300, в Палермо до 1500 евреев⁵. Евреи-торговцы из Италии еще в течение долгого времени продолжали появляться на западнофранцузских ярмарках, сбывая здесь восточные товары, закупавшиеся ими в Венеции и южноитальянских городах. Путь их лежал при этом по рекам Луаре и Соне в города Тур, Амбуаз, Шинон⁶. В свою очередь в Италию еврейские торговцы поставляли меха⁷. В Риме услугами евреев-торговцев пользовался папский двор, поддерживая через них различные торговые и деловые сношения⁸. Папа Александр IV грамотой от 1 февраля 1255 года в вознаграждение за оказанные ему услуги освободил шесть римских купцов-евреев от уплаты пошлин в пределах папской области⁹. Более значительным было участие евреев во внутренней тор-

---

² *Depping*. Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe. P. 22.

³ *Heyd*. Geschichte des Levantehandels im M.A. 1879. Band I. S. 128.

⁴ *Graetz*. Geschichte der Juden. Band VI (2 Auflage). S. 262.

⁵ *Benjam. Tud.* I, 12, 108. В то же время, по свидетельству того же Венъямина Тудельского, в Пизе, Лукке, Мантуе еврейские общины были незначительны.

⁶ *Vogelstein-Rieger*. Geschichte der Juden in Rom. Band I. S. 148.

⁷ *Berliner*. Geschichte der Juden in Rom. Frankfurt am M., 1893. Band II. T. I. S. 7.

⁸ *Генкель*. Римские евреи в средние века. — «Восход», 1901, № 9. С. 482.

⁹ *Vogelstein-Rieger*. Band I. S. 240..

говле Италии. Они вели торговлю драгоценными камнями, сукном, шелком, платьем. Среди менее состоятельных распространена была тряпичная и разносная мелочная торговля¹⁰. На островах Сардинии и Сицилии, где, по-видимому, среди местного населения не успел образоваться значительный торговый класс, евреи сохранили важное торговое значение до самого конца средневековой эпохи¹¹. Сицилийские евреи, как кажется, продолжали принимать непосредственное участие в левантийской торговле, поддерживая торговые связи со странами Востока¹².

Итак, исключенные из прямого и непосредственного участия в левантийской торговле итальянские евреи тем не менее продолжали играть деятельную роль как во внутренней торговле, так и в торговых сношениях с другими государствами Западной Европы, преимущественно с французским королевством. Правда, большая часть известных нам данных относительно участия итальянских евреев в торговле принадлежит уже значительно позднему времени, однако эти данные могут служить доказательством исторической преемственности и традиции, существовавшей еще со времен папы Григория I, когда, как мы видели, евреи также принимали довольно живое участие во внешних торговых сношениях Апеннинского полуострова.

Торговля составляла, по-видимому, точно так же одну из распространенных профессий среди испанских евреев. Последние вели оживленные внешние сношения, предпринимая в торговых целях далекие как сухопутные, так, кажется, и морские путешествия. Возможно, что известное сообщение Ибн-Хордадбе о торговых путешествиях западноевропейских евреев¹³ имеет в виду между прочим и испанских купцов-евреев. В пользу этого говорят как отмечаемый Ибн-Хордадбе факт знания еврейскими купцами в числе других языков и андалузского языка, так и торговля андалузскими девушками и наконец один из торговых маршрутов западных евреев, проходивший вдоль северного побережья Африки от Марокко до Египта. По свидетельству другого арабского путешественника, испанские ев-

---

¹⁰ *Кассуто*. Евреи в Италии. — Еврейская энциклопедия. Т. VIII. С. 482.

¹¹ *G. Spano*. Gli Ebrei in Sardegna. P. 39; *La Lumia*. Gli Ebrei siciliani. Palermo, 1870. Т. II. P. 30.

¹² *La Lumia*. Gli Ebrei siciliani.

¹³ Сообщение это относится, как известно, к половине девятого столетия, см. французский перевод в *Journal asiatique*. VI série. Т. V (Janvier-Juin, 1865).

реи встречались на берегу Каспийского моря еще в XIV столетии¹⁴. Более тесные и постоянные торговые связи, нежели со странами дальнего Востока, поддерживали испанские евреи с соседним франкским королевством. Так в IX и X веках мы встречаем еврейских купцов из Сарагоссы¹⁵, Кордовы¹⁶ и других испанских городов в Арле, Лионе, Вердене¹⁷. Главным предметом торговли испанских евреев, судя одинаково как по сообщениям Ибн-Хордадбе, так и по данным других источников, являлась, по-видимому, работорговля. Рабы закупались и приобретались главным образом в славянских землях, откуда и вывозились как в Испанию, так и в страны Востока. Однако наряду с рабами-славянами в известии Ибн-Хордадбе, как мы видели, упоминаются и андалузские девушки, которых еврейские купцы доставляли на восточные рынки.

Еще около половины двенадцатого столетия торговля испанских евреев представлялась настолько обширной и средства их настолько значительными, что, например, еврей-купцы в Толедо оказались в состоянии набрать и содержать крупную военную силу из 25 тысяч всадников и 20 тысяч пехотинцев¹⁸. Однако как ни значительно было участие испанских евреев в торговле, все же в Испании они не успели получить такого исключительного значения, как в соседнем франкском королевстве¹⁹. В отличие от евреев франкского королевства, в течение всей первой половины средневековья почти не встречавших конкуренции со стороны местного населения, еврейские торговцы в Испании, напротив, уже начиная с восьмого столетия должны были бороться с сильной конкуренцией мусульманских купцов, находившихся по сравнению с ними в еще более выгодных условиях в виду господства арабов над всеми морскими и сухопутными путями, проходившими на Восток по северному побережью африканского материка. Другими конкурентами их были, по-видимому, те же итальянские купцы, прочикавшие и в Испанию и привозившие туда как произведения своей страны, так и в значительно большей степени и

---

¹⁴ Ср. *Reinaud*. Géographie d'Abulféda, Introd. P. LVII s.

¹⁵ *De Rozière*. Recueil général des formules. Paris, 1859. № 29.

¹⁶ Agobardus. De insolentia Judaeorum, c. 6. — *Migne*. Patrologia latina. T. CIV. P. 76.

¹⁷ Agobardus. De insolentia Judaeorum, Liudprandi Antapodosis, VI, 6. — Monumenta Germaniae. Scriptores, III. P. 338.

¹⁸ Ср. *Bourquelot*. Etudes sur les foires de Champagne. P. 309.

¹⁹ *Graetz*. Band VI (3 Auflage). S. 337.

предметы восточной торговли. Такую конкуренцию в X–XI столетиях мы имеем основание, по-видимому, предположить со стороны населения южноиталийского города Амальфи²⁰. Именно этой относительно скромной ролью евреев в торговых сношениях испанского полуострова следует, как кажется, прежде всего объяснить, почему торговля и в их собственной экономической жизни не занимала такого первостепенного места, как в жизни их современников в северной Европе, и почему в частности землевладение и земледелие до позднейшего средневековья оставались среди испанских евреев более распространенным родом занятий, чем в каком-либо ином из средневековых государств.

Если о какой-либо стране в описываемое время и можно сказать, что евреи заняли в ее торговле исключительное монопольное положение, то это прежде всего относительно вновь основанной империи Карла Великого, позднейшего французского королевства. Мы видели, что еврейские торговцы в большом числе селились в пределах франкского королевства еще в меровингские времена. Теперь с окончательным исчезновением сирийцев и других конкурентов, почти вся как внешняя, так и внутренняя торговля очутилась в руках евреев²¹. Это

---

²⁰ Ср. *Shunner*. С. 28.

²¹ Конкуренция сирийцев начала ослабевать еще начиная с шестого столетия и к восьмому столетию прекратилась почти совершенно; ср. *Scheffer-Boichorst*. *Geschichte der Syrer im Abendlande*. – *Mittheilungen des Instituts f. östreichischen Geschichtsforsch.* Band VI. S. 521; *Shunner*. С. 19. Число других иноземных купцов, посещавших французские рынки, не могло быть особенно значительным. Славянские купцы, равно как датчане и арабы, не переступали обычно восточных границ империи Карла Великого (*Rathgen*. *Die Entstehung der Märkte in Deutschland*. Darmstadt, 1881. S. 10). Возникновение и процветание итальянских торговых республик было еще впереди, и таким образом, по крайней мере, в течение всей первой половины каролингской эпохи их внешние торговые сношения не могли еще распространяться на области соседнего франкского королевства. Появление арабских купцов в пределах каролингской монархии представляется еще менее вероятным. Ср. *Schulte*. *Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien*. Leipzig, 1900. Band I. S. 78. Единственное исключение составляли, как кажется, фризы, поселения которых имелись в некоторых прирейнских городах, но и они торговали исключительно фламандскими и английскими сукнами и, таким образом, не являлись конкурентами для еврейских купцов, торговавших преимущественно рабами и произведениями Востока.

обстоятельство имело тем большее значение, что как раз именно начиная со времени Карла Великого и его преемников внешняя торговля Франции (а о ней в сущности и приходится прежде всего говорить в начальную эпоху торгового развития) впервые достигла относительно широких размеров. Потребность в предметах роскоши, привозившихся по преимуществу с Востока, так же как и привычка окружать себя большим числом слуг и рабов все более и более входила в обиход знати. Именно удовлетворению этой потребности и шли навстречу купцы-евреи.

Обращаясь от этих общих соображений к данным и показаниям источников, мы прежде всего должны сослаться на сообщение такого достоверного и заслуживающего доверия свидетеля, как современный арабский писатель Ибн-Хордадбе. В своей известной «Книге путей», составление которой относится ко времени между 854 и 874 годами²², он дает настолько обстоятельное и притом яркое изображение торговли западноевропейских евреев своего времени, что не лишнее будет привести его известие здесь полностью. При этом необходимо иметь в виду, что, как явствует и из самого текста, речь в сообщении Ибн-Хордадбе идет прежде всего о евреях из Франции (земли франков). «Вот описание путей купцов-евреев раданитов²³, тех, что говорят на языках персидском, римском, арабском, франкском, андалузском и славянском. Они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они привозят с запада евнухов, рабынь, мальчиков, шелк, меха и мечи. Садятся они на суда во Франдже (области франков) на западном море, откуда направляются к Фараме (возле древнего Пелусиума). Там погружают они свои товары на вьючных животных и сушей достигают Кользума (Суэца), что составляет пять дней пути. От Кользума они плывут Красным морем в Аль Джар

---

²² Эту дату устанавливает французский переводчик и издатель текста Ибн-Хордадбе *Barbier de Meynard* (*Journal asiatique. Série VI. T. V. P. 256. Note 2*).

²³ В наименовании «раданитов» не следует, по-видимому, видеть указания на происхождение еврейских купцов, как полагает, например, *Barbier de Meynard*. Слово это либо не имеет территориального значения, либо представляет не совсем понятную вставку; ср. *Heyd. Geschichte des Levanthandels. Band I. S. 140 f.*; *Гаркави. Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870. С. 52–53*. Что в данном случае имеются в виду западноевропейские, именно франкские евреи, это ясно из самого текста.

(три дня пути от Медины) и в Джедду и затем продолжают свой путь в страну Синда, в Индию и Син (Китай). На обратном пути берут они с собою мускус, алоэ, камфару, корицу и другие произведения Востока. Возвращаясь таким образом в Кользум и оттуда в Фараму, они вновь садятся на суда. При этом некоторые из них заезжают еще по пути в Константинию²⁴, где продают свои товары, другие же возвращаются непосредственно в Франджу»²⁵. Ибн-Хордадбе указывает и другие пути следования еврейских купцов: через Антиохию к Багдаду и Персидскому заливу, также сухопутный маршрут в Индию и Китай. Они возят, говорит он, свои товары также по всей береговой полосе северной Африки от Марокко до Египта и затем через Палестину, Дамаск, Багдад в южную Персию и Индию. Иногда, наконец, они отправляются через славянские земли на нижнюю Волгу в хазарское царство, откуда, переехав Каспийское море, попадают в Балх, в Туркестан и затем через турецкие земли в Китай²⁶. Сухопутный восточный маршрут, которым евреи так широко воспользовались в последующее время после вытеснения их из непосредственного участия в левантйской торговле, намечался, таким образом, еще задолго до того во времена Ибн-Хордадбе, то есть в половине девятого столетия. Что касается пути вдоль северного побережья Африки, то, как уже указывалось, это, по-видимому, был путь испанских евреев.

Обстоятельное свидетельство Ибн-Хордадбе о торговых сношениях западных евреев далеко не является единственным, находя себе подтверждение во множестве отдельных данных и показаний современных источников. Морские суда еврейских купцов, в противоположность последующему времени, представляли еще настолько обычное явление, что, например, суда норманнов, впервые появившиеся в одном из портов южной Франции, приняты были первоначально за суда еврейских купцов²⁷. Около того же времени упоминается о еврейском купце, совершающем частые рейсы в Палестину и привозящем оттуда различные драгоценности и редкие и диковинные вещи²⁸. Но особенно показательными в интересующем нас отношении явля-

---

²⁴ Константинополь.

²⁵ *Journal asiatique*. IV série. T. V. P. 512.

²⁶ *Ibid.* P. 512 suiv.

²⁷ *Monachus Sangallensis*, II, 14. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* II, 757. Сообщение это относится к первым годам девятого столетия.

²⁸ *Ibid.* I, 16. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* II, 137.

ются некоторые из еврейских сказок, восходящие, очевидно, к описываемому времени, времени расцвета еврейской торговли²⁹. В одной из таких сказок рассказывается, например, о благочестивом человеке, внезапно разбогатевшем чудесным образом. Он приобретает многочисленных рабов и рабынь, имеет корабли на море, восседает в синагоге на золотом кресле³⁰. В другой сказке главным действующим лицом является предприимчивый молодой человек, покидающий отцовский дом ради торговых странствий и жизни, полной приключений. Взявши с собою всего только сто золотых монет, он отправляется с ними в далекие края и путем торговых операций успевает увеличить эту сумму более, нежели в сотню раз. 10 000 золотых монет он оставляет на хранение в одном из городов в стране, где ведет торговлю, а с остальными деньгами отправляется в дальнейшие торговые странствия, так как страна та была очень обширна, и покупая и продавая, увеличивает еще во много раз свои богатства. Страна, о которой идет в сказке речь, населена огнепоклонниками. Очевидно, таким образом, что это не Европа, но либо Персия, либо Индия. Море же, по которому плавают корабли действующего в сказке купца-еврея, не Средиземное, но Персидский залив или даже, быть может, Индийский океан³¹. В приведенной сказке находит себе, таким образом, полное подтверждение сообщение Ибн-Хордадбе относительно дальних плаваний еврейских купцов и их непосредственного активного участия в восточной торговле.

Косвенным подтверждением связей франкских евреев на Востоке может служить точно так же и известие об участии в посольстве, отправленном к Гарун аль Рашиду Карлом Великим, еврея Исаака³². Хотя цель отправки еврея Исаака вместе с посольством и не определяется точнее, хотя и неизвестно, были ли ему даны при этом какие-либо торговые поручения³³, или он был причислен к посольству в качестве толмача-переводчика³⁴, или же наконец, возможно, был посвящен и в дип-

---

²⁹ Levy. Recueil de contes juifs. — Revue des études juives. T. XXXIII. P. 47 suiv.

³⁰ Levy. № 3. P. 59.

³¹ Levy. № 2. P. 54 suiv.

³² Einhardi. Annales, a. 801. — Monumenta Germaniae, Scriptores I. P. 190.

³³ Bédarride. Les juifs en France, en Espagne et en Italie. Paris, 1859. P. 73.

³⁴ Stobbe. Die Juden in Deutschland. S. 6.

ломатические тайны³⁵, во всяком случае, уже самый факт привлечения еврея в качестве третьего члена посольства наряду с двумя другими именитыми лицами показывает, как высоко и в то время ценились связи евреев на Востоке и присущее им знание восточных языков и восточной жизни. Известно, что оба спутника Исаака на обратном пути умерли, и ему одному, таким образом, пришлось отдавать отчет императору о результатах посольства³⁶.

Главный предмет торговли еврейских купцов составляли, как и ранее, рабы, вывозившиеся по преимуществу из славянских земель и охотно приобретаемые представителями французской и немецкой знати и в еще большем числе отправлявшиеся в Испанию³⁷. Рядом с рабами видное место в торговле евреев, как мы видели, в описываемое время занимали предметы восточной левантйской торговли, приобретаемые первоначально на месте, впоследствии же с вытеснением еврейских купцов итальянцами из непосредственных сношений с Востоком из вторых рук в итальянских торговых республиках и развозившиеся затем по ярмаркам Европы³⁸. «Почти повсюду, в Лангедоке и в Провансе, — говорит историк французской торговли Пижонно, — в северной и средней Франции торговля предметами роскоши и драгоценными металлами, то есть всеми теми продуктами, которыми почти и ограничивалась торговля, существовавшая в эпоху феодализма в более или менее значительных размерах, находилась в руках еврейс-

---

³⁵ *Graetz*. Geschichte der Juden. Band V (3 Auflage). S. 196. Против этого предположения говорит противопоставление в нашем источнике Исаака обоим другим членам посольства.

³⁶ Einhardi. Annales, a.a. 801–802. — Monumenta Germaniae. Scriptores I. P. 190.

³⁷ *De Rozières*. Recueil des formules, № 27–29; Agobardus. De insolentia judaeorum. C. 3–4, 6. — *Migne*. Patrologia latina. T. CIV. P. 72 sq., 76; Monumenta Germaniae. Leges III, 481; Liudprandi. Antapodosis, VI, 6. — Monumenta Germaniae. Scriptores III, 338; Vita St. Adalberti, c. 12. — Monumenta Germaniae. Scriptores IV, 586, 690; Thietm. Merseb. VI, 36. — Monumenta Germaniae. Scriptores III, 82. См. также приведенное выше известие Ибн-Хордадбе о еврейской торговле; *Schulte*. Geschichte d. mittelaterlichen Handels und Verkelirs. Band I. S. 274; *Schaube*. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. 1906. S. 56.

³⁸ Monachus Sangallensis, I, 16; *Dümmler*. Gesta Berengarii. Halle, 1871. S. 157 f.

ких торговцев... Евреи продают пряности и ароматические вещества Востока, шелковые и бумажные ткани, ковры, драгоценные камни, золотые и серебряные изделия, которые получают ими через посредство купцов из Амальфи, Пизы и Венеции»³⁹. Еврейские торговцы доставляли также меха из далеких северных стран, испанских лошадей, ценившихся могущественными баронами на вес золота⁴⁰. Более случайное значение в еврейской торговле этого времени имела продажа вина, мяса, хлеба, при том же именно в торговле съестными припасами евреи всего ранее, уже с начала каролингской эпохи, начали испытывать различные законодательные стеснения и ограничения⁴¹.

Уже самый род товаров, сбывавшихся еврейскими купцами, свидетельствует, что главными покупателями их были представители знати как светской, так и духовной, что подтверждается и прямым указанием источников⁴². Купцы-евреи жили во Франции в это время не только в более значительных городах, но рассеяны были по всей стране в замках и селениях различных духовных и светских феодалов. Каждый сеньор обзаводился своим евреем, так же как имел своего ткача или своего кузнеца⁴³. Впрочем, если таким образом главными покупателями еврейских товаров и являлись в это время представители знати, это не исключало сбыта и среди остальных классов населения, где к этому представлялась возможность. Евреи пе-

---

³⁹ *Pigeonneau*. Histoire du commerce de la France. T. I. Paris, 1885. P. 104 suiv. Ср. *Dümmeler*.

⁴⁰ *Pigeonneau*. P. 231; *Müller*. Die Responsen der Spanischen Lehrer. S. 53, № 93.

⁴¹ Capitul. de Judaeis, c. 1–3. – Monumenta Germaniae. Leges I, 194. Значение ограничений, каким подвергается здесь еврейская торговля вином и хлебом, представляется не совсем ясным. Ср. *Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte. Band IV. S. 39. Note 3. Против продажи евреями мяса и вина христианам восстает также и известный противник евреев этого времени, епископ Агобард Лионский: De insolentia Judaerorum, c. 3–4. – *Migne*. Patrologia latina.

⁴² Monachus Sangallensis I, 16. – Monumenta Germaniae. Scriptores I, 737; Boretius-Krause. Capitularia, 1881, I, 131, vgl. 87 f. – Monumenta Germaniae. Leges I, 144, 364, также III, 481; ср. *Heyd*. Geschichte d. Levanthandels. Band I. S. 99–100; *Alwin Schultz*. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger (2 Auflage). Wien, 1889. S. 392; *Alwin Schultz*. Das häusliche Leben der europäischen Kulturvölker. S. 221 f.; *Schulte*. Band I. S. 73; *Berliner*. Band II. S. 7; *Inama Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Band I. S. 175 f., 429 f.

⁴³ *Pigeonneau*. T. I. P. 104–105.

реходят со своими товарами из дома в дом, они появляются всюду в местах более значительного скопления народа, на судебных площадях, в военных лагерях, во время походов и пр.⁴⁴, евреи торгуют также на городских рынках, например, в Аахене⁴⁵, Лионе⁴⁶, привозят свои товары на западные французские ярмарки⁴⁷, на ярмарку в Кельне⁴⁸.

Какое исключительное место занимали евреи в торговле каролингской эпохи, с одной стороны, и насколько видное значение принадлежало торговым операциям в жизни самих евреев, можно видеть также и из того, что слово «еврей» в это время являлось почти идентичным с представлением о торговле вообще. О значении, какое придавалось в это время купцам-евреям, свидетельствует такой исключительный факт, как перенесение, по их предложению, рыночного дня с субботы на воскресенье, факт, имевший место в Лионе, то есть в самой резиденции известного своим враждебным отношением к еврейству епископа Агобарда⁴⁹.

В собственно немецкие области евреи проникают не ранее десятого столетия⁵⁰. Впервые присутствие евреев в Германии документально засвидетельствовано в самом начале этого столетия в городах Вормсе⁵¹ и Майнце⁵². Из других германских

---

⁴⁴ Capitul. a. 832, c. 19. — Monumenta Germaniae. Leges I, 363.

⁴⁵ Monumenta Germaniae. Leges I, 158; ср. Boretius-Krause, I, 298.

⁴⁶ Agobardus. De insolentia Judaeorum, c. 5. — Migne. Patrologia latina. T. CIV. P. 74 sq.

⁴⁷ См. выше, стр. 259.

⁴⁸ S. Brisch. Geschichte der Juden in Köln. S. 17.

⁴⁹ На это жалуется сам Агобард: De insolentia Judaeorum, c. 5. — Migne. Patrologia latina. T. CIV. P. 75.

⁵⁰ Предполагаемое существование еврейских общин в прирейнских и придунайских городах еще в римскую эпоху (см. Aretin. Geschichte der Juden in Baiern. 1903. S. 6 f.; v. Stetten. Geschichte d. reichsfreien stadt Augsburg. 1743. Band I. S. 13; ср. Stobbe. Die Juden in Deutschland. S. 67, 83; Caro. S. 581) представляется совершенно недоказанным и маловероятным. Во всяком случае, до десятого столетия, а относительно многих городов и до еще более позднего времени не встречается каких-либо документально засвидетельствованных данных относительно еврейских поселений в прирейнской и придунайской области. Если там и существовали в римское время еврейские поселения, они, по всей вероятности, как в Кельне, были сметены прокатившимся по этой местности потоком германских племен.

⁵¹ Надгробная надпись 900 или 905 года. Aronius, № 120.

⁵² Mansi. Concilia XV, 874.

городов и областей евреи в течение десятого столетия упоминаются еще в Баварии⁵³, в Магдебурге⁵⁴, Мерзебурге⁵⁵, Наумбурге⁵⁶, Праге⁵⁷, и наконец, в самом начале XI столетия в Мейссене⁵⁸. Интересно, что во всех этих случаях говорится почти исключительно о еврейских купцах. Так в Баварии евреи упоминаются в связи с установлением пошлины, которую должны уплачивать с провозимых товаров «евреи и прочие торговцы». В Магдебурге во всех трех случаях идет речь о подчинении «евреев и прочих купцов». В Мерзебурге точно так же императоры Оттон II и затем Генрих II даруют местным епископам все права на доходы, собираемые с «евреев и купцов». В Праге и Мейссене евреи упоминаются в качестве работорговцев.

Таким образом, и в Германию евреи проникают исключительно как торговцы и торговые агенты. Целью их торговых странствий, впрочем, при этом являлись не столько собственно немецкие земли, сколько путь в славянские области в целях приобретения рабов для продажи их во Франции и Испании⁵⁹ и, быть может, в страны Востока, морское сообщение с которыми в связи с растущим торговым значением итальянских республик, с одной стороны, и господством арабов на море — с другой, становилось как раз в десятом столетии все более и более затруднительным. Сухопутная же дорога была известна им, как мы знаем из сообщения Ибн-Хордадбе, еще в середине предшествовавшего столетия. Тем же путем пользовались французские и немецкие евреи для торговых и иных сношений с Востоком вплоть до начала тринадцатого столе-

---

⁵³ Под 906 годом. *Monumenta Germaniae. Leges* III, 481.

⁵⁴ Под 965, 973 и 979 годами. *Monumenta Germaniae. Diplomata*. I, № 300; II, № 29, 198.

⁵⁵ Под 973 годом. *Thietm. Merseb. Chron.* III, с. 1; VI, с. 12. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* III, 758, 809.

⁵⁶ Ок. 970 года упоминается еврейская солеварня близ Наумбурга, *Aronius*, № 131.

⁵⁷ Под 942 и 989 годами, *Aronius*, № 125 a; *Vita st. Adalberti*, с. 12. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* IV, 586.

⁵⁸ Под 1009 годом. *Tietm. Merseb.* VI, с. 36. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* III, 821.

⁵⁹ О еврейской работорговле определенно говорится в баварском статуте о пошлинах, в сообщениях, касающихся Мейссена и Праги. Работорговлю же можно предполагать в качестве главного занятия и магдебургских, и мерзебургских евреев.

тия⁶⁰. Как бы то ни было, но, по-видимому, в конце концов евреям постоянных торговых сношений с Востоком сухим путем наладить не удалось; по крайней мере, как мы видели, начиная с десятого столетия они в большинстве случаев торговали восточными товарами из вторых рук, закупаая их в итальянских городах. Работорговля таким образом, во всяком случае, составляла главную, если, быть может, и не единственную цель поездок еврейских торговцев на Восток⁶¹. Об этом свидетельствует и первоначальное образование ими поселений на восточных смежных со славянскими землями границах империи, в Магдебурге, Мерзебурге, Мейссене, Праге, еще в десятом столетии, в то время как в большинстве крупных прирейнских городов общины их, по-видимому, если и существовали, то не должны были быть особенно значительными. По крайней мере, за исключением Вормса и Майнца, первые упоминания о евреях в этих городах не восходят ранее начала одиннадцатого столетия. Известная грамота епископа шпейерского Рюдигера, дарующая различные привилегии, изданная только в 1084 году, имеет целью привлечение евреев в этот город⁶².

С течением времени, однако, евреи завязывали и внутри самой Германии все более прочные и постоянные торговые отношения, чему в немалой степени должен был способствовать совершившийся в течение десятого столетия переход собственно немецких областей к организованной государственной жизни. Образование землевладельческой феодальной знати и здесь, как ранее во франкском королевстве, послужило причиной начала торговых сношений⁶³. В одиннадцатом столетии мы встречаем евреев рассеянными повсеместно в Германии и ведущими оживленную торговлю. Еще в первые десятилетия одиннадцатого века евреи принимают близкое и деятельное

---

⁶⁰ См. многочисленные данные о поездках западных евреев на Восток и обратно, восточных евреев на Запад, собранные *Güdemann*'ом (*Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der Juden in Frankreich und Deutschland*. Wien, 1880. S. 110); ср. сообщение о посещении Кельна евреем из Владимира: *Brisch*. *Geschichte der Juden in Köln und Umgebung*. Mülheim am Rhein, 1879. Band I. S. 55.

⁶¹ В Польше первое появление евреев или, по крайней мере, первое упоминание о них точно так же связано с работорговлей: *Chronica Poloniae*. II, с. 1. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* IX, 444; ср. *Graetz*. Band IV. S. 69. Anm. 1.

⁶² *Hilgard*. *Urkunden z. Gesch. d. Stadt Speyer*. Band I. S. 11, № 11.

⁶³ Ср. *Inama Sternegg*. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. Band I. S. 438 f.

участие в торговле на кельнской ярмарке⁶⁴. Во второй половине этого века еврейских купцов можно встретить повсеместно в Германии: в Лейтмерице (близ Ольмюца в Богемии)⁶⁵, в Боппарде и Гаммерштейне (Рейнская область), во Франкфурте-на-Майне, в Дортмунде, Госларе (Саксония), Ангерне (близ Магдебурга)⁶⁶, в Нюрнберге⁶⁷, не говоря уже о больших прирейнских городах как Кельн, Майнц, Вормс⁶⁸, Трир⁶⁹.

Торговля, как и в других странах в эту эпоху, составляла главный род занятий немецких евреев. «Все евреи предаются торговле, — говорит в начале двенадцатого столетия крещеный еврей Германн, сам в молодости также занимавшийся торговыми операциями и ездивший с товарами из Кельна в Майнц⁷⁰. Такое же указание на то, что евреи «только торговлей могут поддерживать свое существование», находим мы равным образом и в другом современном еврейском источнике⁷¹. Все привилегии, полученные евреями от императоров и других правителей во второй половине одиннадцатого столетия, в отличие от позднейших подобных актов, имеют прежде всего в виду различные права, связанные с торговлей: свободу торговли, освобождение от пошлин и т.п.⁷² Еще во второй половине двенадцатого столетия в грамоте, данной императором Фридрихом I регенсбургским евреям (1182 год), говорится о товарной торговле рядом с денежной торговлей как о наследственном

---

⁶⁴ *Brisch*. Band I. S. 17.

⁶⁵ *Erben*. Regesten Bohem. em. Morav. I, 52, № 124.

⁶⁶ *Boos*. Urkundenb. d. Stadt Worms. I, 48, № 56.

⁶⁷ Meisterlin (Nieronberg. Cron, I, 14) говорит о многочисленной еврейской общине в Нюрнберге в самые первые годы XII столетия. Впрочем, сообщение это подвергается основательным сомнениям. См. *Stobbe*. S. 222, Anm. 58; *Aronius*, № 212.

⁶⁸ *Brisch*. Band I. S. 17; *Boos*. I, 48.

⁶⁹ *Aronius*, № 208.

⁷⁰ *Herrmani*. Opusculum de sua conversione, c. 2. — *Migne*. Patrologia latina. T. CLXX. P. 807 sq.; ср. *Hoeniger* в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 65 f.

⁷¹ Элиезер бен Натан, см. цитату у *Güdemann*'а: *Geschichte des Erziehungswesens und Cultur der Juden in Frankreich und Deutschland*. S. 129.

⁷² В грамотах императора Генриха IV евреям города Вормса (*Boos*, I, 48, № 56), данных в 1074 году и 1090 году (*Hoeniger* в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 138 f.), затем в грамотах епископа Рюдигера и Генриха IV шпейерским евреям 1084 и 1090 годов (*Hilgard*, I, 11, № 11 и 12, № 12).

занятии евреев⁷³. Интересно отметить, что во всех последующих относящихся к тринадцатому столетию актах, касающихся евреев, речь идет только об условиях производства ими различных денежных операций, но не упоминается уже более о торговле и торговых привилегиях.

Таким образом, если в десятом и одиннадцатом столетиях торговля составляла преимущественное занятие немецких евреев, в то время как случаи обращения их к денежным операциям встречались лишь в виде относительно редких исключений, о которых в общих касавшихся евреев актах не считалось даже нужным упоминать, если, следовательно, «огромные» денежные богатства, скопившиеся в руках евреев как западной⁷⁴, так и восточной Германии⁷⁵ ко времени первого крестового похода, должны рассматриваться исключительно как результат накопления торговой прибыли, то во второй половине двенадцатого столетия денежные операции рядом с торговлей занимают не менее видное место в их экономической деятельности, в следующем же тринадцатом столетии профессия ростовщика становится столь же типичной для еврея, как ранее была торговая деятельность. Однако еще и в двенадцатом столетии торговые операции, по крайней мере, германских евреев все еще остаются значительными. Так, они продолжают, например, принимать деятельное участие на кельнских ярмарках⁷⁶. Симптом начинаю-

---

⁷³ Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung. Band IX. S. 459, f. В самих еврейских кругах торговля и взимание процентов считаются в это время наиболее обычными и распространенными среди евреев профессиями, см. *Raben*. S. 148 b.; *Hoffmann*. Der Geldhandel der deutschen Juden. S. 13.

⁷⁴ В Кельне толпы крестоносцев, разграбив дома евреев, «разделили между собою множество денег». Albertus Aquensis. Chron. Hierosol. de bello sacro, I, 27; тот же летописец говорит об «огромных сокровищах и несметных денежных богатствах» майнцских евреев, принятых на сохранение епископом Рутгардом (*ibid.*, I, 28).

⁷⁵ Cosmas. Chron. Boem. c. 5. — Monumenta. Germaniae. Scriptores IX, 104. Речь идет о богемских евреях, пытавшихся укрыться от преследований в соседние Польшу и Венгрию, захватив с собою все свои богатства (*divicias suas*), вследствие чего разгневанный этим герцог Вратислав конфисковал их сокровища (*thesauros*), оставив им лишь самое необходимое для жизни.

⁷⁶ Майнцскому раввину Элиезеру бен Натану приходилось неоднократно разрешать спорные вопросы, возникавшие в связи с участием евреев в ярмарочной торговле: *Raben*. S. 92–94, 97; *Hoffmann*. Der Geldhandel. S. 12–13.

щегося упадка торговли, впрочем, можно заметить уже в изменившемся характере главных предметов еврейской торговли. Торговля овчинами, плащами, частью предметами церковной утвари становится теперь на место торговли восточными продуктами и произведениями, из области которой евреи, таким образом, оказываются к этому времени окончательно вытесненными⁷⁷.

В Англию евреи проникли в более значительном числе только со времени норманнского завоевания, то есть не ранее второй половины одиннадцатого столетия⁷⁸. Если, как мы видели, евреи встречались в Англии еще в меровингскую эпоху, в восьмом и даже, возможно, в седьмом столетиях⁷⁹, то это были лишь отдельные спорадические случаи. Только теперь, то есть со времени завоевания, начинают образовываться крупные городские поселения евреев в Англии, прежде всего в Лондоне⁸⁰ и Оксфорде⁸¹, затем в Стэмфорде⁸², Йорке⁸³ и Линкольне⁸⁴. К концу двенадцатого столетия более значительные еврейские общины, очевидно, должны были существовать уже во всех тех двадцати шести крупнейших городах и местечках, в которых, согласно постановлению короля Ричарда I, были заведены специальные ящики для хранения выданных евреям долговых обязательств, именно в городах Бедфорде, Беркемстэде, Бристоле, Кэмбридже, Кэнтербери, Колчестере, Дивайзесе, Экзетере, Глостере, Герефорде, Гендингтоне, Линкольне, Лондоне, Марльборо, Нортгемптоне, Нориче, Оксфорде, Стэмфорде, Сэдбери, Уоллингфорде, Уорике, Уилтоне, Уинчестере, Уустере, Ноттингэме и Йорке⁸⁵.

Покровительство, каким пользовались евреи в Англии уже при первых норманнских королях, в особенности при Виль-

---

⁷⁷ *Hoffmann*. S. 12.

⁷⁸ *S. Goldschmidt*. Geschichte der Juden in England im XI u. XII Jahrhunderten. Berlin, 1886. S. 6.

⁷⁹ *Goldschmidt*. S. 2-4; *Schaible*. Die Juden in England vom VIII Jahsh bis zum Gegenwart. Karlsruhe, 1890. S. 1 f.

⁸⁰ *Stow*. Survey of London. P. 104 f.

⁸¹ *Tovey*. Anglia judaica. Oxford, 1733. P. 8; *Woods*. Historiae et antiquitates Oxonienses.

⁸² *Peck*. Antiquarian annals of the Town of Stamford (2 ed.). IV, c. 2; IX, c. 14.

⁸³ *Goldschmidt*. S. 18.

⁸⁴ *Ibid*.

⁸⁵ Capitula de Judaeis a. 1194. — *W. Stubbs*. Select Charters, 262. Список городов, в которых учреждены были также еврейские кассы приводится у Гросса; *Gross*. Exchequer of the Jews. — Jewish Chronicle office. 1887. P. 20.

гельме II Рыжем⁸⁶, и благоприятное положение, созданное для них хартиями последующих королей двенадцатого столетия⁸⁷, дали английским евреям возможность в короткое время развить обширную торговлю. Вся как внешняя, так и внутренняя торговля Англии сосредоточивалась в это время в руках евреев⁸⁸. Английские евреи во множестве посещали французские торговые города, где совершали свои закупки⁸⁹. Пользуясь в пределах Англии и Нормандии широкой свободой от уплаты обычных платежей и пошлин⁹⁰, евреи успели завязать торговые связи и отношения «со всеми слоями населения, с баронами и бюргерами, с лицами духовными и светскими»⁹¹. Рядом с обычными предметами роскоши в торговле английских евреев видное место занимала продажа вина⁹².

Следует заметить, однако, что торговля в экономической жизни английских евреев, в отличие от их французских и немецких соплеменников, никогда не занимала столь исключительного места. Евреи, как мы видели, в более значительном числе проникли в Англию вместе с норманнами-завоевателями из Франции в то время, когда среди французских евреев наблюдались уже все более и более частые случаи обращения к занятию денежными операциями. Эти новые привычки принесли они с собою и в Англию. В лице же представителей новой английской знати, принадлежавших со времени завоевания в большинстве к потомкам пришельцев из Франции, где среди аристократических кругов также уже начала ощущать-

---

⁸⁶ Petr. Alois. — *Fell. Rerum anglicarum scriptores veteri*. T. I. P. 111; Wilhelm Malmesburg. *Gesta regum Anglorum* IV, 317 (Ed. Hardy, p. 500).

⁸⁷ Об этом свидетельствует изданная в царствование Иоанна Безземельного еврейская хартия (*Charta Judaeorum* a. 1200). Евреи уже в двенадцатом столетии подчинены были в Англии непосредственно королю, и если им при этом нередко приходилось страдать от поборов со стороны королевской короны, зато они находились под ее постоянным специальным покровительством, оказываясь, таким образом, как бы в особом привилегированном положении, см. по этому поводу превосходную статью Gross в *Anglo-Jewish Exhibition papers*. P. 170. Всякое покушение на имущество еврея рассматривалось, как покушение на королевское имущество, см. *Goldschmidt*. S. 24–25.

⁸⁸ Бэр. История всемирной торговли. Т. II. С. 247; *Goldschmidt*. S. 24–25.

⁸⁹ *Michel*. *Histoire du commerce de Bordeaux*. P. 409, 446.

⁹⁰ *Charta Judaeorum* a. 1200, c. 13.

⁹¹ *Goldschmidt*. S. 26.

⁹² *Charta Judaeorum*.

ся постоянная нужда в кредите, они с самого начала находили благоприятную почву для развития денежных операций всякого рода. Вот почему уже с первого момента появления евреев в Англии мы видим широко распространенными среди них рядом с торговыми и кредитными операциями и сделки. К концу двенадцатого столетия, то есть спустя всего сто лет, операции этого рода среди евреев приняли настолько широкие размеры, что послужили поводом к образованию специального учреждения для разбора тяжб между евреями-кредиторами и их христианскими должниками, так называемого еврейского казначейства, а также тех еврейских касс для хранения долговых обязательств, о которых говорилось уже выше. В тринадцатом же столетии английские евреи почти исключительно обращаются к ростовщичеству и, напротив, не принимают уже более почти никакого участия в торговле. Принятые в царствование Эдуарда I специальные меры, имевшие целью заставить евреев вновь вернуться от ростовщических операций к торговле, остались безрезультатными⁹³.

Уже из только что законченного обзора торговой деятельности евреев можно видеть, что собственно денежные операции наряду с торговлей начинают играть видную роль в их жизни лишь в конце описываемого периода. До одиннадцатого столетия исключительное место в экономической деятельности западноевропейских евреев принадлежало торговле, ссудные же и разного рода денежные операции встречались лишь в виде относительного редких исключений. Одиннадцатый век является в этом отношении как бы временем перелома; наконец, в двенадцатом столетии мы застаем денежную торговлю в особенности среди французских и английских евреев в полном расцвете. Однако как в отношении других родов деятельности западных евреев, так и в отношении их кредитных операций следует иметь в виду, что, с одной стороны, развитие этих последних не было повсеместно одновременным и хронологически не вполне совпадало в отдельных странах и что, с другой стороны, и степень распространенности и значения их в жизни

---

⁹³ Эдуард запретил евреям жить займами и предписал им избрать другой род занятий и содержать себя «честным трудом и торговлей» (*Tovey. Anglia judaica. P. 200*). Однако вскоре же он должен был признать существующую практику, ограничившись изданием некоторых стеснительных постановлений, касавшихся размеров роста и условий его взимания, см. *Gross in Anglo-Jewish Exhibition papers. P. 226*.

еврейства различных стран являлась далеко не одинаковой. Так, Италия и Испания и в этом отношении составляют исключение. Здесь ростовщичество в еврейской среде не успело достичь ни той степени развития, ни того значения в общей экономической жизни страны, как в других европейских государствах. В описываемый период это отличие в экономической жизни итальянских и испанских евреев не успело еще проявиться особенно заметно ввиду того, что в странах северной Европы переход евреев к кредитным и денежным операциям начал намечаться лишь к концу периода.

И в Италии, как в других странах, отдельные евреи обращались в описываемое время к более или менее постоянным денежным операциям и успевали даже путем таких операций составлять себе крупные состояния и достигать видного общественного положения. Так, например, в Риме еще в одиннадцатом веке процветал известный банкирский дом Пьерлеони, основателем которого был крещеный еврей Барух⁹⁴. Дом Пьерлеони ссужал деньгами всю римскую знать⁹⁵. При Александре III вместе с другим банкирским домом Франгепани он составлял опору папского престола⁹⁶. При том же папе еврей Иехиэль являлся главным распорядителем папских финансов⁹⁷. Еще в половине следующего столетия папский двор, как мы уже знаем, находился в постоянных деловых отношениях с римскими евреями⁹⁸. В двенадцатом веке ростовщическими операциями занимались также евреи Болоньи. Дома многих граждан находились у них в залоге, и это обстоятельство и послужило причиной их изгнания из города, единственного, кажется, подобного случая в Италии. Изгоняя, таким образом, евреев, жители города предпочли «лучше лишиться своих сограждан удобства во всякое время пользоваться кредитом, нежели постоянно находиться под игом своего рода губительного рабства»⁹⁹.

Подобные случаи обращения к ростовщическим операциям не являлись, однако, ни в это, ни в последующее время типичными для итальянских евреев. Мы не только не слышим в

---

⁹⁴ *Muratori. Rerum italicarum scriptores. T. III. P. 425.*

⁹⁵ *Генкель. Римские евреи в средние века. — «Восход», 1901. № 9. С. 105–106.*

⁹⁶ *Vita Alexandri III. — Migne. Patrologia latina. T. CC. P. 51.*

⁹⁷ *Benjam. Tud. I, 8.*

⁹⁸ *Vogelstein-Rieger. Band I. S. 240.*

⁹⁹ *Ghiradacci. Istoria di Bologna. T. I. P. 91.*

течение всего средневековья каких-либо нападок на евреев-ростовщиков в Италии даже со стороны наиболее непримиримых противников еврейства¹⁰⁰, но, напротив, имеем свидетельства обратного значения и прежде всего известный отзыв Фомы Аквинского об итальянских евреях, в котором он противопоставляет этих последних, как людей, живущих трудом рук своих, евреям других стран, ведущим праздную жизнь и без всякого труда со своей стороны наживающим проценты на проценты¹⁰¹. В этом отношении интересно отметить, что и в первоначальной редакции повести о венецианском купце, легшей в основу известной шекспировской драмы, главным действующим лицом являлся не еврей, но ростовщик-христианин¹⁰².

Причину такого относительно незначительного участия итальянских евреев в банковых и кредитных операциях следует прежде всего видеть в слабом развитии в их среде торговли. В средние века, как известно, торговые и кредитные операции были тесно связаны между собою. Капитал безразлично мог вкладываться в операции того и другого рода. Флорентийские торговые компании Фрескобальди, Барди, Перуччи, Моччи, Спини, так же как и крупнейшие торговые дома Венеции, Генуи, Сиены, Болоньи, Лукки соединяют товарные операции с ссудными, и обратно, итальянские банки в то же время спекулируют в области товарной торговли¹⁰³. Рано вытесненные из области левантийской торговли и лишенные всех связанных с нею выгод¹⁰⁴, итальянские евреи не могли обратить своих капиталов и на операции ссудного характера, так как и в этой

---

¹⁰⁰ В то же время итальянская литература средних веков полна нападок на христиан-ростовщиков, ср. свод отзывов о христианских и еврейских ростовщиках у *Güdemann*'а. *Geschichte des Erziehungswesens in Italien*. S. 242 f. f.

¹⁰¹ *Thomae Aquinatis. Opera omnia*. Parma, 1852–75. T. XVI. P. 292.

¹⁰² *M. Landau. Beiträge zu Geschichte der italienischen Novelle* 33. Mailand, 1815. T. IV. P. 1.

¹⁰³ *I. Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter*. – *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung*. Wien, 1908.

¹⁰⁴ Само собою разумеется, что перепродажа восточных товаров на французских ярмарках из вторых рук, о чем упоминалось выше, не могла в сколько-нибудь значительной степени вознаградить евреев за утрату непосредственных связей с Востоком тем более, что и на этих ярмарках они встречались с конкуренцией тех же итальянских купцов, находившихся в несравненно более выгодных по сравнению с ними условиях: *Pigeonneau*. T. I. P. 243–244.

области они точно так же с самого начала столкнулись с могущественной конкуренцией итальянских купцов и банкиров, далеко превосходивших их как величиной капиталов, так и размерами оборотов. Притом же надо иметь в виду, что конкуренция эта возникла с самого начала одновременно с возникновением иужды в деньгах и в кредите. Так, по арабским источникам, менялы встречались в Палермо еще в десятом столетии. К началу двенадцатого столетия уже повсюду в итальянских городах — в Венеции, Генуе, Амальфи, Болонье, Лукке¹⁰⁵. Начиная с тринадцатого и частью уже в двенадцатом столетиях итальянские купцы и банкиры, известные под именем ультрамонтанов и затем ломбардцев, конкурируют с евреями в области денежных операций и за пределами Италии, главным образом, во Франции и Англии¹⁰⁶, также несколько позже и в Германии¹⁰⁷. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в Италии, на самой родине «ломбардцев», евреи оказались совершенно заслоненными этими последними и не могли поэтому играть заметной роли и в области денежных операций так же, как они ранее были вытеснены из области торговых сношений. Это не означает, чтобы они были вынуждены совершенно отказаться от всяких ссудных операций. Мы уже говорили выше о деятельности еврейских банкирских домов в Риме и в Болонье. И впоследствии, во вторую половину средних веков, мы точно так же встречаем евреев, занимающихся кредитными операциями в Венеции¹⁰⁸, Равенне¹⁰⁹, Флоренции¹¹⁰, Вероне¹¹¹, Мантуе¹¹², Ферраре¹¹³, Парме¹¹⁴, Лукке¹¹⁵,

¹⁰⁵ См. *Heynen*. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. 1905; *Sieveking*. Genueser Finanzwesen von XII bis XIV Jahrh. 1898. Band I; ср. также *Goldschmidt*. Universalgeschichte des Handelsrechts. Band I. 1891.

¹⁰⁶ *Piton*. Les Lombards à Paris et en France, 1892; *d'Avenel*. Histoire économique. T. I. P. 109 suiv; *Pigeonneau*. T. I. P. 243–259; *Кеннингэм*. Рост английской торговли и промышленности. Перевод с 3-го англ. изд. М., 1904. С. 246 и след.; *Schanz*. Englische Handelspolitik. S. 111 f.

¹⁰⁷ *Schulte*. Band I. S. 290 f.

¹⁰⁸ Rubeus в Acta Sanctorum (Bollandisten). Sept. T. VII, № 348.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Ammirato*. Istorie Florentine, 1641, II. P. 1063.

¹¹¹ *Dalla Corte*. Storia di Verona, II, 297.

¹¹² *Hebr. Bibliographia* I, 17.

¹¹³ *M. Stern*. Urkundliche Beiträge über die Stellung d. Päpste zu den Juden mit Benutzung der papstlichen Geheimsarchive zu Rom. Band I. Kiel, 1893, № 42.

¹¹⁴ *Stern*, № 48.

¹¹⁵ *Stern*, № 54, 60–62.

Сиене¹¹⁶ и других городах Италии¹¹⁷. Не будучи, однако, в силах соперничать с могущественными итальянскими торговыми домами¹¹⁸ как в области собственно торговых, так и денежных операций, они должны были довольствоваться более скромной ролью, а вместе с тем и более скромными и умеренными процентами на выдаваемые ими ссуды¹¹⁹. Этим, по всей вероятности, и объясняется, почему еврей-ростовщики в Италии менее обращали на себя внимание, нежели занимавшиеся той же профессией христиане, и почему они не только не возбуждали к себе враждебного отношения, как в других странах, но, напротив, привлекались даже в отдельные города специальными привилегиями с целью понизить высоту процентов, взимавшихся в этих городах местными христианскими ростовщиками¹²⁰.

В Испании, именно в христианской Испании, почва для развития кредитных операций оказывалась менее благоприятной, нежели в Италии и в других западноевропейских государствах. Еще в конце одиннадцатого столетия мы ничего не слышим здесь о евреях, занимающихся такого рода операциями. Иначе папа Григорий VII, вообще враждебно относившийся к евреям¹²¹, в своем направленном против них письме к кастильскому королю Альфонсу VI не преминул бы обратить внимание короля на эту сторону деятельности евреев¹²². И в половине следующего столетия торговля все еще занимала видное место в экономической деятельности испанских евреев. Однако с половины следующего столетия и ростовщичество, рядом с торговлей, получает среди них все большее распространение. Законы Иакова I Арагонского воспрещают евреям брать более четырех динариев с ливра в месяц¹²³. Около того же времени в Испании появился специальный трактат против жадности и

---

¹¹⁶ *Stern*, № 63.

¹¹⁷ *Acta sanctorum* (Bollandisten). T. VII, № 312.

¹¹⁸ Обширный материал относительно итальянских торговых и банковых домов и их деятельности собран у *Зомбарта*: Современный капитализм. Перевод под ред. Базарова и Степанова. Т. I. С. 292–303.

¹¹⁹ Так, например, во Флоренции они брали лишь 20% вместо 30%, взимавшихся флорентийскими банкирами. Ammirato. *Istoire Florentine*, II, 988, 1063; ср. Dalla Corte. *Storia di Verona*, I, с.

¹²⁰ См. Ammirato и *Acta Sanctorum* в цитированных местах; *Stern*. *Urkundliche Beiträge*. Band I. № 42, 60–63.

¹²¹ Ср. Mansi. *Conc.* XX, 508.

¹²² Gregorii VII. *Epistolae* IX. 2. — *Migne*. *Patrologia latina*. T. CXLVIII.

¹²³ *Const. Coll.* p. 528; *Bédarride*. P. 189.

ростовщичество евреев¹²⁴. К концу тринадцатого столетия ростовщичество, по-видимому, оказывается распространенным среди евреев в Испании способом помещения капиталов, о чем свидетельствуют жалобы вальядолидских кортесов 1293 года, по требованию которых воспрещено было евреям впредь приобретать от христиан земли, земли же, полученные в залог, они должны были продать не позже годичного срока¹²⁵. Сто лет спустя, в 1385 году, собравшиеся в том же Вальядолиде кортесы требовали новых ограничений в отношении евреев-ростовщиков, именно, воспрещения им иметь собственных экзекуторов по взысканию долгов. На этот раз представления кортесов не были, однако, уважены короной¹²⁶. Такие специальные меры против еврейских ростовщиков показывают, что денежные операции были относительно широко распространены среди евреев Испании и, во всяком случае, сильнее давали себя чувствовать, нежели в Италии. Клиентами евреев, занимавшихся ссудными операциями, и здесь, как в других странах, оказывались представители землевладельческой знати. Меры, принятые против евреев-ростовщиков, как мы видели, касались прежде всего залога земель. В пользу того обстоятельства, что денежные операции были привычным делом для испанских евреев, говорит также и факт поручения им ответственных финансовых постов. Даже короли, неприязненно относившиеся к ним и принимавшие специальные меры против евреев, в большинстве случаев не могли обходиться без их услуг в области финансового управления¹²⁷. Следует иметь в виду, однако, что если ссудо-залоговые операции и получили относительно широкое распространение среди испанских евреев, все же они никогда не занимали такого же исключительного места в их жизни, как в жизни их соплеменников в других европейских государствах этого времени.

Если в Италии и Испании до двенадцатого столетия профессия заимодавцев не являлась распространенной среди евреев, то в сущности то же самое следует сказать и относительно евреев Франции и Германии. И в обеих этих странах в течение того же времени случаи обращения евреев к денежным операциям встречались лишь в виде отдельных спорадических случаев и совершенно отступали и стушевывались пред

---

¹²⁴ *Bédarride*. P. 191.

¹²⁵ *Graetz*. Geschichte der Juden. Band VII. S. 169.

¹²⁶ *Graetz*. Band VIII. S. 48.

¹²⁷ *Graetz*. Band VII. S. 165 f.

профессиональным занятием торговлей. «О специфически еврейском ростовщичестве, — как говорит Шиппер, — до одиннадцатого столетия мы ничего не слышим»¹²⁸. Помеченное еще последним годом правления Карла Великого запрещение евреям принимать в залог различные предметы церковной утвари¹²⁹ не может служить доказательством обратного, так как имеет в виду, по-видимому, встречавшиеся спорадически уже и ранее случаи залога церковных предметов отдельными представителями высшего духовенства¹³⁰. В отдельных случаях евреи ссужали деньги также и представителям светской знати. Так, например, вдова графа тулузского (в половине девятого столетия) завещала своему сыну уплатить ее кредиторам суммы, которые она задолжала «не только христианам, но также и иудеям»¹³¹. Чрезвычайно характерным и показательным представляется самое это выражение «не только христианам, но и иудеям». В позднейшее время предпочли бы сказать наоборот. В течение всего следующего столетия мы ничего не слышим о ссудных операциях евреев.

Только в конце этого столетия или, быть может, в начале следующего среди евреев Майнца и Вормса возникает вопрос о высоте процентов, которые должны уплачивать еврейские торговцы, посещающие кельнскую ярмарку, по сделанным ими займам¹³². В данном случае, впрочем, по-видимому, идет речь не столько о кредитных операциях в собственном смысле, сколько об одном из случаев торговой практики, именно о случае доверия капитала для торговых оборотов одним еврейским купцом другому и о способах вознаграждения первого. Такое именно значение имеет и решение вопроса, предложенного Гершомом, решение, согласно которому более высокий процент уплачивается лишь в том случае, если кредитор сам участвует своим капиталом в риске, связанном с ходом торговой операции¹³³. Анало-

---

¹²⁸ Шиппер. С. 38.

¹²⁹ Capitular. de Judaeis, с. 1–2. — Monumenta Germaniae. Leges I, 194.

¹³⁰ Впрочем, самая подлинность капитулярия об иудеях подвергается сомнению. Boretius. Capitularia, I, 258.

¹³¹ Acta Sanctorum IV, 1, 756.

¹³² Aronius, № 111.

¹³³ Во всяком случае, в факте возникновения подобного вопроса, как совершенно справедливо указывает Арониус, нельзя еще видеть вместе с Грецом (Band V. S. 363) доказательства того, что более богатые евреи уже в это время начали уклоняться от непосредственного участия в товарной торговле и переходить к исключительному занятию денежными и кредитными операциями.

гичный случай совмещения торговых и кредитных операций представляет сообщение другого современного еврейского источника о некоем еврее Рубене, жившем где-то на границе между Францией и Германией (в городе Карта (?)) и занимавшемся спекуляциями самого разнообразного свойства. Он «покупал и продавал», то есть, другими словами, занимался торговлей, отдавал деньги займы под залог, спекулировал, таким образом, не только с собственными капиталами, но и с капиталами, доверенными ему местным князем, наконец, во время военных действий он наживался, скупая военную добычу¹³⁴.

Решению вопросов, возникавших в связи с занятием ссудными операциями, посвящены многие респонзы одиннадцатого столетия¹³⁵. Как и ранее, впрочем, ссудные операции связывались с торговлей, все еще игравшей преобладающую роль в экономической жизни евреев Франции и тем более Германии. Еще в начале двенадцатого столетия еврей Иуда из Кельна, принявший впоследствии крещение с именем Германна, в молодости, как он сам рассказывает в своей автобиографии, вел торговые операции, но одновременно занимался ссудой денег, причем он все еще называет торговлю главным занятием своих соплеменников¹³⁶. Ко времени Германна, однако, уже и кредитные операции, по-видимому, были широко распространены между евреями. Практика привела уже к твердо установившимся обычаям. Так, он говорит об обыкновении евреев брать при ссуде залог, по ценности вдвое превышающий размер самой ссуды¹³⁷.

Перелом в сторону исключительного обращения к ссудным операциям совершился лишь в течение двенадцатого столетия. Выше мы уже обращали внимание, что в грамоте, пожалованной евреям шпейерским епископом, так же как и в грамотах императора Генриха IV шпейерским и вормским евреям, в документах, относящихся к последним десятилетиям одиннадца-

---

¹³⁴ *Graetz*. Band V. S. 364.

¹³⁵ Еврейская энциклопедия. Т. XIV. С. 926.

¹³⁶ *Hermann* opusculum de sua conversione. — *Migne*. *Patrologia latina*. T. CLXX. P. 805 sq.; ср. статью *Höniger*'а в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 65 f., где сведения, сообщенные Германном, подтверждаются данными из других современных ему еврейских источников.

¹³⁷ Сам Германн ссудил епископу мюнстерскому крупную денежную сумму, не взяв с него такого обычного залога, чем привел в большое смущение своих родственников и знакомых: с. 2. S. 807 f.

того столетия, речь идет, главным образом, о правах, связанных с торговлей. О собственно ссудных операциях еще не упоминается вовсе; говорится только о разрешении евреям заниматься меняльным делом, неразрывно, впрочем, связанным в то время в большинстве случаев и с кредитными операциями. В двенадцатом столетии сообщения относительно кредитных операций среди немецких евреев становятся все чаще, и, по крайней мере, к концу этого столетия, как мы отмечали уже выше, денежная торговля занимает такое же место в жизни немецких евреев, как и торговля товарами, с тем, чтобы в следующем столетии окончательно оттеснить эту последнюю на второй план. Быстрее и раньше, чем в Германии, этот процесс перехода от товарной торговли к денежной совершился во Франции. Здесь уже в двенадцатом столетии профессия ростовщика является типичной для еврея. Уже в половине этого столетия Бернард Клервосский говорит о евреях прежде всего как о ростовщиках¹³⁸. О размерах их операций можно судить по преувеличенному, правда, сообщению современника, будто ко времени их первого изгнания из Франции при Филиппе Августе половина города Парижа находилась в их руках в качестве залога¹³⁹.

В Англии, как мы уже знаем, евреи в более значительном числе появляются лишь к концу описываемого периода. При этом почти с самого начала они посвящают себя здесь не столько собственно торговым, сколько по преимуществу ссудным и денежным операциям. Вот почему уже права и привилегии, дарованные евреям в правление первых норманнских королей, имеют в виду прежде всего их ссудные операции, вопросов же, связанных с торговлей, касаются лишь вскользь и мимоходом. Вот почему еще в половине двенадцатого столетия со времени основателя династии Плантагенетов Генриха II английские евреи «играли роль губки, которая всасывала в себя достатки подданных и из которой легко было выжать богатства в королевские сундуки»¹⁴⁰.

---

¹³⁸ Bernhardi epistolae, 363. – *Migne*. Patrologia latina. T. CLXXII. P. 567 sq.

¹³⁹ Rigord. Gesta Philippi Angusti. – *Duschesne*. Historiae Franciae Scriptores. T. V. P. 8; *Bouquet*. Recueil des historiens des Gaules et la France, XXVIII.

¹⁴⁰ *Кеннигэм*. С. 172; ср. главу о еврейском казначействе в книге *Madox's* The history and antiquities of the Exchequer of the kings of England (Vol. I, 1769) и цитированную статью *Гросса* о том же казначействе. Подробнее вопрос о положении и деятельности евреев, занимавшихся ссудными операциями в Англии, будет затронут нами ниже.

В целях лучшего действия этого специального прибора для перекачивания достатков подданных в королевские сундуки, как мы видели, уже при преемнике Генриха II, Ричарде, было учреждено специальное еврейское казначейство с отделениями во всех крупнейших городах Англии. Недаром и враждебные чувства в отношении евреев едва ли не ранее, чем где-либо, получили широкое распространение в населении, несмотря на относительно позднее появление здесь еврейских эмигрантов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Евреи в VIII—XI веках.
Прочие роды деятельности:
еврейское землевладение.
Отношение к евреям со стороны
христианского населения*

В предшествовавшей главе мы показали, что торговля, и именно прежде всего торговля внешняя, являлась в течение всей первой половины средних веков если и не исключительным, то, во всяком случае, наиболее распространенным и типичным родом экономической деятельности западноевропейских евреев. Евреи играли в это время роль первых пионеров при возникновении торговых сношений в средневековой Европе. Еврейский купец являлся желанным гостем как при императорском дворе и среди придворных кругов, так и в епископской резиденции, и в провинциальных замках баронов и графов, частью, наконец, все в большей степени и в городах, где главным покупателем привозимых им заморских предметов являлась городская аристократия. Евреи посещали и все более значительные и крупные ярмарки Франции и западной Германии. Вытесненные из непосредственных торговых сношений с восточными странами, они тем не менее, как мы видели, еще долгое время продолжали играть видную роль в международной торговле, являясь посредниками между итальянскими торговыми республиками и странами средней и северной Европы. Только к концу описываемого периода, по мере приближения времени первого крестового похода, торговля начинает все более и более ускользать из их рук, вместе с чем в их жизни все большее значение приобретают кредитные и вообще денежные операции различного рода. Из торговца еврей превращается сначала в менялу и затем в банкира и ростовщика. Во Франции и частью в Ита-

лии это превращение совершается еще в одиннадцатом и двенадцатом столетиях, в Германии — в двенадцатом-тринадцатом; наконец что касается Англии, то здесь евреи с самого своего появления в более значительном числе наполовину, если не в большей своей части, оказывались уже ростовщиками.

Таково общее впечатление, получающееся в результате рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении данных относительно экономического положения и условий экономической жизни западноевропейских евреев в эпоху, предшествовавшую времени крестовых походов. Однако если торговля и являлась в течение всего описываемого периода преобладающим родом деятельности в еврейской среде, то, во всяком случае, торговыми операциями далеко еще не исчерпывалась их экономическая деятельность. Начать с того, что ни торговое значение евреев, ни значение торговли в жизни их самих далеко не было одинаковым в отдельных странах. Так, прежде всего условия экономической жизни и деятельности евреев в Италии и Испании представляли, как мы уже отмечали выше, исключение из общей только что нарисованной нами картины. Занятие торговлей, по крайней мере, в более обширных размерах никогда не являлось характерным ни для итальянских, ни для испанских евреев и даже отступало перед другими профессиями; равным образом и денежная торговля и ссудные операции не занимали в продолжение всего средневековья заметного места в их экономической деятельности. Зато среди них, напротив, получили более широкое распространение другие профессии, мало распространенные среди еврейского населения остальных европейских стран, а именно, в Италии ремесленная деятельность, в Испании же, рядом с ремесленной деятельностью, сверх того частью даже и чуждое, как мы знаем, для евреев за пределами древней их родины вообще занятие земледельческим трудом.

В противоположность странам средней и северной Европы, в экономической жизни которых первое место принадлежало ремесленной промышленности, Италия в продолжение всего средневекового периода оставалась по преимуществу страной торговых республик, причем ремеслу в общей совокупности экономической жизни нередко приходилось довольствоваться более скромной ролью. Интересы местных ремесленников здесь поэтому далеко не всегда, как в остальной средневековой Европе, стояли на первом месте. В некоторых более крупных торговых республиках стремление к быстрому развитию промыш-

ленности в целях прежде всего увеличения торгового вывоза брало верх над всеми иными соображениями и нередко побуждало законодателя поощрять поселение в городе иностранных ремесленников, быть может, даже иногда в ущерб интересам местного ремесла¹. Вот почему ремесленная жизнь итальянских городов или вовсе не заключала в себе той крайней степени замкнутости и исключительности, какая отличала собою прежде всего жизнь ремесленников остальной средневековой Европы². Если евреи здесь уже рано были вытеснены из сферы торговых отношений, зато в противоположность другим европейским странам они имели полную возможность обратиться к ремесленной деятельности. Мало того, ремесленная деятельность среди них в Италии нередко даже специально поощрялась. Таков, например, известный факт привлечения королем сицилийским Рожером евреев из Греции в целях насаждения в Сицилии и южной Италии шелководства и шелкопрядения³. Эта новая отрасль промышленности получила широкое распространение среди евреев, преимущественно, в южной Италии. Так, мы встречаем евреев, занимающихся шелководством и шелкопрядением в Калабрии в Реджио, Катанцаро, Козенце и других южноиталийских городах и местностях⁴. Еще более широкое и повсеместное распространение среди евреев Италии получило красильное ремесло, представлявшее одну из важнейших отраслей промышленности Италии вообще. Веньямин Тудельский сообщает о десяти евреях-красильщиках в Бриндизи⁵. Скучные сообщения Веньямина Тудельского могут быть пополнены многочисленными данными других источников. Так, мы узнаем о процветании красильного ремесла среди евреев в городах Козенце, Трани, Палермо, Беневенте, Салерно и Неаполе⁶. «Начиная с севера Италии и до крайнего юга иудейские общины занимались по преимуществу красиль-

---

¹ Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. III. М., 1903. С. 153.

² Orlando. Delle fratellanze artigiane in Italia. P. 110; *Placentiae*. Parma, 1840. P. 337. Но и в случаях обязательной принадлежности к цеху доступ в этот последний не был абсолютно закрыт для иностранцев (Ковалевский. Т. III. С. 153–154).

³ Monumenta Germaniae, Scriptores V, P. 192.

⁴ Domenico Spano Bolani. Judei in Reggio di Calabria. Цит. по Güdemann'y. S. 68.

⁵ Behjam. Tudel. I, 14.

⁶ Güdemann. S. 69 и Note 5.

ным ремеслом. Ярким показателем этого является то обстоятельство, что налог на красильное ремесло и еврейский налог были равнозначными понятиями (*gleichbedeutend*)»⁷. Небезинтересную параллель с положением евреев в Германии представляет факт пожалования козенцскому епископу «всех евреев и красильного дела» в Козенце⁸, подобно тому как немецким епископам, как мы видели, жаловались «евреи и прочие купцы».

Рядом с шелкопрядением и красильным делом евреи занимались в Италии и другими ремеслами. В Сицилии многие евреи занимались изготовлением различных металлических изделий⁹; точно так же на острове Сардиния было много евреев кузнецов, слесарей, серебряных дел мастеров, ткачей¹⁰. Евреи заняты были также в строительном деле и в горной промышленности острова¹¹. В Падуе встречались еврей-суконщики¹². В самом Риме также было немало евреев ремесленников, причем особенно распространенным среди них было, по-видимому, портняжное мастерство¹³. Многие занимались также ювелирным делом¹⁴. Повсеместно в Италии встречались еврей-копиисты рукописей, которых с изобретением печатного дела заменили рабочие типографы. Еврейские типографии уже к концу средних веков имелись в Реджио, Мантуе, Ферраре, Болонье, Неаполе и многих других менее значительных городах и местечках¹⁵.

Мы приводили уже выше отзыв Фомы Аквинского об итальянских евреях, как занимающихся, в противоположность евреям остальной Европы, производительным трудом. Интересно сопоставить с этим отзывом другой аналогичный отзыв со стороны местного населения, так же как и правящих кругов

---

⁷ *Güdemann*. S. 69.

⁸ *Huillierd-Bréholles*. *Historia diplomatia Friderici Secundi*. T. I. S. 206.

⁹ *La Lumia*. *Gli Ebrei Siciliani*. P. 50.

¹⁰ *G. Spano*. *Gli Ebrei in Sardegna*. P. 37.

¹¹ *Ibid.*, 44, 51.

¹² *Kassyno*. Евреи в Италии. — Еврейская энциклопедия. Т. VIII. С. 491.

¹³ Сведения наши относительно евреев-ремесленников в Риме относятся, правда, к значительно позднему времени, однако с полным правом мы можем распространить их и на предшествовавшую средневековую эпоху (см. *Дубнов*. *Всесообщая история евреев*. Т. III).

¹⁴ *Kassyno*. Евреи в Италии.

¹⁵ *Graetz*. Band VII. S. 250.

острова Сицилия. Отзыв этот, правда, относится к самому концу средневековой эпохи, но он вследствие этого не только ничего не теряет в смысле своей показательности, а, напротив, представляется тем более характерным. Когда в царствование Фердинанда Католика поставлен был вопрос об изгнании евреев между прочим и с острова Сицилия, должностные лица, стоявшие во главе управления острова, собравшись под председательством главного юстициария Томмазо Монкада, постановили обратиться по этому поводу к королю с представлением, в котором вступались за изгоняемых евреев. В своем протесте они между прочим пишут: «Другое затруднение (вытекающее из факта изгнания евреев. — А.Т.) заключается в том обстоятельстве, что в этой стране почти все ремесленники евреи. Если все они одновременно удалятся, то христиане будут после этого испытывать большой недостаток в рабочих, опытных в различных ремеслах и изготовлении различных изделий, в особенности в железных промыслах, в кузнечном ремесле и в горном деле так же, как и в постройке кораблей, галер и прочих морских судов»¹⁶. Помимо представления со стороны должностных лиц острова, жители городов Палермо и Мессины точно так же отправили к королю депутации с аналогичными ходатайствами и с указанием губительных последствий изгнания евреев¹⁷. Ни то, ни другое ходатайство, как известно, однако принято во внимание не было, и евреи должны были удалиться с острова.

И в Испании ремесло было относительно широко распространено среди евреев. Шелководство и здесь, как в Италии, составляло одну из важнейших отраслей еврейской промышленности. Шелковая промышленность процветала здесь еще в десятом веке. Об этом сообщает Хасдай в своем известном письме к хазарскому кагану¹⁸. Свидетельство Хасдая подтверждается и другими современными ему данными. Так, около того же времени шелковые ткани Ибн Джауа и его брата Иосифа вызывали всеобщее удивление и охотно приобретались в придворных сферах¹⁹. Таким образом, в Испании евреи уже очень рано обращаются к ремесленной деятельности. При этом

---

¹⁶ *La Lumia*. P. 38, 50.

¹⁷ *La Lumia*. P. 37.

¹⁸ Письмо Хасдая приводится у *Carmoly*: *Itinéraire de la terre Sainte*. P. 36.

¹⁹ *Graetz*. Band V. S. 398.

так же, как в Италии, ремесло остается распространенной среди испанских евреев профессией вплоть до времени изгнания их из Испании. Еще в половине пятнадцатого столетия, то есть всего около пятидесяти лет до их окончательного изгнания, евреи были заняты в Испании самыми разнообразными ремеслами. Между ними встречались ткачи, золотых дел мастера, плотники, цирюльники, башмачники, портные, мельники, медники, седельники, канатчики, горшечники, экипажники, корзинщики²⁰. То обстоятельство, что среди евреев много было искусных сукноделов, показывает, насколько видное место должны были занимать они и в общей экономической жизни страны, так как известно, что именно суконное производство составляло важнейшую отрасль средневековой промышленности²¹.

Совершенно иную картину наблюдаем мы в других европейских странах. Начать с того, что в эти страны евреи, как мы видели, проникли преимущественно в качестве крупных торговцев, то есть людей, привыкших иметь дело с оборотами капиталов и мало расположенных к личному труду. Цеховая замкнутость ремесленной промышленности в средней и северной Европе не являлась, таким образом, основной причиной, препятствовавшей французским, немецким, английским евреям обращаться к занятию ремеслом, но лишь в полном соответствии с профессиональным нерасположением евреев к ремесленной деятельности действовала в том же направлении. Первое время в их жизни исключительное место занимала торговля, с вытеснением же их из области торговой деятельности наиболее естественным представлялось обращение к близкой и параллельной с этой последней профессии, именно, к занятию ссудными денежными операциями. Неудивительно, что при таких условиях о евреях-ремесленниках во Франции, Германии, Англии мы в течение всего средневекового периода почти ничего не слышим. Ибо нельзя же считать доказательством занятия евреев ремесленной промышленностью случайное упоминание о еврее-портупейщике в Париже²² или тем более факт приобретения евреем в Кельне булочной²³. Вот почему даже

---

²⁰ См. декрет короля Иоанна II кастильского от 6 апреля 1442 года у *Graetz'a* (Band VIII. S. 194).

²¹ Еврейская энциклопедия. Т. XIII. С. 430.

²² Collection documents inédits. Cartulaire de l'église de Notre Dame de Paris. Ed. *Cuérard*. T. II. P. 448.

²³ *Aronius*, № 305.

Каро, исследователь, склонный вообще к распространительному толкованию всякого сообщения о занятии евреев земледелием или ремеслом, приходит в данном случае хотя и к осторожному, но все же к отрицательному выводу. «Евреи, — говорит он, — не принимали участия в развитии ремесленной промышленности в тринадцатом столетии; отдельные ремесленники, быть может, и встречались и то редко; чтобы доказать противное, необходимо иметь для этого в своем распоряжении более обильный материал»²⁴. Очень возможно и даже вероятно, что внутри еврейских кварталов имелись ремесленники, обслуживавшие потребности членов общины, но мы имеем все основания полагать, что деятельность этих ремесленников не выходила за пределы собственно еврейских общин и не распространялась, как мы это видели в Италии и Испании, на христианское население.

В качестве городских жителей по преимуществу евреи нередко посвящали себя и собственно интеллигентным, именуемым в наше время свободными, профессиям²⁵. Из этих последних на первом месте должно быть поставлено врачебное искусство, особенно распространенное в средние века среди евреев Италии и южной Франции²⁶. В Италии еще в десятом столетии мы встречаем, например, известного ученого и врача Донноло²⁷. Впоследствии именно евреи-врачи пользовались в Италии наилучшей репутацией, успешно конкурируя со своими христианскими коллегами и даже в большинстве случаев превосходя их своими познаниями и опытностью. Недаром, несмотря на все церковные запрещения обращаться к услугам евреев-врачей, запрещения, постоянно возобновлявшиеся и повторявшиеся до самого конца средневековой эпохи²⁸, именно врачи-евреи пользовались особенной популярностью. Их охотно приглашали как в хижины бедняков, в монастыри, так и при

---

²⁴ Caro. Social und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und Neuzeit. Band I. 1908.

²⁵ О развитии среди евреев, как горожан по преимуществу, высокой степени интеллигентности см. в особенности: Каутский. Еврейство и раса. 1918. С. 120 и след.

²⁶ Сведения о врачах-евреях начиная с VIII столетия собраны в специальной статье Loeb'a: Judisch-arabische Aerzte. — Magazin f. die Wissenschaft d. Judenthums. Band VII (1880). S. 101–110.

²⁷ Gudemann. Geschichte... in Italien. S. 17 f.

²⁸ Cp. L. Fürst. Beiträge zur Geschichte der jüdischen Aerzte in Italien. — Jahrbücher für die Geschichte der Juden. Band II. S. 351.

дворах князей. Услугами их нередко пользовались сами папы²⁹. Врачи-евреи занимали даже профессорские кафедры, приглашались городскими властями в качестве городских врачей³⁰. Такую популярность врачи-евреи сохранили в Италии до самого конца средних веков. Еще в самом конце пятнадцатого столетия церковные проповедники и представители церковной власти постоянно жалуются на оказываемое им предпочтение по сравнению с их христианскими коллегами³¹.

Итальянские врачи-евреи не составляли исключения. Не меньшей популярностью пользовались врачи-евреи и в южной Франции. Здесь еще в половине тринадцатого столетия, то есть уже после великого разгрома времени альбигойских войн, как обратил на то внимание собор в Безье (май 1246 года), почти вся врачебная практика сосредоточивалась исключительно в руках еврейских врачей. Евреи практиковали повсюду, не исключая Монпелье, где находилась высшая медицинская школа³².

И в Испании, особенно в мусульманской Испании, врачебное искусство и наука среди евреев стояли точно так же высоко. Лучшим доказательством этого может служить пример известного еврейского ученого Маймонида, прославившегося также, между прочим, как своими теоретическими познаниями в области медицинской науки, так и своей врачебной практикой. Во время своего пребывания в Каире, куда он переселился из Испании, бывшей его родиной, он существовал преимущественно врачебной практикой и обратил на себя внимание султана Саладина, назначившего его своим придворным врачом. Еще за два столетия до Маймонида в конце десятого века при дворе кордовского халифа служил врач-еврей Ибрагим или Якуб, исполнявший также и посольские поручения³³. Евреи-врачи практиковали и среди христианского населения во второй половине средних веков³⁴.

Если французские и немецкие евреи и не выделили из своей среды особенно выдающихся своими познаниями и заслуга-

---

²⁹ *M. Stern. Urkundliche Beiträge. Band I, № 3–8, 13–15, 22, 29, 30, 32, 37, 50, 60, 61.*

³⁰ *Güdemann. S. 237–239, ср. s. 152 f.*

³¹ *Graetz. Band VIII. S. 248 f.*

³² *Graetz. Band VII. S. 123 f.*

³³ *Aronius, № 130.*

³⁴ *M. Stern. Urkundliche Beiträge. Band I, № 18; Band II, № 181–183.*

ми врачей, то практикующие врачи-евреи и здесь встречались нередко. Так, еще в начале девятого столетия мы находим сообщение о враче-еврее, практикующем в среде высшей духовной и светской аристократии и, по-видимому, пользующемся в этих кругах хорошей репутацией и известностью³⁵. Услугами другого врача-еврея пользуется в том же столетии император Карл Лысый³⁶. В грамотах Генриха IV шпейерским и вормским евреям разрешается и между прочим продажа различных медикаментов, причем надо полагать, такая продажа должна была быть связана с врачебной практикой. И впоследствии, несмотря на то, что церковь и в Германии выступила со своими запрещениями пользоваться услугами врачей-евреев, например, на трирском соборе 1227 года и на венском 1267 года³⁷, эти последние, по-видимому, тем не менее до самого конца средневековья имели в Германии обширную практику³⁸. Услугами их пользовались как светские, так и духовные князья, например, еще в пятнадцатом столетии епископ вюрцбургский, имевший своего постоянного врача-еврея³⁹. Около того же времени мы встречаем даже в Вюрцбурге практикующую женщину-врача, именно некую Сару, получившую от епископа специальное разрешение применять свое искусство на всем протяжении епископских владений⁴⁰.

Однако не только медицинская наука привлекала внимание евреев в средние века. Мы встречаем представителей еврейского народа, посвятивших себя изучению и других отраслей средневековой науки: права, философии, астрономии или точнее, астрологии и др. И в этом отношении испанские и итальянские евреи, выделявшиеся своей интеллигентностью, опередили остальных. В сущности, для евреев Франции, по крайней мере северной Франции, и Германии религиозно-философские и научные интересы всегда оставались чуждыми. Их ученость никогда не шла далее изучения и толкования торы и талмуда, при том чисто с формальной стороны, не поднимаясь

---

³⁵ *De Rozières*. Recueil des formules, № 781.

³⁶ *Monumenta Germaniae. Scriptores* I, 504, 589. В первой половине одиннадцатого столетия мы встречаем при дворе императора Конрада еврея, между прочим выдававшего своим медицинскими познаниями. *Ibid*, VII, 216.

³⁷ *Mansi*. Cons. XXIII. P. 32–34; 1174 sq.

³⁸ Cp. *Stobbe*. S. 180–181, 279–280.

³⁹ *Heffner*. Die Juden in Franken. Nürnberg, 1855. S. 44.

⁴⁰ *Wiener*. Regesten zur Geschichte der Juden in Deutschland während des Mittelalters. Band I, 862. S. 182, № 517.

ни разу до высоты религиозной философии⁴¹. Зато среди испанских и итальянских евреев широко распространены были чисто научные интересы и интересы мысли, выходявшие далеко за пределы исключительного научения буквы закона. Не приводя здесь многих примеров, достаточно указать на такого высокообразованного представителя свободной мысли, как Маймонид, родившийся в Кордове и затем вследствие гонений со стороны мусульманских фанатиков-альмогадов вынужденный оставить почву Испании и переселиться на Восток⁴². В Италии точно так же господствует в еврейской науке энциклопедическое направление. Слава отдельных еврейских ученых нередко распространялась здесь и вне собственно еврейских кругов, и некоторые из них приглашались даже ко дворам итальянских властителей наряду с представителями христианской схоластической науки. Так, еврейских ученых мы встречаем в близком общении и взаимодействии с христианами при дворе императора Фридриха II, так же как и при дворе Карла Анжуйского⁴³. Лучшим примером тесного духовного общения между выдающимися представителями еврейской и христианской интеллигенции могут служить дружественные отношения, существовавшие между Данте и его современником, свободным еврейским мыслителем и поэтом Иммануэлем бен Саломо⁴⁴.

Рядом с врачебной профессией и научной карьерой мы встречаем в Италии немало евреев, занятых иными полуинтеллигентными и интеллигентными профессиями. Таковы были многочисленные еврей-копиисты и позднее типографы, о которых говорилось выше. Много было среди итальянских евреев и профессиональных переводчиков, чему способствовало отмеченное, как мы видели, еще Ибн-Хордадбе обширное знание ими языков. Благодаря евреям-переводчикам многие произведения восточной литературы, равно как и многие выдающиеся труды арабских ученых, между прочим и труды самого Аверроэса, делались доступными для итальянцев. Император Фридрих II, в числе других представителей еврейской науки, держал

---

⁴¹ *Güdemann*. Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der Juden in Deutschland und Frankreich. S. 14, 113 f.

⁴² Лучшим трудом по истории духовной жизни испанских евреев наряду с общим трудом *Греца* остается исследование *Güdemann*'а Das judische Erziehungswesen während der spanisch-arabischen Periode. Wien, 1878.

⁴³ *Güdemann*. Geschichte... der Juden in Italien. S. 104–107, 226 f.

⁴⁴ *Güdemann*. S. 113 f., 135–139.

у себя при дворе ученого еврея, специально занимавшегося переводами, Иакова бен Аббамари⁴⁵.

Мы видели, что еще к концу меровингского времени, по миновании наиболее тяжелого момента кризиса, евреи поспешили вернуться к своему привычному образу жизни. Начиная с каролингской эпохи мы вновь застаем их живущими почти исключительно в городах и посвящающими себя различным городским профессиям: торговле, ремесленной деятельности, наконец, интеллигентному труду и различным свободным профессиям. Те данные, какими мы располагаем относительно еврейского землевладения и отдельных случаев сельскохозяйственной деятельности, не меняют этой общей картины. Исключение, как уже отмечалось выше, в этом отношении составляла только Испания. Еще в конце тринадцатого столетия вальядолидские кортесы 1293 года жаловались на обширность земельных владений, находившихся в руках евреев⁴⁶. Евреи при этом не только владели в Испании землями, но, по-видимому, и обрабатывали их личным трудом. Так, еще в пятнадцатом столетии еврей-земледельцы встречались работающими на своих землях⁴⁷.

В Италии, напротив, после десятого столетия мы совершенно не встречаем упоминаний о еврейском землевладении или занятии евреев земледелием. Факт привлечения Фридрихом II евреев с отнятого им у арабов острова Джерби для разведения финиковой пальмы и других растений не может служить доказательством обратного, так как, с одной стороны, в данном случае, как видим, речь идет не об итальянских евреях, с другой же стороны, не о земледелии в собственном смысле, а о разведении специальных культур⁴⁸.

Многочисленные данные о еврейском землевладении в средней Европе, в империи Карла Великого и впоследствии во Франции, Германии, Англии. Однако и здесь в большинстве случаев мы имеем дело либо с одной из побочных форм вложения капитала, приобретаемого путем торговли, либо собственно с городским землевладением, либо, наконец, как это имело место во вторую половину средневековья, исключительно с заложенными евреям поместьями и землями. Еще до второй по-

---

⁴⁵ *Güdemann*. S. 6–7, 149 f

⁴⁶ *Graetz*. Band VII. S. 169.

⁴⁷ *Graetz*. Band VIII. S. 242. Относительно еврейского землевладения в Португалии ср. *Kayserling*. *Geschichte der Juden in Portugal*. S. 342 f.

⁴⁸ *Güdemann*. S. 286–287.

ловине восьмого столетия папа Стефан III в письме к архиепископу нарбоннскому говорит о еврейском землевладении в городских предместьях и в окрестностях города, жалуясь при этом, что евреи заставляют работать на своих полях и виноградниках христиан⁴⁹. Что касается до *res rrgoriae*, о которых идет речь в жалованных грамотах Людовика Благочестивого отдельным евреям⁵⁰, под которыми Вайн предлагает также видеть прежде всего принадлежавшие евреям земельные владения⁵¹, то значение этого термина представляется не вполне ясным. Во всяком случае, как видно из самого содержания жалованных грамот, главным занятием получающих их евреев является торговля и никоим образом не землевладение и не сельское хозяйство. В конце правления того же императора два еврея обращаются к нему с просьбой подтвердить их права на поместья, унаследованные ими от предков и заключающие в себе обработанную и необработанную землю, виноградники, луга, поля, мельницы и другие доходные статьи⁵². Около того же времени преемник Агобарда лионского и такой же, как этот последний, враг евреев, епископ Амулон жалуется на то, что «в Лионе и других городах империи» христиане не только находятся в постоянном общении с евреями, но и работают на них, служа им в домах и возделывая их поля⁵³. В половине девятого столетия, именно под 849 годом, упоминается в городе Виенне «внутри городских стен» «еврейская земля»⁵⁴. Такая же «еврейская земля» — *Terra Ebreorum* упоминается в следующем столетии вблизи городов Лиона⁵⁵ и Макона⁵⁶. К началу десятого столетия землевладение нарбоннских евреев, о котором писал за полтора столетия до того папа Стефан III, по-видимому, по крайней мере частью, было ликвидировано. В течение пер-

---

⁴⁹ *Migne. Patrologia latina. T. CXXIX. P. 857.*

⁵⁰ *Rozières. Recueil des formules, № 27, 2; 28, 2; 29, 2.*

⁵¹ *Vaitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Band IV. S. 344. Note 3.*

⁵² *Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et la France. T. VI. P. 624, № 232.*

⁵³ *Amulo. Contra Judaeos, c. 41. — Migne. Patrologia latina. T. CXVI. P. 170.*

⁵⁴ *Chevalier. Cartulaire de l'abbaye de St. Andrée-le-Bas de Vienne. Appendice, № 4. P. 214.*

⁵⁵ *Collection de documents inédits. Cartulaire de l'abbaye de Savigny. Ed. A. Bernard. T. II. P. 555, № 7 и p. 602 № 65 (a.a. 993–994).*

⁵⁶ *Cartulaire de St. Vincent de Macon. Ed. Ragut. Macon, 1864. P. 37 № 46 (a. 972), 91 № 122 (a. 886–927), № 140 (a. 934–962).*

вой четверти этого столетия Карлом III Простым пожалованы были архиепископству и церквам нарбоннским (в 899, 914 и 922 годах) земельные участки с находящимися на них виноградниками, домами и мельницами, «которые принадлежали евреям и с которых они некогда уплачивали десятину»⁵⁷. Отдельные случаи еврейского землевладения продолжают встречаться во французском королевстве и в течение десятого столетия⁵⁸. В большинстве приведенных случаев речь идет, по-видимому, преимущественно о городском или пригородном землевладении. Единственный случай собственно загородного землевладения представляют, по-видимому, только те поместья, права на которые, по иску двух евреев-землевладельцев, утверждены были императором Людовиком Благочестивым. О сельском характере этих поместий свидетельствует наличие в них обработанной и необработанной земли, из чего можно заключить об их обширности, так и принадлежность к ним различных угодий. Местоположение их неизвестно. Но, по всей вероятности, они находились где-либо в южной Франции, возможно, в нарбоннской области, где согласно сообщению папы Стефана III еврейское землевладение успело получить более широкое распространение, по-видимому, за время арабского господства в этой местности⁵⁹. Впрочем и здесь, по-видимому, еврейское землевладение, как мы видели только что, не оказалось прочным и продолжительным.

И впоследствии попадают отдельные известия относительно еврейского землевладения и земледелия во Франции. Так, в XI веке упоминаются еврей-земледельцы в Бургундии⁶⁰. Известен даже случай пожалования представителю еврейской общины в Нарбонне (следовательно, горожанин) местного поместья, которого «никто не мог отнять у него»⁶¹. Впрочем, такие сообщения крайне редки и немногочисленны и представляют, таким образом, как бы исключения, подтверждающие правило. Еврейское землевладение в более обширных размерах образовалось во Франции исключительно на почве залогово-ссудных опера-

---

⁵⁷ *Bouquet*. Recueil des historiens des Gaules et la France. T. IX. P. 480, 521, 555.

⁵⁸ *Müller*. Responsen. S. 140, № 165, Anhang № 22.

⁵⁹ Cp. *Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland*. Band II. S. 82 f.

⁶⁰ *Depping*. Les juifs dans le moyen âge.

⁶¹ Случай этот относится к половине двенадцатого столетия: *Benjam. Tudel*. 2.

ций и, следовательно, во всяком случае, не имело ничего общего с эксплуатацией земельных владений и с сельскохозяйственной деятельностью. Сильные бароны и видные капитулы в большом числе закладывали свои земли евреям. В письме Филиппу Августу (январь 1205 года) папа Иннокентий III жалуется на то, что евреи владеют церковными и иными имениями⁶². О том же неоднократно пишет он и к другим представителям церковной и светской власти⁶³. При этом из письма его к графу Неверрскому (январь 1208 года) видно, что он имеет прежде всего в виду поместья, перешедшие в руки евреев в качестве залога⁶⁴. О размерах образовавшегося на этой почве еврейского землевладения во Франции достаточное представление дают те огромные суммы, которые выручены были при продаже конфискованных у евреев земель во время изгнания их при Филиппе Августе и впоследствии в царствование Филиппа Красивого⁶⁵.

И в Германии земельная собственность ограничивалась по преимуществу владением городскими домами и участками. В огромном большинстве случаев еврей-горожане жили в собственных домах и лишь относительно редко снимали или получали их в ленное владение за определенную плату⁶⁶. В то же время

---

⁶² Epistolae Innoc. III. Lib. VIII, № 186.

⁶³ Так, например, в письме к епископу Оксеррскому (Lib. X, № 61. Ed. Baluz. T. II. P. 33).

⁶⁴ Lib. X, № 190 (Ed. Baluz. T. II. P. 122).

⁶⁵ Rigord. Gesta Phil. Augusti; Boutarie. La France sous Philippe le Bel. Paris, 1861. P. 303–304; Vuitry. Etudes sur le régime financ. de la France. Nouv. Série I (1993). P. 96; ср. также относительно размеров конфискации, имевшей место в 1321 году: Collection der mémoires relatifs à l'histoire de France. T. XIII. P. 352.

⁶⁶ Обширный материал относительно еврейской недвижимой собственности в городах Кельне и Бюрцбурге собран и изучен в работах R. Höniger'a (Kölner Schreinsurkunden des XII Jahrhundert; Das Judens hreinbuch der Laurenzpfarre zu Köln) и Rosenthal'я (Geschichte des Eigenthums in Würzburg); ср. также относительно Франкфурта: Kriegk. Frankfurter Bürgerzwiste und Gestände im Mittelalter. 1862. S. 449. Много данных можно найти также у Aronius'a, см. указатель под словом Grundbesitz. В городах еврейское землевладение было совершенно свободным и неограниченным, и только с четырнадцатого столетия оно начинает подвергаться некоторым ограничениям. За евреями, впрочем, в большинстве случаев и после этого сохранялось право собственности на уже владеемые ими участки и воспрещалось лишь дальнейшее распространение еврейской собственности в городах за счет земель, принадлежавших христианам. В Вормсе подобное

владение более или менее значительными поместьями и различными доходными хозяйственными статьями и угодьями и среди немецких евреев встречалось относительно редко. Под 945 годом в Меце упоминается виноградник, принадлежавший ранее еврею Давиду, но к этому году перешедший уже во владение местного монастыря⁶⁷. От 981 года сохранилось известие об имении Ширштадт (Schierstadt) и предместье города Регенсбурга, приобретенном монастырем св. Эммерама от еврея Самуила⁶⁸. В неоднократно цитированных выше грамотах Генриха IV шпейерским и вормским евреям точно так же говорится о их движимой и недвижимой собственности, которая заключается в дворах, домах, садах, виноградниках, пашнях и в различных угодьях «внутри и вне городских стен»⁶⁹ и на которую никто не должен посягать. В 1184 году еврей Вивес в Вюрцбурге коммендирует (от коммендация – вверяю, передаю; в Западной Европе в период раннего средневековья акт передачи себя (своего имущества) под покровительство более «сильного», могущественного, богатого человека, здесь – церкви. – *Прим. ред.*) церкви Килиана свой виноградник⁷⁰. Десять лет спустя в Вене между евреем и христианином возникает тяжба из-за виноградника, разрешенная компромиссом⁷¹. Под 1206 годом известен аналогичный с только что упомянутым случай коммендации виноградника в том же Вюрцбурге⁷². В 1227 году, по соглашению между силезским герцогом и бреславльским епископом, постановлено было, что живущие в пределах кастелланства Бейтен свободные хлебопашцы и евреи, занимающиеся земледелием, должны платить десятину полностью⁷³. Наконец в той же Силезии в начале тринадцатого столетия

ограничение последовало, например, еще в 1294 году (*Arnold. Grundeigenthum in den deutschen Städten. S. 379*), в Страсбурге в 1322 году (*E. Scheid. Histoire des juifs d'Alsace. Paris, 1887. P. 15*), в Кельне в 1341 году (*Varges. Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. S. 520, 525*), в Нюрнберге в 1344 году (*Würfel. Nachrichten von der Judengemeinde welche ehemals in der Reichsstadt Nürnberg angerichtet gewesen. Nürnberg, 1755. S. 129, № 7*).

⁶⁷ *Aronius*, № 126.

⁶⁸ *Mon. Boica*, XXVIII a., 233, № 156.

⁶⁹ *Hilgart*, I, № 12, 2.

⁷⁰ *Mon. Boica*, XXXVII, s. 124 f, № 135.

⁷¹ *Mon. Boica*, IV, s. 85 f., № 115.

⁷² *Mon. Boica*, XXXVII, 117, № 170.

⁷³ *Aronius*, № 442.

упоминаются деревни, которыми «владели» евреи, но которые к данному времени перешли в собственность различных бреславльских церквей⁷⁴. Очень возможно, впрочем, что в обоих известных нам случаях этого рода речь идет не о владении в собственном смысле, но о залоге, в пользу чего говорит и самый факт ликвидации принадлежавшего евреям права на все упоминаемые в документах деревни.

Рядом с приведенными документальными данными относительно еврейского землевладения в Германии мы находим и некоторые относящиеся сюда свидетельства в еврейских источниках. В спорных вопросах, разбиравшихся майнцским раввином Герсоном (ум. в 1028 году), затрагиваются между прочим и вопросы, касающиеся условий владения виноградниками и полями⁷⁵. В конце одиннадцатого века также встречаются отдельные случаи принадлежности евреям виноградника⁷⁶, поля, которое владелец-еврей оказывается вынужден заложить не-еврею⁷⁷. В двенадцатом столетии один майнцкий раввин разрешает в положительном смысле вопрос о продаже земельных владений неевреям⁷⁸. Приведенными данными и исчерпываются, кажется, наши сведения относительно еврейского землевладения в средневековой Германии. Многочисленнее наши данные, касающиеся случаев перехода на более или менее продолжительное время в руки евреев поместий и различных угодий в качестве залога. Мы не будем, однако, приводить здесь всех этих данных, так как они не представляют фактов землевладения в действительном значении этого слова⁷⁹.

Как ни малочисленны находящиеся в нашем распоряжении данные относительно еврейского землевладения во Франции и Германии, все же и их было бы достаточно для того, чтобы признать факт хотя бы относительного распространения в ев-

---

⁷⁴ *Ha usler*. Urkundensammlung zur Geschichte d. Fürstentums Öls, № 511 (s. 11, 28); ср. *Brann*. Juden in Schlesien. S. 5. Последний, впрочем, относит эти известия еще к половине двенадцатого столетия.

⁷⁵ *Müller*. Réponses, № 90, 92 (s. 50–52); Responsen, № 205, s. 55; Anhang № 14–16, 24.

⁷⁶ *Müller*. Réponses, № 30. S. 18, Anhang № 5.

⁷⁷ *Müller*. Réponses, № 180. S. 49, Anhang № 23.

⁷⁸ *Raben*. S. 53 b., № 290.

⁷⁹ Факты этого рода собраны у *Hoffmann*'а: Der Geldhandel. S. 5. Апп. 6. За тринадцатое и первую треть четырнадцатого столетия им приводится до одиннадцати случаев подобного рода.

рейской среде земельной собственности. При оценке этих данных, однако, необходимо принять во внимание следующие два обстоятельства. С одной стороны, не лишено известного значения, что почти во всех приведенных случаях речь идет о земельных владениях, находившихся, но не находящихся уже более в руках евреев, и что таким образом все наши данные относительно еврейского землевладения, по большей части, так или иначе связаны с фактом его ликвидации. С другой же стороны, и это обстоятельство заслуживает с нашей стороны еще большего внимания, в большинстве известных нам случаев дело касается, по-видимому, не сельского, но городского или, по крайней мере, пригородного землевладения. В некоторых случаях это засвидетельствовано документально, в других, кстати, очень немногочисленных, когда в источнике не содержится прямых указаний относительно характера или местоположения данного земельного владения, мы имеем все основания предполагать то же самое по аналогии. Если это действительно так, то о собственно сельском землевладении среди евреев во Франции и Германии совсем не придется говорить, и еврей-землевладельцы окажутся в таком случае не менее типичными горожанами, нежели их соплеменники, жившие в городах и не имевшие никакой иной недвижимой собственности, кроме собственности на те участки городской земли, на которых помещались их жилища.

Для того, чтобы правильно судить о значении и характере еврейского землевладения в средние века, мы не должны упускать из виду, что экономические условия, в каких протекала жизнь горожанина в средние века, были совершенно иными, нежели в наше время. Житель города, посвятивший себя той или иной городской профессии, в то же время нередко оставался наполовину сельским хозяином, и принадлежавший ему участок городской земли в черте города или в пригородной местности далеко не всегда ограничивался застроенной землей. «Средневековый горожанин, — говорит Белов, — в том числе ремесленник и купец, очень любили иметь свое поле или, по крайней мере, свою скотину. У многих горожан были свои фермы на городском поле или в соседних сельских общинах. В четырнадцатом веке в таких городах, как Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, удары цепа слышались неподалеку от думы. Конечно, много, быть может, большинство дворов в городе были так тесны, что не могли служить центром обширного поместья. Но сад или капустный огород за городом или виноградник, конеч-

но, мог быть у всякого»⁸⁰. Приведенная характеристика городского землевладения относится к четырнадцатому столетию, но, само собою разумеется, что в более раннюю эпоху связь городской жизни с сельским хозяйством должна была проявляться с еще большей определенностью, причем как самые размеры городских поместий были более обширными, так и способы их эксплуатации представляли более разнообразия, не исключая и пахатной обработки. И вот, как мы уже сказали, большинство известных нам случаев с несомненностью, а остальные предположительно, относятся именно к описанного рода городскому или пригородному землевладению.

О землевладении в городских предместьях определенно идет речь, например, в цитированном письме папы Стефана III архиепископу нарбоннскому. Евреи, получившие в царствование Людовика Благочестивого жалованные грамоты, подтверждающие между прочим и их предполагаемые права на земельную собственность (*res porgiæ*), как мы уже отмечали, точно так же не были типичными землевладельцами и сельскими хозяевами, напротив, прежде всего торговцами и городскими жителями. Лионский епископ Амулон в своих жалобах на службу христиан у евреев в домах и на полях равным образом вполне определенно говорит именно о евреях, живущих в Лионе и других городах. «Еврейская земля», упоминаемая в городах Виенне, Лионе, Маконе, частью, как определенно указывается в документах, находилась даже внутри самых городских стен⁸¹. Такую же в сущности городскую недвижимость представляют и еврейские виноградники, упоминаемые в городах Меце, Вюрцбурге, Вене. Относительно принадлежавшего регенсбургскому еврею поместья Ширштадт прямо указал его местоположение в городском предместье. В грамотах императора Генриха IV шпейерским и вормским евреям также имеются в виду горожане, живущие в этих городах, причем о принадлежащей им недвижимости говорится как о находящейся частью внутри, частью вне городских стен. Из принадлежавших евреям, по-видимому, в качестве залога деревень в окрестностях Бреславля, по крайней мере, относительно одной из них нам известно, что она находилась не далее 13 километров от

---

⁸⁰ Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. Перевод под ред. Д. Петрушевского. М., 1912. С. 38.

⁸¹ *Infra muros civitatis...* *Chevalier*. Cartulaire de l'abbaye de St. Andr  e-le-Bas de Vienne. I c.

города⁸². Сообщение о евреях, занимающихся сельским хозяйством в пределах Бейтенского кастелланства, представляет таким образом, кажется, единственный случай, когда нельзя решить с точностью, идет ли здесь речь о городских или сельских жителях, причем по аналогии с остальными данными и в этом случае более вероятным является первое предположение. Что касается, наконец, свидетельства еврейских источников, то и в этих последних имеется в виду точно так же прежде всего, по видимому, городское землевладение⁸³.

Итак, даже немногие известные нам данные относительно еврейского землевладения представляют почти исключительно факты городского, а не сельского землевладения. Обладание более или менее значительными земельными участками, виноградниками, иногда даже целыми поместьями не мешало, таким образом, владевшим ими евреям оставаться не только городскими жителями, но и торговцами или менялами и ростовщиками по профессии. Это, во всяком случае, можно с несомненностью утверждать относительно евреев, получавших различные привилегии от императоров Людовика и Генриха IV, так как в выданных ими грамотах, главным образом, идет речь именно о свободном производстве торговли и денежных операций. Особенно показательным в этом отношении представляется также и тот факт, что мы не встречаем почти ни одного указания на личное занятие евреями земледельческим трудом в Германии. Факт убийства двух евреев из Майнца крестоносцами в 1146 году (во время сбора винограда)⁸⁴ не может служить доказательством обратного. Сбор винограда не может еще быть причислен к земледельческому труду. Обладание виноградниками, а следовательно сбор винограда и изготовление из него домашнего вина, как мы видели, было широко распространено между жителями средневековых городов вообще. В частности, среди евреев виноградарство должно было бы быть особенно распространено, так как, как мы знаем, вино составляло один из главнейших предметов их торговли. Относительно другого известного нам факта обработки земли евреями в Бейтенском кастелланстве⁸⁵ нельзя с определенностью сказать, идет

---

⁸² Аналогичный случай определенно городского землевладения представляет и факт приобретения евреем в Кельне от пробста в церкви св. Северина 5 моргенов земли.

⁸³ Brann, I, с.

⁸⁴ Aronius, № 328.

⁸⁵ Aronius, № 442.

ли в данном случае речь о действительной личной обработке земли или же только об ее эксплуатации при посредстве чужого труда. Во всех остальных, кстати немногочисленных, известных нам случаях эксплуатации евреями принадлежащих им земельных участков эксплуатация эта производится исключительно при помощи труда наемных христианских рабочих, либо те или иные угодья и сельскохозяйственные статьи сдаются в наем христианам же. Так, и папа Стефан III, и епископ Амулон лионский говорят о еврейском землевладении именно в связи с применением на еврейских полях и виноградниках труда христиан. Пользование трудом христианских рабочих, как известно, неоднократно воспрещалось евреям постановлениями соборов как предшествовавшего, так и описываемого времени. Рядом с обработкой еврейских полей и виноградников руками наемных христианских рабочих нам известны также случаи залога⁸⁶ или передачи в пользование евреями своих полей и виноградников⁸⁷ неевреям.

И в Англии владение земельными участками на правах родовой наследственной собственности встречалось между евреями лишь в редких исключительных случаях⁸⁸. Такой исключительный случай представляет, например, отмеченный еще в *Domesday Book* факт приобретения евреем Манассией земельного владения в Оксфордшире⁸⁹. Впоследствии такие случаи приобретения имений покупкой почти не встречаются. Ссудо-залоговые операции, напротив, как мы видели, получили между английскими евреями более широкое и исключительное распространение, чем в какой-либо иной из стран средневековой Европы. Еврей с самого начала являлся в Англии не столько торговцем, сколько именно ростовщиком. Неудивительно поэтому, что и в Англии путем залоговых операций в руках евреев скопились крупные земельные владения⁹⁰. Зомбарт прямо называет их «наследниками богатых крупных землевладельцев» Англии⁹¹. Однако само собою разумеется, такое

---

⁸⁶ Müller. Responsen, № 189, s. 39; Anhang 23.

⁸⁷ Mon. Boica, IV, s. 85 f., № 115.

⁸⁸ Goldschmidt. S. 68–69.

⁸⁹ Blicestone. Domesday I, 160, b. 2.

⁹⁰ J. Jacobs в Anglo-Jewish Exhibition papers. P. 33 f.; Gress. Там же. P. 173; Round. Ancient Charters. P. 82. Огромная масса в большей своей части еще неразработанного материала собрана у Madox'a: History of the Exchequer. T. I. С. 7.

⁹¹ Зомбарт. Современный капитализм. Т. I. С. 246.

залоговое держание не представлялось, с одной стороны, равносильным с полной собственностью на приобретаемую таким путем землю. «Если они (евреи. — А.Т.) держали землю, то это был залог, которым они владели, а не имение, на которое они имели полные права», — так характеризует Кеннингэм еврейское землевладение в Англии⁹². С другой стороны, мы не имеем никаких оснований предполагать со стороны евреев эксплуатацию таких заложенных им земель. Получая в залог то или иное поместье, еврей-заимодавец, естественно, не становился вместе с этим сельским хозяином и не изменял своей профессии. Таким образом, и среди английских евреев землевладение (а не залоговое держание земель) и собственно земледельческое хозяйство распространено было так же мало, как и среди евреев континентальной Европы.

Итак, подводя итоги нашему обзору экономического положения западноевропейских евреев за время с восьмого по одиннадцатое столетие, мы можем констатировать прежде всего возвращение их к привычным условиям городской жизни и к занятию почти исключительно городскими профессиями. Землевладение, то есть собственно сельское землевладение, связанное с сельскохозяйственной эксплуатацией различных земельных угодий, если и встречается в редких случаях, то лишь в первую половину средневековья; начиная же с двенадцатого столетия евреи владеют землей почти исключительно лишь в качестве залога. Исключение представляют только испанские евреи, среди которых не только землевладение, но и земледелие встречались до позднейшего средневековья. Однако и в жизни испанских евреев ни то, ни другое не являлось типичным или господствующим родом экономической деятельности.

Преобладающим родом деятельности евреев в Испании и, особенно, в Италии являлись ремесленная промышленность и различные интеллигентные профессии, торговля же и денежные операции, на почве которых евреи почти с самого начала описываемого периода встречались с могущественной конкуренцией со стороны туземного населения, стояли на втором плане. Напротив, в странах средней и северной Европы — во Франции, Германии, Англии — именно торговля и денежные

---

⁹² Кеннингэм. С. 171. Джекобс полагает даже, что при вступлении во владение поместьями, так же как и при занятии всякой общественной должности, требовалось формальное признание христианства и принесение присяги (Jacobs. Jews in Angevin England. P. XI).

операции, в области которых евреи здесь в течение долгого времени почти не имели конкурентов, оказывались если, быть может, и не исключительно распространенными, то, во всяком случае, наиболее типичными для туземных евреев профессиями.

В том и другом случае деятельность евреев оказывалась в описываемое время одинаково полезной и необходимой. В Италии еврей-ремесленники заняты были преимущественно, как мы видели, в новых родах ремесла, мало еще распространенных и частью даже вовсе неизвестных местным ремесленникам, именно, в шелкопрядении и красильном деле, либо работали в различных отраслях промышленности и обслуживали более широкие круги населения в местностях с малоразвитой местной промышленностью, например, в Сицилии и частью в южной Италии и Сардинии. Не менее полезной и ценимой со стороны населения была, как мы видели, и деятельность итальянских евреев в качестве врачей, переводчиков и представителей иных свободных профессий. Как в Италии деятельность евреев-ремесленников, так в других странах роль их в качестве пионеров торговли и впоследствии в качестве менял и банкиров оказывалась также необходимой на тех начальных стадиях экономического развития, на каких находились еще в то время государства средней и северной Европы. Значение и роль евреев в первоначальном развитии торговли и городской жизни средневековой Европы в достаточно определенных и недвусмысленных выражениях констатированы были, как мы знаем, еще в конце одиннадцатого столетия в грамоте шпейерского епископа, имевшей целью привлечение евреев в епископский город.

В противоположность тем условиям, в каких началась еврейская диаспора в древности в эллинистическую эпоху, когда поток еврейской эмиграции в пределы эллинистических государств сталкивался с таким же встречным потоком, стремившимся из Греции, и когда результатом явилась ожесточенная конкуренция на почве торгово-промышленной деятельности между евреями и греками, легшая, как мы видели, в основу позднейших враждебных отношений и взаимной ненависти, евреи при своем проникновении в страны Западной Европы в течение почти всей первой половины средневековья либо не встречали конкуренции со стороны туземного населения, либо, сразу же вынужденные отказаться от такой конкуренции в одних родах экономической деятельности, избирали себе такие профессии, в которых они не имели бы конкурентов. Таким образом, экономическая деятельность евреев За-

падной Европы в описываемое время либо протекала параллельно с производительной деятельностью туземцев, не сталкиваясь с нею, как это было в Италии, либо еще не успела прийти в столкновение с аналогичной деятельностью местного населения вследствие того, что эта последняя получила свое развитие значительно позже, лишь к самому концу описываемого периода. Почвы для взаимных столкновений, благодаря этому, еще не существовало, и мы действительно в течение всего описываемого периода времени так же, как и в предшествовавшую меровингскую эпоху, не только не видим той ожесточенной вражды, какая отличала собою отношения нееврейского населения к евреям в древности и в эпоху позднейшего средневековья, но, напротив, нередко наблюдаем даже совершенно обратные отношения. Одна только церковь, в лице отдельных своих представителей, продолжала восставать против всякого общения и сближения с иудеями, однако ее запреты не находили в это время ни малейшего сочувствия в среде более широких слоев населения и оставались гласом вопиющего в пустыне.

Обращаясь к фактам, характеризующим взаимные отношения, существовавшие в описываемую эпоху между христианами и евреями, мы прежде всего можем констатировать почти полное отсутствие данных о каких-либо открытых враждебных выступлениях против евреев, за исключением немногих отдельных духовных лиц, вроде Ратерия Веронского, Агобарда и Амулона, епископов лионских. Напротив, почти все современные данные рисуют нам совершенно обратную картину, свидетельствующую в большинстве случаев о благожелательных, а в отдельных случаях даже о дружественных отношениях между христианами и евреями. В Италии, например, отношение к евреям в десятом веке в общем было настолько благоприятным, что, как мы видели, епископ веронский, представлявший в этом отношении как бы исключение, вынужден был специально оправдывать свои враждебные чувства в отношении евреев⁹³. Тот же положительный характер сохранили взаимоотношения итальянских евреев с окружающей их христианской средой и в течение последующих столетий⁹⁴. Мы не говорим уже об Испании мусульманского времени, в которой евреи находились не только в благоприят-

---

⁹³ Ratherii. Opera. P. 335 sq.

⁹⁴ Güdemann. Geschichte... der Juden in Italien. S. 72.

ном, но можно сказать даже в привилегированном положении. Однако не только в Италии и Испании, странах, где положение евреев и в последующее время продолжало долгое время оставаться столь же благоприятным, а и во Франции и Германии, население которых проявляло особенно враждебное отношение к евреям во вторую половину средневековья, в эпоху каролингов мы не видим еще следов этой вражды и, напротив, застаем евреев живущими здесь в не менее благоприятных условиях. Антиеврейская проповедь следовавших один за другим двух лионских епископов Агобарда и Амулона не имела успеха, и оба епископа постоянно вынуждены сознаваться в неуспехе своих выступлений против евреев. Евреи пользуются в это время полной свободой торговли и передвижения и почти всеми правами гражданства, они находятся под покровительством императорского двора, при котором имеют постоянные связи⁹⁵. Жена Людовига Благочестивого, императрица Юдифь, была к ним расположена. Многие образованные люди предпочитали сочинения иудеев Филона и Иосифа Флавия чтению евангелия⁹⁶. Другие «безумные» христиане, как жалуется Агобард, предпочитали проповеди еврейских раввинов проповедям христианских священников⁹⁷. Свидетельство Агобарда находит себе подтверждение в отдельных случаях обращения представителей высших общественных кругов в иудейство. Так, в 839 году диакон Бодо, воспитанный при дворе и пользовавшийся славой высокообразованного человека⁹⁸, принял иудейство с именем Елиазара и переселился затем со своими друзьями-евреями в Сарагоссу⁹⁹. Другой наделавший не менее шума случай обращения в иудейство духовного лица имел место в первые годы одиннадцатого столетия. Именно, некто Вецелин, бывший до того духовником при герцогском дворе, принял иудейство, причем ни гнев, ни убеждения императора Генриха II не заставили

---

⁹⁵ Agobardus. De bapt. Jud. manc. – *Migne. Patrologia latina*. T. CIV. P. 101; Agobardus. De insolentia Judaeorum, c. V. – Там же. P. 74.

⁹⁶ *Güdemann. Geschichte... der Juden in Frankreich und Deutschland*. S. 108–109.

⁹⁷ Agobardus. De insolentia Judaeorum, c. V. – *Migne. Patrologia latina*. T. CIV. P. 75.

⁹⁸ Prudent. Trec. Annales, a. 839; cp. Rhaban. Adversus Judaeos, c. 42.

⁹⁹ Prudent. Trec. Annal, a. 839. – *Monumenta Germaniae. Scriptores* I. P. 433; cp. *Ficker. Geschichtsquellen des Bistums Münster*. Band I. S. 7 f.

его отказаться от этого шага¹⁰⁰. Еще во второй половине одиннадцатого столетия относительно одного ученого монаха из бенедиктинского монастыря в Меце сообщается, что он умел ценить еврейские сочинения и толкования, основанные на ближайшем изучении текста библии, и находился, по-видимому, в дружественных отношениях с членами местной еврейской общины¹⁰¹.

Такое свободное от всякого предубеждения отношение к евреям и временами даже более тесное сближение с ними не ограничивалось, однако, высшими придворными кругами. По-видимому, одинаково даже и в среде высшего духовенства такие ярые враги и ненавистники евреев, как Агобард и Амулон, представляли исключение. Напротив, скорее именно шпейерский епископ, даровавший, как мы знаем, специальные привилегии евреям для привлечения их в свой город, являлся выразителем господствовавшего в среде высшего духовенства мнения. Если, быть может, и не все, подобно ему, умели ценить значение евреев для общего подъема экономической жизни, то большая часть представителей высшего духовенства, во всяком случае, нуждалась в услугах евреев в качестве торговцев¹⁰² или банкиров¹⁰³ и потому предпочитала поддерживать с ними добрые отношения. Так, во второй половине девятого столетия

---

¹⁰⁰ Alpertus. De diversitate temporum, I, c. 7. — Monumenta Germaniae. Scriptores IV. P. 704. Там же приведены письма Вецелина и Генриха, писанные в связи с переходом первого в иудейство. — Monumenta Germaniae. Scriptores II, c. 22–23. P. 720 sq.).

¹⁰¹ Monumenta Germaniae. Scriptores VI. P. 269.

¹⁰² «Представители церкви покупали охотно пряности и ароматические вещества, несмотря на высокие цены. Они также дарили друг другу эти драгоценные произведения Востока, обыкновенно в очень маленьких дозах, посылали в X–XI столетиях корицу и стиракс, ладан, бальзам и фимиам в качестве подарков. Епископы приобретали и другие предметы, доставляемые купцами, у евреев они покупали меха, которыми в двенадцатом веке, а возможно, что и раньше, было оторочено их платье. Уже начиная с седьмого века папы и епископы стали носить шелковые одеяния, которые вплоть до двенадцатого столетия еще не производились в Европе, а получались с Востока или из Константинополя» (И.М. Кулишер. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности к торговле в западной Европе. Т. I. СПб., 1906. С. 153).

¹⁰³ Богатое собрание материалов, характеризующее постоянную нужду в деньгах прелатов, можно найти у *Schulte*: Geschichte d. mittelalterlichen Handels. Band I. S. 235 f.

епископ констанцкий в письме к епископу аугсбургскому Витгару говорит о том всеобщем уважении, каким пользовался этот последний во всех общественных слоях, между прочим, и со стороны иудеев¹⁰⁴. Случаи выражения скорби евреями при погребении скончавшихся епископов, не раз имевшие место, как мы видели, в течение предшествовавшего периода¹⁰⁵, повторялись также неоднократно и в описываемое время. Нам известны, например, случаи участия евреев в похоронных процессиях при погребении епископов Вальтарда магдебургского в 1012 году¹⁰⁶, Адальберона Мецского, которого евреи вспоминали и продолжали оплакивать еще десять лет спустя после его смерти¹⁰⁷, Бардо Майнцского (в 1051 году)¹⁰⁸, наконец, архиепископа Анно Кельнского, которого евреи оплакивали на специальном собрании в синагоге, превознося его справедливость и чистоту жизни¹⁰⁹. Во всех крупнейших архиепископских и епископских городах Германии, таким образом, как видим из

---

¹⁰⁴ *Rozières*. Formules, № 660. Из текста, впрочем, не видно, относится ли это замечание лишь ко времени написания письма или оно имеет в виду и всю предшествовавшую жизнь Витгара вообще, равным образом, идет ли речь о живущих в пределах Аугсбурга постоянно евреях или о наезжих евреях, с которыми епископу приходилось вступать в деловые отношения. Во всяком случае, данный факт не может еще служить доказательством наличия еврейской общины в Аугсбурге уже в то время. Возникновение первых еврейских общин в Германии принадлежит, как мы знаем, следующему столетию. Ср. *Caro*. S. 580–581.

¹⁰⁵ См. выше стр. 259.

¹⁰⁶ *Thitm. Mersed. Chron.*, с. 45. – *Monumenta Germaniae. Scriptores III*. P. 827; ср. *Chron. Magdeb. ap. Meibom. II*, p. 285. Аналогичный случай участия евреев в похоронах скончавшегося будто бы в том же году епископа мерзебургского (*Güdemann. Geschichte... der Juden in Frankreich und Deutschland*. S. 108) представляется сомнительным (*Aronius*, № 143).

¹⁰⁷ *Constant. Vita Adalberonis*, с. 9. – *Monumenta Germaniae. Scriptores IV*. P. 661. Адальберон скончался еще в 1004 году, жизнеописание же его составлено около 1015 года (*Wattenbach. Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter* (5 Auflage). Band I. S. 347. Note 3; ср. *Güdemann*. S. 22. Note 1).

¹⁰⁸ При погребении Бардо евреи бросались на землю, посыпали главу пеплом, сопровождая эти знаки скорби характерными восклицаниями (*Vita Bardi maior*, с. 28. – *Monumenta Germaniae. Scriptores XI*. P. 341).

¹⁰⁹ *Vita Annonis III*, с. 15. – *Monumenta Germaniae. Scriptores XI*. P. 503.

приведенных фактов, наблюдалось в большинстве случаев благожелательное отношение к еврейским общинам со стороны высших представителей церковной власти. Еще в начале двенадцатого столетия отдельные епископы, нуждаясь в деньгах, старались поддерживать хорошие отношения с евреями. Так, епископ мюнстерский находился, по-видимому, в близких и дружественных отношениях с богатым евреем Иудой из Кельна (впоследствии крестившимся с именем Германа), ссужавшим ему крупные суммы, не беря при этом против обыкновения никакого залога¹¹⁰.

Если, таким образом, высшие образованные круги не чуждались общения с евреями, если даже духовенство в лице своих высших представителей свободно было, по крайней мере в большей своей части, от всякой религиозной исключительности по отношению к евреям, то остальные слои населения находились с ними в это время в еще более тесных и постоянных отношениях, не носивших еще и следа той враждебности, которая отличала собою эти отношения впоследствии. Христиане живут в городах и вне городов в постоянном общении с евреями, днем и ночью слушая, как жалуется папа Стефан III в цитированном уже нами письме, их безбожные речи и нередко находясь у них в услужении¹¹¹. О таком постоянном общении христиан с евреями говорит и Агобард, причем даже этот столь враждебный им писатель, предлагая воздерживаться от совместной еды и питья с ними, в то же время не только не требует открытого проявления враждебных чувств по отношению к ним, но, напротив, находит справедливым и необходимым хорошее отношение к ним¹¹². Мы видели, что согласно предложению иудеев, торговые дни нередко переносились с субботы на воскресенье¹¹³. Свои настояния относительно избегания совместной еды и питья с евреями так же, как и совместной жизни с ними в одном жилище, Агобарду приходилось повторять неоднократно¹¹⁴, что является лучшим доказательством существования в действительности обратных отношений. Преемник Аго-

---

¹¹⁰ Herrmanni Opusculum. — *Migne. Patrologia latina*. T. CLXX. P. 805 sq.

¹¹¹ *Migne. Patrologia latina*. T. CXXIV. P. 857.

¹¹² De insol., c. 4. — *Migne. Patrologia latina*. T. CIV. P. 74.

¹¹³ Ibid., c. 5, p. 74.

¹¹⁴ Ср., например, письмо к Нибридию. — *Migne. Patrologia latina*. T. CIV. P. 111 sq.

барда, Амулон точно так же постоянно отмечает тесные взаимоотношения, существовавшие между евреями и прочим городским населением как в Лионе, так и в других городах. Встречи и собеседования с ними, приветствия и даже поцелуи представляли самое обыденное явление, что особенно возмущает Амулона и в чем он видит лезть по отношению к евреям¹¹⁵. Несмотря на антиеврейскую проповедь Агобарда и Амулона и других, правда, пока еще немногочисленных представителей духовенства, несмотря на отдельные случаи возникавших пока еще исключительно по инициативе церкви преследований их¹¹⁶, отношение к евреям еще в течение долгого времени продолжало оставаться благожелательным. Еще в половине двенадцатого столетия евреи свободно появляются всюду и поддерживают постоянное общение с христианами¹¹⁷. До конца одиннадцатого века браки между евреями и христианами не представляли редкости, как о том свидетельствуют постановления 4-го Толедского и позднейших церковных соборов¹¹⁸.

Поворот в отношениях христианского населения к евреям начинает намечаться, как увидим, только около половины двенадцатого столетия. До этого времени во всех слоях населения, с которыми евреям приходилось приходить в соприкосновение, они встречали благожелательное и, во всяком случае, лишенное всякого предубеждения отношение. Вот почему и сами еврейские общины не обнаруживали в это время ни той

---

¹¹⁵ Contra Judaeos, c. 4. — *Migne. Patrologia latina*. Т. CXVI. P. 143; ср. *ibid.* c. 41. P. 170.

¹¹⁶ Так, еще в 937 году архиепископ Фридрих Майнцский поднял вопрос об изгнании евреев из Майнца (*Aronius*, № 125). В 1012 году евреи были изгнаны из Майнца по повелению императора Генриха II, быть может, в связи с фактом обращения в иудейство Вецелина; однако, спустя всего месяц, евреи вновь были возвращены в Майнц. *Annales Quedlinb.*, a. 1012. — *Monumenta Germaniae. Scriptores III*. P. 81; ср. *Annalista Saxo.* — *ibid.* VIII. P. 664; *Graetz. Band V. S.* 366–367. В 1066 году архиепископ трирский объявил о предстоящем изгнании евреев в случае, если они не примут крещения в назначенный срок; последовавшая еще до истечения этого срока смерть самого архиепископа помешала выполнению и его намерения (*Gesta Trevirorum*, a. 1066. — *Monumenta Germaniae. Scriptores VIII*. P. 182).

¹¹⁷ Anonymi. Tract. adv. Judaeos. — *Martène. Thesaur. nov. anecd.* V, 1517.

¹¹⁸ *Hahn. Geschichte der Ketzer. Band III. S.* 216; *Mansi. Conc. XX*, 763 sq.

замкнутости, ни той исключительности, какие отличали их отношения к внешнему миру в эллинистическую и римскую эпоху так же, как и во вторую половину средних веков. «Французские раввины и ученые этого времени¹¹⁹ не являются замкнутыми домоседами, чужими в отношении окружающего их внешнего мира и общества, неосведомленными и неопытными в явлениях и требованиях повседневной жизни, какими были и, как они сами полагали, должны были быть их преемники; напротив, это были практики и самые общительные люди, это были тонкие наблюдатели всего, что происходило перед их глазами, проникавшие своим острым взглядом во все жизненные отношения, в жизнь людей всякого рода призвания и профессий»¹²⁰. В своих сочинениях, в своих толкованиях священных книг они сплошь и рядом заимствуют примеры не только из еврейской жизни, но и вообще из окружающей их действительности, не исключая и современных феодальных отношений и рыцарских прав¹²¹.

Однако, если положение евреев и представлялось в общем благоприятным в течение всего описываемого периода, тем не менее вряд ли можно думать, что оно оставалось одинаково неизменным и было таким же в половине двенадцатого столетия, как во времена Агобарда и Амулона. Как постепенно изменялось экономическое положение евреев, как постепенно падало их значение в общей экономической жизни, как постепенно совершался их переход к новому роду экономической деятельности, так же постепенно вместе с этим должно было изменяться и отношение к ним со стороны христианского населения. Изменение это, естественно, раньше должно было наступить во Франции, где евреи ранее, нежели в Германии, оказались вытесненными из области торговли и должны были обратиться к ссудным и иным денежным операциям. Если еще и в половине двенадцатого столетия евреи, как свидетельствует автор анонимного сочинения против них, все еще свободно обращались среди христиан, то взаимоотношения их с этими последними ограничивались, по-видимому, исключительно деловыми отношениями, не носили уже более характера того тесного и постоянного общения, на которое жаловались Агобард и

---

¹¹⁹ Речь идет об одиннадцатом и двенадцатом столетиях.

¹²⁰ *Güdemann. Geschichte...der Juden in Frankreich und Deutschland. S. 27.*

¹²¹ *Güdemann. S. 27 f.*

Амулон. В противном случае враждебный евреям аноним не преминул бы обратить на это внимание. И конечно, не случайность то обстоятельство, что в то время как в Германии в одиннадцатом столетии существовали еще взаимно-доброжелательные отношения между евреями и многими представителями высшей иерархии, во Франции мы не слышим уже более ни о чем подобном. Если в каролингскую эпоху интерес к еврейским книгам широко был распространен одинаково как в светских, так и в духовных кругах, то в конце двенадцатого столетия подобный факт представлял уже обращающее на себя специальное внимание исключение. В 1192 году один монах вздумал изучать еврейские книги и обратился с этой целью к еврейскому учителю. На это было обращено особое внимание, и клервосскому аббату поручено было расследовать это дело и сделать соответствовавшее внушение прегрешившему монаху¹²².

К этому времени успело измениться, впрочем, отношение к евреям не только со стороны высших духовных кругов, но частью и со стороны светской аристократии. Показательным в этом отношении представляется пример одной знатной дамы, не желавшей пользоваться каретой, после того как в ней проехала еврейка¹²³.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Потеря торгового значения и обращение к ссудозалоговым операциям

Нередко перелом в судьбах западноевропейских евреев, в их экономическом положении и экономической деятельности, равно как и в их взаимоотношениях с окружающим внешним миром, связывают с фактом крестовых походов. Крестовые походы повлекли за собою сближение между народами Востока и Запада, имели своим последствием оживление западноевропейской торговли и вместе с этим образование в западноевропейских государствах национального купеческого класса, вытеснившего евреев из области торговли в область исключительно кредитных и денежных операций. В таких приблизи-

---

¹²² Статуты цистерцианского ордена 1196 года у *Martène'a*: *Thesaur. nov. anecd.*, IV, p. 1292.

¹²³ *Güdemann*. *Geschichte... der Juden in Frankreich und Deutschland*. S. 25–26.

тельно чертах изображается значение крестовых походов и их влияние на судьбу западноевропейских евреев¹.

Время крестовых походов, действительно, до известной степени совпадает со временем перелома в жизни и судьбе западных евреев; наиболее острый момент этого перелома и собственно переходная эпоха, действительно, приходится на вторую половину двенадцатого и первую половину тринадцатого столетия. Время крестовых походов, таким образом, отчасти с некоторым правом может быть названо границей между двумя эпохами в истории евреев Западной Европы, поскольку вообще может быть речь об установлении хронологических рамок по отношению к такому сложному и многообразному и в то же время длительному и поступательному процессу, как процесс экономического развития народа, рассеянного по всей Европе и находившегося в отдельных странах и государствах в различных условиях и в различной обстановке. Мы не должны, например, упускать из виду, что в Италии процесс вытеснения евреев из области торговли и вместе с тем перелом в условиях их экономической жизни и в их экономическом положении не только начался, но в сущности уже и завершился ко времени первого крестового похода, что и самый переход к новым условиям для итальянских евреев не был ни столь резким, ни столь значительным, как в других западноевропейских странах, так как торговля никогда не занимала в их жизни такого исключительного значения как в этих последних. Во Франции и Англии картина экономической жизни евреев также заметно начала изменяться еще с конца одиннадцатого века, и таким образом, во всяком случае, начало этого процесса должно быть отнесено еще ко времени, предшествовавшему первому крестовому походу. И только, быть может, в Германии время перелома в жизни евреев хронологически до некоторой степени совпадает с началом эпохи крестовых походов.

---

¹ Такая схема долгое время являлась господствующей; см., например, *Stobbe*. S. 103; ср. *И. Кулишер*. Экономическое положение евреев на Западе в средние века. — «Восход», 1901, № 9. С. 27–38. Однако еще у *Рошера*, отмечавшего последовательность в вытеснении евреев из области торговли, мы находим более правильную точку зрения. В то же время и некоторые из новейших исследователей не успели освободиться от такой упрощенной и в то же время преувеличенной оценки значения крестовых походов в жизни западных евреев; см., например: *Hoffmann*. *Der Geldhandel*. S. 7–8; *Höniger* в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 94 f.; см. также *Aronius*, № 232.

Таким образом, даже в качестве границы, разделяющей одну от другой две различные по своему экономическому характеру и значению эпохи в жизни еврейского народа, эпоха крестовых походов может приниматься лишь условно и с известными оговорками. Еще осторожнее мы должны быть при оценке значения и последствий самого факта крестовых походов. Искать в этом факте объяснения хронологически приблизительно с ним совпавшей перемены в положении западноевропейских евреев и тем более усматривать в нем непосредственную причину этой перемены, значит, по нашему мнению, становиться на совершенно неправильный путь. Подобная преувеличенная оценка значения самого факта крестовых походов и его последствий, во всяком случае, нуждается в весьма существенных ограничениях. Сближение с Востоком и хотя бы временное обладание восточными рынками, явившееся важнейшим следствием первых крестовых походов, не могло непосредственно отразиться на судьбе западных евреев хотя бы потому, что из области восточной левантийской торговли евреи оказались вытесненными еще задолго до первого крестового похода. Можно было бы, таким образом, говорить лишь о посредственном влиянии факта крестовых походов, влиянии, отразившемся на жизни и судьбе западноевропейских евреев, лишь постольку, поскольку этот факт имел значение для развития европейской торговли и экономической жизни средневековой Европы вообще. Вопрос об этих общих последствиях крестовых походов имеет, однако, слишком отдаленное отношение к нашей теме, а потому и не может служить здесь предметом специального исследования. Ограничимся поэтому только общим замечанием, что если завоевание восточных рынков и могло иметь существенное значение в жизни итальянских торговых республик, то уже влияние этого факта на экономическую жизнь государств и областей средней и северной Европы было несравненно более отдаленным, а следовательно, вместе с этим не могло не быть и более слабым и менее значительным и существенным. Так, для развития внутренней торговли во всех этих странах, так же как и для развития внешних торговых сношений между Францией и Англией или между Англией и другими северными странами или, наконец, для возникновения немецкой ганзы, факт овладения восточными рынками не мог иметь, да, конечно, и не имел большого значения; а между тем именно все эти факты в развитии европейской торговли и оказали наиболее существенное влияние, как увидим, на положение и судьбу евреев.

Не в крестовых походах и не в их последствиях, но именно в развитии внутренних и внешних торговых сношений во Франции, Англии и несколько позже в Германии, в возникновении французских ярмарок, в образовании лондонской и позднее немецкой ганз следует искать непосредственные причины утраты евреями торгового значения и вынужденного обращения их к исключительно ссудным и денежным операциям². На этих фактах мы прежде всего поэтому и остановимся. Начнем с Франции. До десятого столетия включительно, пока главными потребителями привозных товаров оставались исключительно представители высшей церковной и светской аристократии, пока вместе с этим и главными торговыми центрами служили епископские резиденции так же, как и наиболее богатые и крупные аббатства, вся внешняя торговля сосредоточивалась почти исключительно в руках еврейских торговцев. Евреи, как мы видели, рассеяны были в это время по всей стране как в богатых епископских резиденциях, так и в замках и селениях различных баронов, герцогов, графов, являясь в сущности не столько торговцами в настоящем значении этого слова, сколько комиссионерами, состоявшими в распоряжении отдельных представителей светской и духовной аристократии. Каждый сеньор имел своего еврея, через посредство которого и приобретал все необходимые ему в данный момент продукты и изделия³. Такое положение дел заметным образом начало изменяться только с начала одиннадцатого столетия.

---

² Насколько все эти факты торгового развития в свою очередь мало были связаны с фактом завоевания восточных рынков, можно видеть хотя бы из того, что восточные товары далеко не являлись главными предметами торговли даже на французских ярмарках, чаще других посещавшихся итальянскими купцами, не говоря уже о торговых сношениях Англии и о торговле лондонской и немецкой ганз. Даже на шампанских ярмарках, служивших начиная с половины двенадцатого столетия главными центрами всей западноевропейской торговли, а вместе с этим и сбыта восточных продуктов, вовсе не эти последние, а прежде всего сукно и кожаные изделия составляли главный предмет торговли. См. *Bourquelot. Etudes sur les foires de Champagne. Paris, 1865. P. 284 suiv.* Даже итальянские купцы, за исключением только венецианцев и генуэзцев, занимались на этих ярмарках преимущественно продажей шерстяных и шелковых изделий, а не восточных пряностей и других предметов левантской торговли. *Heyd. Band II. S. 702–708; Schulte. Band I. S. 160–161.*

³ *Pigeonneau. T. I. P. 104–110.*

С одиннадцатого столетия возрождается во Франции городская жизнь, начинается развитие ремесла, возникают первые цеховые организации. К этому же столетию восходит и начало самостоятельного торгового развития в связи с образованием национального купеческого класса. К этому же столетию относится и возникновение первых торговых организаций, обстоятельство, представлявшее крупнейшее явление в истории торгового развития Франции этого времени и вместе с тем чреватое последствиями и для дальнейших судеб французских евреев. Еще в первой половине одиннадцатого столетия слагаются и начинают действовать первые торговые объединения, в том числе и такие, которым и впоследствии в течение долгого времени принадлежало первое место во французской торговле, а именно: руанская ганза (*Hanse de Rouen*), парижская гильдия *marchands de l'eau* (букв. «водные торговцы». — *Прим. ред.*), компания луарских купцов, гильдия виноторговцев в Бордо и др.⁴ Эти гильдии в короткое время приобретают широкое не только экономическое, но и общественное значение. Их доверенные лица становятся во главе городского управления, благодаря чему торговые гильдии получают возможность влиять на направление зарождающейся городской политики. В то же время гильдии успевают распространить свое влияние и за пределы своего городского округа. Так, они захватывают в свои руки важнейшие речные таможни, выкупая или получая их в лен от сеньора. Сеньоры, говорит Пижонно, инфеодировали в руки торговцев и торговых компаний течение рек и даже моря так же, как они инфеодировали землю баронам⁵. Точно так же еще очень рано торговые гильдии успевают добиться и своей непосредственной цели, именно, торговой монополии в данной местности. Так, к половине двенадцатого столетия руанская ганза получает, например, право исключительной монопольной торговли с Ирландией⁶. Еще более существенных прав успела добиться в течение того же двенадцатого столетия парижская компания *marchands de l'eau*. Уже в самом начале двенадцатого столетия при Людовике VI она получила право облагать все приходявшие в Париж суда с вином известным сбором.

---

⁴ *Pigeonneau*. Т. I. Р. 114–115.

⁵ *Pigeonneau*. Т. II. Р. 117.

⁶ Относительно торгового значения руанской ганзы см.: *Freville. Mémoire sur le commerce maritime de Rouen; Cheruel. Histoire de Rouen pendant l'époque communale.*

При Людовике VII она монополизировала в своих руках всю торговлю на нижней Сене, со времени же Филиппа Августа, именно с 1194 года, к этому присоединилась такая же монополия и на всем верхнем течении реки⁷. «Никто, – говорится в соответствующей грамоте Людовика VII, – не должен привозить или вывозить из Парижа водным путем какие-либо товары, если он не принадлежит к числу *marchands de l'eau* или не состоит в товариществе с одним из членов этой корпорации»⁸. Для того, чтобы оценить значение подобной привилегии, необходимо иметь в виду, что водные пути составляли в описываемое время единственные доступные и удобные торговые пути. Недаром, именно так называемое стапельное право, право, предоставлявшее в руки данной компании если и не всю вообще торговлю, то, по крайней мере, господство и контроль над торговлей на известном участке того или иного важного пути, составляло важнейшее право всякой местной торговой гильдии и основу ее монопольного положения в торговле всего данного округа⁹.

К началу тринадцатого столетия почти вся торговля Франции, по крайней мере, на протяжении важнейших торговых путей, оказалась разделенной между таким монопольными торговыми компаниями. Ганза в Руане, компания *marchands de l'eau* в Париже, луарская компания, *jugade* в Бордо, *batellerie* Орлеана, Сомюра, Анжера и Нанта – все это были крупные торговые товарищества, монополизировавшие в своих руках торговлю каждая в своем районе, причем влиянию их подчинялись теперь уже не отдельные города, но целые обширные территории. Так, влияние руанской ганзы распространилось на всю Нормандию, влияние парижской компании – на Иль де Франс¹⁰.

В области внутренней торговли Франции евреям, таким образом, все более приходилось встречаться с возрастающей даже

---

⁷ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789 (2-me edition). Paris, 1900. Т. I. P. 335 suiv.

⁸ *Leroy*. Dissertation sur l'origine de l'Hôtel de Ville. Pièce № 3. Речь идет о торговле по нижнему течению Сены до г. Манта, то есть до границ Нормандии.

⁹ В Париже ни один иностранный купец не мог провезти своих товаров без представителя от компании *marchands de l'eau*, за что должен был отблагодарить последнего подарком, разумеется, не низкой стоимости или же уступить ему половину своих товаров по цене, указанной в декларации (*Pigeonneau*. Т. I. P. 119).

¹⁰ *Pigeonneau*. Т. I. P. 177.

не конкуренцией, но с чисто монополистическими тенденциями торговых компаний национальных купцов, тенденциями, делавшими для них невозможным какое-либо участие в торговых операциях вообще. Не в лучшем положении оказывались еврейские торговцы и в области внешних торговых сношений. Торговля восточными левантийскими товарами с течением времени все в большей и большей степени сосредоточивается непосредственно в руках итальянских купцов, вытесняющих, таким образом, евреев и из той посреднической торговли, которая, как мы видели, на некоторое время еще оставалась в их руках после потери ими торговых связей с Востоком. Особенно усиливается приезд итальянских купцов во Францию с двенадцатого столетия. С возникновением в половине этого столетия знаменитых шампанских ярмарок почти одновременно образовалась и специальная организация итальянских купцов, посещавших эти ярмарки. Корпорация эта, известная под названием «союза итальянских купцов, посещающих ярмарки Шампани и Франции»¹¹ и объединявшая купцов различных итальянских городов, сразу же приняла обширные размеры. Купцы из Италии все в большем числе начинают встречаться и на других французских ярмарках, на знаменитых парижских ярмарках Lendit и Notre Dame de Paris так же, как и на крупнейших ярмарках, обслуживающих западную Францию¹². Одновременно развиваются и кредитные операции итальянских купцов и банкиров во Франции. В короткое время вся Франция оказывается усеянной отделениями различных итальянских банков¹³. А так как, как мы знаем, денежные операции обычно в это время связывались с торговыми, то, по крайней мере, относительно некоторых из этих банкирских контор можно думать, что они в более или менее значительных размерах занимались и торговлей и прежде всего, конечно, торговлей восточными пряностями и другими произведениями Востока. Участие итальянских купцов в торговле Франции, таким образом, становилось все более постоянным и интенсивным¹⁴. Конкуренция с

---

¹¹ См. *Schulte*. Band I. S. 160. Отноительно торговли итальянских купцов на шампанских ярмарках ср. также *Heyd*. Geschichte des Levanthandels im M.A. Band II. S. 702 f.

¹² *Pigeonneau*. T. I. S. 243.

¹³ См. *Piton*. Op. cit.

¹⁴ Я не говорю о посещении итальянскими судами французских гаваней, так как этот факт относится уже к позднему времени.

сильными и постоянными итальянскими торговыми домами, к тому же находившимися в несравненно более выгодных условиях по сравнению с еврейскими купцами, оказывалась для этих последних совершенно непосильной, и в результате уже к тринадцатому столетию, как говорит Пижонно, «царство евреев во Франции кончилось, началось царство ломбардцев»¹⁵.

Если, таким образом, вся левантийская торговля перешла в конце концов в руки итальянских купцов, вместе с чем евреи лишились всякого хотя бы посреднического участия в ней, то в торговых сношениях Франции с северными странами, и прежде всего с Англией, они могли принимать еще меньше участия, так как с самого своего возникновения вся эта торговля находилась почти исключительно в руках так называемой лондонской ганзы, образованной фландрскими городами с участием и многих городов северной Франции. В результате всех описанных обстоятельств еврейская торговля начала заметно падать во Франции еще в одиннадцатом столетии, в течение же следующего столетия евреи оказались окончательно вытесненными и устраненными из области как внутренних, так и внешних торговых сношений Франции.

Ту же картину мы находим и в Англии. И здесь торговые гильдии возникают уже с конца одиннадцатого столетия. Еще до норманнского завоевания в Англии были распространены религиозные гильдии и общества. «Вполне возможно, что тогда же могли образоваться подобные общества для торговых целей»¹⁶. Первое определенное указание на существование именно купеческой гильдии мы встречаем в 1093 году¹⁷. Купеческие компании, по-видимому, однако, уже в это время и, во всяком случае, с начала двенадцатого столетия представляли в Англии широко распространенное явление. С царствования Генриха I (1100–1135) начинается целый ряд жалованных грамот, выдававшихся городам королем и высшими лордами, причем во всех этих грамотах выдающееся место принадлежит признанию местных купеческих гильдий¹⁸. Как и во Фран-

---

¹⁵ *Pigeonneau*. Т. I. S. 248–252.

¹⁶ *Эшли*. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. Перевод под ред. Петрушевского. М., 1897. С. 80; ср. *Кеннингэм*. С. 112, 162.

¹⁷ *Gross*. *Gilda mercatoria*. Göttingen, 1883. P. 32.

¹⁸ *Gross*. *Gilda mercatoria*. P. 37 f. Существование купеческих гильдий с несомненностью может считаться доказанным, по крайней мере, для 92 английских городов из 160 городов, посылавших своих пред-

ции, товарищества крупных торговцев первое время являлись исключительными вершителями городских судеб. Слова гильдия и коммуна имели в это время тождественное значение¹⁹. Как и во Франции, купеческие гильдии первым делом поспешили обеспечить себе монопольное положение в торговле. Торговая монополия составляла, можно сказать, первоначальную цель в образовании гильдий. Монопольное право гильдий устанавливалось здесь в еще более решительных и определенных выражениях, нежели во Франции. «Знайте, — говорится, например, в грамоте Генриха II Оксфорду, — что мы выразили гражданам Оксфорда согласие на все вольности, какие имели они во времена деда нашего Генриха, и, именно, на свою торговую гильдию, так что никто из не принадлежащих к гильдии не должен торговать ни в городе, ни в его предместьях»²⁰.

Внешняя торговля Англии, получившая более значительное развитие лишь с двенадцатого столетия, с самого начала сосредоточивалась преимущественно в руках фландрских торговцев, образовавших со специальной целью торговли с Англией так называемую лондонскую ганзу, в которую вошли все более значительные города Фландрии и к которой несколько позднее примкнули и города северной Франции²¹. Рядом с фландрскими купцами очень рано видную роль во внешней торговле Англии начинают играть и отдельные немецкие города, прежде всего Кельн. Еще в половине двенадцатого столетия ганза кельнских купцов в Лондоне получила чрезвычайно обширные привилегии от короля Генриха II (1157 год), привилегии, неоднократно подтверждавшиеся впоследствии²². Особенно широкие права предоставлены были кельнским купцам гра-

---

ставителей в парламент в течение царствования Эдуарда I, в том числе для всех сколько-нибудь значительных городов; см. *Эшли*. Экономическая история Англии. С. 81. Это, конечно, не исключает возможности существования таких же гильдий и в других английских городах.

¹⁹ *Stubbs*. *Select Charters*, 162.

²⁰ *W. Stubbs*. *Select Charters*, 167. Аналогичные статьи часто почти в тождественных выражениях включались и в жалованные грамоты других городов. Ср. *Gross*. *Gilda mercatoria*. P. 35.

²¹ Список городов, входивших в лондонскую ганзу, относящийся к половине тринадцатого столетия см., например, у *Fagniez*: *Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France*. Vol. I (1898), № 190.

²² *Lappenberg*. *Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London*. Hamburg, 1861. Band II. S. 14.

мотой Ричарда I, позволявшей им свободно торговать по всей Англии, в особенности на ярмарках²³. Около кельнской ганзы начали группироваться купцы и из других, преимущественно западных немецких городов, торговавших с Англией. Однако с начала тринадцатого столетия начали, как известно, все более выдвигаться прибалтийские города с Любеком и Гамбургом во главе, и образованный ими знаменитый ганзейский союз вскоре сменил кельнскую ганзу и занял исключительное место в английской внешней торговле²⁴. При этом, как ранее кельнские купцы, так теперь северная немецкая ганза вела торговлю не только в Лондоне, но и на всем протяжении Англии. Ганзейские дворы имелись в различных английских городах²⁵. Не входя в дальнейшие подробности, мы можем, таким образом, констатировать, что в Англии, как во Франции, вся внутренняя торговля уже с одиннадцатого столетия сосредоточивается исключительно в руках торговых гильдий, вся же внешняя торговля — в руках крупных иностранных торговых союзов. А так как евреи не входили ни в те, ни в другие, то они в результате уже очень рано оказались совершенно вытесненными из области торговых сношений. В сущности, евреи никогда не играли видной роли в английской торговле, так как возникновение самостоятельной торговли и возникновение первых торговых компаний почти совпало со временем первого появления евреев в более значительном числе в Англии. И именно этой невозможностью для английских евреев принять сколько-нибудь заметное участие в торговле и следует прежде всего объяснить то обстоятельство, почему евреи в Англии уже с самого начала оказываются скорее ростовщиками, нежели торговцами. Судьба английских евреев представляется особенно интересной в том отношении, что Англия, как известно, стояла совершенно в стороне во время первых крестовых походов и следовательно в меньшей степени, нежели остальные европейские государства, могла испытать на себе их влияние, а между тем в жизни английских евреев переход к новым условиям, приписываемый обычно именно этому влиянию, совершился и ранее и определеннее,

---

²³ *Lappenberg*. Band II. S. 5. Грамота эта была подтверждена Иоанном и Генрихом III (*ibid.*, II, 6, 80, 12).

²⁴ *Lappenberg*. Band I. S. 13 f.

²⁵ *Lappenberg*. Band I. S. 163–166; *Sartorius*. *Urkundliche Geschichte des Ursprungs d. deutschen Hansa*. 1830. Band II. S. 228, № 113.

чем где-либо. Нужно ли еще лучшее доказательство того, что значение крестовых походов для экономической жизни Западной Европы и, в частности, для экономических судеб западноевропейских евреев, далеко не было столь значительным, как принято полагать.

Позднее, нежели во Франции и Англии, начинается самостоятельно торговое развитие в Германии. До времени завоевания балтийских берегов, то есть до второй половины двенадцатого столетия, как говорит историк германской торговли, Германия играла в международной торговле почти исключительно пассивную роль²⁶. Исключение составляли только города прирейнской и верхнедунайской области. Однако и здесь еще во второй половине одиннадцатого столетия, как о том свидетельствует не раз цитированная нами грамота шпейерским евреям, услуги последних для развития местной торговли ценились еще очень высоко. Картина меняется приблизительно с половины двенадцатого столетия. Уже в это время Кельн, как мы видели, начинает играть видную роль не только в местной, благодаря своим ярмаркам, но и в международной торговле. Полученные им от английских королей Генриха II и Ричарда I привилегии легли в основу последующего развития германско-английской торговли и привели к образованию первой немецкой ганзы. С начала тринадцатого столетия и частью уже с конца двенадцатого начинают выдвигаться отдельные прибалтийские города. Развитие их внешних торговых сношений приводит в половине тринадцатого столетия к возникновению союза между ними, знаменитой немецкой ганзы, занявшей вскоре же исключительное место во всей торговле северной Европы. Как ганзейские города захватывают в свои руки северную торговлю, точно так же южнонемецкие города вступают в непосредственные сношения с итальянскими городами. Особенно деятельные и постоянные сношения завязывают они с Венецией, где имеют собственное подворье, знаменитое фондако²⁷. Таким образом, и в Германии левантийская торговля окончательно ускользает из рук евреев.

---

²⁶ *Falke*. Geschichte des deutschen Handels. Band I. Leipzig, 1859. S. 64 f.

²⁷ Относительно торговли южногерманских городов с Италией, кроме *Schulte*, богатый материал можно найти в специальной работе *Simonsfeld'a*: Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venezianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart, 1887 (Band I, Urkunden. Band II, Darstellung).

Развитие торговли и в Германии имело те же последствия, как во Франции и Англии; и здесь помимо крупных союзов, захватывающих в свои руки всю внешнюю торговлю, возникают местные купеческие объединения, имеющие целью добиться монопольного положения и обеспечить прежде всего розничную торговлю в данном районе исключительно за своими членами²⁸.

С прекращением участия евреев Германии в левантийской торговле и еврейская торговля в Германии сразу должна была пойти на убыль. Работоторговля, первоначально составлявшая главную отрасль торговли немецких евреев, прекратилась еще к началу одиннадцатого столетия. В чисто местной торговле евреи, за исключением, быть может, рейнской области, где они, как мы видели, посещали, например, кельнскую ярмарку, в Германии вряд ли когда-нибудь принимали деятельное участие, с сосредоточением же этой торговли в руках местных монопольных компаний, по всей вероятности, в большинстве случаев и совершенно перестали в ней участвовать. Таким образом, и в Германии еврейский купец вынужден был шаг за шагом отступать перед растущим влиянием национального торгового класса как в области внутренних, так и внешних торговых сношений.

Таковы были ближайшие условия и обстоятельства, при которых совершилось вытеснение евреев из области торговли и переход их к денежным операциям и мелкому ростовщичеству. Даже из этого беглого обзора можно видеть, что перемена в положении евреев обуславливалась общими тенденциями экономического развития и что преувеличивать отдельные, хотя бы и такие крупные факты, как факт крестовых походов, отнюдь не приходится²⁹. Во Франции и Англии образование монопольных купеческих гильдий, обстоятельство, имевшее наиболее существенные последствия для всей последующей судьбы евреев, имело место еще в одиннадцатом столетии, то есть до времени первого крестового похода и частью, например, в Англии, исходило из тенденций, восходивших к еще более раннему времени. В Герма-

---

²⁸ *Falke*. Band I. S. 256 f., 262; ср. *Doren*. Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Schmollers Forschungen, 1893; *Maurer*. Städteverfassung. Band I. S. 298 f.

²⁹ В самом факте крестовых походов, напротив, можно видеть скорее одно из проявлений, нежели причину начавшегося оживления в экономической жизни средневековой Европы.

нии точно так же начало активного торгового развития и возникновение самостоятельного торгового класса связано не с фактом крестовых походов, но с завоеванием балтийских берегов, имевших к крестовым походам разве только номинальное отношение. Наибольшее значение последствия крестовых походов должны были иметь в жизни итальянских торговых республик, однако не большее, нежели завоевание новых рынков для всякого торгового государства. Но именно на судьбе итальянских евреев это обстоятельство не могло отразиться, потому что эти последние оказались вытесненными из области торговли еще задолго до того, и ко времени первого крестового похода поворот в их судьбе не только уже начался, как во Франции и Англии, но уже вполне успел определиться и завершиться.

Как бы то ни было, но, во всяком случае, непосредственными причинами утраты евреями прежнего торгового значения и последовавшей в связи с этим общей перемены в их экономическом и социальном положении мы должны признать развитие более активной торговли и возникновение самостоятельного торгового класса, с одной стороны, и оживление международной торговли, вылившееся в форму образования обширных торговых союзов – ганз. Перед деятельностью этих могущественных союзов евреи, игравшие до этого времени, как мы видели, роль не столько торговцев в собственном смысле, сколько комиссионеров по снабжению требуемыми товарами и прежде всего предметами роскоши отдельных представителей светской и духовной аристократии, естественно, сразу же должны были совершенно стушеваться, уступив им поле действия.

К каким же профессиям могли и должны были обратиться евреи, вытесненные из области торговой деятельности? Менее всего, конечно, к земледелию и к сельскохозяйственной деятельности, чуждой, как мы знаем, евреям диаспоры вообще и тем более евреям-купцам и денежным торговцам, какими являлись прежде всего евреи, жившие в городах средней и северной Европы. Ремесло, как мы на это обращали внимание, представлялось не менее чуждым для них родом деятельности. Люди, посвятившие себя торговой профессии, вообще не склонны к личному, по крайней мере, участию в производительном труде. А именно такое только участие и мыслимо было в средневековую пору. Евреи проникли в среднюю Европу в качестве торговцев, при этом чем далее проникали они в северном и восточном направлениях, тем определеннее должны были выступать

торговые цели и задачи в качестве побудительных мотивов переселения. На той ранней ступени экономического развития, на какой стояла средневековая Европа, только торговец мог иметь и достаточные поводы и склонность к дальним странствованиям и переселениям. Мы видели, с какой быстротою распространились евреи в Англии и в особенности в Германии. Здесь мы находим их ранее осевшими в восточных, следовательно, более удаленных областях, нежели в центральной и в западной Германии. И нам известно в то же время, что почти все евреи в городах восточной Германии были едва ли не поголовно торговцами. Обычное в десятом-одиннадцатом столетиях выражение *Judaei id est mercatores* (евреи есть торговцы) чаще всего применяется именно к германским евреям.

Указанным характером еврейской эмиграции в страны средней и северной Европы и следует прежде всего объяснять то обстоятельство, почему земледельческие занятия и ремесленная профессия встречались среди западноевропейских евреев в средневековую эпоху лишь на более старых, восходящих еще к римскому времени местах их поселений, именно, в Италии, Испании и в меньшей степени в южной Франции. Напротив, чем далее от древнейших мест еврейских поселений в Западной Европе, тем определеннее выступает торговля в качестве их преимущественного рода экономической деятельности и тем менее в то же время должны были они проявлять наклонности к производительному труду и производительной деятельности. Цеховая замкнутость и недопущение евреев в ремесленные цехи, правда, действовали в том же направлении, исключая для евреев возможность занятия ремесленным трудом, но не в них заключалась основная и главная причина, как обычно принято думать³⁰, малого распространения среди евреев средневековой Европы ремесленной деятельности. В Италии, где торговля не занимала такого исключительного места в жизни евреев, мы встречаем много евреев, занятых в ремесленной промышленности; напротив, для евреев средней Европы в течение средневековой эпохи ремесло оставалось совершенно чуждым и несвойственным занятием, причем если во Франции еще попадаются отдельные упоминания о ремесленниках-евреях³¹, то ни относительно гер-

---

³⁰ Ср., например, *Güdemann. Geschichte... der Juden in Italien*. S. 67–68.

³¹ См. выше стр. 296.

манских, ни относительно английских евреев мы даже и таких случайных сообщений не встречаем.

Но раз евреи, усвоившие себе торговые привычки и склонности, не имели более возможности заниматься торговлей, раз они в то же время, с другой стороны, не имели склонности ни к земледельческому, ни к ремесленному труду, то для них оставался только один путь, именно, профессия менялы, банкира, ростовщика, словом, занятие денежной торговлей в различных ее формах. Переход их именно к этой профессии представлялся тем более естественным, что в средневековые времена между торговыми и разного рода денежными операциями существовала тесная связь. Торговые дома занимались в более или менее обширных размерах одинаково и ссудными операциями, банки при всяком удобном случае пускали свои капиталы непосредственно в торговые обороты. В частности, на примере самих евреев мы могли видеть, что они сплошь и рядом совмещали товарную торговлю с денежной. Мы видели, например, что еще в конце десятого и начале одиннадцатого столетия многие майнцские и вормские евреи, принимая сами непосредственное участие в торговле на кельнской ярмарке, в то же время ссужали капиталами своих менее состоятельных соплеменников и товарищей по торговому классу³². Другой подобный же случай совмещения торговых и денежных операций представляют также приводившиеся выше примеры еврея из местечка Карта³³ и еврея Иуды (Германна) из Кельна³⁴. В особенности, надо полагать, такое совмещение двух близких профессий в одном лице должно было часто встречаться среди английских евреев еще с конца одиннадцатого столетия.

Если в области торговли благодаря монопольному положению, занятому торговыми товариществами, для евреев не оставалось места, зато обширная область денежных спекуляций всякого рода для них в это переходное время представлялась еще широко открытой. В этой области они могли встретиться с конкуренцией только со стороны богатого духовенства. Как во все времена и у всех народов храмы являются обычно первыми местами накопления более значительных первоначально непроизводительно лежащих богатств,

---

³² См. выше стр. 288.

³³ См. выше стр. 288–289.

³⁴ См. выше стр. 278 и 289.

то же самое видим мы и в эпоху раннего средневековья. И здесь точно так же монастыри, равно как и казнохранилища более значительных и выдающихся архиепископий и епископий, благодаря разного рода сборам в пользу церкви, с одной стороны, благодаря добровольным пожертвованиям и вкладам на хранение, с другой – уже очень рано успели накопить значительные денежные суммы, которые далеко не всегда лежали праздно, но нередко при удобном случае пускались в оборот, находя применение как в ссудных операциях, так и в денежных спекуляциях иного рода³⁵. В области денежных операций евреи, таким образом, с самого начала, за исключением только, как мы уже знаем, Италии, в общем могли встретить со стороны остального населения лишь относительно слабую конкуренцию³⁶. Мало того, в этой области они оказывались даже в более благоприятном положении, нежели их конкуренты из христиан, в виду воспрещения христианам церковными каноническими правилами взимать проценты и заниматься ростовщичеством³⁷.

Тот же самый факт развития и подъема торговли, который сделал торговую роль евреев и их участие в торговых операциях излишним, в то же самое время в высокой степени должен был увеличить спрос на деньги и, таким образом, впервые создавал постоянную основу для развития кредитных опера-

---

³⁵ Относительно денежной торговли духовенства в средние века см. *Neumann*. Geschichte des Wuchers in Deutschland. 1885, passim; также в особенности соответствующую главу у *Hoffmann*'а: Der Geldhandel. S. 35–44 и ранее s. 26 f., где собран по этому вопросу очень обширный материал.

³⁶ *Лампрехт* отмечает еще сверх того денежную спекуляцию представителей светской знати и различает даже три эпохи в развитии залоговых операций в Германии, полагая, что в двенадцатом столетии этого рода операции производились по преимуществу духовенством, в тринадцатом – представителями светской знати и, наконец, только в четырнадцатом столетии евреями (*Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Band. I, 2 Hälfte. S. 1444 f.). Однако вряд ли вообще когда-либо залоговые операции знати отличались особенно обширными размерами. Напротив, как показывают данные относительно денежной торговли знати, эта последняя имела место лишь в относительно редких случаях и притом, по большей части, в замаскированной форме (*Hoffmann*. Der Geldhandel. S. 44–46).

³⁷ См. *Funk*. Geschichte des kirchlichen Zinsverbots, в частности относительно воспрещения занятия ростовщичеством представителям духовенства s. 20 f.

ций. С одной стороны, с ростом роскоши и с увеличением спроса на различные покупные продукты и изделия росла нужда в деньгах в среде высших аристократических классов, с другой же – и среди городского населения все более и более начинала ощущаться нужда в коммерческом кредите так же, как и в кредите на производительные нужды. Наконец, общее развитие денежного хозяйства и денежно-хозяйственных отношений, явившееся необходимым последствием торгового прогресса, должно было с течением времени в конце концов отразиться и на положении более широких слоев населения, вызвав и в их среде все усиливавшуюся потребность в деньгах.

Так создавалась, с одной стороны, нужда в производительном и коммерческом, с другой – в потребительном кредите. Нужда в коммерческом кредите представлялась более значительной только в итальянских торговых городах, причем, как мы видели, удовлетворялась она здесь в большинстве случаев при посредстве итальянских же банков. Остальная Европа, напротив, представляла область господства кредита почти исключительно потребительного. И именно в этой-то области кредита потребительного евреям и принадлежало в течение долгого времени первое место до того времени, пока итальянские банкиры не распространили свою деятельность далеко за пределы Италии. Итак, евреям принадлежала, по преимуществу, область кредита потребительного, и именно это обстоятельство имело важное значение между прочим и для их социального положения, являясь одним из обстоятельств, обостривших враждебное отношение к ним со стороны населения до крайности.

В предшествовавшем изложении мы проследили связь между переменой в положении западноевропейских евреев, происшедшей приблизительно в половине средневекового периода, с более интенсивным экономическим развитием европейских государств, начавшимся приблизительно с начала одиннадцатого столетия сперва в государствах, расположенных западнее, во Франции и Англии, затем несколько позже в Германии. Связь эта с полной определенностью выступает и в постепенности, и в параллелизме того и другого процесса. Потеря евреями торгового значения и влияния падает в Италии еще на девятое столетие, во Франции – на одиннадцатое, в западной Германии – на двенадцатое; наконец, в Австрии и Богемии, не говоря уже о более восточных областях, евреи принимают довольно близкое участие в торговых делах еще в половине тринадцатого столе-

тия³⁸, и только к концу этого столетия они здесь, по-видимому, оказываются вынужденными перейти исключительно к денежной торговле. Процесс перехода евреев к новым условиям жизни совершался, таким образом, постепенно, распространяясь с запада на восток параллельно с началом общего более интенсивного экономического развития в отдельных областях и местностях Западной Европы.

Поступательный ход этого процесса лучше всего можно проследить на примере германских евреев, именно, на том богатом, почти исчерпывающем собрании материала, какое мы находим в регестах Арониуса. Показательно прежде всего самое распределение данных, касающихся товарной и денежной торговли евреев. Сопоставляя между собою число данных относительно операций того и другого рода, мы получаем вполне определенное и наглядное изображение процесса постепенного перемещения центра тяжести от операций чисто торговых к операциям денежно-спекулятивного характера. Возьмем для сравнения данные Арониуса, начиная со времени Меровингов. Правда, сделанная Арониусом сводка материала до 843 года, то есть приблизительно до половины девятого столетия, охватывает франкскую монархию на всем ее протяжении, с этого же года имеет в виду лишь факты и сообщения, касающиеся немецких евреев, и потому его данные относительно меровингской и каролингской эпохи и относительно последующего времени на первый взгляд могут показаться несравнимыми между собою. Однако если принять во внимание, с одной стороны, что евреи проникли в Германию, в сущности, только в десятом столетии прежде всего из франкского королевства, и что, следовательно, в германских евреях мы должны видеть непосредственных потомков тех же франкских евреев, и что, с другой стороны, перелом в положении евреев в девятом веке не начался еще даже и в Италии, и евреи повсеместно в Западной Европе жили приблизительно в одинаковых экономических условиях, то для скептицизма не останется места, и мы найдем, что сопоставление данных Арониуса

---

³⁸ См. жалованные грамоты евреям Фридриха II австрийского (пункт 12), данную в 1244 году, и Оттокара Богемского 1254 года. *Stobbe*: S. 297 f.; *Rössler*. *Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren*. Band I. S. 180. Аналогичные привилегии даны были венгерским (*Rössler*. Band II. S. 367), силезским и польским евреям (*Stobbe*. S. 302–303).

относительно каролингского и последующего времени, вполне возможно, не поведет к большим ошибкам.

Выбирая данные, касающиеся торговых и денежных операций евреев, мы найдем, что для шестого столетия число сообщений, касающихся операций первого рода, равняется 5³⁹; о денежных операциях упоминается всего однажды⁴⁰. В седьмом и восьмом столетиях встречается всего лишь два сообщения, касающихся товарной торговли, и ни одного о ссудных или денежных операциях⁴¹. Для девятого столетия число данных того и другого рода составляет 14⁴² и 2⁴³, для десятого – 6⁴⁴ и 1⁴⁵. В течение обоих этих столетий торговые операции, таким образом, заметно преобладают над денежными. Уже в одиннадцатом столетии это преобладание становится не столь исключительным. На шесть случаев упоминания о торговых операциях⁴⁶ приходится три сообщения, касающиеся операций денежных⁴⁷. В двенадцатом столетии наблюдается уже обратное отношение с решительным преобладанием фактов денежной торговли над товарной (14 сообщений⁴⁸ против 5⁴⁹), в тринадцатом же столетии (до 1273 года) это преобладание становится почти исключительным: 7 сообщений, касающихся торговли⁵⁰, приходится на 93 сообщения относительно ссудо-залоговых или иных денежных операций⁵¹, особенно если принять во внимание, что и без того немногочисленные данные относительно торговли касаются случаев покупки евреями краденого, требования присутствия при акте продажи свидетелей и других подобных случайных фактов и сообщений, отнюдь не могущих служить доказательством особенно широкого и деятельного участия евреев в торговле.

---

³⁹ *Aronius*, № 34, 35, 39, 44, 52.

⁴⁰ № 47; мы не принимаем во внимание № 54, так как он говорит о денежной ссуде итальянского, а не франкского еврея.

⁴¹ № 62 и 68.

⁴² № 72, 74, 75, 76, 79, 81, 82, 83, 89, 90, 92, 98, 100, 113.

⁴³ № 76, 104, 117a.

⁴⁴ №№ 122, 127, 129, 137, 141, 149.

⁴⁵ № 149.

⁴⁶ № 157, 162, 168, 169, 170, 171.

⁴⁷ № 168, 171, 207.

⁴⁸ № 214, 223, 226, 244, 248, 276, 291, 298, 304, 314a, 347, 348, 349.

⁴⁹ № 208, 223, 314a, 345, 347.

⁵⁰ № 374, 436, 531, 547, 621, 669, 771.

⁵¹ № 350, 360, 362, 365, 368, 381, 390, 391, 392, 394, 395, 396, 407, 424, 427, 435, 438, 439, 444, 448, 453, 458, 465, 470, 478, 490, 518, 519, 523, 524, 531 и пр

Сопоставив рядом числа сообщений того и другого рода и высчитав процентное соотношение их между собою, мы получим следующую чрезвычайно показательную и наглядную таблицу:

Столетия	Число сообщений, касающихся товарной торговли евреев	% отношение к общему числу сообщений того или другого рода	Число сообщений, касающихся денежной торговли евреев	% отношение к общему числу сообщений того и другого рода
VI-VIII	7	87,5	1	12,5
IX-X	20	83,4	4	16,6
XI	6	66,6	3	33,4
XII	5	26,4	14	73,6
XIII	7	7,0	93	93,0

Как ни случайны те данные, на основании которых составлена приведенная таблица, как ни приблизительны и ни мало точны могут быть сделанные на основании ее выводы, тем не менее, она все же представляется достаточно показательной. Именно самая случайность легших в основу ее данных является, быть может, лучшим доказательством закономерности и постепенности поступательного хода процесса превращения евреев из купцов в денежных торговцев и ростовщиков.

Не менее показательные и в то же время вполне согласующиеся с данными только что приведенной таблицы результаты получаются также при сопоставлении содержания жалованных грамот евреям и касавшихся их законодательных актов по отдельным столетиям. В документах десятого столетия евреи упоминаются исключительно как торговцы. Еврей и торговец в это время — равнозначные понятия. *Mercatores id est Judaei* — таково обычное для этого времени выражение. В грамоте епископа Рюдигера шпейерским евреям, равно как и в относящихся к тому же времени грамотах Генриха IV (80 и 90-е годы одиннадцатого столетия), говорится преимущественно о торговых правах и привилегиях, предоставляемых евреям, и только вскользь упоминается о праве их заниматься разменом денег. Сто лет спустя, в грамоте Фридриха I регенсбургским евреям (1182 год) на первом месте стоит торговля драгоценными металлами, собственно же товарная торговля упоминается тут же, но уже на втором месте. В грамоте, данной тем же регенсбургским евреям королем Генрихом в 1230 году и подтверждавшей их прежние права и привилегии, упоминание о собственно торговых операциях опущено вовсе; напротив, по поводу денежной торговли грамота вдается в некоторые подробности, каких не содержалось в грамоте Фридриха I, определяя условия разбора спорных дел и устанавливая десятилет-

ную давность для заложенных имений⁵². В грамоте герцога Фридриха австрийским евреям (1244 год) подробнейшим образом рассматриваются условия производства ссудо-залоговых операций и разрешения возникших на почве их спорных дел, но в то же время совершенно не говорится о производстве евреями торговых операций. Упоминается лишь об уплате ими таможенных сборов наравне с прочими гражданами города, в котором тот или иной еврей в данный момент проживает⁵³. Точно так же и грамота герцога Мейссенского касается исключительно залоговых операций, но совершенно ничего не говорит о каких-либо торговых правах и привилегиях⁵⁴. То же самое видим мы и в других законодательных актах тринадцатого столетия. В саксонском (около 1230 года)⁵⁵, немецком (1260 год)⁵⁶, швабском зеркале (1275 год)⁵⁷, в дортмундских статутах о евреях⁵⁸, в городском праве Праги⁵⁹ и Wiener Neustadt⁶⁰ много пунктов и статей посвящено вопросам, связанным с ссудо-залоговыми и иными операциями евреев, и в то же время ни одним словом не упоминается о производстве ими торговли.

Сопоставляя только что приведенные данные с данными помещенной на странице 339 таблицы, мы находим полное соотношение и параллелизм между ними. В то время как до десятого века, согласно тем и другим данным, исключительно господствующими представляются торговые операции, в одиннадцатом столетии рядом с торговлей заметную роль начинают играть денежные операции, в двенадцатом столетии они являются уже преобладающими, а в тринадцатом — исключительно господствующими.

Одновременно и параллельно с переходом евреев от торговых операций к денежным, от торговли товарной к торговле денежной наблюдается и изменение отношения к ним со стороны правящих кругов. Если ранее, когда они оказывали в качестве торговцев необходимые услуги представителям

---

⁵² Mon. Boica, XXXI a, s. 538, № 283.

⁵³ Stobbe. S. 299.

⁵⁴ Stobbe. S. 305 f.

⁵⁵ Aronius, № 458.

⁵⁶ Aronius, № 667.

⁵⁷ Aronius, № 771.

⁵⁸ 1257 год. Aronius, № 633.

⁵⁹ 1269 год. Aronius, № 737.

⁶⁰ 1251–1278 годы. Aronius, № 772.

светской и духовной аристократии, когда более дальновидные политики, вроде шпейерского епископа Рюдигера, умели ценить и их значение для общего подъема торговли и благосостояния местности, в них нуждались и старались поэтому привлекать их разными привилегиями и особыми правами, то теперь с утратой ими прежнего торгового значения и с переходом их к ссудо-заложенным операциям и к денежной торговле по преимуществу на них начинают прежде всего смотреть как на средство пополнения казны и как на своего рода пресс для выжимания доходов из карманов подданных. Им оказывается по-прежнему покровительство, но лишь в той мере, в какой это соответствует непосредственным интересам каждого данного правителя. Их ссудо-заложенным операциям не ставится почти никаких препятствий, но зато они никогда не могут быть уверены в прочности приобретаемых таким путем богатств, которые в любой момент могут перейти в сундуки правителя данной местности. Так, согласно грамотам английских королей, евреи в Англии находились в самых благоприятных условиях: их имущество рассматривалось как имущество, принадлежащее королю, и потому всякое посягательство на него каралось как посягательство на королевское имущество, следовательно, гораздо строже, нежели покушение на имущество прочих граждан. Сила английской короны являлась вернейшим ручательством в том, что обещанная евреям защита не была пустыми словами. Положение евреев в Англии действительно представлялось, по крайней мере в течение первого времени при первых Плантагенетах, более благоприятным и обеспеченным, чем в какой-либо иной стране Европы. Но зато в то же время английские евреи не были ничем гарантированы от королевского произвола⁶¹, проявлявшегося всегда с особой силой, лишь только королевская казна пустела и король начинал нуждаться в деньгах.

Таково же было происхождение и значение германского *Kammerknechtschaft*'а, установления, согласно которому евреи, как известно, объявлялись принадлежащими непосредственно императорской короне и подлежащими исключительно ее суду и защите (а следовательно, и разного рода постоянным и экстренным поборам в ее пользу) или суду и защите тех лиц, кото-

---

⁶¹ См. по этому поводу цитированную уже выше статью *Gross's Exchequer of the Jews*. — *Anglo-Jewish Exhibition papers*. P. 170; ср. *Raumer. Geschichte der Hoheustaufen*. Band V. S. 233–256.

рым император передавал это право⁶², и аналогичных с ним учреждений в других средневековых государствах.

Между временем возникновения и развития этого учреждения и временем обращения евреев к ссудо-залоговым и ростовщическим операциям по отдельным странам наблюдается полнейший параллелизм. Прежде всего в Италии, где евреи, как мы видели, никогда не являлись типичными банкирами и ростовщиками, учреждения, подобного германскому *Kammerknechtshaft*'у, вообще не существовало. Во всех остальных европейских государствах эксплуатация евреев и через их посредство карманов собственных подданных производилась повсюду одинаково интенсивно. При этом, чем ранее начинался переход евреев к преимущественному занятию ссудо-залоговыми и денежными операциями, тем ранее переходили они в собственность и исключительное подчинение центрального или местного правительства и тем ранее, следовательно, начиналась их эксплуатация. Прежде всего эта эксплуатация началась во Франции и Англии. Во Франции на евреев начинают смотреть как на доходную статью еще в начале двенадцатого столетия; так, например, еще в 1121 году граф Безье давал в приданое за своей дочерью между прочим одного еврея⁶³. «Поворотный пункт», по выражению Гюдемманна⁶⁴, в отношении правящих верхов к французским евреям падает на половину двенадцатого столетия. Уже во второй же год правления Филиппа Августа (1181 год) эксплуатация евреев правительством проявляется в самой резкой и определенной форме, именно, в форме конфискации всего их имущества и изгнания их из Франции. Евреям ставилось при этом в вину прежде всего их занятие ростовщичеством. Что упрек этот не был совершенно несправедлив, показывает тот факт, что уже к этому времени, по свидетельству современно-го летописца, почти половина города Парижа оказалась в их руках в качестве залога⁶⁵. Имущество евреев как во владениях самого короля, так и во владениях его баронов приведено было в известность и по соглашению было поделено между

---

⁶² Учреждение *Kammerknechtschaft*'а наиболее обстоятельно исследовано у *Stobbe*. S. 8–14.

⁶³ *Histoire générale de Languedoc*. T. II (1733). P. 418 suiv, № 388.

⁶⁴ *Güdemann*. *Geschichte... der Juden in Frankreich und Deutschland*. S. 63.

⁶⁵ *Rigord*. *Gesta Phil-Aug* (ed. *Duchesne*). P. 8.

королем и баронами⁶⁶. Однако евреи были изгнаны не навсегда. В них нуждались в целях дальнейшей эксплуатации населения, и спустя семнадцать лет они были возвращены во Францию в царствование того же Филиппа Августа, причем им вновь предоставлена была полная свобода заниматься ссудными и ростовщическими операциями, то есть именно тем родом деятельности, который ранее будто бы послужил главным мотивом для их изгнания, на самом же деле, таким образом, являлся лишь предлогом, чтобы оправдать их последующее ограбление. Примеру Филиппа Августа следовали и его преемники, и можно сказать, что практика последовательных изгнаний и возвращений (повторявшихся периодически) сделалась во Франции с этого времени наиболее обычной формой эксплуатации евреев. В половине тринадцатого столетия в царствование Людовика Святого последовало новое, на этот раз частичное и непродолжительное изгнание евреев из королевских владений⁶⁷. Пятьдесят лет спустя, при Филиппе IV, евреи были вновь изгнаны из Франции и возвращены лишь при преемнике Филиппа⁶⁸. После этого в течение всего четырнадцатого столетия евреи жили во Франции под постоянной угрозой изгнания, которое постепенно отсрочивалось, что, разумеется, каждый раз служило поводом к новым поборам. Евреи окончательно были изгнаны из Франции, как известно, в 1391 году не без сопротивления со стороны некоторых баронов, не желавших лишаться в лице их такого легкого и удобного средства извлечения доходов⁶⁹. Практика повторных изгнаний евреев из Франции являлась лишь последовательным проведением в жизнь того же принципа, который господствовал и во Франции одинаково так же, как и в Англии, и согласно которому «еврей ничем не может владеть на правах полной собственности, и все, что он приобретает, он приобретает не для себя, а для короля», причем этот последний

---

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ordonnances des rois de France de la troisième race. T. I. P. 85, a. 1258.

⁶⁸ Ordonnances des rois de France. T. I. P. 488, a. 1311. Этому изгнанию предшествовал целый ряд поборов в пользу королевской казны; ср. Ordonnances. T. I. P. 317 (a. 1290), 333 (a. 1299), 346 (a. 1302), 448 (a. 1306), 470 (a. 1309).

⁶⁹ Ordonnances des rois de France. T. I. P. 643, a. 1391. Относительно обстоятельств, при которых совершилось изгнание евреев из Франции см. *Depping. Histoire des juifs en moyen-âge*. P. 192 suiv.

взгляд в свою очередь обосновывался тем положением, что евреи и самым правом на жизнь пользуются не ради себя самих, но только ради других. Так смотрела на евреев королевская курия. Но так же смотрели на них и отдельные бароны, причем каждый в своих владениях считал себя единственным распорядителем еврейского имущества⁷⁰. Для нас важно отметить, что как самая практика последовательного изгнания евреев, так и только что приведенный взгляд на евреев, которым эта практика оправдывалась, восходят одинаково еще к концу двенадцатого столетия и, по-видимому, уже в то же время являются прочно установленными и широко распространенными⁷¹. Еще в самом начале тринадцатого столетия папа Иннокентий III в письме к графу Неверскому говорит о распространенном среди князей обычае пользоваться евреями-ростовщиками для выжимания денег от своих христианских подданных⁷².

Нам не раз уже приходилось говорить о положении евреев в Англии и об отношении к ним со стороны короны. Здесь евреи уже с самого своего появления на почве страны, следовательно, возможно, что еще с конца одиннадцатого и, во всяком случае, с начала двенадцатого столетия, выступают не столько как торговцы, сколько как банкиры и ростовщики. Соответственно с этим именно в Англии ранее, чем где-либо, они признаются исключительной собственностью короны. «Евреи, — говорит Кеннингэм, — появились в Англии в одиннадцатом столетии и жили на положении простой собственности, пользовавшейся покровительством короля, но подвергавшейся постоянным взысканиям с его стороны; они не занимали какого-либо особого положения в обществе, а существовали в качестве королевского имущества и все, что они имели, было не их, а его собственностью»⁷³. Такой взгляд на евреев был уже в полной силе еще при Генрихе II⁷⁴, в царствование же его ближайшего преемника Ричарда, как мы уже видели, в целях более верного способа контроля над

---

⁷⁰ Во владениях каждого барона действовало, как известно, правило: *les meubles aux juifs sont au baron* (имущество евреев принадлежит барону. — *Прим. ред.*); Ducange., s. v. *Judaei.*; ср. *Ordonnances des rois de France*. T. I. P. 47, a. 1223.

⁷¹ Ср. *Güdemann*. S. 68 f.

⁷² *Innoc. III. Epistolae IX*, 190 (Ed. *Baluz*. T. II. P. 122).

⁷³ *Кеннингэм*. С. 130.

⁷⁴ *Goldschmidt*. S. 22–23

ссудными операциями евреев и более успешного перекачивания приобретенных ими путем этих операций сумм в королевские сундуки, учреждено было специально еврейское казначейство с отделениями во всех главных городах. При этом нигде, кажется, участие короны в кредитных операциях евреев не проявлялось так непосредственно и с такой откровенностью, как в Англии. Король не только считался собственником и распорядителем еврейского имущества, но и самые ссудные операции, производившиеся евреями, совершались как бы от лица короля, по отношению к которому еврей являлся не более, как доверенным лицом. Все сделки, заключавшиеся евреями, регистрировались в еврейском казначействе, после чего долги им признавались долгами королю. Еврей-заимодавец не мог по собственному произволу, без специального королевского разрешения, вступать в то или иное соглашение с должником относительно изменения условий платежа, не мог освободить последнего от уплаты долга, даже если хотел это сделать⁷⁵. В случае, если еврей оказывался не в состоянии уплатить наложенной на него суммы, его долги переводились непосредственно на имя короля, и должники приглашались или уплатить деньги королю, или же заключить с ним новое условие⁷⁶.

В то время как во Франции и в Англии право короны на евреев и их имущества является действующим институтом еще в половине двенадцатого столетия, в то время как во Франции первый случай изгнания и ограбления евреев падает уже на восьмидесятые годы этого столетия, в Англии же вскоре после того последовало учреждение еврейского казначейства, в Германии самый институт *Kammerknechtschaft*'а в это время едва только намечался, полного же развития он достиг не ранее первой половины тринадцатого столетия⁷⁷.

---

⁷⁵ *Madox*. The history and antiquities of the Exchequer. C. VII.

⁷⁶ *Gross*. The exchequer of the Jews. P. 30–34.

⁷⁷ *Stobbe*. S. 12 и Notes 13 и 14. Все попытки отнести возникновение этого института к более раннему времени и доказать его существование еще в каролингскую и даже меровингскую эпохи (*Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte. Band V. S. 372, Note 1; *Brunner*. Deutsche Rechtsgeschichte. Band I. S. 275 f.; *Dahn*. Deutsche Geschichte. Band I. 2. S. 558 f.) представляются несостоятельными, так как во всех тех случаях, на которые эти попытки опираются, отсутствуют типичные признаки *Kammerknechtschaft*'а, именно, признаки евреев исключительной собственностью императорской камеры, с

Однако в этом столетии мы застаем институт *Kammerknechtschaft*'а в полной силе. Евреи признаются исключительной собственностью императорской камеры и в качестве таковой жалуются и пережалуются другим лицам на известный срок или бессрочно в качестве подарка, лэна, залога⁷⁸. Корона и здесь, как в Англии, только быть может с меньшей откровенностью, признавалась в принципе распорядительницей долгов евреям и выступала как бы в качестве верховного кредитора. Император считал себя, по крайней мере, вправе освобождать должников евреям от уплаты как процентов, так и самих долгов. Так, Людвиг Баварский освободил от всех долгов бургграфа Иоганна Нюрнбергского⁷⁹. Подобные случаи сложения долгов со времени Людвиг Баварского повторялись все чаще и чаще. С конца четырнадцатого столетия, именно, со времени императора Венцеля, освобождение от уплаты долгов евреям возведено было в систему, причем действие его распространялось уже не на отдельных лиц и не на отдельные города, но на целые обширные территории. Первый и наиболее интересный случай применения такого отпущения долгов в широких размерах представляет состоявшееся в июне 1385 года соглашение между императором и представителями более чем двадцати швабских городов, согласно которому за плату 4000 гульденов участвовавшие в этом соглашении города становились полными распорядителями всех сумм, задолженных жившим в них евреям. Четвертая часть долга при этом прощалась совершенно, остальной долг переводился на данный город, становившийся в лице своих руководителей вместе с этим и владельцем всего заложенного евреям имущества с правом продать его в случае неуплаты задолженной суммы к определенному сроку⁸⁰. В царствование того же Венцеля, спустя всего пять лет, было вновь проведено сложение еврейских долгов, распространившееся

одной стороны, и отсутствие признаков систематического вымогательства и обложения евреев какими-либо специальными сборами в пользу императорской короны — с другой.

⁷⁸ *Stobbe*. S. 19 f. Даже привлечение евреев в местности, где они до того отсутствовали, считалось императорской регалией и в случае соответствующего разрешения должно было специально оплачиваться (*Stobbe*. S. 23).

⁷⁹ *Monumenta Zollerana*, III, № 110.

⁸⁰ *Hegel*. *Chroniken der deutschen Städte*. Band I. Leipzig, 1862. S. 113–124.

на этот раз на всю Баварию, Вюрцбург и на многие отдельные города вне этих территорий⁸¹.

Принцип непосредственного подчинения евреев королевской власти, так широко применявшийся в государствах средней и северной Европы, признавался и в Испании. Так, например, согласно закону, изданному в правление арагонского короля Иакова I, евреи объявлялись состоящими под специальным «покровительством» короля. «Все евреи, – говорится в этом законе, – живущие в наших владениях, принадлежат королю и состоят со всем своим имуществом под нашим особым попечением. Всякий, кто поставит себя под покровительство какого-нибудь дворянина, лишается жизни, а имущество его конфискуется в пользу короля»⁸². Подчиненность евреев королевской короне, таким образом, и в Испании, в принципе, была выражена с достаточной определенностью. Однако эксплуатация евреев никогда, кажется, не достигала здесь таких размеров и не производилась с такой бесцеремонностью, как в других европейских государствах. Здесь короли довольствовались получением с евреев различных более или менее значительных прямых сборов, не предъявляя притязания на участие в их ссудных операциях, и такую умеренность испанских королей мы, разумеется, должны приписать не каким-либо их особым добродетелям, но прежде всего меньшей степени развития операций чисто денежного характера среди испанских евреев.

После того как мы выяснили причины и условия перемены, происшедшей в положении евреев приблизительно в половине средневекового периода, и определили с приблизительно точностью хронологические рамки и границы этого процесса в отдельных странах, мы можем считать нашу задачу, по крайней мере, в отношении собственно экономических условий жизни средневековых евреев выполненной. В дальнейшем экономические судьбы западноевропейских евреев не заключали уже в себе столь значительных изменений и поворотов и потому не возбуждают каких-либо спорных вопросов и сомнений. В течение всей остальной половины средневековья, вплоть до времени изгнания евреев из от-

---

⁸¹ *Hegel*. Chroniken. Band I. S. 125–129; *Wiener*. Regesten zur Geschichte der Juden während des Mittelalters. Band I. 1862. № 5, 356, 357, 358, 360, 362, 363, 365, 372.

⁸² *Дубнов*. Всеобщая история евреев. Т. II. С. 402.

дельных стран и местностей, ссудо-залоговые и кредитные операции и рядом с ними мелкое ростовщичество остаются преимущественным и наиболее типичным, если, быть может, и не исключительным родом их экономической деятельности⁸³. Нам остается коснуться лишь вопроса о том, в какой мере и во вторую половину средневековья евреи продолжали принимать участие в собственно торговых операциях, а также вопроса об их взаимоотношениях с окружающим христианским миром, вопроса, который, как мы видим, в последнее время решается исследователями не совсем согласно.

Еще недавно, как мы уже указывали, Кулишер пытался доказать, что евреи продолжали принимать значительное участие в торговле и во вторую половину средневековья⁸⁴. На этой попытке мы и считаем необходимым остановиться ввиду того, что она противоречит как господствующему на этот счет среди исследователей мнению, так, в частности, до известной степени и тем выводам, к каким пришли мы в предшествовавшем изложении. Кулишер исходит прежде всего из двух положений: во-первых, что купеческие гильдии пользовались монополией относительно отдельных товаров, главным образом, относительно торговли сукном, и что, следовательно, торговля всеми остальными товарами оставалась свободной, в том числе и для евреев, и, во-вторых, из того, что законы в средние века исполнялись менее, чем когда-либо, в том числе и законы, воспрещавшие евреям торговлю теми или иными продуктами⁸⁵. Что касается прежде всего первого из этих утверждений, то оно мало что может доказать. Если бы мы даже и согласились с Кулишером, признав, что для евреев была закрыта только торговля сукном, то и одного этого факта исключения евреев из наиболее важной и обширной области средневековой торговли достаточно было бы для дока-

---

⁸³ Входить в детальное описание условий, при которых протекала ссудо-залоговая и ростовщическая деятельность евреев во вторую половину средневековья, не составляет нашей прямой задачи, так как прежде всего мы имеем в виду выяснение основных моментов в развитии экономической жизни средневековых евреев. Мы тем более не считаем в данном случае необходимым вдаваться в подробности, что именно условия денежной торговли евреев в средние века еще относительно недавно послужили предметом специального исследования *Гоффмана*, к которому мы и можем отослать читателей.

⁸⁴ *Кулишер*. Экономическое положение евреев на Западе в средние века. — Кн. «Восхода», 1901, сентябрь-октябрь.

⁸⁵ *Кулишер*. — Кн. «Восхода», 1901, сентябрь. С. 38.

зательства того положения, что евреи, во всяком случае, не играли сколько-нибудь значительной роли в торговле второй половины средних веков. Но дело в том, что и помимо этого купеческие гильдии, особенно в первое время после своего учреждения, когда именно и происходило наиболее усиленное вытеснение евреев из области торговли, далеко не ограничивались установлением монополии на тот или иной отдельный род товаров. В грамотах, устанавливающих привилегированное и монопольное положение гильдий, как во французских, так и в английских, говорится о монопольных правах членов гильдии на продажу не тех или иных отдельных, но всех вообще товаров (*aliquam mercaturam*)⁸⁶. Однако и в тех случаях, когда находили нужным специально обозначить известные виды товаров, этим специально обозначаемым видом товаров далеко не всегда было сукно, а например, в грамоте парижским купцам, как мы видели, вино. То же самое и в Англии. И здесь предметы торговли, о которых чаще всего упоминается в бумагах, оставшихся после гильдий, — шкуры, шерсть, зерно и т.п., и только «в некоторых городах производство сукна достигло столь значительных размеров, что купеческая гильдия находила нужным испросить у короля право на монопольную розничную продажу крашеного сукна, употреблявшегося высшими классами, а иногда даже всех сортов сукна»⁸⁷, что, конечно, не исключало принадлежавших, очевидно, до того гильдии монопольных прав на другие виды товаров. Но не будем приводить более примеров. Сошлемся на слова самого Кулишера, который в другом месте, касающемся характера средневековых гильдий, выражается далеко не с той же категоричностью. «Гильдии, — говорит он в своих «Лекциях по истории экономического быта Западной Европы», — для вступления в которые необходимо удовлетворять известным требованиям (полная аналогия с ремесленными цехами. — А.Т.)... пользуются исключительным правом торговли в розницу привозными товарами (следовательно, не одним сукном. — А.Т.) в данной местности... Главную их привилегию составляет продажа иноземного сукна в розницу, хотя часто они торгуют и другими товарами, в особенности привозным вином»⁸⁸. Тот же Ку-

---

⁸⁶ Это выражение одинаково употребляется, например, в цитированных нами выше как английских, так и французских грамотах.

⁸⁷ Эшли. С. 83.

⁸⁸ Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. СПб., 1910. С. 134.

лишер отмечает решительную монополистическую тенденцию в среде купечества городов, входивших в немецкую ганзу. От монополистических стремлений местных гильдий эта тенденция отличалась только тем, что ганзейские купцы стремились обеспечить за собою монопольное положение как у себя в своей местности, так и в чужих странах⁸⁹. А вот как он же определяет предметы торговли, отличавшейся столь решительными монополистическими тенденциями и характером ганзы. «Объекты ганзейской торговли составляли громоздкие массовые продукты; на первом плане стоял хлеб, далее шерсть, кожа и меха, металлы, строевой лес, наконец, пиво, вино, рыба, соль и другие менее важные предметы сырья»⁹⁰.

Монополизация торговли в руках местных торговых товариществ оказывалась, таким образом, гораздо более действительным препятствием для еврейской торговли, нежели полагал Кулишер. Если даже допустить, что монополизация эта касалась прежде всего розничной торговли, оставляя область оптовой торговли более или менее свободной и доступной для всех, обстоятельство, на которое также иногда ссылаются в доказательство, по крайней мере, возможности для евреев заниматься торговлей и после образования торговых гильдий, монополизировавших в своих руках всю местную розничную торговлю, то в конце концов и это обстоятельство не могло иметь большого значения. При той тесной связи, какая существовала между торговлей оптовой и розничной в средние века, занятие одной оптовой торговлей представлялось крайне мало выгодным и почти невозможным. При всякой попытке сбыть свой товар оптовый торговец неминуемо должен был встречаться с членами тех же гильдий. Только им и через них мог он сбывать свои товары, а это обстоятельство, в свою очередь, ставило его в самые невыгодные условия по отношению к ним. Вот почему участники более обширных торговых ассоциаций-ганз, ведущих международную оптовую торговлю, стараются обычно войти в число членов также и отдельных местных гильдий для того, чтобы иметь возможность сбывать привезенные ими из других стран товары на месте не только оптом, что представлялось чрезвычайно невыгодным, но и в розницу. Исследования Белова⁹¹ и

---

⁸⁹ Кулишер. Эволюция прибыли с капитала. Т. I. С. 243–245. Речь идет при этом и об оптовой и о розничной торговле.

⁹⁰ Там же. С. 240.

⁹¹ Below в Jahrbücher für Nationalökonomie, 1900.

Кейтгена⁹² установили тот факт, что в средние века не существовало особого сословия или категории оптовых торговцев, которые не занимались бы совершенно продажей в розницу.

Что касается второго положения, из которого исходит Кулишер, именно, относительно малой действительности законодательных установлений в средние века, то это положение представляется еще менее доказательным. Правда, мнение, что именно законодательные меры положили конец еврейской торговле, разделяется частью и другими исследователями⁹³, однако оно не выигрывает от этого в своей доказательности. В предшествовавшем изложении, надеемся, нам удалось показать, что не те или иные законодательные меры, но прежде всего зарождение национальной торговли в западноевропейских государствах и вместе с тем возникновение самостоятельного торгового класса, сделавшее посредническую роль евреев излишней, явились непосредственной причиной вытеснения евреев из области торговых отношений. Мы видели, что торговое значение евреев быстро шло на убыль еще в то время, когда специальных законодательных мер, не считая канонических правил, против них никаких не принималось и социальное положение их в общем оставалось еще вполне благоприятным. Специальные законодательные ограничения и воспрещения еврейской торговли начинаются лишь в четырнадцатом столетии, то есть в то время, когда торговая роль евреев и так уже сошла почти на нет. При этом самое число таких ограничений было относительно незначительным, так как по справедливому замечанию Гоффмана⁹⁴, «исключение (*Ausschluss*, правильнее было бы выразиться: отсутствие участия. — А.Т.) евреев из торговли представлялось само собою разумеющимся». Считаем нелишним отметить здесь обратный факт, именно, что в то время как до четырнадцатого столетия мы не встречаем специальных законодательных ограничений еврейской торговли, можно, напротив, указать от-

---

⁹² *Keutgen* в *Hansische Geschichtblätter*, 1901.

⁹³ Так, например, *Hoffmann* (*Der Geldhandel*. S. 15) ставит в связь окончательное прекращение еврейской торговли с начала четырнадцатого столетия с целым рядом последовавших в это время ограничений. Несколько иначе смотрит на дело *Karo* (s. 589), полагающий, что евреи вынуждены были отказаться от торговых операций вследствие необеспеченности своего социального положения, созданного в свою очередь отрицательным отношением к ним со стороны церкви.

⁹⁴ *Hoffmann*. I, с.

дельные случаи поощрения такой торговли. Так, мы говорили уже о безуспешной попытке Эдуарда I английского заставить евреев отказаться от ростовщической деятельности и перейти к «честному труду и торговле»⁹⁵. Второй аналогичный случай имел место в маленьком герцогстве Брабантском. В 1261 году герцог брабантский Генрих III в своем завещании (очевидно, благочестивому герцогу при жизни могли еще понадобиться услуги евреев в качестве ростовщиков) определяет изгнать из своих владений всех евреев и кавертинцев, за исключением лишь тех, которые будут исключительно заниматься торговлей и откажутся от ростовщичества и залоговых операций⁹⁶. Неизвестно, было ли приведено в исполнение завещание герцога, и если было, то привело ли оно к положительным результатам. То и другое, впрочем, представляется крайне сомнительным.

Сошлемся еще на тот факт, что все канонические правила и постановления, все попытки отдельных представителей церкви воспрепятствовать торговле евреев некоторыми продуктами оказывались совершенно бессильными, пока евреи играли видную и необходимую роль в торговле. Напротив, именно с потерей ими торгового влияния наступало и общее ухудшение их социального положения⁹⁷. Точно так же, как мы показали это выше, не изменившееся отношение к евреям со стороны правящих кругов и не какие-либо предпринятые этими последними специальные меры повлекли за собою перемену в экономическом и социальном положении евреев, а, напротив, именно изменившиеся экономическая роль и характер экономической деятельности евреев имели своим следствием и коренную перемену в отношении к ним со стороны власти.

На основании всего сказанного мы можем, таким образом, признать попытку Кулишера теоретически доказать активное участие евреев в торговле второй половины средневековья

---

⁹⁵ См. выше, стр. 282.

⁹⁶ *Aronius*, № 669.

⁹⁷ Зависимость изменения социального положения евреев от потери ими торгового влияния и перехода их к ссудным и ростовщическим операциям и параллелизм между условиями экономической и социальной жизни евреев особенно наглядно показаны на основании богатого материала из жизни кельнских евреев в статье *Höniger*'а в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 94 f.

неудавшейся. С одной стороны, монополизация торговли в руках гильдий оказывалась достаточно полной, чтобы не оставлять места для торговых операций евреев; с другой же стороны, вопреки его мнению, и законодательные меры и ограничения точно так же оказывались в данном случае вполне действительными, так как являлись не более, как законодательным подтверждением и закреплением существующего факта.

Обратимся, однако, от этих общих теоретических соображений к тем фактическим данным, какими Кулишер думает подтвердить свой взгляд. Прежде всего он ссылается на грамоты, полученные евреями в течение тринадцатого столетия от герцога австрийского и от правителей других восточных пограничных с Польшей областей Германии⁹⁸. Однако именно эти грамоты, устанавливающие до мельчайших деталей порядок и условия производства евреями ссудо-зачемовых операций, как мы видели, в то же время ничего не говорят о торговых правах евреев, ограничиваясь указанием, что евреи должны уплачивать пошлины наравне с другими. Все, что можно вывести на основании этих грамот, — это лишь факт постепенности замирания еврейской торговли в направлении с запада на восток, на что мы и обращали в свое время внимание. Наиболее поздней из этих грамот является силезская привилегия 1295 года. Только здесь, в отличие от прочих грамот тринадцатого столетия, находим наряду с пунктами, посвященными денежной торговле и зачемомым операциям евреев, и пункт, определенно разрешающий им торговлю всякими товарами⁹⁹. Такое специальное упоминание в силезской грамоте относительно еврейской торговли объясняется прежде всего наиболее восточным пограничным с Польшей положением Силезии, благодаря чему еврейская торговля и могла удержаться здесь несколько дольше, нежели в остальных областях Германии. При оценке грамоты 1295 года необходимо, кроме того, иметь в виду, что она являлась лишь повторением и подтверждением ранее данных грамот и что, таким образом, трудно судить, насколько содержание ее соответствовало в то время действительности. Самый факт разрешения торговых операций, равно как и воспрещения, вовсе еще не доказывает соответствия такого разрешения или воспрещения действительным существующим в жизни отноше-

---

⁹⁸ *Кулишер*. С. 38.

⁹⁹ *Stobbe*. S. 303.

ниями¹⁰⁰. Не следует упускать из виду, что и в силезской грамоте пункты, касающиеся залоговых операций евреев, решительно доминируют над пунктами или, точнее, над пунктом, посвященным торговле. Именно этот самый факт особого внимания, уделяемого грамотами тринадцатого столетия ссудо-залоговым операциям, является лучшим показателем полной перемены, происшедшей в экономическом положении и в экономической деятельности евреев. Если торговая деятельность евреев в наиболее восточных и отдаленных местностях империи и не замерла еще окончательно, о чем свидетельствует упоминание об уплате ими пошлин, то она не играет уже, очевидно, сколько-нибудь заметной роли, иначе грамоты сочли бы необходимым хотя бы вскользь упомянуть о ней.

Относительно четырнадцатого столетия Кулишер приводит несколько случаев запрещения евреям торговли некоторыми товарами¹⁰¹. Только в одном случае речь идет о воспреещении торговли сукном, однако необходимо иметь в виду, что факт этот относится к евреям города Глогау, расположенного в Силезии на самой границе с Польшей, по времени же он принадлежит самым первым годам четырнадцатого столетия (1302 год). Таким образом, вместо того, чтобы доказать участие евреев в торговле, факт этот доказывает, напротив, что даже в наиболее отдаленных областях империи еврейская торговля к началу четырнадцатого столетия прекратилась и что выданная силезским евреям за семь лет до этого привилегия мало соответствовала жизни и сохранила силу лишь в течение самого короткого времени. В других случаях воспреещение касается торговли вином, хлебом, пивом; рядом с этим, напротив, иногда евреям разрешается торговля мясом. Так, в Нюрнберге разрешена им торговля мясом, всякая же остальная торговля воспрещена, в особенности воспрещено сбывать христианам вино и пиво¹⁰². Таким образом, речь идет почти исключительно о торговле съестными припасами, сбывавши-

---

¹⁰⁰ Зато силезская грамота 1295 года, во всяком случае, может служить лишним доказательством того, что еврейская торговля еще и к концу тринадцатого столетия вовсе не была до такой степени стеснена законодательными постановлениями, как принято думать, и что, таким образом, утрата евреями торгового значения явилась результатом экономического процесса, а отнюдь не каких-либо специальных законодательных мер.

¹⁰¹ Кулишер. С. 30; ср. Stobbe. S. 232–233, Anm. 92.

¹⁰² Stobbe, *ibid.*; ср. Кулишер. С. 44.

мися, по всей вероятности, евреями евреям же, что представлялось необходимым в виду, с одной стороны, существования особых еврейских кварталов и ввиду особых способов заготовления некоторых продуктов, например, мяса у евреев. Сам Кулишер объясняет торговлю мясом и вином религиозными потребностями евреев и необходимостью иметь собственное вино и мясо¹⁰³. Запрещения же, очевидно, касаются лишь случаев продажи этих предметов христианам, против чего, то есть прежде всего против потребления христианами еврейской пищи, в частности, против приобретения от евреев вина и мяса, церковь восставала еще за восемь столетий до этого. Единственный заслуживающий внимания факт, касающийся торговли евреев, представляет собою ссылка Кулишера на торговлю данцигских евреев в пятнадцатом столетии хлебом, льном и пряжей, сырыми кожами, мехами и лесом¹⁰⁴. Однако и в данном случае речь идет, с одной стороны, не столько о немецком, сколько о польском городе, входившем в состав священной империи всего лишь в течение столетия: с половины четырнадцатого до половины пятнадцатого столетия, с другой стороны, предметами торговли являются исключительно продукты сельского хозяйства, так что трудно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с торговлей в собственном смысле или же с простым комиссионерством по сбыту сельскими хозяевами продуктов своего хозяйства. Как бы то ни было, во всяком случае, факт участия в торговле данцигских евреев представляется малопоказательным, так как Данциг, как мы только что заметили, должен быть признан скорее польским, нежели немецким городом, в Польше же евреи долее сохранили свое торговое значение и пользовались свободой торговли, как известно, еще в XV веке.

Ближайшее рассмотрение как теоретических соображений Кулишера, так и приводимых им фактических данных в пользу факта участия евреев в торговле и во вторую половину средневековья в общем, таким образом, лишь подтвердило сделанный нами ранее вывод о прекращении еврейской торговли в Западной Европе еще в двенадцатом и тринадцатом столетиях. Уже в течение этого последнего столетия даже в наиболее отдаленных и экономически отсталых областях Германии почти исключительно распространенным и, во всяком случае, ти-

---

¹⁰³ *Кулишер*. С. 45–46.

¹⁰⁴ *Falke*. Geschichte d. Deutschen Handels. Band I. S. 207.

пичным для них родом экономической деятельности является денежная торговля. И если и после этого встречаются отдельные сообщения о еврейской торговле, то все такого рода факты либо относятся к торговле внутри еврейских кварталов, либо представляют собою единичные исключительные случаи, которые мы не имеем никаких оснований обобщать¹⁰⁵.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Общественное положение евреев во вторую половину средних веков

Не менее решительный перелом, чем в условиях экономической жизни и деятельности западноевропейских евреев, произошел в половине средневековой эпохи и в отношениях к ним со стороны окружающего населения. Связь и зависимость между изменением положения евреев в средневековом обществе так же, как и между изменившимся к ним отношением со стороны власти и экономическими условиями их жизни, несомненна. Мы не имеем здесь в виду вдаваться в более детальное и обстоятельное изложение тех тяжелых общественных условий, среди которых приходилось жить еврейскому народу в средневековой Европе. Для нас важно отметить только то взаимоотношение и параллелизм, какие наблюдались между экономической и социальной историей евреев в средние века.

Прежде всего при этом представляется необходимым отметить различие, наблюдавшееся в общественном положении итальянских и частью испанских евреев и евреев прочих европейских стран, различие, вполне соответствовавшее и совершенно отличным условиям их экономического существования. В Италии, где евреи оказывались занятыми в более разнообразных родах экономической деятельности, где и вообще в экономической жизни, в особенности в области ремесленной промышленности, они до самого конца средневековья продолжали играть видную, местами же, например, в южной

---

¹⁰⁵ Таков, например, факт производства торговых операций еврейским банкирским домом во Франшконте, опубликованный *Леб'*ом и представляющий собою не более, как обычный для средневековой эпохи случай соединения торговых операций с денежными и кредитными. См. *Loeb. Deux livres de commerce du commencement du XIV s. — Revue des études juives*, 1884.

Италии и Сицилии, даже необходимую роль, где, наконец, как мы видели, особенно высоко ценилась их врачебная деятельность, отчасти также и их деятельность на поприще других так называемых свободных профессий, естественно и условия их общественной жизни и отношения их к окружающему их христианскому обществу должны были складываться совершенно иначе, нежели в государствах средней и северной Европы. Если и в Италии евреи занимались также и кредитными и даже мелкими ростовщическими операциями, то здесь этот род деятельности, как мы видели, не являлся столь же исключительно преобладающим, как в остальной Европе, с другой же стороны, на родине ломбардцев, в центре банкового дела всей средневековой Европы, еврей-банкиры совершенно ступшевывались и отступали на задний план. Мало того, даже их банкирская деятельность ввиду того, что они вследствие непосильной для них конкуренции с крупными итальянскими банками должны были довольствоваться значительно меньшим по сравнению с общепринятым в Италии процентом, признавалась необходимой и полезной в качестве противовеса против господствующего, почти монопольного положения на денежном рынке немногих банковых домов. Евреев, как мы видели, нередко специально приглашали именно с этой целью в отдельные города Италии. Необходимо, наконец, иметь в виду, что в Италии, в отличие от остальной средневековой Европы, преобладающей формой кредита был не столько кредит потребительный, сколько прежде всего кредит коммерческий и частью на производительные нужды. Но именно кредит этого рода не только не носит столь откровенно паразитического характера, как мелкие ссуды на потребительные надобности, но и является одним из необходимейших проявлений более развитой экономической жизни. Вот почему в Италии вообще лица, занимающиеся кредитными и денежными операциями, не вызывали против себя такого озлобления, как в других западноевропейских странах. Против евреев же в частности такое раздражение должно было проявляться в еще более слабой степени, нежели в отношении банкиров и ростовщиков из христиан. И действительно, если в итальянской литературе средних веков мы все же встречаемся с отдельными более или менее резкими выпадами против христиан-ростовщиков, мы в то же время почти не встречаем таких нападков на евреев. Напротив, в той же итальянской литературе нередко положительные типы евреев вроде, например,

Натана в известной новелле Боккаччо, легшей в основу драмы Лессинга¹.

Экономическое положение евреев в Италии оказывалось, таким образом, несравненно более благоприятным и экономическая роль их более благодарной, нежели в странах средней и северной Европы. Евреи не утратили здесь известного экономического и общественного значения до самого конца средневековья. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в Италии евреи встречали в общем совершенно иное отношение к себе, нежели в остальной Европе. Со стороны правящих кругов мы не находим здесь и следа той эксплуатации, какой подвергались евреи во Франции, Англии или Германии. С отдельными представителями интеллигенции они находились нередко даже в чисто дружественных отношениях, как мы видели то на примере Данте и его современника еврея Иммануэля и императора Фридриха II. Подобные отношения сохранились в Италии в течение всего средневекового периода. В то время как во Франции и в Германии евреи являлись предметом самой озлобленной ненависти, в то время как кровавые вспышки против них повторялись там то в одном, то в другом месте почти ежегодно, в Италии добрые отношения между евреями и христианами оставались в силе, и церковь по-прежнему оказывалась бессильной нарушить эти отношения своими запретами и своими частыми, но безрезультатными выступлениями против врагов Христовых. Еще в самом конце пятнадцатого столетия христиане продолжали поддерживать здесь с евреями самое тесное общение. Так, один церковный проповедник с огорчением вынужден был отметить факт присутствия на еврейской свадьбе многих христиан, танцевавших и развлекавшихся с евреями в течение нескольких дней². Вместо еврейских знаков врачи-евреи носили почетные докторские знаки и отличия. Евреи, занимавшие придворные должности, носили золотые цепи и другие подобные почетные эмблемы³.

Что касается положения евреев в Испании, то оно занимает как бы среднее промежуточное место между условиями жизни евреев в Италии и в прочих европейских странах. Как в Италии, мы видим евреев занятыми здесь в самых разнообразных профессиях. Как и в Италии, евреи занимались в Испании и

---

¹ *Güdemann*. Geschichte der Juden in Italien. S. 242 f.

² *Acta sactorum*. September. T. VII, № 219.

³ *Graetz*. Geschichte der Juden. Band VIII. S. 250.

ремеслами, и врачебной практикой⁴, и научно-литературной деятельностью, наконец, в отличие от итальянских евреев, мы встречаем среди испанских евреев также и земледельцев. Если в области торговли евреи никогда не играли в Испании особенно заметной роли, зато их участие в торговых операциях поддерживалось здесь долее, нежели в остальной Европе. Словом, и в Испании, как в Италии, деятельность евреев далеко не в столь исключительной степени сконцентрировалась на денежной торговле и ссудо-закладных операциях, как в средней и северной Европе. Но так как, в отличие от Италии, в своих денежных операциях они здесь не только не должны были отступать на второй план перед более сильными конкурентами, но и не знали вообще почти никакой конкуренции, то их банкирская и ростовщическая деятельность выступала поэтому здесь гораздо заметнее и это не могло не отразиться на отношении к ним со стороны прочего населения, главным образом, со стороны верхних общественных слоев, среди которых, при общем слабом экономическом развитии страны, им приходилось по преимуществу действовать. Вот почему уже с конца тринадцатого столетия начинаются, как мы видели, выступления кортесов против евреев и прежде всего именно против евреев как ростовщиков⁵. Впрочем, даже и в этих кругах услуги евреев все же оказывались необходимыми, и потому в Испании вражда к евреям никогда не достигала, по крайней мере среди населения, той степени, как в других европейских странах. Вплоть до конца четырнадцатого столетия и здесь, как в Италии, в большинстве случаев все церковные предписания не проводились в жизнь, и положение евреев и в христианскую эпоху, в общем, еще в течение долгого времени продолжало оставаться благоприятным⁶. Еще в половине четырнадцатого столетия предложение изгнать евреев из страны встретило решительный отпор со стороны большинства дворянства и даже духовенства в лице епископа толедского, заявившего, что евреи представляют неисчерпаемый клад для государства и что, следовательно, ими надо дорожить⁷.

---

⁴ Ср. *M. Stern. Urkundliche Beiträge. Band I, № 18; B. II, № 181–183.*

⁵ *Graetz. Band VII. S. 169; Band VIII. S. 19–20, 48.*

⁶ Относительно внутренней жизни еврейских общин в Испании см. *Rosenmann. Darstellungen aus dem innern Leben d. Spanischen Juden im XV Jahrh. – Magazin f. die Wissenschaft d. Judenthums. Band XIX (1892). S. 179 f.*

⁷ *Дубнов. Т. II. С. 406.*

В массах населения в Испании для вражды к евреям было еще менее причин, нежели среди высших классов. С одной стороны, евреи в своих денежных операциях не встречались здесь с конкуренцией ломбардцев, вынуждавшей их в других странах к мелкому ростовщичеству и к деятельности среди более широких слоев населения. С другой же стороны, вследствие относительно более медленного развития денежно-хозяйственных отношений в Испании и самая нужда в деньгах среди низших классов не могла быть особенно настоятельной. Вот почему в течение всего тринадцатого столетия, когда во Франции и Германии еврейские погромы составляли обычное явление, в Испании мы не знаем ни одного факта массового выступления против евреев. В первой половине четырнадцатого столетия такие выступления наблюдались в отдельных немногочисленных случаях лишь в соседнем с Францией и более близком ей по своим экономическим условиям маленьком королевстве Наварре. Даже во время повсеместных преследований евреев, широкой волной прокатившихся по всей Европе, за исключением Италии, эта волна едва лишь задела Испанию. Нам известно всего лишь несколько случаев движения против евреев в Каталонии и Арагонии, в Кастилии же годы черной смерти прошли для евреев совершенно спокойно. Лишь с последних лет четырнадцатого столетия после севильского погрома 1391 года массовое движение против евреев и в Испании начало принимать более широкие размеры, однако инициатива преследований исходила до самого изгнания евреев с Пиренейского полуострова в большинстве случаев от высших общественных слоев, главным образом, со стороны духовенства, среди же народных масс враждебное отношение к евреям, проявлявшееся в отдельных вспышках, никогда не достигало ни того постоянства, ни той степени интенсивности и напряженности, как в других европейских странах, в особенности в Германии к концу средневековой эпохи⁸.

Совершенно иную картину видим мы в странах средней и северной Европы. Здесь враждебное отношение к евреям возникает относительно уже очень рано, и первые эти проявления хронологически почти совпадают со временем перелома в экономическом положении евреев. Впрочем, и здесь как интенсивность враждебного чувства к евреям, так и отношение к ним со стороны отдельных слоев и классов населения не всегда было

---

⁸ *M. Stern. Urkundliche Beiträge. Band I, № 39, 43, 45.*

одинаковым в отдельные эпохи и в различных странах, что, конечно, в свою очередь обуславливалось теми условиями и той обстановкой, в какой протекала экономическая деятельность евреев, и, конечно, тем, какие именно классы населения она в тот или иной момент охватывала.

С вытеснением евреев из области торговли они еще в течение долгого времени играли необходимую экономическую роль в области денежной торговли и ссудо-залоговых операций. Они удовлетворяли прежде всего денежную нужду знати как светской, так и церковной, их операции составляли также не менее необходимый ресурс и для государственной казны, которая, как мы видели, нашла специальные способы для удовлетворения своих финансовых нужд за счет евреев. Способы эти варьировались по отдельным странам, но в общем как по своему характеру, так и по своему значению они являлись почти тождественными. В то же время денежная торговля и кредитные операции евреев представлялись не менее необходимыми и для городов. С развитием в этих последних торговли и производительной деятельности, естественно, увеличивалась и нужда в кредите. Но так как почти все наличные капиталы отливали в это время почти исключительно в торговлю, то денежная нужда городского населения, по крайней мере, в течение первого времени могла удовлетворяться только евреями, капиталы которых, вытесненные из области торговых операций, оставались в силу этого свободными. Вот почему ростовщическая деятельность евреев не только терпелась, но и признавалась необходимой, в отдельных же случаях даже обязательной. Так, согласно аугсбургскому городскому праву, согласно страссбургскому *Judenordnung* 1375 года, согласно специальному постановлению винтербургского городского совета в 1340 году еврей не вправе был отказывать в кредите никому из граждан, раз только у него были в наличности в данный момент свободные суммы, в противном случае он подвергался наказанию⁹. Без ростовщической деятельности евреев города, по крайней мере в Германии, не могли обходиться еще и в половине четырнадцатого столетия. В 1349 году после вспыхнувших против евреев в связи с чер-

---

⁹ *Stobbe*. S. 113–114, 232 Anm. 102. Точно так же в Базеле еще в конце тринадцатого столетия евреи обязаны были ссужать городскому совету до пяти фунтов, по его требованию, на полгода без взимания при этом каких-либо процентов (*Stobbe*. S. 114).

ной смертью повсеместных преследований в некоторых городах испрошено было от императора при этом даже специальное разрешение никогда не иметь более в пределах городского округа евреев. Но прошло всего несколько лет, и евреям вновь дозволено было вернуться почти во все те же города, из которых они были изгнаны¹⁰. При этом, например, в постановлении о возвращении евреев в город Кельн специально оговаривалось, что это делается в сознании, что евреи служат благосостоянию города¹¹. Точно так же и во Франции ростовщическая деятельность евреев оказывалась не менее необходимой для городского населения. Мы уже знаем, насколько широкие размеры получила их деятельность в Париже еще в двенадцатом столетии, когда во время изгнания их при Филиппе Августе половина города Парижа оказалась у них в залоге. Точно так же много позже, во время вторичного изгнания евреев в правление Филиппа Красивого, городское население, по-видимому, несмотря на широкое развитие деятельности ломбардцев во Франции, все еще продолжало ощущать нужду в еврейском кредите. Новеллист Жеффруа, являвшийся в данном случае выразителем мнения парижской буржуазии, восклицал по поводу этого нового изгнания евреев: «Если бы евреи остались

---

¹⁰ *Stobbe*. S. 24, 55–56, 61, 85, 93.

¹¹ *Stobbe*. S. 93. Еще обстоятельнее та же мысль развита в привилегии, данной нюрнбергским евреям Фридрихом III в 1470 году. Нюрнберг, сказано там между прочим, лежит на песчаной, тощей, неплодородной почве. Торговля и ремесла не могут здесь обойтись без ростовщичества и ссуды под проценты (*Wiener. Regesten*. S. 103 f). Это признание является, впрочем, уже в данном случае запоздалым. Разрешение евреям взимания роста мотивируется здесь прежде всего тем, что в противном случае такое разрешение пришлось бы дать христианам, что было бы худшим злом. Однако жизнь разрешила уже к этому времени данный выбор в противоположном смысле. В пятнадцатом столетии действовали уже в Нюрнберге, как мы знаем, многие крупные торговые и денежные фирмы, в том числе фирмы с такими громкими именами, как Имгофов, Шейерлей и др. Неудивительно поэтому, что уже в 1473 году, то есть всего только три года спустя после приведенного официального признания необходимости ростовщической деятельности евреев, городской совет возбудил перед императором ходатайство об изгнании евреев из города. Выработанное в 1479 году городское право заняло определенно враждебную в отношении евреев позицию. Наконец, в 1408 году последовало окончательное изгнание евреев из Нюрнберга (*Warel. Nachrichten von der Judengemeinde... in... Nürnberg*. S. 83, 148–155; *Wiener. Regesten*, № 694–701).

во Франции, христиане имели бы большую поддержку, какой они теперь не имеют»¹².

Если первоначально услугами евреев-ростовщиков пользовались исключительно высшие круги светской и духовной аристократии, если впоследствии деятельность их распространилась также на города и на верхи городского населения, то с течением времени, по мере прогресса денежного хозяйства, захватывавшего все более и более широкие круги городского, а вслед за тем и сельского населения, еврей-ростовщики начали находить себе клиентов одинаково и среди низших классов населения. Мало того, под влиянием растущей конкуренции, главным образом, со стороны итальянцев евреям все в большей мере приходилось сосредоточивать свою деятельность именно в этой среде, ограничиваясь областью мелкого ростовщичества.

Во Франции все крупные операции уже во времена Филиппа Красивого сосредоточиваются преимущественно в руках ломбардцев¹³. В четырнадцатом столетии евреи дают займы незначительные суммы, большею частью на короткий срок, причем главный контингент их клиентов составляют ремесленники и крестьяне¹⁴. В Германии в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях мы видим ту же картину.

В 1385 году, когда в городе Нюрнберге, в числе прочих швабских городов, все долговые обязательства перед евреями были частью уничтожены, частью переведены на имя города, среди ссуд наряду со ссудами, выданными графам, государям и рыцарям, встречаются также и ссуды слугам, служанкам, женщинам и т.п. Размеры долговых сумм предполагают значительное раздробление, незначительную величину выданных ссуд. Так, только у десяти евреев выданная в ссуду сумма превышала 1000 флоринов у каждого, у восемнадцати, напротив, было выдано по 1000 флоринов и менее¹⁵. В пятнадцатом столетии главную категорию должников, занимавших мелкие суммы у евреев-ростовщиков, составляли уже, преимущественно, ремесленники, сапожники, портные, шорники; в большинстве случаев они берут краткосрочные ссуды под заклад материа-

---

¹² Цитировано по: *Lavissee. Histoire de France. T. III, 2. P. 296.*

¹³ *Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Band I. S. 45.*

¹⁴ *Pigeonneau. T. I. P. 247 suiv.;* ср. факты, сообщаемые *d'Avenel'ем: Hostoire économique de la propriété. T. I. P. 80 suiv.*

¹⁵ *Chroniken der deutschen Städte. Band I. S. 120–123.*

ла¹⁶. К концу столетия все чаще среди должников евреев начинают фигурировать также крестьяне окрестных пригородных сел¹⁷. С этой целью некоторые, очевидно, более мелкие ростовщики-евреи сами переселяются в деревню. «Евреи так грабят и обирают бедного человека, — жаловался в 1487 году шенк Эразм Эрбахский, — что этого нельзя больше выносить. Евреи-ростовщики поселяются везде до самых мелких деревень, и если они дают в долг пять гульденов, то берут на сумму в шесть раз большую и взимают проценты на проценты, а с них опять проценты, так что бедный человек теряет все, что у него есть»¹⁸. Что именно бедные люди чаще всего прибегают к еврейским ссудам, это видно из установления недельных процентов, «как наичаще встречающихся», и определения их за самые мелкие суммы, до 30 процентов¹⁹. Имперский полицейский закон 1530 года точно так же жалуется на то, что евреи не только распространяют свою ростовщическую деятельность на владельцев замков, но разоряют также и простой бедный и нуждающийся народ²⁰.

Наконец, и в Англии мы видим евреев занятыми «в деловых сношениях со всеми слоями населения, с баронами и бюргерами, с духовными и светскими кругами»²¹. Насколько здесь так же, как и во Франции, их деятельность широко была распространена среди городского населения еще в конце двенадцатого столетия, показывает факт учреждения отделения еврейского казначейства во всех сколько-нибудь значительных городах Англии. О том же свидетельствует и враждебное отношение к евреям, проявившееся с полной силой еще в конце двенадцатого столетия в царствование Ричарда, причем мы имеем несомненное доказательство, что такая вражда в данном случае обуславливалась именно выданными им долговыми обязательствами.

---

¹⁶ Более подробные данные см. у *Stobbe*; ср. также факты, характеризующие кредитные операции и ростовщическую деятельность венских евреев в конце четырнадцатого и в начале пятнадцатого столетия, у *A. Goldmann*'a (*Der Judenbuch der Scheffstrasse zu Wien*, 1908).

¹⁷ *Knipping*. Kölner Stadtrechnungen. Band I. S. LXXI.

¹⁸ Из *Bodmanns Nachlass* см. у *Janssen*'a: *Geschichte d. deutschen Volkes im Ausgange d. Mittelalters*. Band I. S. 458–459. Цитировано по русскому переводу: *Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне реформации*. СПб., 1898. С. 119.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Stobbe*. S. 109.

²¹ *Goldschmidt*. S. 26.

Конкуренция итальянских купцов и банкиров, оттеснившая евреев в область мелкого кредита и проникшая частью даже и в эту последнюю область²², в конце концов делала роль евреев в области кредита, как ранее в области торговли, все более и более излишней, пока наконец образование национального капиталистического класса не положило конца и самому господству итальянцев. Хронологические рамки и границы этого процесса, конечно, могут быть намечены только приблизительно. Во Франции итальянцы в большом числе начинают появляться еще в двенадцатом столетии, причем уже с самого начала они занимаются здесь не только торговыми, но и денежными и ссудными операциями. В начале тринадцатого столетия их банки действуют уже в Монпелье и Кагоре. Еще в течение того же тринадцатого столетия по несколько, быть может, преувеличенному выражению Пижонно, царство евреев кончилось и началось царство ломбардцев. К концу столетия отделения итальянских банков покрывают собою всю Францию. При Филиппе Красивом и его преемниках они являются сборщиками государственных налогов, занимают и другие финансовые должности. Многие частные владельцы также доверяли им сбор своих доходов. Так, еще в конце четырнадцатого столетия пользовавшийся почетом и имевший конторы в Париже и Брюгге ломбардец Динье Раппонд заведывал делами герцога бургонского, графа фландрского и сотен других менее значительных собственников²³. В Англии иностранные банкиры, итальянцы и кагорцы, появляются впервые лишь в первой половине тринадцатого столетия, около 1235 года²⁴. Однако вскоре же в самое короткое время их деятельность и здесь принимает также широкие размеры. В 1325 году король и большинство прелатов были должниками ломбардцев²⁵. И здесь, как во Франции, их деятельность не ограничивается собственно кредитными операциями, но захватывает почти всю финансовую жизнь страны. Так, еще в царствование Эдуарда I, то есть в конце тринадцатого столетия, и в особенности во время царствования Эдуарда III представители итальянских, преиму-

---

²² См., например, *Schulte*. Band I. S. 316 f.; *Amiet*. Die französischen und lombardschen Geldwucherer der Mittelalters. — *Jahrbücher für Schweiz. Geschichte*. Band II. S. 251 f.

²³ *Piton*. Les lombards à Paris et en France. Passim; *Pigeonneau*. P. 243 suiv.

²⁴ *Эшли*. С. 222 и след.

²⁵ *Piton*. P. 216; ср. *Madox*. T. I. P. 222 f., 249 f.

ственно флорентийских, товариществ становятся королевскими банкирами, сборщиками податей, берут на откуп чеканку монет²⁶. Итальянцы проникли и в Германию и притом даже не столько в качестве торговцев (торговые сношения с Италией уже очень рано находились в руках южнонемецких городов), сколько прежде всего именно как банкиры и ростовщики²⁷. Иностранные менялы и банкиры начинают оказывать евреям заметную конкуренцию еще с половины двенадцатого столетия в Германии, где они известны больше под именем кавертинцев. Уже в одном документе от 1156 года говорится о «евреях и ростовщиках, так называемых Gawertschen»²⁸. Архиепископ кельнский в 1266 году обещает евреям своего города оградить их от конкуренции со стороны «кавертинцев, христиан, которые открыто занимаются отдачей денег в рост»²⁹. И в Германии, как во Франции и Англии, итальянцы прежде всего распространяют свою деятельность на высшие светские и духовные аристократические круги³⁰, однако с течением времени они проникают и в среду мелкого люда, оказывая таким образом и в области мелкого ростовщичества конкуренцию евреям³¹. Большое число итальянцев встречалось, наконец, и на немецких монетных дворах в качестве управляющих и других должностных лиц³².

Рядом с операциями ломбардцев все более заметным образом начинает проявляться и деятельность нарождающегося в отдельных странах туземного капиталистического класса. Во Франции процесс рождения такого класса совершался

---

²⁶ *Sinclair*. History of the public revenue of the British Empire. T. I, passim.

²⁷ *Schulte*. Band I. S. 290 f.

²⁸ Герцогу австрийскому разрешено иметь в своих владениях евреев и кавертинцев (*Monumenta Germaniae. Leges* I, 29 sq.). В постановлениях провинциального трирского собора 1227 года, касающихся условий получения ссуд духовенства, точно так же говорится о ростовщической деятельности евреев и кавертинцев (*Mansi. Concilia*, XXIII, 32–34).

²⁹ *Brisch*. Geschichte der Juden in Köln. Band I. S. 87 f.; о деятельности кавертинцев в Германии и о конкуренции, оказываемой ими евреям, см. также *Depping*. Histoire des Juifs. P. 208 suiv.; *Neumann*. Geschichte des Wuchers. S. 368, 377, 409.

³⁰ *Schulte*. Band I. S. 235 f., 290 f.

³¹ *Schulte*. Band I. S. 316 f.

³² *Schulte*. Band I. S. 328 f.; ср. статью *Alexi* в *Zeitschrift für Numismatik* (Band XVII (1890). S. 258 f.).

относительно медленно, однако и здесь уже в течение четырнадцатого столетия французы все более заметным образом начинают замещать итальянцев как в области торговых, так и денежных операций³³. Но особенно резко этот процесс замещения иностранцев местными финансистами совершился в Англии, где он вылился почти что в форму переворота. Именно приостановка платежей королевским казначейством, вызвавшая крах крупнейшей флорентийской фирмы Барди и почти до основания потрясшая благосостояние Флоренции, вынудила большинство итальянцев покинуть почву Англии, после чего почти все финансовые операции всецело перешли в руки природных англичан³⁴. Хотя в Германии образование национальных капиталов началось позже, лишь в конце четырнадцатого столетия, зато здесь этот процесс в относительно короткое время привел к самым значительным результатам. Уже в половине пятнадцатого столетия почти во всех значительных городах западной Германии возникает ряд крупных и богатых торговых домов. Достаточно указать фирмы Вельзеров и Фуггеров в Аугсбурге, Эбнеров, Имгофов, Шейерлей в Нюрнберге, Руландов в Ульме и пр.³⁵.

Напомним теперь основные даты в экономической истории евреев во вторую половину средних веков, оставляя итальянских и испанских евреев, с судьбой которых мы уже знакомы, в

---

³³ *Pigeonneau*. Т. I. P. 335 suiv.

³⁴ *Кеннингэм*. С. 247–248. В числе английских богачей еще в XIV веке выделялись фамилии де ла-Полей, де Пультеней и др.

³⁵ Относительно образования крупных капиталов и состояний в Германии см. в особенности *Strieder*. *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*. – *Forschungen zur Entstehung der grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgange des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit zunächst in Augsburg*. Leipzig, 1904. Ср. *Schulte*. Band I. S. 610 f.; *Зомбарт*. *Современный капитализм*. Т. I. С. 283 и след. Почти все перечисленные фирмы занимались не только торговлей, но также в не менее широких размерах и ссудо-залогами и кредитными операциями. В крупном ростовщичестве и обирательстве обвиняли особенно южнонемецкие торговые общества Вельзеров и Гехштеттеров, Имгофов, Эбнеров, Фолькаммеров в Нюрнберге, Руландов в Ульме и многих иных. Они стали предметом ненависти народа в такой же степени, как и евреи (*Янсен*. Цит. соч. С. 125). *Зомбарт* не без некоторого, впрочем, быть может, преувеличения полагает даже, что, например, Фуггеры своими огромными богатствами обязаны были ростовщической эксплуатации королей не в меньшей степени, нежели горному делу (*Современный капитализм*. Т. I. С. 251).

стороне. С одиннадцатого столетия во Франции и Англии, с двенадцатого в Германии евреи переходят к денежной торговле и к ссудо-заложенным операциям. Частью уже в двенадцатом столетии они начинают испытывать в этом последнем роде деятельности конкуренцию со стороны итальянских купцов и банкиров. В течение тринадцатого и четырнадцатого столетий конкуренция все более и более дает себя чувствовать, пока, наконец, евреи не оказываются вынужденными перейти в область мелкого кредита и мелкого ростовщичества и не утрачивают вместе с этим своего первоначально крупного значения в области денежной торговли, как до этого в области торговых операций. Наконец, образование туземного капиталистического класса во Франции и в Англии в четырнадцатом, в Германии же в пятнадцатом столетиях делает одинаково деятельность как тех, так и других излишней, что и приводит в конце концов к изгнанию или удалению сначала евреев, а затем и их более могущественных конкурентов. В Англии евреи оказываются изгнанными еще в конце тринадцатого столетия, ломбардцы — в половине четырнадцатого. Во Франции евреи изгнаны в конце четырнадцатого столетия, около того же времени и итальянцы, как мы видели, замещаются представителями местного капиталистического класса. В Германии, где весь процесс развития национальных богатств совершался с опозданием приблизительно в одно столетие, равным образом и изгнание евреев из большинства городов происходит столетием позже после изгнания их из Франции во второй половине пятнадцатого столетия.

Одновременно и параллельно с изменением экономического положения евреев изменялось и их общественное положение, и их отношение к окружающей среде. С одной стороны, по мере того как падало их значение и в области кредита, правящие круги, перестававшие нуждаться непосредственно в их услугах, переходили от правильных деловых сношений с ними к откровенной эксплуатации и периодическим ограблениям. С другой стороны, по мере того как они все в большей степени вынуждены были обращаться к мелкому ростовщичеству и распространяли свою деятельность на более широкие массы населения, вражда к ним становилась и шире и острее, а проявление ее все более и более кровавыми.

О способах эксплуатации евреев со стороны правящих кругов мы уже говорили. Посмотрим теперь, как относилось к ним окружающее население. Отношение к евреям начало изменяться

с самого начала вместе с переходом их к новому роду деятельности, когда они от «почтенных», по употребленному некогда Сидонием Аполлинарием выражению³⁶, занятий обратились к ростовщичеству и денежным операциям; отношение к торговцам, доставлявшим заморские товары и потому являвшимся всюду желанными гостями, и к займодавцам, завладевшим путем залоговых операций уже к середине двенадцатого столетия половиной города Парижа, естественно, не могло не быть совершенно различным. Если ранее евреи, как мы видели, поддерживали постоянное живое и тесное общение со всеми слоями населения на правах почти равноправных членов общества, то теперь о таких более или менее близких и тесных отношениях не могло более быть и речи. Поскольку в них еще нуждались, их терпели, но и только. Жалобы на ростовщическую деятельность евреев начинаются с половины двенадцатого столетия³⁷. Приблизительно около этого же времени происходит и резкий перелом в отношениях к ним.

До времени крестовых походов, то есть до самого конца одиннадцатого столетия, не известно ни одного случая проявления враждебного чувства по отношению к евреям со стороны населения. Единственный известный нам случай изгнания их из Майнца в 1012 году, само собою разумеется, не может быть принят при этом во внимание. Изгнание в данном случае произошло по инициативе императора Генриха II и то под непосредственным впечатлением, произведенным обращением Вецелина в иудейство. Изгнание при том же не было продолжительным и спустя несколько месяцев было отменено³⁸. Гонения, вспыхнувшие в прирейнской местности в связи с движением крестоносцев во время первого крестового похода, точно так же не могут быть рассматриваемы как проявления систематической вражды к евреям со стороны местного населения, вражды, вызванной их ростовщической деятельностью. Избиения евреев и разграбление их имуществ производились на этот раз исключительно теми беспорядочными толпами, которые под предводительством авантюристов, вроде Эмихо, устремились на Восток, не ожидая выступления организованных крестоносных ополчений. Толпы эти, двигаясь из Франции и проходя через богатые прирейнские города, производили здесь по пути нападения на еврейские кварталы, избивая евреев и расхищая их имущество. Местное городское население не принимало в

---

³⁶ Sidon. Apollin. VIII, op. 6 (Ed. *Baret*. P. 350).

этих нападениях никакого участия, что было бы, конечно, неизбежно, если бы уже в это время существовало то враждебное и озлобленное отношение к евреям, какое является столь характерным для всего последующего времени. Из всего обширного материала относительно преследования евреев во время крестовых походов, собранного специальной комиссией и цитированного Арониусом³⁹, мы узнаем всего лишь о двух случаях участия в погроме окрестного пригородного и сельского населения, с которым евреи в это время никак еще не могли приходить в соприкосновение и в среде которого о наличии специально враждебного отношения к евреям не может быть и речи⁴⁰. В одном случае сообщается об участии в погроме случайной толпы, собравшейся на ярмарку, происходившую в городке Нейссе по случаю Иванова дня⁴¹. Напротив, как со стороны представителей местной духовной власти в лице архиепископов и епископов, так и со стороны городских советов и, наконец, со стороны городского населения мы видим неоднократно попытки спасти евреев из рук буйствующей толпы крестоносцев. В большинстве случаев эта защита оказывалась бессильной, однако, например, в Кельне евреям удалось спастись, спрятавшись в домах христиан, так что здесь, несмотря на многочисленность местной еврейской общины, погибли всего только один мужчина и две женщины⁴².

Движение против евреев, вспыхнувшее в связи с первым крестовым походом, ограничивалось, таким образом, исключительно беспорядочными толпами крестоносцев, предшествовавшими более правильным и организованным ополчениям. Какие бы мотивы ни руководили при этом нападавшей на евреев толпой, религиозные ли, как склонен думать Каро⁴³, или же, что

---

³⁷ *Höniger* в *Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*. Band I. S. 97.

³⁸ *Annales Quedlinburg*. A. 1072. – *Monumenta Germaniae. Scriptores* III. P. 81.

³⁹ *Aronius*. *Regesten*, № 175 f.f.

⁴⁰ Именно во время погрома в Майнце к крестоносцам примкнула *das Gesindel aus der Umgebung der Stadt* (*Aronius*, № 185). Другой аналогичный случай представляет факт нападения в окрестностях Рюдесгейма местных крестьян на евреев, спасшихся из Майнца (*Aronius*, № 187).

⁴¹ *Aronius*, № 190.

⁴² *Aronius*, № 188.

⁴³ *Caro*. S. 587.

представляется гораздо более вероятным⁴⁴, просто грабительские инстинкты⁴⁵, для нас здесь представляется важным отметить, что в основе всего движения лежала отнюдь не непосредственная вражда к евреям со стороны местного населения городов, в которых происходили избиения евреев; напротив, это население, как мы видели только что, находилось скорее на стороне евреев, нежели против них.

Уже в движении против евреев, происходившем в той же прирейнской области и частью в более восточных местностях

---

⁴⁴ В пользу преобладания именно этих последних мотивов говорит прежде всего все последующее поведение во время дальнейшего следования на Восток этих первых крестоносных ополчений, предававшихся одинаково грабегам и насилиям в Венгрии, Сербии и в областях Византийской империи по отношению к туземному христианскому населению (см. Albertus Aquinensis. Chron. Hierosolymit. de bello Sacro historiae, lib. I, c. 7 sq., 12 sq.). Но лучшим критерием для суждения относительно побудительных мотивов, руководивших толпами крестоносцев при избиении евреев, может служить свидетельство современного христианского историка, оставившего нам описание событий первого крестового похода, свидетельство, которое ни в коем случае не может быть заподозрено в пристрастности. Вот как характеризует историк иерусалимского похода Альберт Аквинский первые двинувшиеся на Восток толпы крестоносцев и в частности их выступления против евреев: «Эти люди, выходя из своих государств и городов отдельными партиями, соединялись потом в одно целое, но они не воздерживались от предосудительных и чувственных страстей, были неумеренны в пище и увеселялись вместе с женщинами и девушками, которые оставили свои дома с тем же легкомыслием и под предлогом пилигримства предавались всякому безрассудству» (с. 26). Далее следует описание нападений на евреев, жестокого избиения их, ограбления их «огромных богатств» и «несметных денег» и, наконец, дележа награбленной при этом добычи (с. 27–28). Перебив и ограбив евреев, «все это отвратительное сборище мужчин и женщин», как называет их Альберт Аквинский, «отправилось в Иерусалим через королевство венгров», где и нашло свою гибель (с. 29–30). Неудачи, постигшие первые ополчения крестоносцев, Альберт рассматривает именно как наказание Божие за избиение евреев. «Так, рука Промысла, — говорит он, — поднялась на пилигримов, потому что они прегресли перед очами Его, предаваясь безмерно чувственным наслаждениям и избив бесчеловечно иудеев, народ, конечно, изгнанный и враждебный Христу, но они избили их более по корысти, нежели из мести за Бога, ибо Господь есть Судья праведный и не принуждает никого силою и против воли наложить на себя его католической веры» (с. 30).

⁴⁵ См. свод мнений по этому вопросу у Aronius'a, № 176.

Германии в 1146 и 1147 годах, в связи со вторым крестовым походом, по-видимому, некоторую роль играла и вражда к ним как к ростовщикам. По крайней мере, Бернард Клервосский в своих письмах по поводу преследования евреев считал нужным защищать их прежде всего от упреков в ростовщичестве, утверждая, что ростовщики из христиан поступают еще хуже евреев⁴⁶. Движение, однако, по-видимому, не получило на этот раз ни столь широкого распространения, ни столь широких размеров, как во время первого крестового похода, и хотя Оттон Фрейзингенский говорит об «избиении множества иудеев»⁴⁷, однако из современных еврейских источников нам известны лишь случаи убийства отдельных евреев, попадавшихся на пути крестоносцев⁴⁸. Наиболее кровавый характер преследование евреев получило только в Вюрцбурге, где погибло до двадцати одного еврея⁴⁹. Кроме того, сохранились не совсем ясные указания на изгнание евреев из Магдебурга⁵⁰ и из Галле⁵¹.

Если еще в конце одиннадцатого столетия для возникновения движения против евреев необходимо было такое крупное событие, как объявление крестового похода, послужившее при том же не столько действительным поводом, сколько скорее предлогом для ограбления еврейских имуществ, то в конце двенадцатого столетия в таких поводах для обвинения и преследования евреев недостатка уже не было. Мало того, в случае отсутствия сколько-нибудь действительных поводов к обвинению евреев такие поводы начинают изобретать. К концу двенадцатого столетия восходит и нелепое обвинение в употреблении евреями христианской крови. Именно по этому обвинению в 1171 году во французском городе Блуа сожжено было тридцать евреев местной общины⁵². Подобное же обвинение около

---

⁴⁶ Bernhardi. Epistolae, 363. — *Migne. Patrologia latina*. T. CLXXXII. P. 567 sq. *Stobbe* (s. 184), однако, несомненно преувеличивает значение этого мотива, когда находит, что самой причиной движения послужило желание избавиться от долговых обязательств евреям.

⁴⁷ Otto Frisingensis. De Gestis Friderici, I, 37. — *Monumenta Germaniae. Scriptores* XX. P. 372.

⁴⁸ *Aronius*, № 234 f.

⁴⁹ *Aronius*, № 245.

⁵⁰ *Aronius*, № 240.

⁵¹ *Aronius*, № 241.

⁵² Не лишены интереса обстоятельства, при которых возникло это первое обвинение в ритуальном убийстве. Слуга местного градоначальника отправился вечером к реке поить коня. Конь при этом чего-

этого времени начало, по-видимому, распространяться и в Германии⁵³. Мы не имеем в виду останавливаться здесь на истории тех преследований и насилий над евреями, какими характеризуется прежде всего отношение к ним в течение XIII–XV столетий. Нам важно отметить только тот параллелизм, который наблюдается между утратой евреями прежнего значения и постепенным оттеснением их в область мелкого кредита, с одной стороны, и изменением в отношении к ним как со стороны высших, так и низших классов – с другой. Первые все менее нуждаются в услугах евреев, вторые в то же время все тяжелее ощущали гнет растущего денежного хозяйства и в результате все чаще вымещали свое озлобление на евреях, как на ближайших к ним представителях денежного капитала.

В Англии евреи с самого момента своего появления там занимались не столько товарной, сколько денежной торговлей; эксплуатация подданных короной при посредстве евреев нигде не была так систематически организована, как в Англии, и притом еще в XII столетии. В Англии же мы видим и первое враждебное выступление против евреев в более широких размерах. Первый случай нападения на евреев имел место в Лондоне в 1189 году во время коронации короля Ричарда. В следующем году движение повторилось в связи со сборами в крестовый поход и охватило на этот раз несколько крупнейших городов. И здесь нападения на евреев сопровождаются убийствами и грабежами. Однако, поскольку движение не было простым проявлением хищнических инстинктов, оно имело определенную тенденцию. В Йорке, где движение приняло особенно широкие размеры и кровавый характер, во главе его стал

то испугался и шарахнулся в сторону. Перепуганный в свою очередь всадник возвратился в город и стал рассказывать, будто видел, как еврей бросил в воду тело христианского мальчика. На основании этого голословного обвинения тридцать членов местной еврейской общины были арестованы. Тело не было найдено, да и неизвестно, искали ли его. Никакого следствия вообще, согласно упрощенному судопроизводству того времени, также произведено не было. Все дело ограничилось испытанием судом божьим, и так как лодка, наполненная водой, в которую посажен был обвинитель, не пошла ко дну, то его обвинение и признано было действительным, и все тридцать арестованных были сожжены (Дубнов. Т. II. С. 323).

⁵³ Würfel (s. 89) без указания источника сообщает под 1198 годом об убийстве христианского мальчика и о последовавшем вследствие этого еврейском погроме.

некий Ричард де Малабестиа, дворянин, который должен был евреям значительные суммы⁵⁴.

По-видимому, впрочем, далеко не один Малабестиа должен был евреям, так как первым делом толпы было направиться в кафедральный собор, где хранились долговые обязательства евреям, и, потребовав выдачи этих последних, сжечь их, дабы таким образом уничтожить доказательства прав короля, являвшегося в Англии, как мы видели, как бы верховным кредитором по отношению к ним⁵⁵. Король был очень «огорчен» всем происшедшим и еще после первого лондонского погрома поспешил объявить не самих евреев, но еврейские имущества состоящими под своей особой защитой. Затем назначено было строгое расследование, причем главное внимание обращено было на выяснение похищенного имущества, а также имен должников и задолженных ими сумм⁵⁶. Учреждение специального еврейского казначейства, в котором хранились копии со всех долговых обязательств евреям, последовавшее в ближайшие годы после описанных событий, по всей вероятности, прежде всего и имело в виду обезопасить интересы королевской казны от всяких покушений со стороны погромщиков, и именно этот факт не оставляет сомнений относительно того направления, какое приняло первое же движение против евреев в Англии, и тех непосредственных целей, какие оно преследовало. В Англии, таким образом, отношение к евреям как со стороны королевской власти, так и со стороны народных масс вполне определилось уже к концу двенадцатого столетия. Со стороны королевской власти это отношение вылилось в форму систематической эксплуатации населения при посредстве евреев-ростовщиков, со стороны масс, напротив, уже в это время движение против евреев, поскольку оно не являлось простым проявлением хищнических инстинктов, имело прежде всего целью освободиться от долговых обязательств и, таким образом, сразу же получает характер и значение, согласно меткому определению Рошера, кредитных кризисов варварского свойства.

---

⁵⁴ Доказательства его задолженности обнаружены в одном документе, представленном на выставку 1885 года: см. *W. Rye. Persecution of Jews in England. — Anglo-Jewish Exhibition Papers. P. 146.*

⁵⁵ Подробности относительно еврейских погромов в Англии в описываемое время см. в цитированной статье *Rye*, также у *Goldschmidt'a* (s. 35 f.). Относительно погрома в Йорке см. сверх того *Drake. Eboracum. 1736. P. 94.*

⁵⁶ *Goldschmidt. S. 52 f.*

Следующий случай проявления враждебных отношений к евреям в Англии имел место в половине тринадцатого столетия в связи с восстанием баронов против королевской власти. И в это время, как ранее в царствование Ричарда I, движение преследовало здесь определенную цель освободиться от долговых обязательств по отношению к евреям и вместе с этим по отношению к королевской казне. Еврейские кварталы были разорены в Лондоне, Линкольне, Кембридже, Ворчестере, причем из казначейств похищены были вексельные обязательства баронов и прочих еврейских должников.

Во Франции и Германии в течение всего тринадцатого столетия случаи нападений на евреев и диких насилий над ними были сравнительно редки и вспыхивали спорадически в отдельных городах.

Чаще, нежели собственно народные движения, особенно во Франции, имели место случаи судебных преследований и приговоров. Преследования евреев в течение тринадцатого столетия, таким образом, происходили еще преимущественно, если не исключительно, по инициативе сверху. Для правительства же обвинения евреев служили предлогом для изгнания и ограбления евреев. Так, изгнанию евреев при Филиппе Августе предшествовало обвинение в Блуа. В 1280 году обвинение одного парижского еврея и его жены в оскорблении гостии (облатка (просфора), употреб. в причастии у католиков и лютеран. — *Прим. ред.*) послужило непосредственным мотивом и оправданием для последующих насилий над евреями и, наконец, для их изгнания, объявленного в том же году, но затем постепенно откладывавшегося и окончательно выполненного лишь в 1311 году.

В XIV–XV столетиях картина резко меняется. Оттесняемые все более и более в область мелкого кредита и приходя благодаря этому в более тесное и постоянное соприкосновение с широкими слоями, евреи в качестве мелких и потому более близких к населению представителей и агентов капитала, естественно, в первую голову должны были принять на себя и весь одиум (*odium*, лат. ненависть. — *Прим. ред.*) нарождающегося денежного хозяйства. С другой стороны, движение против бесправных и почти не пользовавшихся защитой евреев было прежде всего движением, направлявшимся по линии наименьшего сопротивления. Нет ничего удивительного поэтому в том, что движение против евреев, в котором стремление освободиться от долговых обязательств по отношению к ним переплеталось с

удовлетворением хищнических инстинктов, начиная со XIV столетия быстро разрастается и вширь и вглубь и, не ограничиваясь уже отдельными спорадическими случаями, перебрасывается из города в город и охватывает иногда целые области. В 1320 году во Франции принял широкие размеры так называемый поход пастухов. Евреи были перебиты в Вердене, Тулузе, Бордо, Гаскони и других городах. В Германии подобное же преследование евреев под предводительством некоего Армледера вспыхнуло в 1336–1337 годах. Движение охватило обширную территорию, распространившись на весь Эльзас, Швабию и Франконию. В 1338 году дикие сцены избиения евреев разыгрались также в Баварии и Австрии⁵⁷. В Баварии герцог вынужден был объявить общую амнистию за все насилия, совершенные над евреями, и освободил своих подданных от всех их долговых обязательств по отношению к евреям и позволил даже удерживать в своих руках награбленное⁵⁸.

Но все эти движения превзошло по своим необычным размерам преследование евреев в 1348 и 1349 годах. В евреях видели главных виновников свирепствовавшей в эти годы по всей Европе черной смерти. Движение началось в северной Испании, где, впрочем, не приняло особенно широких размеров, перекинулось затем во Францию и Швейцарию, в прирейнскую область и в прочие местности Германии. Разрастаясь в ширь, движение в то же время росло и в своей силе и интенсивности⁵⁹. И во время этого преследования, как и во время предшествовавших волнений, вполне очевидно проступает, рядом с удовлетворением чисто грабительских и хищнических инстинктов, намерение освободиться от долговых обязательств по отношению к евреям. В Страсбурге, где городской совет пытался вступаться за евреев, он был смещен в полном составе. И первым делом вновь избранного совета была отмена всех долговых обязательств по отношению к евреям. Залоги возвращены были их собственникам, не исключая и соседних князей и дворянства; наличные деньги разделены между ремесленниками⁶⁰.

---

⁵⁷ *Graetz*. Band VII. S. 378; *Stobbe*. S. 187. Относительно отдельных спорадических случаев преследования в Германии и в первую четверть четырнадцатого столетия см. *Stobbe*. S. 283–284, Anm. 179.

⁵⁸ *Wiener*, № 135, 136, 138, 139, s. 121.

⁵⁹ *Graetz*. Band VII. S. 383–399.

⁶⁰ *Königshofens Elsassische Chronik*, herausgegeben von Schlitter, 1698. S. 1049.

Из этой последней меры можно видеть, какой именно класс городского населения стал во главе управления после переворота и какой именно класс наиболее был заинтересован в это время в отмене еврейских долгов. В Цюрихе и Эрфурте произведена была такая же отмена долгов, относительно чего мы имеем прямые современные свидетельства⁶¹. То же, по всей вероятности, имело место и в других городах и областях, где только прокатилась волна преследований⁶². Повсюду долги евреям либо отменялись, либо переводились на имя представителей местной власти. В Фрейбурге, где городской совет согласился лишь на частичную отмену долгов, эта половинчатая мера вызвала общее недовольство. Волнение, однако, было подавлено, и недовольные решением совета были изгнаны из города⁶³. Городские советы, таким образом, в большинстве случаев далеко еще не оказывались солидарными с толпой в своих отношениях к евреям. Не только в Страсбурге, но и во многих других городах, в Базеле, Шаффгаузене, Фрейбурге, Кельне, Регенсбурге и др., советы становились определенно на сторону преследуемых евреев и оказывали им защиту от нападающей толпы⁶⁴.

Несмотря на общее враждебное отношение к ростовщикам-евреям, потребность в их услугах все еще была велика. Вот почему и в тех случаях, когда преследование их оканчивалось их изгнанием или, что также имело место во многих городах, полным истреблением местных еврейских общин, уже спустя всего несколько лет после изгнания или истребления евреев, те же города, как мы видели, бывали вынуждены вновь обращаться к императору с ходатайством о разрешении привлекать евреев. Однако отношение к евреям начинает меняться еще в течение четырнадцатого столетия и со стороны городских советов. Уже со второй половины этого столетия начинается образование крупных состояний в немецких городах, вместе с чем непосредственная нужда в еврейских капиталах ощущается все слабее. Из людей, выполняющих необходимую эконо-

---

⁶¹ *Stobbe*. S. 286. Anm. 184.

⁶² *Stobbe*. S. 190.

⁶³ *Schreiber*. Urkundenbuch der Stadt. Freiburg im Breisgau, 1828. Band I, 2. S. 385 ff.

⁶⁴ *Graetz*. Band VII. S. 389 f. Такую же защиту оказывали городские советы евреям и во время предшествовавших гонений, например, в Регенсбурге и Аугсбурге во время действий шайки Риндфлейша в 1298 году (*Stobbe*. S. 68–69, 84).

мическую роль, евреи и в глазах городских советов превращаются прежде всего в объект эксплуатации и в средство пополнения городской кассы. Мы говорили уже выше о состоявшемся в 1385 году между императором и швабскими городами соглашении, согласно которому часть долгов евреям была прощена, остальная же более значительная часть переведена на имя соответствующих городов с правом продажи заложенного евреям недвижимого и движимого имущества. Евреи «оцениваются» в это время прежде всего в целях обложения, а нередко и самого откровенного ограбления. Случаи этого рода становятся все более и более частыми. Так, в 1375 году жители Аугсбурга «захватили всех своих евреев и бросили их в темницу, оценив их (то есть обложив налогом. – А.Т.) в 10 000 флоринов», в 1381 году евреи должны были уплатить городу 5000 флоринов, в 1384 году при таких же обстоятельствах евреи Аугсбурга были подвергнуты новому обложению⁶⁵. Такому же обложению подвергнуты были евреи в Нюрнберге и Ульме, в первом городе на 13 тысяч флоринов, во втором еврей Екель и его два сына должны были уплатить огромную сумму в 150 000 флоринов⁶⁶.

Во Франции во второй половине четырнадцатого столетия незадолго до изгнания евреи точно так же сделались предметом усиленной эксплуатации, а так как они в свою очередь старались возместить взыскиваемые с них суммы повышением процентов с должников, то естественно, что ненависть к ним со стороны широких кругов населения достигла крайних пределов. Движение, вспыхнувшее в Париже в 1380 году, направлялось одинаково и против евреев и против королевских сборщиков податей и финансовых чиновников. Разграбив казначейство, толпа устремилась в еврейский квартал с требованием изгнания этих «вредных ростовщиков, разрушивших благосостояние многих семейств». Еврейские дома были разграблены, векселя порваны, залоги захвачены и возвращены их собственникам. Спустя два года, во время так называемого восстания молотобойцев, движение повторилось с новой силой, причем на этот раз оно не ограничилось одним Парижем, но распространилось и на другие города⁶⁷. С этого времени агитация против

---

⁶⁵ Chroniken der deutschen Städte. Band V. S. 13, 27, 30.

⁶⁶ Chroniken der deutschen Städte. Band I. S. 121 f. Другие примеры обложения («оценки») евреев в Германии см. у Neumann'a: Geschichte des Wuchers. S. 328 f.

⁶⁷ Graetz. Band VIII. S. 39; Дубнов. Т. II. С. 388–389.

евреев не прекращалась, пока, наконец, они не были изгнаны в 1394 году из Франции окончательно. Роль евреев в экономической жизни была кончена, и в пятнадцатом, равно как и в течение следующих двух столетий, во Франции не существовало более ни одной еврейской общины.

И в Германии точно так же, как мы уже видели, с конца четырнадцатого столетия евреи, в связи с ростом туземного капиталистического класса, все более и более начинают утрачивать значение для общей экономической жизни страны, оттесняемые растущим туземным капиталистическим классом, и вместе в этом все более превращаются в объект эксплуатации сверху. В то же время, как уже сказано, растет и враждебное отношение к евреям со стороны народной массы. Не встречая, как ранее, поддержки со стороны городских верхов, не заинтересованных уже более в их существовании, евреи в то же время все чаще начинают страдать от нападений со стороны низов городского населения. Свидетельством изменившегося отношения к евреям являются и все учащающиеся к концу пятнадцатого столетия выпады и нападки на них в немецкой литературе, имеющие в виду прежде всего их занятие ссудными операциями и ростовщичеством⁶⁸.

Экономическая роль евреев в жизни средневековой Германии, как ранее в жизни Франции и Англии, таким образом, была окончена.

Со времени всеобщего гонения на евреев в годы черной смерти в течение всей второй половины четырнадцатого и пятнадцатого столетия преследования против евреев вспыхивали то в том, то в другом городе почти ежегодно⁶⁹. Уже с двадцатых годов пятнадцатого столетия начинается систематическое изгнание евреев из различных отдельных городов и местностей Германии. В 1420 году евреи изгнаны были за ростовщичество из Вены и вообще из Австрии, в 1424 году — из Фрейбурга и Цюриха, в 1426 году из Кельна, в 1432 году из Саксонии, в 1435 году из Шпейера и вторично из Цюриха, в 1438 году из Майнца, в 1439 году из Аугсбурга, в 1446 году арестованы в Констанце и соседних городах, в 1450 году изгнаны из Баварии, в 1453 году из Вюрцбурга, в 1454 году из Брюнна и Ольмюца, в 1457 году из Швейдлица, в 1458 году из Эрфурта, в 1467 году из Нейсса, в 1470 году из Майнцского архиепископства, в 1476

---

⁶⁸ См. Янсен. С. 119–122.

⁶⁹ См. Stobbe. S. 287–290, Anm. 187; S. 291–293, Anm. 189.

году из Гейльбронна, в 1488 году из Вюрцбурга вторично, в 1490 году из Женева, в 1491 году из Тургау и Глатца, в 1492 году из Мекленбурга и Померании, в 1493 году из Магдебурга, в том же 1483 году из Штирии, Каринтии, Крайны, в 1498 году из Зальцбурга, Вюртемберга и Нюрнберга, в 1499 году из Ульма и, наконец, 1519 году из Регенсбурга, где положение евреев долее всего оставалось благоприятным⁷⁰. Очень показательным для изменившегося отношения к евреям представляется то обстоятельство, что изгнание евреев в большинстве случаев происходило не только не против воли городских советов, но по их инициативе и по их настоянию.

Из всего изложенного легко можно видеть, насколько тесной и непосредственной представлялась связь между отношением к евреям со стороны окружающего населения и их общественным положением, с одной стороны, и между тем значением, какое имели они в общей экономической жизни — с другой. Чем более евреи утрачивали всякое значение не только в области товарной, но и в области денежной торговли, тем более из людей, выполнявших полезные экономические функции, превращались они в нежелательных конкурентов для местных национальных торговых и капиталистических кругов, тем более излишними и чуждыми становились они и вообще для всего окружавшего их христианского общества, тем все более широкие круги и классы населения порывали с ними и отвергались от них. Но чем отчужденнее, с другой стороны, чувствовали себя евреи, чем более враждебное отношение встречали они по отношению к себе, тем все более и более замыкались они в собственной среде; живое общение с окружающим миром и интерес к этому последнему, какой мы видели в среде, например, французских евреев еще в одиннадцатом столетии, сменился узкой замкнутостью и исключительностью. Изучение Торы и Талмуда заняло первое место в их духовной жизни, совершенно заглушив начинавший было пробуждаться научный интерес, чем и объясняется прежде всего малая интеллигентность и духовная отсталость французских и немецких евреев по сравнению с их итальянскими и испанскими соплеменниками. Положение, таким образом, приблизилось к тому положению, какое занимали евреи посреди населения Римской империи. Ростовщическая деятельность, относительно малозаметная в жизни римских евреев, во всяком случае, не рас-

---

⁷⁰ *Stobbe*. S. 192–193; *Янсен*. С. 122–124.

пространявшаяся в римскую эпоху на широкие круги населения и, напротив, составлявшая преимущественную профессию средневековых евреев, в значительной мере должна была еще обострять те неприязненные отношения, которые евреи возбуждали к себе в качестве державшегося особняком народа-чужеземца. Вот почему враждебное отношение к евреям диаспоры в древности никогда не проявлялось с такой силой и так систематически, как в средневековой Европе.

Итак, повторяем, именно экономические, а не какие-либо иные причины лежали прежде всего в основе изменившегося общественного положения евреев, равно как и изменившегося отношения к ним со стороны окружающего христианского населения. Каро, который, как мы видели, придает не меньшее значение причинам религиозного характера, именно, влиянию канонических запрещений так же, как и политическим мотивам, производя ненависть к евреям со стороны городского населения из враждебных отношений между городами и княжеской властью, находившей будто бы в получаемых ею от евреев займах постоянную поддержку и источник средств. Что касается первого утверждения Каро, то несостоятельность его очевидна сама собою. Все канонические запрещения и все усилия церкви порвать хорошие отношения между христианами и евреями в течение всей первой половины средневековья оказывались, как мы видели, бессильными; напротив, во вторую половину средних веков, когда церковь, по крайней мере, в лице своих высших представителей неоднократно пыталась вступаться за евреев и сдерживать возбужденное настроение толпы, ее усилия и в этом теперь уже обратном направлении оказывались одинаково бесплодными. Действие религиозных мотивов даже во время преследований, связанных с крестовыми походами, представляется точно так же, как мы в свое время отмечали, сомнительным. Не более действительной оказывается и ссылка на враждебные отношения, существовавшие в четырнадцатом столетии между городами и княжеской властью. Не говоря уже о том, что самый факт поддержки евреями князей в их борьбе с городами нуждается сам по себе в доказательстве, мы знаем, что города эксплуатировали местных евреев не менее князей и следовательно находили в них не меньшую опору. Нам известны случаи, когда евреи, во всяком случае, оказывались несомненно более полезными для городов, нежели для сельской землевладельческой знати. Так, в 1385 году, когда, как мы знаем, во многих городах еврейские долги и

связанные с ними залоги переведены были на имя городских управлений, в руках последних оказалось немало поместий, принадлежавших сельской знати. Самая политика городов, как и княжеской власти, в отношении евреев оказывалась более или менее тождественной, и в течение четырнадцатого столетия городские советы, как и князья, в большинстве случаев старались поддерживать евреев и защищать их от насилий со стороны толпы. Напротив, в пятнадцатом столетии, когда во многих городах имело место изгнание евреев по постановлению городских советов, аналогичные постановления об их изгнании неоднократно проводились и княжеской властью. Таковы, например, факты изгнания евреев из Австрии, Саксонии, Баварии, Мекленбурга и Померании, из Штирии, из Вюртемберга, из архиепископства майнцского, магдебургского. Но не входя даже в такую детальную критику точки зрения Каро, достаточно указать на то, что она объясняет лишь отношение к евреям со стороны городского населения Германии в период наибольшего обострения борьбы его с княжеской властью, то есть в четырнадцатом столетии, не решая вопроса о причинах враждебного отношения к евреям в других странах и в самой Германии в предшествовавшую и последующую эпоху, равно как и среди остальных классов населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изгнание евреев из Германии, из Италии и Португалии, то есть из наиболее отсталых стран Западной Европы, совпало с концом средневековой эпохи, и такое совпадение отнюдь не является простой случайностью. Евреи в качестве пионеров на начальных стадиях экономического развития могли играть заметную роль в средневековой Европе. В новое время, с вступлением западноевропейских народов на путь самостоятельного экономического развития, евреи оказывались излишними, и это обстоятельство в связи с создавшимся по отношению к ним общим враждебным отношением и послужило непосредственной причиной их изгнания. В этом отношении они, как мы видели, разделили судьбу ломбардцев и других иноземных купцов и банкиров, являвшихся повсюду первоначально желанными гостями, но затем, подобно евреям, изгонявшихся и преследовавшихся.

Оглядываясь еще раз на путь экономического развития, пройденный западноевропейскими евреями в середине века, мы видим, что в общем схема, нарисованная Рошером, оправдывается и подтверждается при ближайшем исследовании, нуждаясь лишь в некоторых незначительных смягчениях и исправлениях, от которых в большинстве случаев не свободно никакое схематическое изображение исторических событий. Усвоенные евреями диаспоры в течение многих столетий привычки и навыки городской жизни помогли им легче, чем прочим городским и в частности торговым элементам населения Римской империи, перенести кризис, принесший с собою гибель империи. А это обстоятельство в свою очередь обеспечило за ними исключительную роль и исключительное место в экономическом развитии последующего времени и дало им возможность играть роль пионеров в начавшемся после образования новых варварских государств возрождении экономической жизни. Роль эта первоначально сводилась к выполнению необходимых торговых функций и к снабжению прежде всего аристократических кругов различными заморскими продуктами и вообще предметами роскоши. Только в Италии и Испании, где

евреи, с одной стороны, были старыми насельниками и где, с другой стороны, они уже очень рано начинают испытывать конкуренцию со стороны других слоев населения, они не играют большой роли в торговле, но зато среди них получают здесь более широкое распространение профессии иного рода и прежде всего производительная ремесленная деятельность¹. В страны средней и северной Европы, во Францию, Англию, Германию, евреи проникают, напротив, в качестве торговцев, и потому торговая деятельность и впоследствии ссудо-залоговые операции и денежная торговля составляют здесь почти исключительно преобладающую среди них профессию. На первых порах еврейские купцы не встречали в этих странах почти никакой конкуренции со стороны местного населения, и потому долгое время занимали монопольное положение в их торговле.

Экономическое развитие не допускает, однако, длительного существования подобных монополий. Расцвет еврейской торговли падает на каролингскую эпоху, после чего начинается быстрый и заметный ее упадок. Развитие городской жизни, возникновение национального купеческого класса, образование монопольных купеческих компаний — вот те ближайшие причины и условия, которые положили конец не только монопольному положению, но и всякому участию евреев в торговле вообще. Вытесненные ранее итальянскими торговыми республиками из области левантйской торговли, евреи перестают теперь участвовать равным образом и во внутренней торговле отдельных западноевропейских государств и в международных торговых сношениях между ними. Во Франции этот процесс вытеснения евреев из области торговых операций завер-

---

¹ *Рошер* (стр. 46) считает последствием раннего вытеснения евреев из области торговых сношений в Италии и южной Франции и более раннее по сравнению с другими европейскими странами возникновения здесь враждебных отношений к евреям со стороны окружающего христианского населения. Однако мы знаем, что вообще говорить о вражде к евреям в обеих этих местностях, в особенности же в Италии, не приходится. Именно раннее вытеснение евреев из области товарной и денежной торговли, совершившееся здесь относительно безболезненно, заставило евреев обратиться к иного рода профессиям, в частности к производительному ремесленному труду. А это последнее обстоятельство в свою очередь лишало их взаимоотношения с окружающим христианским населением того остро-враждебного характера, каким эти взаимоотношения отличались в остальной средневековой Европе.

шается еще в одиннадцатом, частью в первой половине двенадцатого столетия, а в западной Германии – во второй половине двенадцатого, в восточной Германии – в первой половине тринадцатого столетия.

С утратой торгового значения евреями они не обращаются, однако, здесь, как в Италии, к занятию ремесленным и иным производительным трудом. Этому препятствуют в одинаковой мере как характер и наклонности, успевшие образоваться в среде среднеевропейских евреев в связи с их прежней профессией, так и несравненно большая цеховая замкнутость и исключительность ремесленной промышленности средней Европы по сравнению с условиями ремесленного производства в Италии. Напротив, в отличие от Италии, где меняльное и банковское дело точно так же получило раннее развитие, в средней и северной Европе перед евреями открывалась широкая область денежной торговли, и естественно, что именно к этому родственному торговым операциям и тесно с ними связанному роду деятельности они здесь прежде всего и обратились. С развитием торговли и денежно-хозяйственных отношений нужда в кредите должна была становиться все более и более настоятельной, а так как капиталы в то время были невелики и почти исключительно уходили в торговлю, то для еврейских капиталов, освобождавшихся с вытеснением евреев из области торговли, открывались самые широкие перспективы. В развитии денежно-хозяйственных отношений евреям принадлежала, таким образом, теперь не меньшая роль, нежели ранее в развитии торговли. Однако в области денежной торговли им никогда не удавалось занять такого же монопольного положения (за исключением, быть может, только Англии двенадцатого столетия). Уже очень рано они начинают испытывать конкуренцию со стороны итальянских купцов и банкиров, так называемых ломбардцев, еще в двенадцатом столетии распространивших свою деятельность и на заальпийские страны, а затем со стороны растущего национального капиталистического класса. В области денежно-хозяйственных отношений повторился, таким образом, тот же самый процесс, какой ранее имел место в области развития торговли. Если конкуренция итальянских банков и не лишила евреев сразу участия в денежной торговле, зато она оттеснила их в наименее выгодную и в то же время наиболее неблагоприятную область кредитных операций, именно, в область мелкого кредита и мелкого ростовщичества. Если и ранее, согласно экономическим условиям, господствовавшим в

средневековой Европе, евреям приходилось сосредоточивать свою деятельность в области кредита непроизводительного или коммерческого, но почти исключительно потребительного, снабжая необходимыми денежными суммами правящие круги и представителей светской и духовной аристократии, то теперь им пришлось перенести свои операции на низшие классы населения. Они оказывались вместе с этими первыми пионерами и проводниками денежно-хозяйственных отношений в той именно части населения, в которой проникновение этих отношений ощущается наиболее болезненно. Вот почему они сосредоточили на себе весь одиум, связанный с этим разрушительным и гибельным для многих мелких хозяйств процессом. В этом отношении Рошер совершенно правильно определяет ожесточенные преследования евреев в средние века как своего рода кредитные кризисы варварского свойства. Одновременно с падением роли евреев в экономической жизни росли общая ненависть и вражда к ним. Почти повсеместное изгнание евреев из стран Западной Европы в конце средневекового периода и явилось результатом этого двойного процесса.

Уже самый этот факт изгнания евреев может служить лучшим опровержением парадоксальной точки зрения Зомбарта. Евреи не только не играли той чрезвычайной роли в развитии капиталистического хозяйства нового времени, какую приписывает им Зомбарт, но, по-видимому, не играли в этом процессе никакой роли вообще. Капиталистическое развитие началось ранее всего в Англии, стране, откуда евреи изгнаны были еще в конце тринадцатого столетия. За Англией следовала Франция, где та же участь постигла евреев столетием позже. В Англии евреи вновь появляются лишь в половине семнадцатого столетия, во Франции в конце того же столетия. В капиталистическом развитии обеих этих стран, по крайней мере, в начальных наиболее важных и существенных стадиях этого развития евреи, таким образом, фактически не могли принимать никакого участия. Евреи получили возможность возвратиться в Англию и затем во Францию лишь после того, как экономическое развитие нового времени сразу широко раздвинуло узкие рамки средневекового хозяйства и устранило присущие этому последнему замкнутость и исключительность, лишь после того, как рамки хозяйственной жизни оказались достаточно широкими для того, чтобы рядом с представителями национального торгово-промышленного класса в нем оказалось достаточно простора и для евреев, и для их экономической деятельности. И есте-

ственно, что евреи массами стали приливать в страны и местности с наиболее развитой экономической жизнью, где они могли найти наиболее выгодное и широкое применение как своим капиталам, так и своим выработавшимся в течение столетий и даже тысячелетий практическим способностям.

Таким образом, Зомбарт в своем утверждении чрезвычайной роли еврейства ставит истину, как говорится, вверх ногами и видит причину в том, что на самом деле является скорее следствием. Не привлечение евреев послужило первоначальным стимулом к экономическому прогрессу в странах, достигших наиболее раннего и наиболее интенсивного капиталистического развития, а, напротив, экономическое развитие этих стран имело своим последствием свободное допущение и массовый прилив евреев в эти страны; не Израиль, употребляя выражение Зомбарта, шествует точно солнце по Европе, пробуждая всюду, где он появляется, капиталистическую жизнь, а, напротив, Израиль устремляется туда, где восходит солнце капиталистической жизни. В экономическом развитии нового времени евреи вновь принимают, таким образом, деятельное участие, но уже не в качестве обособленной замкнутой нации, а с тем, чтобы в конце концов раствориться в общем потоке капиталистического развития. Современный капитализм по существу глубоко интернационален. Для него есть ни эллин, ни иудей, ни варвар, ни скиф, но всяческая и во всех капитал. Конечно, полное выяснение роли еврейства в истории экономического развития нового времени может быть лишь результатом специального исследования, но таким исследованием книга Зомбарта, содержащая в себе ряд парадоксальных утверждений, основанных на некоторых случайных сопоставлениях, во всяком случае, признана быть не может.

Содержание

Предисловие	5
--------------------------	----------

I

Основные моменты истории экономического и общественного развития израильского народа в доэллинистическую эпоху

Глава первая

Переходный период от скотоводческого хозяйства к земледелию (время судей). Господство земледельческой культуры в эпоху царств	8
---	---

Глава вторая

Условия торгового развития. Вопрос о торговых сношениях в царствование Соломона	19
--	----

Глава третья

Развитие крупного землевладения и закабаление масс	33
--	----

Глава четвертая

Условия развития торговли в эпоху царств	45
--	----

Глава пятая

Вавилонский плен и начало диаспоры	59
--	----

Глава шестая

Иудеи диаспоры и иудеи Палестины	71
--	----

II

Иудея и Эллада. Взаимные отношения в доэллинистическую эпоху

Введение

Эллинизм и иудейство	88
----------------------------	----

Глава первая

Исследование греческих документальных и литературных данных о взаимоотношениях греков и иудеев в доэллинистическую эпоху	98
а. Греческие авторы	98
б. Данные греческой эпиграфики	111

Глава вторая

Ветхозаветная еврейская литература	125
--	-----

Глава третья	
Греки в Палестине	143
Глава четвертая	
Общие итоги исследования	155
Глава пятая	
Эллада и Иудея в их взаимных отношениях	159

III

Евреи в римскую эпоху

Глава первая	
Евреи диаспоры. Их распространение в пределах римского государства	176
Глава вторая	
Экономическое положение евреев в Римской империи	184
Глава третья	
Отношение к евреям со стороны населения империи	206

IV

Евреи в Средние века

Введение	226
Глава первая	
Евреи в меровингскую эпоху	237
Глава вторая	
Время расцвета еврейской торговли (VIII–XI вв.): торговые и денежные операции	266
Глава третья	
Евреи в VIII–XI веках. Прочие роды деятельности. Еврейское землевладение. Отношение к евреям со стороны христианского населения	293
Глава четвертая	
Потеря торгового значения и обращение к ссудозалоговым операциям	322
Глава пятая	
Общественное положение евреев во вторую половину средних веков	358
Заключение	385

Тюменев А.И.

Евреи в древности и в Средние века

Ответственный за выпуск *А.А. Румынский*

Редактор *Е.А. Белова*

Художник *В. Коротаева*

Лицензия ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

Сдано в набор 29.10.02. Подписано в печать 25.04.03.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 12,5 н.л. Тираж 2000 экз. Заказ № 2319.

ООО Издательство «Крафт+»

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14

Тел.: 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУИПП «Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122